

The image features a man in detailed medieval armor, including a helmet with a nasal guard and a surcoat. He holds a sword aloft in his right hand and a handgun in his left. A black dog, possibly a pit bull, is positioned in the lower-left foreground, looking upwards. The background is a misty, blue-toned forest. At the top, the word 'попанданец' is written in a stylized font, flanked by decorative metal brackets.

попанданец

Владимир Малыгин
**ПРИКАЗАНО
ВЫЖИТЬ!**

Annotation

Что вы будете делать, очнувшись в незнакомом лесу? Вряд ли начнёте носиться сломя голову? Скорее всего, сначала попытаетесь понять, где вы оказались? И что делать, чтобы добраться до обжитых мест? Вот и Владимир, осознав, что попал в чужой лес и в другое время, начинает задавать себе вопросы: почему и для чего он оказался тут? Где обратная дорога? Теперь бы ещё найти ответы. А пока ответов нет, просто надо выжить. А выжить в древней языческой Руси – непростая задача.

Сумев добраться до людей, умудрившись вписаться в местное общество в маленьком поселении, обретя друзей и единомышленников, можно перебираться ближе к древним городам – Пскову и Изборску, ведь смертельная опасность угрожает князьям Трувору и Синеусу. 862 год. Всё впереди. Что нужно сделать, чтобы никогда не резали язык вечевому колоколу вольного города? Как будет развиваться история Северо-Запада, если князья выживут?

-
- [Владимир Малыгин](#)
 - [Пролог](#)
 - [Глава 1. Прогулялся... но выжил](#)
 - [Глава 2. Первая встреча. Легализация. Хочешь, не хочешь, а жить-то надо](#)
 - [Глава 3. Работа, работа...](#)
 - [Глава 4. Нежданные гости. Первый бой и первые трофеи. Пора вооружаться...](#)
 - [Глава 5. Новое оружие. Засада на лесной дороге](#)
 - [Глава 6. И снова дорога. Основание нового поселения. Новый статус](#)
 - [Глава 7. Знакомство и княжеские проверки. Новая работа. Разбойники](#)
 - [Глава 8. Тяжёлый разговор](#)
 - [Глава 9. Знакомство с Синеусом. Волхвы и боги. Варяги идут](#)
 - [Глава 10. Нападение](#)
 - [Глава 11. Торговля превыше всего. Начинаем представлять свои товары. Какие дирхемы? Рубль наше всё!](#)
 - [Глава 12. Бирка. Пираты. Опять нападение](#)
 - [Глава 13. Дома и стены помогают. Всё-таки меткая стрела, да в](#)

большом количестве, лучше, чем добрый меч

- Глава 14. Данциг, Готланд и пираты. Дома лучше
 - Глава 15. Встреча с Верховным волхвом. Ночной разговор. Вехи расставлены
 - Глава 16. Живём, не тужим, сами себе служим...
 - Глава 17. Пожить бы во Пскове, поесть бы соли пятаками(поговорка)
 - Глава 18. Покой нам только снится
-

Владимир Малыгин

Приказано выжить!

Огромная благодарность за помощь и поддержку моей жене Татьяне и сыну Антону.

Отдельное спасибо людям, научившим меня думать и жить, в частности моей учительнице Таисии Петровне Волкович, ставившей мне трояки за блестяще вызубренный текст и на мой возмущённо-недоумённый вопрос: «За что?!» отвечающей: «Вызубрить школьный учебник любой сможет. А ты найди и прочитай дополнительный материал, обдумай его и расскажи своими словами. Учись учиться».

Спасибо инструкторам в училище, распахнувшим передо мной голубые необъятные горизонты.

Спасибо моим командирам за науку, понимание и поддержку.

Спасибо окружающим меня друзьям и недругам. Первым за то, что они просто есть. А вторым за то, что не дают застояться и закиснуть.

Пролог

– Брат, искр становится все меньше и меньше и силы наши тают. Решайся! Или мы так и останемся в забвении, или используем этот шанс.

– Хорошо, собираем силы – только мало их осталось, и что мы сможем дать посланцу? Ничего почти не осталось.

– Дадим хоть малость – и будем надеяться, ничего другого нам и не остаётся.

– Хорошо! Позови Апи, пусть своих на помощь призывает...

Глава 1. Прогулялся... но выжил

Уфф, наконец-то закончились бетонные работы – сделал семь замесов в бетономешалке, теперь можно и отдохнуть, достать пивка холодного из холодильника, благо купил разливного в магазине, когда ехали из города, тихо-тихо сесть на любимый диван поближе к телевизору, и попросить супругу нарезать немного закуски. Много не надо, потому как с пивом много еды – это уже перебор и совсем не в тему, и, наконец-то, расслабиться! Но, увы, пролёт – размечтался! Ещё есть большая чёрная беда по прозванию – ГРОМ! Мой любимый и шальной корс! И вот эта беда уже требует идти гулять! Делать нечего – подрываюсь из последних, якобы, сил и бодро топаю на прогулку... ну или он меня топает – так, что еле-еле его удерживаю на поводке, а без поводка весь близлежащий дачный район будет закошмарен.

Радует только то, что лес практически за забором, и прогулка предполагает, что пивко не успеет нагреться. Уже вставая с дивана, успеваю бросить взгляд на экран телевизора и услышать напоследок о какой-то супер змее, которая якобы кучу народа покусала до смерти, и еще больше народу сгинуло в неизвестности...

– Володя! – Останавливает меня в дверях звонкий голос супруги. – Ну-ка надень чистую футболку и не позорь меня! Володя, это ваш покорный слуга-пенсионер, красный военлёт, ушедший на заслуженный пенсион в лихие девяностые, когда страна неслась со скоростью экспресса по рельсам окончательного развала к развитому рыночному капитализму. В котором не было места ни советской промышленности, ни совхозам и колхозам, ни армии. Даже простому народу там места не было. Всё тихо и планомерно уничтожалось, а на смену заводам и фабрикам приходили рыночные развалы с китайским некачественным барахлом, бывшим тогда за счастье. Всё и все продавалось и распродавались. В этом развитом капитализме можно было не платить зарплаты по несколько месяцев, а если платить – то частями и по чуть-чуть. Вот и приходилось крутиться, как той белке, чтоб семья хоть как-то могла жить в то тяжёлое для людей время. Хорошо хоть, что, в конце концов, к власти пришёл человек, сумевший остановить этот развал, осадить страну, как ту тройку или разогнавшийся экспресс... Жизнь начала потихоньку налаживаться. После того разгула и вольницы, после разнузданности, тяжело наводить в стране порядок. Ничего... выживем. Не в первый раз.

А теперь вот достраиваю свой дом, в котором мы с женой и живём сейчас – решили уехать за город, потому что надоела суета городская. Жена, Танюшка, продолжает трудиться на благо нашей стройки, а я, в качестве бесплатной рабочей силы и мастера на все руки, воплощаю её и свои идеи в дело. Благо президент, правитель наш, пенсию воякам, наконец-то, дал более-менее достойную – не сравнить с той, что была, когда я увольнялся. Хотя нам, летунам, грех на жизнь жаловаться – всё-таки денежное, да и вещевое содержание, у нас всегда было получше, чем у других.

Вот так и живём теперь – сын в городе, а мы в деревушке-пригороде. И не жалуемся, потому что – нравится! Строю всё сам – и бетон, и кирпич, и дерево, и отделка. Как говорят наши друзья – руки золотые. А всё из детства. Сколько себя помню – то у деда втихаря доски таскаю и что-то пилую, строгаю, а потом огребаю, то с отцом на даче трудимся. Почему огребаю? Потому что те же доски купить или, что точнее, достать было практически невозможно. М-да. Потом, когда уже постарше стал – пошёл сначала в кружок моделизма на Станцию Юных Техников, и до училища так там и крутился, даже преподавал после школы немного, опыта и умения поднабрав. А по вечерам борьбой самбо занялся в бывшем клубе Альбатрос. Увлёкся даже, начало хорошо получаться, даже призы по городу брал. Потом, правда, пришлось оставить это дело из-за шумов на кардиограмме, потому как собрался в училище. Зато по жизни очень пригодилось. Почему в бывшем клубе? Так снесли его, как те же заводы и фабрики. Да. А трудовой стаж у меня и пошёл от той Станции. Благо раньше, при Союзе, это было гораздо проще, чем сейчас. А сейчас этот стаж никому не нужен. Пенсия-то военная. Вся жизнь в армии. Ну а уж после армейских институтов можно трудиться почти на любом поприще, особенно если немного подучиться по нужному профилю, и литературу соответствующую почитать.

Отвлёкся немножко...

Надеваю белую футболочку, чистые треники и, диссонансом ко всему этому (потому что удобно) – резиновые галоши местной фабрики на войлочной стелечке. Брызгаю из баллончика противомоскитный спрей себе на спину и руки, и вперёд, а то мой собыш уже поводок на зуб наматывает.

Прохожу вдоль забора, и вот она – опушка. Соседей нет, дачников не видно, чужих собак тоже – ни к чему нам лишние проблемы – и отпускаю поводок на все семь метров. Чёрная торпеда лихо тянет меня за собой по тропинке – я даже местами перехожу на лёгкий бег. Потому что на траве особо и не упереться – собыш весит-то, почти как я. Так и тянет меня всё

дальше и дальше вглубь леска, а лес-то почти исторический. Там дальше ещё и ручеек будет, когда-то в древние времена бывший солидной рекой, по которой ладьи ходили с зерном и рыбой.

Вот так мы с ним и гуляем – собыш все попутные кусты обнюхивает – метит то, что ему надо и тянет вперёд. Сделав свои собачьи дела, немного успокоившись, продолжает обследовать территорию в пределах свободы, даруемой брезентовым поводком.

Чувствую, что уже пора поворачивать назад. Отмахали где-то километра два с половиной, а то и все три по лесу – уже глуше стало, комары так и вьются, паутина и сумрачно. Деревья пошли мощнее, да и пивко дома может нагреться – в общем, пора нах хаус, как говорят у них... Вот сейчас дойдём до горелой плечи и разворот на обратный маршрут.

Громчик метнулся вправо в папоротники и заполошно залаял, захлебнулся, пискнул, и резко рванул ко мне. Поворачиваюсь – мама дорогая! Она! Змеюка полосатая и с гребнем каким-то на своей плоской черепушке. Не шипит – смотрит, но взгляд так и затягивает, до галошиков пробирает. Хотя нас, военлётов (бывших-то военлётов не бывает) взглядом не пробить, но забирает до жути, да ещё я змеюк с детства не люблю, хоть и вырос в южном Приморье. Там-то этого добра хватает.

Стою – глаз не отвести. Мощный рывок поводка, и лечу куда-то в кусты. Удар, мрак, всё...

Руку кто-то дёргает, да сильно так. Сейчас, сейчас погодите. Страшно-то как потерять сознание. Летунам на подкорку вбивают – с тобой может случиться всё, что угодно, но при этом не вздумай в обморок упасть. Сразу прощай любимая лётная работа.

Опять рывок и мягкий, горячий язык моей собаки слизывает страх.

– Погоди, Громушка, отстань – дай оклематься. Ёшкин кот, да меня ж хозяйка твоя теперь закусает. Смотри, что с футболкой-то стало. Была белая, стала серая – как в сказке...

Глазами влево, вправо – вроде тихо всё, можно шевелиться – сажусь. Собыш наваливается сбоку, вроде как подпирает (футболке совсем кранты) – тишина вокруг... Даже птиц не слышно, и деревья не шумят. Стоп! Деревья! Деревья-то совсем другие, огромные, и какие-то... Дремучие, что ли? Стоят, мхом обросшие, даже пряди свисают. Опять же, как-то заросло всё вокруг – было же гораздо светлее и просторнее.

Ну что, посидел, посмотрел – пора и вставать потихоньку. Голова сразу поехала, закружилась, но вроде ничего, успокоилась. Облокотился на дерево, да и Гром помог – поддержал, подпёр, стою вроде.

Лесок-то на наш совсем не похож. Куда-то меня не туда занесло. Надо

определиться, что там по сторонам, где там дом мой? Вроде надо нам на северо-восток топать. Вот и потопаем потихоньку. Голова проходит, и я начинаю осматриваться уже более основательно. Места совсем незнакомые, наш-то лес мы с собакой от и до изучили. А собака моя всё время рядом держится – уже не лезет вперёд и поводок не натягивает – все «страньше и страньше», как говорят. Вот ещё и дорожки-тропинки пропали, куда же мы попали?

Руки начинают подрагивать – спинной мозг уже включился и почуял неладное, а главные мозги в голове ещё стопорят. Ладно – тормознём и подумаем. Однозначно, лес – не наш! Всё остальное можно отложить на попозже, пока что-то не прояснится. И надо выходить на дорогу и к цивилизации. Там и узнаем, куда нас занесло. Вперёд!

После часу пробивания дороги через лесные джунгли (пришлось вспомнить таёжное детство), в голове посветлело, и мысли, наконец-то, начали укладываться как положено и крутиться в нужную сторону – очень уж не похож этот лес на наши пригородные леса. Больно дремуч и кондов! И опять же – ни троп, ни дорог, ни шумов цивилизации. Небо и то чистое в нашем-то районе, где обычно самолётов в небе, как «бык накидал»... А в голове уже мысли крутятся подозрительные и как-то совсем не радостные, а даже очень наоборот. А каким им ещё быть? Галоши, от которых ноги за час ходьбы по бездорожью уже ноют, треники и футболка уже почти маскирующего цвета, и собака, грустно волочащаяся сзади. Пожалуй, собаку лучше отпустить, толку больше будет. Отцепляю Грома, сматываю поводок и вешаю на плечо. Вперёд, дорогу осилит идущий. Так и топаем потихоньку – вверх, вниз, по ориентирам, чтоб направление не терять, и по моим прикидкам уже оттопали около пятёрочки. Пора остановиться, отдохнуть, подыскать какой-нибудь родничок. Попить, посидеть, помыслить о высоком, попробовать разложить приключившееся по полочкам, так как мысли уже из головы выпрыгивают.

Через часок набрели на ручеёк в мелком овражке – вот тут и остановимся, осмотримся. Водичка вкусная, ледяная, роднички по дну песочек гоняют, бурунчики крутят – красота! И к этой бы красоте какой-никакой бутербродик, так на полбатона где-то, и колбаски докторской соответственно... Мдаа... Мечты, мечты. Ягод нет, травок съедобных пока не видел. Птички щебечут высоко, кролик в руки не прыгает. Короче, попал по самое не балуйся. Сижу, думаю, благо голова уже почти не болит, и других патологий организма не наблюдается. Выводы на скорую руку рисуются плачевные. Хотя – я же жив, значит, не всё так плачевно. Еда... да что-то всё о желудке, да о желудке, сейчас надо главное обмусолить –

что, где и как? Первый и основной вывод такой – попал, провалился, перенёсся, и виновата в этом перемещении, похоже, та полосатая зараззза!

Дальше... А вот тут уже хуже, потому как книжки я люблю читать, и читаю всё, как говорится, что под руку попадётся, и там правильному попаданцу, сверху или снизу (кому как больше нравится), сыпется много нужных и полезных для него плюшек – а тут полный песец – ничего. Я даже встал и в кусты заглянул – где там этот большой, чёрный и лакированный рояль? Обидно, даа, панимашь – пусто... И в голове тоже вроде ничего не прибавилось – по крайней мере, ничего не ощущается нового... Значит, делаем выводы – я какой-то неправильный попаданец, или скажем так, нетипичный, невезучий. Хотя, про везение бабушка надвое сказала – я же жив! И вот тут меня и пробило наконец-то до самого доньшка! Наконец-то до меня дошло в полной мере, что со мной произошло. Дома жена любимая единственная ждёт с прогулки, опять же – ужин готов (опять о еде), а я тут неизвестно где – почти что на бревне, хотя лучше было бы на Кипре. Там хоть теплее и море опять же, а на море только дурак голодным останется. И с Кипра до дома хоть как-то добраться можно... Ёшкин кот – опять о еде... Что-то я задёргался, за жену распереживался – как она там, моя любимая? Представил, и так мне поганно стало, что завыл я волчьим воем (правда, не громко – тихонько так, от безысходности и понимания ситуации).

Собака рядом поскуливает, переживает. Тоже – ещё одна проблема. Кормить же надо – пёс ведь не охотничий ни разу. По легендам – боевой был когда-то в древнем Риме. Ладно, жить захочет – добудет что-нить, ну, или я добуду. Вроде отпустило немного, подуспокоился.

Продолжаем думать дальше. Пока ничего не ясно – просто тупо смирюсь с попаданством и продолжим набирать информацию, а там уже и дальше осмысливать будем.

Про жену, сына, дом лучше не думать пока – отодвинуть. Тут ничего не сделаешь – задвигаем эту рвущую боль в уголок души, если получится.

Что на текущий момент самое необходимое для меня, ну и для собаки моей? Правильно – что-нибудь съесть, ну или кого-нибудь.

Ещё разок осмотримся, по карманам пошаримся, может, там что-нибудь завалилось полезного или вдруг появилось!

Мда, надежда умирает последней. Ничего там не появилось. Одел-то чистенькое, после стирки, а жёнушка моя (по сердцу опять железной лапой скребнуло) – из карманов всё повынимала.

Что-то только минусы кругом. Но ведь и плюсы обязательно должны быть – просто я их не вижу пока.

Думаем! Из плюсов – тепло! Похоже – начало лета... Опять же – ручей...

Ручей! Что тут за ручей? Ничего так ручей – вода уже мной опробована, чистая, вкусная, холодная... На дне – песочек, роднички всё так же бурлят тихонько, песчинки бултыхаются, крутятся и больше ничего.

Ещё что?

Да самое главное – я ЖИВ! И если никто не постарается мне помешать – я выживу! И вернусь! А если постарается – я ему не завидую!

Так, дальше – ни ножа, ни огня пока нет. Одежка пока сойдёт, до ночи ещё час другой, поскольку если думать, что попал в то же время, откуда провалился – то сейчас должно быть часов восемь, девять вечера – и солнышко этому соответствует. Значит, надо готовиться к своему первому ночлегу.

Пёса так и сидит рядом, не мешает, комаров только крокодильей пастью гоняет, что удивительно – его ж на месте больше десяти секунд было не удержать, а тут как подменили собакина.

Думаем дальше – ночёвка... Ночёвка – это однозначно, панимашь... Ночевать придётся где-то повыше, на верхотуре. Так, на всякий случай. Надо дерево быстро подыскать, пока ещё светло. А когда тут темнеть начнёт – неизвестно. Встаём и вперёд – ищем подходящий вариант!

Спустя минут сорок, пятьдесят поисков недалеко от ручья нахожу то, что мне подойдёт. Метрах в четырёх от земли большая развилка – дальше дерево, видать, было надломлено и закрутилось винтом. Можно забраться и полусидя переночевать.

Однако, быстро темнеет. Командую собакину – гулять! И лезу наверх. Тяжело-то как, всё-таки уже за полтинник перевалило. Ничего, вспомнил своё босоное детство – забрался, уселся, можно подремать, утро вечера мудренее...

И как птицы спят на ветках? У меня вот совсем не получается, ветка твёрдая какая-то попалась, однако, далеко не матрац – всё мое сиденье или седалище затекло.

Опять же – холодно, и мысли никак из головы не выкинуть. Мечутся по кругу – жена – сын – дом – попал – и что делать.

Собака молчит, хоть бы раз тявкнула. Хотя хорошо, что не тявкает. Значит, всё тихо кругом, что опять же странно – всё ж таки лес-то дремучий. Где хоть живность какая-нибудь?

Хотя хорошо, что живности нет. Любая мало-мальски агрессивная живность сейчас была бы явным перебором. Лучше с этим завтра будем разбираться!

Вот так и проходит самая тёмная часть ночи – почти непрерывное ёрзание на ветках, писк вездесущих комаров, тревожные мысли по кругу и нетерпеливое ожидание скорого рассвета. Для чего? А чтоб быстрее определиться.

Наконец, начинают чирикать что-то своё птицы, между деревьев пополз белёсый туман, и предутренний холодок согнал меня с дерева на землю, в серую предрассветную мглу.

Как же все косточки болят! Надо размяться немного, чтобы согреться и кровушку разогнать по жилам.

Из-под кустов высовывается чёрная морда собаки, и смотрит вопросительно – а когда завтракать будем?

А с завтраком надо реально что-то придумывать – в животе уже кишка на кишку протоколы пишет. Умылись, тут же водички похлебали, вроде как и позавтракали.

Ночью сколько ни вслушивался – ничего не слышал. Никаких технологических, цивилизационных шумов не было. Собаки, и те не лаяли. Дымом тоже не пахнет – как некурящий человек, я дым могу учуять издалека.

Если грамотно оценить обстановку, то нужно двигаться вниз по течению – может, ручеек в какую-нибудь реку бежит. А вся цивилизация всегда развивается ближе к любой воде. А мне нужно к ней поближе. Правда, к цивилизации тоже нужно приближаться с великой осторожностью. Благо, книжек я прочитал немало, и общий вывод сделал такой – не всякая цивилизация благо, и от некоторой лучше держаться подальше.

И опять же – чем ниже по течению, тем ручей шире, и присутствие в нём съедобной живности увеличивается почти прямо пропорционально ширине ручья.

И ещё! Реально оцениваю свои шансы на охоту с голыми руками как нулевые, тогда как рыбку поймать я всегда смогу. В детстве рыбу всегда руками ловили, да и всякие ловушки-загончики делали. Эх! Только рыба бы была в наличии, а уж поймать я её поймаю.

Ну что – двинули! Пошли, собакин!

Топаем часика два. Ручеек расширяется – появляются мелкие заводи. Как говорится – переплунуть можно, но ведь появляются! Всё веселее становится. Смотрю, мальки мельтешат, снуют туда-сюда, посверкивают боками. Продолжаем топать.

А солнышко-то уже почти в зените, километров десять пройдено. Хорошо завалов больших не было – идти тяжело, всё-таки заросли.

Собака по кустам бежит – кого-то там гонит, но непохоже, чтоб поймала кого-нибудь. Ручеёк ещё больше разлился – подойдём к берегу. Глянем, что тут.

Есть возможность попробовать поймать рыбку – пробуем!

Начинаю из камушков выкладывать что-то вроде запруды с проходом, а проход этот отвожу в сторону на мелководье. Делаю там нечто похожее на улитку, с ямкой в самом конце. Провозившись немало времени, намутив воду, потому что камни пришлось собирать отовсюду, соорудил, что хотел.

Кстати, сколько камней собрал для своей запруды, а ни одного кремушка не видел. И камней, которые можно было бы расколоть, чтоб получилось что-то острое и режущее, не подобрал – или бут, или песчаник в основном.

Муть постепенно ушла, можно попробовать!

Захожу вверх по течению метров на пять, и ветками начинаю баламутить воду перед собой и смотрю внимательно – что там впереди? Мелкой рыбёшки хватает. Гоню, гоню. Аккуратнее и быстрее. Собакин активно подключается к процессу – пусть его, лишь бы сооружение моё не разрушил, вон как скачет. На всякий случай закладываю горловину камнями – теория теорией, а мозги никто не отменял, вдруг тут рыба умная и обратно выплывет. Теперь можно посмотреть, что мы имеем за пару часов потерянного времени? В прямке бодро суetyтся какие-то рыбёшки с палец величиной, а нет – вон и побольше кто-то снуёт. И ещё! Раки! Как же я раньше о них не подумал? Что странно – сколько камней от дна оторвал, и ни одного не видел – не везло, видимо...

Так, а теперь давай-ка присядем на бережку над своей запрудой, и включим, наконец-то, мозги. Уж пора бы им появиться – почти сутки прошли после моего провала.

– Громчик, давай-ка, садись рядом. Будем с тобой разговаривать. Может, что дельное подскажешь своему бестолковому хозяину.

– Мы не будем полагаться на случай! Мы пойдём простым логическим путем.

– Пойдём вместе! – Приходится отвечать за собакина. Ему-то никак.

– Почему бестолковому? Да потому что надо было сразу садиться и думать! Хотя вряд ли – шок ещё тот был. Даже мне, привычному к разного рода стрессам и встряскам, не по себе до сих пор!

Итак, что я имею на данный момент? Что попал – это попал, и этот факт даже не обсуждается.

Следующее – куда попал? По флоре и фауне (ну хотя бы из птиц, рыб да раков, что попадались на глаза) похоже, что я на Земле. Но надо будет

ещё понаблюдать! Ночью звёзд не видел – кроны деревьев мешали. Значит, ночью изучаем небосвод!

Дальше. Самое главное, это определиться по месту и времени! Что для этого нужно? Правильно! Источник информации! Значит, будем искать такой источник! И желательно тот источник, который ходит на двух ногах и умеет говорить. На понятном мне языке. Но, позже!

Ну и наконец, самое главное – средства и возможности для моего выживания и существования! То есть, прямо говоря – еда, одежда, обувь, снаряжение, жильё.

А пока ещё силы есть, и огонь не начал разводить, ну, чтоб не дымить – надо залезть повыше и оглядеться. Потому как ручьи они не реки, и обычно не очень длинные. А мой уже вот-вот ну просто обязан куда-нибудь упасть или втечь. Или пора ему самому начать превращаться в реку.

А если вдруг впереди речка, а на речке какой-никакой сапиенс? А если он и совсем даже недружелюбный? И дым увидит? Да ну его подальше – такое счастье! Поэтому что? Осмотримся!

Под громкое рычание активно протестующего, изголодавшегося организма отворачиваюсь от своей ловушки, и начинаю искать дерево поудобнее для покорения, но и чтоб достаточно высокое было – надо ведь осмотреться получше.

Сосны, сосны – пусть на них медведи Шишкина залезают, а мне бы что попроще – осину какую-нибудь или ясень.

Нашёл, полез – где мои семнадцать лет? Ну, с помощью какой-то матери, залез насколько смог. Дальше уже просто страшно – вдруг обломится? Осинка дерево хрупкое.

Что там впереди? Через крону ничего нового не вижу – деревья и деревья. И чего лез, спрашивается? Единственный плюс, это что дымов не видно – можно огонь разводить. А там уж как повезёт – на каждый вероятный случай предохранитель не поставишь.

Спускаюсь очень осторожно, потому как забираться на дерево и скалы гораздо легче, чем спускаться.

Теперь отдохнём и займёмся огнём. Собираю сухостой, хорошо хоть ивняка очень много по берегу. Заодно подыскиваю пару хороших деревянных обломков – в меру сухих и не таких твёрдых. В общем, все знают, как огонь развести с помощью лучка. Сухой травы тоже хватает под берегом. Шнурочек выдёргиваю из футболки. Из прутика ивы делаю лучок и вперёд – Родина должна знать своих героев! Тут самое главное грамотно сверху прижимать, чтоб и не передавить и чтоб не болталось.

Процесс пошёл! Хорошо ещё, что дерево сухое. Вот и дымок пошёл –

теперь очень аккуратно – чутка покрутим, подуем, покрутим, подуем. Травки подложим и, чтобы не слетела, прижмём тихонько пальцем. Покрутим, подуем, ещё и ещё – уголёк появился. Тихонько поддуваем и травки, травки – есть контакт. А теперь главное не спешить, но и не зевать – подкладываю траву, потом тонюсенькие веточки, потом потолще, и оп – можно идти смотреть, что мы там поймали.

Всю мелочёвку подсушу на камнях, а что покрупнее – на палочках. Раков в угли – они за секунды пекутся. Съели с собакой скудную добычу почти поровну. А что делать – глаза у него такие жалостливые. А головы, что остались, плавники и потроха бросим-ка мы в ловушку – авось кто и позарится.

Камушки запорные в сторону, и вуаля – ловушка готова к работе.

Теперь, пока ещё угли не прогорели, надо придумать себе какое-нибудь оружие. Более-менее ровную палку я нашёл, когда дровишки собирал – длиной метра 2, в меру сухая, но ещё не пересушенная и крепкая. На костёр её и обжигаем. Один из песчаников сюда. Вперёд – работаем!

Вот так – загорелся кончик – подождать полминуты и потереть его на песчанике, и опять на угли. Повторяем процедуру, пока результат меня не устроил – получился не сказать, чтобы острый, но и не тупой наконечник. Будем считать, что я вооружён и очень опасен! Ха! Не смешите мои подковы, как говорил один известный персонаж мультика.

Заглянул в ловушку – пусто... А жаль, я так надеялся...

Угли пусть догорают, куда они не денутся – небо чистое, о ночлеге ещё рано думать, да и неизвестно, где он будет, ночлег-то.

А двинем пока на разведку. Пойдём, посмотрим, что там дальше – вот-вот же должна река появиться. Поэтому осторожно пошли. Головой верчу по сторонам и под ноги, уши как локаторы. Собака чуть в стороне пробирается – подлесок-то гораздо гуще стал. Не приморская тайга, но всё же.

Грунт под ногами стал мягче, значит или заболотина, или заливная низинка.

Обойдём – отважные герои всегда идут в обход. А под ногами уже зачавкало – как бы галошики не потерять. Надо выбираться на сухое.

Наконец-то обхожу сырое место и упираюсь в речку. Не сказать что большая речка, так, маленькая даже речонка – метров пять, семь в ширину и неглубокая. Обыкновенная равнинная речушка с перекатами, камнями, заводями.

Влево, вправо – никого. Собака ввалился в речку – лакает, молчит, значит, тихо вокруг, пусто.

Камней тут в воде побольше, надо походить, поискать, может, что и найду. Нужен кремений и обсидиан. Буду незнакомые проверять, и пытаться разбить – а вдруг что и получится.

Ещё помню, что обсидиан должен быть гладким и чёрного цвета. Вот и побродим по перекасту, может, что и отыщется.

Начнём, пожалуй. Разуваемся, треники снимаем. Первый камень несущ к гранитному лбу, торчащему у самой кромки воды, и со всего маху в него кидаю. Ещё раз. Не то – просто камень. Ищем следующий. Наконец нахожу что-то подходящее – куски расколовшегося камня острые, правда, не похоже на обсидиан, там они вроде должны быть плоские. Эх, и что я ни разу в какой-нибудь геологический музей не сходил?

Пока хватит. Завтра продолжим поиски, а пока надо заняться более насущным делом.

Под камнями половим рыбу – вспомним молодость сопливаю.

Ну что сказать? Как говорил один генерал – «рыба есть – ловить надо уметь». Думаю, достаточно – рыбы тут очень много, и непуганая она совсем. На берег много перекидал – пора выходить, а то пёс всё слопаёт. Плотвички, голавлики с ладошку – кучка получилась порядочная, на ужин хватит.

Камыш по берегу растёт. Выдернул стебель, обгрыз нижнюю съедобную часть – здравствуй детство!

Думаю, возвращаться не стоит, тут получше будет, чем на прежней стоянке. Ищу место для лагеря с таким расчётом, чтобы мне речку было видно, а меня с реки – нет. Ну и что б было сухо и ветерком продувало, а то комары и слепни совсем заели, пока в воде ползал.

Сушняк вокруг хватает, минут через двадцать гора валежника лежит в облюбованном месте. Время до темноты ещё есть, заготавливаем всё для разведения огня – пусть пока полежит, и быстро подбираем сухие жердины для навеса. Благо сухой ивняк ломается очень хорошо – держишь рукой сухостойну, внизу ногой пинаешь, и она отлетает. Даже моей галоши хватает. Тут главное – без фанатизма. Травматизм-то никто не отменял и пальцы на ногах надо беречь. Пнул легонько – отломил. А если не отломил, то и не надо – пойдём следующую пинать, сухостоя хватает.

Сооружаю каркас навеса, чтобы нам с собакой места хватило, рву камыш, настилаю сверху и оп – готово! Пара охапок пойдёт на лежанку. Закатываюсь под навес – красота! Собака лезет рядом и почти разваливает моё сооружение. Выкатываюсь весь в камыше. Собаке объявляю выговор с занесением по мягкому месту галошей, и переделываю навес на другой, попросторней. Временный лагерь готов – пора подумать о костерке. Солнце

почти свалилось на закат. Пока топтались, натоптали неплохую полянку – расчищаю место для костерка, обкладываю его камнями и начинаю священнодействовать. Вскоре костёр готов. Можно заняться рыбой. Выбираю помясистее, пытаюсь выпотрошить камнем, что расколол. Получается, конечно, не ахти, но получается. Хотя рыбу, откровенно говоря, жалко – за что ей такие мучения? Распластываю её веточками, и на ветке же устанавливаю поближе к огню. Тут главное, чтоб не сгорела. И так с каждой. Всю оставшуюся мелочь разложил на камнях – пусть как будто жарится. Темнеет.

Всё хорошо, только ловушек для рыбы никаких не соорудил – потрохов-то много накопилось. Выкидываю их в воду – ух ты, сколько сразу рыбы налетело. Споласкиваю руки, и ужинать. Хорошо! Пару лесин потолще на костёр. Спать...

Ночью просыпался несколько раз – передвигал лесины, чтобы огонь поддерживать.

Утро для меня началось со звона комаров, и предутреннего, до дрожи, тумана. Костёр почти прогорел и приветствует меня мелким серым пеплом с истаивающей струйкой бледного дыма. Подкидываю дровишек и раздуваю огонь, жмурясь от попавшего в глаза едкого дыма. Еле-еле поднимаюсь, и со стоном потягиваюсь – мышцы как скрученные, всё болит. Ковыляю к воде и делаю вид, что умываюсь. Хорошо, что бриться не надо, да и с такими комарами лучше с бородой. А вот зубы почистить как бы необходимо. Сажу на берегу, дрожу, и начинают на меня хандра и сомнения накатываться. Думаю – зачем куда-то пошёл от места провала? Надо было походить там вокруг, пошариться по кустам, об деревья головой побиться. Может и получилось бы назад скакнуть? А тут и накатило со страшной силой – куда, дурак, пошёл? А что? Может, вернуться назад? Места уже знакомые, пройду быстрее, хоть огляжусь там получше. За день туда сюда обернусь в лёгкую, надо только по-быстрому ловушку для рыбы соорудить. На всякий случай. Отпустило, как вернуться решил, полегчало.

Вперёд за сухостоем. Надо наломать много ивняка, чтобы из него сделать что-то вроде отводка с узкой горловиной у берега, и местечко подобрать подле заводи, чтобы неглубоко было. Наломал, камнем забиваю жердины в дно, и дело успешно движется к своему логическому завершению. На дно моей ловушки бросаю то, что осталось от вчерашнего ужина после собаки. Немного, но будем надеяться, что сработает и это. В путь!

Как я и думал, обратная дорога оказалась гораздо короче. Где спрямил, где обошёл, отвлекаться особо не надо – уже всё известно. Немного за

полдень был на месте.

Гром сразу сунулся туда, где я очнулся. Сунулся и я за ним – ничего. Даже нет, не так. Ни-че-го с большой буквы Н. В голове пусто, на сердце только тяжесть, душа болит, рвёт по живому. И тишина! Побродил по округе, полазил по кустам, подержался за все деревья вокруг, головой только не стал биться. Ощущений необычного нет, плюшек тоже нет, рояль уже растворился, наверное. И зачем меня сюда змеюка переправила? А может, это и не змеюка? Может, мне показалось, может, это что-то другое? Какая от меня тут польза? Я ж только руками что-нибудь делать умею. И голова у меня далеко не профессорская. Нет, не дурная, конечно, кое-что знает, но это такой мизер. И не хочу я тут, я домой хочу – у меня там семья осталась... Опустился я на землю, спиной на дерево облокотился, глаза закрыл и так мне стало плохо и тоскливо. Гром под бок лег, вздыхает тяжело – понимает что-то.

А вокруг птицы поют, мураши ползают, жуки летают, воздух густой, лесной, ароматный! А по мне – только застрелиться, было б чем.

Сколько просидел – не знаю. Провалился во времени – темнеет уже. Апатия. Свернулся клубочком, собака под бок опять подкатилась. Шевелиться не хочу, так тут и останусь. Сколько так пролежал – не знаю. Всё мимо проходило, ночь, день, ночь – не знаю. Очнулся от того, что собака меня лижет по лицу, головой подталкивает и лапами царапает. Состояние полубредовое. Ничего не хочу. Отстань!

– Володя, вставай, солнце моё. – Выбрасывает меня из забытья родной голос жены.

– Ты же сильный! Нельзя сдаваться! Значит, так надо, раз это с нами произошло. Я люблю и верю в тебя. Вставай, любимый!

Веки, как свинцовые. В глазах круги цветные. Промаргиваюсь, передо мной жена. Тянусь к любимой, и рука проходит через неё. Жена улыбается и смотрит с нежностью.

– Вставай, любимый. Мы тебя любим и ждём. Всё будет хорошо!

Истаивает дорогой для меня облик, и с ним истаивает моё отчаяние. Остаётся горечь разлуки.

Надо возвращаться к речке и попытаться жить, и как-то найти дорогу обратно. Буду искать эту чёртову змеюку – это она, зараза, меня сюда зашвырнула, значит, может и в обратную сторону отправить. Пошли.

Солнце перекатилось через зенит, и мы приближаемся к своему шалашику. Собака ведёт себя спокойно, значит, чужих нет, зверья нет, и можно подходить. На всякий случай аккуратно выгляну из кустов. Какой там аккуратно – Гром выносится прыжками и оглядывается на меня, что ты

хозяин медлишь, иди, лови скорее рыбу. Похоже, никого и ничего не случилось за время моего отсутствия, никто не проявил никакого любопытства.

Ловушка цела. Подхожу ближе и убеждаюсь в этом. И приятный сюрприз – в ней плавают рыбки. Вот и еда приплыла.

Навес цел, значит остаётся ещё принести дровишек и заняться рыбой. А вот потом нужно побродить по окрестностям и посмотреть, что творится вокруг. Может, что полезное и увижу.

Уже почти автоматически приношу дровишек, развожу огонь, чищу рыбу и жарю. Потроха в ловушку. У Грома слюни до земли, у меня, впрочем, тоже – проголодался.

После обеда положено полежать – вот и полежу, подумаю, куда идти. Место тут хорошее, рыба есть. Хорошо бы мяска, но пока терпит. Зверьё есть – когда ходил, видел тропы на водопой, да и через болотину хорошо натоптано. Через болотину кабаньи, но кабан мне пока не по зубам, если только подсвинка какого подкараулить. Вот размечтался – с чем караулить-то? С деревянным копьём на кабанчика? Мечтатель! Хотя, тут есть варианты... Подумаем ещё.

Будем сооружать что-нибудь этакое на тропе к водопою, но это завтра. А сейчас пора вставать и выдвигаться на разведку окрестностей.

Иду вверх по течению, ну вот захотелось пройти вверх, а не вниз. Если уж я неправильный попаданец, то и пойду вверх.

Гром шуршит впереди и пока молчит. Но наблюдение за округой никто не отменял, поэтому крутим головой на триста шестьдесят градусов по горизонту, и не забываем искать нужные мне камни. Ну и вдруг ещё что нужное найдётся.

Все камни, которые мне кажутся годными для моих нужд, пробую тут же расколоть. Пока ничего подходящего не нахожу. Зато нахожу перекат с отличным галечником. Можно набрать гольшей и, когда будет возможность, сделать что-то вроде пращи. Ремень от поводка есть, осталось раздобыть кусок кожи и как-то его пришить. Как вариант пойдёт, делаю в голове закладку. Запоминаю место и двигаюсь дальше.

Берега постепенно повышаются, выхожу на огромную осыпь камней. Река как будто разрежала большой холм, вода чёрная, дна даже не видно. Камни только сланец. Раков очень много.

Через осыпь не полезу, бережённому бог бережёт. Лучше поднимемся – оглядимся сверху.

На сам холм выбираюсь осторожно, нечего семафорить своей тушкой на всю округу.

Поднимаю голову над травой и осматриваюсь. Ничего и никого не наблюдаю. Собака нюхает воздух и, судя по всему, так же ничего не унюхивает.

Вокруг сколько вижу – лес. На западе, далеко на горизонте, темнеет небольшая гряда. Дымов нигде не видно.

Беру направление на свой лагерь и спрямляю маршрут. Время ещё есть и можно пройти вниз по течению. И, наконец-то, мне улыбнулась удача – на опушке увидел расколотый камень с блестящими гранями. Подошёл. Вот оно счастье! Я нашёл то, что мне нужно.

Как удачно вышло – камушек раскололся на две половины и ещё на кучу мелких осколков на сломе. И делать-то ничего не надо – бери и пользуйся. Подбираю мелкие острые пластины, половину камня (больше не унести) и довольно быстро добираюсь до лагеря. Потом разберусь, что куда.

Выкладываю свою ношу под навес с краю и выбираю себе лезвие потоньше, будет разделочный нож – рыбу потрошить.

Теперь надо опробовать приобретение. Быстро выдёргиваю рыбу из ловушки и... всё получилось!

Не железный нож, конечно. Но на безрыбье, как говорится, и собака по-человечески заговорить сможет. Теперь беру пластину потолще, попрочнее, и пробую отрезать ветку ивняка с палец толщиной. Аккуратно. Спокойно. Без напряжения. Уфф. Получилось! Да я прогрессор! Двигаю прогресс в отдельно взятом лагере!

Что дальше? А дальше надо пообедать и подумать, что можно соорудить или, что будет точнее, какие приспособления и ловушки, а, может, и оружие я смогу сделать.

С моим новым разделочным ножиком дело пошло гораздо веселей и скоро распотрошённые рыбины заняли своё место вокруг костра. Настроение где-то на уровне облаков. Перекусываем с собакой, и заваливаюсь под навес, поближе к камням – наступило время плотного мыслительного процесса.

Замкнутый круг. Чтобы сделать что-то, нужен материал – кожа, хотя бы.

А, чтобы добыть кожу – нужно оружие. Думай, голова.

Придётся начинать опять с простейших ловушек на зверьё, рыбу же я поймал. И тут поймаю кого-нибудь.

Для начала отправляюсь к зарослям ивняка и нарезаю длинные лозины толщиной миллиметров по пять. Прутьев понадобится много и я режу хороший такой пучок. И плету из прутьев мордúшку. Через час первая

морда готова. Кривенько, конечно, получилось, но мне с неё не стрелять, сойдёт. Надо идти резать лозу, а то на вторую не хватит. Думаю, что ещё одной мордушки мне хватит. Внутрь привязываю остатки нашего с Громом пиршества, и иду устанавливать результаты своего труда в воду. Выбираю местечко в заводи и устанавливаю их в камыши. А чтобы не всплывали, нагружаю камнями. Ловись рыбка большая и маленькая, конечно, лучше большая и лучше побольше.

А теперь можно заняться подготовкой к Великой Охоте. Надо искать орешник. Благо его тут хватает.

Вырезаю несколько хороших ветвей в два пальца толщиной. Пару аккуратно остругиваю поострее. Надо ещё корней приготовить. Тут же на берегу надёргиваю корней ивы, благо из песка они выдёргиваются без проблем, и обдираю их от коры. Привязываю заточенные колышки к выбранной ветке покрепче. Вроде держатся хорошо. Пора идти настораживать ловушку.

Оставляю Грома охранять лагерь.

А сам возвращаюсь туда, где заметил тропы на водопой в камышах. Стараюсь топтаться поменьше. Камнем забиваю колья в грунт и собираю свою конструкцию. Стараюсь всё вспомнить и сделать в точности так, как нас учили на курсах выживания. Настораживаю её. Тщательно маскирую следы своего пребывания на тропе. Даже примятый камыш постарался распрямить. Отступаю в сторону от тропы и возвращаюсь к лагерю. Удачи мне!

Что за общество меня окружает, я пока не знаю. Какой уровень его развития? Какими орудиями оно пользуется, чем живёт и дышит? На каком языке говорит? Да и говорит ли? Может, тут и не хомо, а какой-то другой сапиенс? Ничего пока не известно. И мои возможности, будем говорить правду, никакие на данный момент. Есть собака, но против вооружённого хотя бы палкой разумного бойца это не вариант. Так что толку от неё, только как от сторожа, да и то не всегда.

Поэтому сделаю-ка я себе какой-нибудь простенький лук – на первое время его хватит. Да и оружие хоть какого-то дальнего боя будет. Вот и вооружусь. Деревянное копье (надо наконечник вставить, благо теперь есть из чего), простенький лук, и будет мне этого пока достаточно. Если добуду какую животину, сразу же сделаю пращу, да и тетиву можно будет сделать более прочную. А то я её уже из крапивы собрался делать.

Что ещё радует, так это то, что хищников нет. Хотя, на улице лето, а летом они, как правило, на человека редко нападают. Хм, ключевое слово – редко. Будем считать, что тут правильные хищники. А, вообще, что я

голову ломаю? Хватит мудрить. Трава, деревья, рыба – всё соответствует земной фауне и флоре. Значит, хищники тоже должны быть такие же и вести себя соответственно. Не лезь на рожон, не задирайся первым и всё будет хорошо. Но вооружиться необходимо.

Надо ещё сухого рогоза на стрелы поискать и орешину вырезать подходящую. Завтра и займусь, если добычи не будет.

– Ну что, Громуха, пойдём, проверим, сколько у нас рыбы поймалось? Да и верши посмотрим – а вдруг?

Ловушка, уже привычно, порадовала десятком плотвин грамм по двести, и кучкой разной мелочи на один зуб. Несколько окушков и уклеек. Мордушки можно и не проверять, на ужин и завтрак нам рыбы хватит.

А утром их все и проверим. И зверовую ловушку, и рыбные верши.

Соли только не хватает. Пока терпимо, но уже хочется подсолить рыбку, да и мясо рано или поздно появится. И вот тут без соли никак.

Пора готовить ужин и спать. Завтра будет хлопотный день.

Утренний туман перекатился через прогоревший костёр и защекотал холодными и сырыми пальцами, значит, хочешь, не хочешь, а надо подниматься.

Подкинул дровишек, еле-еле раздул огонь, надо сегодня поискать и набрать что-то из сухостоя потолще, чтоб хватало на подольше. Почти поэт – значит, день сложится!

Чтобы согреться, сделал зарядочку минут на пятнадцать. Глину сегодня обязательно поискать нужно, вылеплю из неё чашки, заварю каких-нибудь трав, а то утром без горячего чая тяжело.

Доев рыбу, добежал до заводи, где поставил мордушки, и с разбега бултыхнулся в воду. Бодрит! Добрался до камышей, где-то тут притоплены мои плетёнки.

Поднимаю первую, через прутья сверкнуло живым серебром. Вытаскиваю на берег, снимаю плетёное колечко с горловины и вываливаю порядочную кучу рыбы. Даже раки попадают, пытаются удрать. Отличный улов! Кольцо на место и быстро проверяю вторую. Результат не хуже!

Первую мордушку устанавливаю под воду на то же место, а во вторую укладываю весь утренний улов и отношу к лагерю.

Осталось проверить зверовую ловушку. Вот бы и там что-нибудь попало. Самое главное, это не забыть взять своё копьёцо, на всякий случай.

Подкрадываюсь потихоньку к камышам, и вдруг собака срывается с места и молча уносится вперёд. Есть что-то! Раскатисто лает Гром и я,

позабыв обо всём на свете, огромными прыжками азартно мчусь следом.

Ловушка сработала, но в ней пусто! Гром лает впереди. Немного опомнившись и придя в себя, осторожно подкрадываюсь к нему. Почти у самой воды лежит косуля. Бок в крови. Похоже, после срабатывания прыгнула вперёд, вырвалась из ловушки, добежала до берега, а вот дальше ей уже сил не хватило. Подхожу ближе, руки трясутся то ли от волнения, то ли от возбуждения. А скорее всего и от того, и от другого. Добивать не требуется. Взваливаю тушку на плечи и иду в лагерь. Гром азартно скачет вокруг, хватается косулю за ноги, мешает идти.

Сбрасываю её поближе к воде. Так мне удобнее разделывать будет.

Даже не знаю, за что и хвататься. И рыбы много, и мяса теперь завались. Начну с рыбы, она портится быстрее. Подкладываю веток в костёр и начинаю потрошить. Всё лишнее отправляю в мордушку для приманки. По отработанной уже методе жарю рыбу.

А глаза так и косятся на тушу косули, прикидываю, как лучше её разделать, и самое главное, не забыть про сухожилия. Они должны быть на спине и на ногах. Как-то используют ещё и кишки на тетиву, но я сомневаюсь, что у меня что-то получится. Не умею. С сухожилиями бы разобраться.

Дожариваю рыбу. Больше чем уверен, что не дожарил, но дальше ждать не могу. Не терпится приступить к разделке тушки, да и жареного мяса очень уж хочется!

Ещё нужно подкинуть дровишек в костёр, и пару плоских камней подвинуть поближе к разгорающемуся огню – пусть нагреваются, будут мне вместо сковородки.

Снимаю шкуру и разделываю тушку, благо опыта в этом деле хватает. Отдельно вырезаю спинные и скакательные сухожилия – потом высушу. Пластаю печёнку и выкладываю её на раскалённые камни. Зашкворчало, и по стоянке разнёсся одуряющий аромат жареного мяса. Переворачиваю, дожариваю и снимаю. Отбрасываю на лопух – пусть остынет. Кромсаю мясо и ливер на куски и обмываю в речке. Собираю оставшиеся потроха и выбрасываю в воду подальше. Всё равно не умею что-то делать из кишок. А для прикормки в мордушках и рыбьих потрохов хватит.

У кого слюни больше – у Грома или у меня? Даю шматок печёнки собышу, и сам вгрызаюсь в горячее мясо. По губам течет обжигающий сок. Я доволен.

Надо пережарить всё мясо, иначе быстро протухнет. И начинается процесс обугливания.

А как его ещё можно назвать, если куски достаточно большие и их

надо хорошо прожарить.

Что-то пеку на камнях, а что-то на вертеле.

К вечеру заканчиваю готовку, у обоих животы, как барабаны. Мяса, в общем-то, получилось не так и много, как казалось. Денька на два обжорства хватит.

Завтра займусь шкурой, а пока в воду её и камнями сверху придавить, чтобы не всплывала. Пусть рыбы объедают.

Сухожилия подвешиваю на перекладину под навесом – для просушки. И не доберётся до них никто с корыстными намерениями.

Всю готовую рыбу заворачиваю в лопухи и туда же. Грызуны не достанут, всё целее будет.

Завтра обязательно надо найти глину, сегодня так и не получилось за приятными хлопотами – хочется горячего похлебать.

А сейчас – спать. Устал. Гром подкатывается под бок, и я проваливаюсь в сон.

Ночью пару раз просыпаюсь, поддерживаю костёр. Тишина. Только собака провожает глазами каждое моё движение. Возвращаюсь под навес и сразу же засыпаю.

Утро, как всегда, встречает туманом. Все утренние дела идут по уже отработанной схеме. Проверяю мордушки – улов радует. Рыбы уже становится много, и надо что-то придумывать с её переработкой. Буду делать коптильню, это самое простое.

После сна, на свежую голову, решил не заморачиваться со шкурой. Выделать, как положено, всё равно не смогу – сколько я тут ещё просижу? Неделю, не больше. А там сделаю запасы и в путь. Пора двигаться дальше. Для чего-то же я сюда попал?

Так что шкура пусть остаётся такой как есть – немного обдеру её на камнях и будет мне вместо одеяла. Резать на тетиву тоже не буду, может, удастся ещё кого-нибудь добыть. А тетиву всё-таки попробую сплести из сухожилий, когда подсохнут. Думаю, денька через два будут готовы к работе.

Так что сейчас занимаюсь коптильней, потом в процессе копчения буду обдирать шкуру.

Но нужно заготовить ещё больше жердей, и найти, наконец-то, глину. Глину буду искать в реке.

Когда устанавливал в камышах морды, на дне наступал на что-то вязкое. Похоже, она и есть. Вот и пособираем.

Догадка оказалась верной и куча глины на берегу быстро растёт. Можно приступать к строительству коптильни.

В песке руками выкапываю неглубокую яму под костёр, прокапываю от неё узкую канаву метра полтора длиной, усиливаю стенки жердями, чтобы не осыпались, и обмазываю глиной. Сверху тоже накрываю жердями с глиной, насыпаю песочка, и, наконец, сооружаю короб для копчения. Забиваю жердины в грунт, переплетаю лозой и хорошо всё промазываю.

Крышку сплетаю из лозы и тоже обмазываю глиной.

Развешиваю рыбу, закрываю крышку и придавливаю её аккуратно камешками...

Дело за костерком. Периодически в огонь подкидываю несколько зелёных веток.

Особо привередничать и умничать не будем, не тот расклад. Сейчас ветки пойдут любые, даже можно и немного травы подкинуть.

Пусть коптится.

Достаю шкуру из воды, расправляю её на песке и камнем сдираю остатки мяса и сухожилий.

Подкидываю песочек, тру, сметаю веничком из веток, и так, попеременно, работаю пару часиков, стирая ладони почти до крови. Хватит мучиться. Запах, конечно, будет ещё тот, но мне сойдёт. Зато тепло будет ночью.

И, кстати, пойду-ка я проверю, как там процесс идёт в моей коптильне. Процесс прогрессирует, можно сходить нарезать рога на стрелы.

На наконечники буду пробовать наколоть каменные пластинки, посмотрим, что получится, и получится ли.

Почти ничего у меня не получилось. Какие-то непонятные осколки. Но что-то всё равно попытаюсь приспособить.

Надо пойти нарвать крапивы и сплести маленькие верёвочки, и ими привязать мои наконечники (буду их так называть, альтернативы-то нет) к древкам.

Сухожилия немного подвялились, пускай ещё сохнут.

После ночи ощущение такое, как будто всё это время пробежал от костра к костру. М-да, копчение ещё тот геморр. А с мясом в дорогу надо будет обязательно что-то придумывать. Завтра ловушку насторожу и потом попробую вялить, ну и коптить, конечно.

А если сделать такой же короб, но для горячего копчения? Он же будет глиной обмазан, и, по идее, сгореть не должен. Зато насколько быстрее копчение пойдёт.

Надо будет только обмазывать в несколько слоёв, чтобы потолще слой глины получился.

Сделать всё так же, как и с первой коптильней, только короб

установить на траншею почти у самого костра, чтоб температура была повыше, но и прямого огня не было. Голова! Вот ещё денёк рыбка пусть покоптится, и переделаю конструкцию по-новому, а то никуда не отойти надолго. А что? А вдруг!

Позавтракали с Громом мясом, и пошли за очередной законной порцией рыбы.

Как и в прежний раз, рыбу и раков перекидал из двух мордушек в одну, и отнёс к костру на жарёху.

Сегодня морды устанавливать не буду, рыбы много и выбрасывать её просто так – не хорошо.

Эту пережарим, завтра докоптится вчерашний улов, а ведь ещё и мясо есть. А холодильника-то нет.

Поэтому нечего просто так дефицитный продукт переводить. Будет заканчиваться, тогда и добудем.

А сейчас пришла пора поэкспериментировать с глиняной посудой.

Буду придумывать что-то вроде глубокой чашки-пиалушки.

Беру шмат глины и разминаю его хорошо, благо высохнуть глина после реки ещё не успела. Надо добавить немножко песочка, и опять хорошо размять в руках.

Присаживаюсь к валуну поплотнее, и начинаю лепить то, что в моём представлении соответствует моим желаниям.

Приёмной комиссии тут не наблюдается, ОТК тоже отсутствует, поэтому лепим так, как получится.

Когда-то читал, как из берёзовой коры делали туеса и в них кипятили воду на костре.

Но мне этот вариант не подойдёт, кору снять не смогу и туесок не сделаю, потому как – не умею. И даже стесняться этого своего неумения не буду.

Вот и вылепил что-то похожее на глубокую миску. Подумал, и бока сверху превратил в почти правильный квадрат. Ну и заодно сделал маленькую выемку, чтобы было удобно пить.

Теперь надо обжечь. Как обжигать надо, не помню, хотя и читал когда-то. Единственное, что вспомнилось сразу, так это то, что надо держать изделия какое-то время при одной и той же температуре.

Сделаю-ка я ещё пару штук на всякий случай. И растворы сделаю разные по жирности.

Хоть одна-то из трёх должна получиться.

А если мне свои миски поставить в новую коптильню? Ведь там проще поддерживать температуру, стенки же тоже глиной промазывал? Они

же пока держатся, не отваливаются?

Надо ждать до завтра и пробовать, а пока набрать ещё жердей на новый короб, и лозы нарезать.

После обеда пробую поработать с камнем. Пытаюсь отколоть тонкие пластины. Но камень колется как хочет, а не так, как мне нужно. Зато научился мелкими ударами заострять кромки осколков и у меня появились острые камешки. В школе на уроках истории их называли рубилом. Конечно, до тех, изображенных на рисунках учебника, мне как до Китая на карачках, но всё-таки...

Забираюсь под навес, сдвигаю собаку в сторону, и мгновенно отключаюсь. Ночью встаю пару раз поддержать огонь в костре и подбросить зелёных веток, дабы не прерывался процесс копчения. Нет, с таким методом надо заканчивать – сил уходит очень много, и не высыпаюсь совсем.

Выключаюсь до утра.

Рассвет встречаю с тяжёлой головой. Ничего не радует, одна мысль – выспаться. Плюнув на всё, поворачиваюсь к стенке навеса и засыпаю.

Совсем другой коленкор! Просыпаюсь – настроение прекрасное. Тепло, солнышко светит, птички поют, речка шумит – красота!

Умываюсь, завтракаю. Или обедаю, да и какая разница, по большому счёту!

Проверяю коптильню – вполне достойная рыбка, горьковата, правда, но для меня отлично.

Переделываю конструкцию под свои новые планы, развожу огонь, и сушу своё сооружение. Сохнет буквально на глазах. Аккуратно на камушки выкладываю свою посуду, закрываю крышку и подкидываю дровишек. Процесс пошёл.

Присаживаюсь под навес и вдруг чётко понимаю, что пора двигаться дальше.

В себя пришёл, можно считать. Еда есть, да и не проблема с этим. Надо определяться, в конце концов, куда я попал, только делать это с превеликими осторожностями. Ну не хочу я влипнуть в какие-нибудь неприятности.

Я лучше издалека, тихонько осмотрюсь. А потом и решение приму. Нужное и подходящее для меня. И только так. А вот чтобы меня не обнаружили раньше времени и не сделали мне неожиданный сюрприз мешком по голове, у меня есть собака. И будем надеяться на Грома, всё равно больше мне надеяться не на кого.

Сухожилия ещё не просохли, значит, лук пока отпадает. Возьму их с

собой – не помешают.

Возьму, возьму – куда возьму-то?

Надо сплести короб, чтоб его за спиной нести, а руки освободить. Пусть свободными будут.

Вперёд на заготовку лозы.

И сегодня вечером обязательно насторожу ловушку в камышах, мясо в дорогу лучше закоптить и завялить. Плюс рыба копчёная. На несколько дней нам хватит. Работаем!

Ещё пару раз приходится принести дров – запасы быстро кончаются. То копчение, то обжиг моих глиняных изделий. Ничего, лишь бы толк был!

Вечером заканчиваю обжиг. Интересно, что получилось.

Пока будет остывать, можно пойти и насторожить зверовую ловушку. Отправляюсь на тропу, поправляю с осторожностью конструкцию, настораживаю её и маскирую свои следы. Возвращаюсь.

Темнеет, думаю – уже всё остыло. Ну что, посмотрим на результаты? Аккуратно снимаю крышку и достаю свои изделия. Все три можно использовать. Правда, две миски с трещинами, а одна вроде целая.

Тихонько щёлкаю ногтем по краю. Звенит! Эх, надо было заметить, где какой раствор использовался!

Возвращаю всё назад в коптильню, чтобы не побить ненароком и спать!

Укладываюсь с каким-то радостным настроением, душа поёт.

Утром, не успев продрать глаза, достаю целую миску и набираю в неё воды. Ставлю аккуратно на два камушка и развожу между ними небольшой костерок. Вода закипает, бросаю ветку кипрея. Убираю огонь в сторону. Пусть настаивается и остывает.

Пока можно пойти и установить мордушки.

Возвращаюсь бегом – боюсь, что Гром разобьёт мою миску. Собака-то любопытная, нос сунет и ага...

Зря бежал, всё в порядке, собака где-то бегают. Миска моя остыла и самое главное, она цела!

Отпиваю глоток. Красота! Божественный напиток! Можно теперь и мяса отварить и ушицы сварганить.

Пора проверить ловушки на берегу и реке.

Зову собаку с собой, бережённого бог бережёт.

На речке улов радует и это уже выглядит обычным делом. Отношу всё в лагерь, как всегда. А вот зверовая ловушка огорчила – пусто.

Наверное, стоило установить её на другой тропе – как-то я не подумал, что зверь пролитую кровь почует и не сунется сюда.

Снимаю со сторожка и разбираю свою конструкцию. Выношу на поляну, вечером установим на другой тропе, подальше отсюда. И надо колья заменить, они же тоже в крови. Несу ударную жердину в лагерь, там и переделаю.

Допиваю свой, так называемый чай, красота! Ну что, рискнём сварить рыбки? Хотя бульона похлебаю, а то всухомятку уже надоело питаться.

Миску аккуратно ставлю на угли, и иду на ручей чистить рыбу. В закипевшую воду бросаю несколько рыбёшек и жду, когда они сварятся.

Вынимаю мелочь и закладываю рыбу покрупнее, пусть юшка будет нажористее. Эх, соли бы ещё и перчика, да лаврушечки с картошечкой. Ну и сто капель для дезинфекции организма, и было бы вообще хорошо!

Убираю угли в сторону. Запах обалденный, даже пёса не выдержал, и свой нос пытается подсунуть, очень ему интересно, чем так вкусно пахнет, чем таким обалденно вкусным его сейчас угощать будут.

Пока будет остывать, попробую начать плести заплечный короб. Что-нибудь, да получится. Кору обдирать не буду, нечего выделяться.

Вспоминаю, как жена плела свои поделки из лозы. Тяжело вздыхаю. Да уж...

Буду делать вытянутый овал с таким расчётом, чтоб повесить короб за спину. Сантиметров пятьдесят высотой, чтоб по попе не стучал при ходьбе. Подбираю подходящие прутья, собираю основание. Вставляю направляющие для стенок и начинаю творить сами стенки.

Однако, увлёкся. Ушица-то моя остыла давно. В одной из бракованных мисок замазываю трещину глиной, и отливаю туда юшки для Грома. Пусть тоже душу отведёт.

Наконец, приступаю. Божественный нектар! Лучше и не скажешь, да и зачем говорить, всё и так понятно.

После сытного обеда, по закону Архимеда, полагается поспать. Спать-то я не буду, а вот полежать и подумать, полежу. Только миски сполосну. А ещё рыбу надо коптить... Потом, всё потом, полежу чуток.

А мысли такие, что надо мне двигаться дальше. И пойду я вниз по течению. Если этой ночью удастся добыть мяса – накопчу, навялю и пойду. Если ничего не попадётся, выдвигаюсь сразу.

Пока и рыбы хватит. Доплету коробок, в него уложу миски и припасы. Всё переложить травой и лопухами.

Поэтому полежал и хватит, работаем дальше! И подготовительный процесс пошёл! Копчу рыбу, плету короб. К вечеру всё готово. Теперь переделать колья для ловушки и пора топать искать подходящее место для её установки. Только надо постараться хорошо руки отдраить песочком и

травой от рыбы. Запах-то надо убрать!

Подходящее место нашлось довольно далеко от лагеря, ну да это не страшно, хищников я пока не видел.

Возвращаюсь и обдумываю вот такую мысль. Футболка-то у меня светлая. Ей, конечно, уже далеко до того первоначального белого цвета, но всё равно меня видно будет издалека. А это не есть хорошо.

Миску – на угли, пока вода закипает, рву пучок травы и собираю кору от ивы, благо тут её хватает.

Закипела, быстро оставляю в сторону. Запариваю траву и кору, пусть настоится. Оставляю до утра.

– Нас утро встречает прохладой! – Прорывается через стук челюсти. Продрог.

Из песни, как говорится, слов не выкинуть. Утро бодрит!

Ноги в руки и бодрой трусцой, не забыв про своё копьёцо и каменный ножик, поспешаю посмотреть, а вдруг ловушка на тропе сработала. Гром прыгает рядом.

Увы. Надеждам не суждено было оправдаться. Пусто. Ну и ладно, разбираю и выбрасываю в сторону. Больше мне на этом месте она не понадобится. Сейчас вернусь, покрашу футболку, соберусь и в путь!

Убираю траву и кору из миски и аккуратно вымачиваю там свою многострадальную футболочку.

Выжимаю, встряхиваю – сюрреализм отдыхает! Почти варёнка!

На просушку её, а пока можно умыться, позавтракать и собраться. Эх, не подумал сделать маленький горшочек для углей. Ничего, набираю сухих плашек для разведения огня.

Коробок мой собран, влажную футболку набрасываю на плечи. На ходу высохнет. Оглядываю прощальным и благодарным взглядом свой лагерь, залитые угли, навес, и ухожу.

Теперь основная надежда на собаку, я в этих зарослях ничего не вижу и не слышу.

Стараюсь идти так, чтобы речку из виду не упускать, мало ли.

Гром ведет себя спокойно, но стараюсь особо не расслабляться, постоянно присматриваю для себя предполагаемые укрытия, варианты отхода. Короче, действуем, как на враждебной территории. Хотя, почему как? Пока обратных доказательств нет, территория по определению считается враждебной!

А то потом голову на забор повесят, и радуйся, поглядывай сверху. Поэтому не расслабляемся, шагаем на мягких лапках и крутим головой во все стороны.

В полдень перекусываем плотно и забираемся в тенёк, отдохнуть. Вскоре жара немного спала и мы с Громом пробираемся дальше, пока тихо. Солнце склоняется к горизонту, мои настрадавшиеся ноги стонут об отдыхе и я, наконец-то, подыскиваю место для ночёвки.

На скорую руку сооружаю шалашик, быстро ужинаем с Громчиком, и укладываемся.

Следующий день полностью повторяет предыдущий. Вот только запасы мои заканчиваются. А мясо уже начало пахнуть. Скармливаю всё Грому.

Завтра буду заниматься ловлей рыбы, да и отдохнуть хотелось бы денёк-другой. Два дня перехода, в неудобной для пеших походов обуви, это, я вам скажу, то ещё удовольствие.

Утром подыскиваю удобное и укрытое местечко среди деревьев, чтобы и от воды недалеко было, но и не на виду. На всякий случай прячу костерок в яме, кладу туда пару сухих лесин, и иду ловить рыбу.

Смотрю на Грома и останавливаюсь. Подзываю собаку и снимаю ошейник. Слов нет, одни эмоции! Ошейник-то хоть и кожаный, но на нём же и пряжка стальная и ещё куча всяких блестяшек!

Мда, сколько раз я на этот ошейник смотрел, и только сейчас эта светлая мысль соизволила посетить мою уставшую, чтобы не сказать большего, голову.

Сооружаю на автомате ловушку для рыбы, а сам обшариваю взглядом берег. Камней хватает и я, после проверки, (проверяю ударом друг о друга) подбираю несколько кремней. У кремня после удара ещё и запах появляется специфический. В детстве на море насобираешь камней, и тюкаешь друг о друга – искры выбиваешь. Когда искры из него выбьешь, надо сразу камень понюхать. Сопливое детство вспомнилось...

Ну, что? Надо провести эксперимент по добыванию огня с помощью собачьего ошейника. Больше чем уверен, до такого ещё никто не додумался. Скатываю трут из сухой травы, застёгиваю ошейник, чтобы не болталась пряжка, и начинаю священнодействовать. В конце концов, добиваюсь своего и результат, как говорится, налицо. Наконец-то у меня будет более удобная приспособа для разведения огня! Не передать словами, как я доволен. Правда, и с помощью трения я уже наловчился добывать огонь на раз, но тут-то прогресс, так сказать – другой уровень.

Ладно, хватит прыгать от радости – пора и делом заняться.

Прополоскать одежду и стельки, всё пропотело. Разложу на камнях, пусть сушится. И сам ополоснусь. Даже Гром в воду полез. Пока сохнет одежда, есть время поваляться на песке, о высоком помыслить.

По моим прикидкам, я оттопал километров сорок, сорок пять от места своего провала. Думаю, не больше, идти-то тяжко. И обувь не приспособлена для переходов, да и окружающая действительность не позволяет спокойно прогуливаться – всё-таки растительность буйная, и пробираться через неё то ещё занятие.

Так что будем считать, что прошёл я столько. И за всё это время я не встретил ни одного признака присутствия человека. Хочешь, не хочешь, а выводов только два. Или я тут единственный человек, или местность настолько малонаселённая, что для того, чтобы встретить кого-нибудь, надо ноги до колен стоптать... Или выше. Что ещё? Признаков цивилизации, то есть мусора – совсем не видно. Куда-то меня далеко закинуло. Или заповедник, или очень малозаселённые места. Хотя, я топаю из верховий обеих речушек, и там селиться никто не будет. Зверья и рыбы тут вполне хватает, леса тоже навалом. И это я ещё вглубь чащи не заходил. Вывод – надо двигаться ниже по течению, река-то становится всё более полноводной. Увеличивается и вероятность того, что скоро набреду на что-то, что прояснит, где я. Хотелось бы ещё и понять, для чего я тут.

Глава 2. Первая встреча. Легализация.

Хочешь, не хочешь, а жить-то надо

Пока я мыслил о высоком, жаркое солнце высушило мою, уже камуфлированную одежду, да и стелечки просохли. Можно заняться делом. Хотя дел-то особых и нет. Оружие делать пока не буду, да и не с чего, с каменным топором за мамонтом бегать не собираюсь. Зверей хищных за это время тоже не встречал, следов не находил, да и собака ведёт себя спокойно. Вот определимся по месту и времени, тогда и будем голову напрягать. Охотиться тоже ни к чему – мясо-то портится через день на такой жаре. Вот уточку поймать, это хочется. И запечь её в глине. Даже слюнки побежали.

Приношу две сухих лесины толщиной сантиметров пятнадцать, и около четырёх метров длиной. Укладываю на песок у камышей буквой л. Там, где брёвнышки начинают сходиться, руками в песке прорываю неглубокую совсем канавку с таким расчётом, чтобы она плавно понижалась, и утка по ней свободно могла пройти. На выходе сооружаю из колышков небольшой прямоугольник, забивая их в песок обкатанным камушком. Сверху колья неплотно переплетаю камышом. Выкладываю из остатков рыбы дорожку между брёвен до получившейся клетушки. Ждём. Ложусь на песочек и греюсь на солнышке невдалеке. Солнышко светит, речка блестит, утки плавают и моя рыба их, похоже, совсем не привлекает. Ладно. Всё равно ждём. А есть-то, уже хочется. Особенно, как представлю запечённую в углях уточку.

Задремал. Однако, так и обгореть можно. Поднимаю голову и наблюдаю радостную картину – нашлась любопытная, на свою голову, птица. Лопают рыбку, что я разбросал, и потихоньку приближаются к ловушке. Увидев, что на бережку тоже есть какая-то еда, подтягиваются её товарки и начинается громкая свара. Уже ничего не опасаясь, выхватывая друг у друга куски рыбы, утки залезают в ловушку. Пора и мне поучаствовать. Осторожно подкрадываюсь к ловушке, чтобы не спугнуть добычу раньше времени, и выдёргиваю птицу из клетки прямо через верх. Перехватываю за шею, резко встряхиваю. Тут же ловлю вторую... И всё – добыча кончилась. Остальные с громкими возмущёнными воплями улетели. Но я доволен. Теперь нужно только обмазать тушку глиной и зарыть в раскалённые угли. От костра остался только пепел, но ничего,

сейчас я быстренько справлюсь, благо углей чуток осталось. Утку – в золу, поглубже, и разводим сверху огонь. Пока идёт процесс запекания, ощипываю и разделываю вторую птицу. Сварю бульон.

Будем считать, что готово. Выкатываю раскалённый ком из углей, разбиваю глину – пыхает раскалённый пар, шипит сок. Одурающий запах сбивает с ног, рядом Гром аж заскулил. Сил нет утерпеть, выхватываю из осколков глины обжигающую руки тушку, перекидываю с ладони на ладонь и выкладываю на лопух. Убираю оставшиеся перья, пытаюсь несколько раз подуть и остудить, но захлёбываюсь слюной. Быстро разрываю на куски и вгрызаюсь в одурающе пахнущее мясо. Собака подсовывается под руку, слюни до земли. Кидаю ему кусочек, слышу только клацанье челюстей и опять умоляющий взгляд. Приходится делить поровну.

Какая-то маленькая утка попалась. В остатке только глина да перья.

Пока есть возможность, можно сварить бульончика, чем я дальше и займусь.

Вечером надо проверить рыбную ловушку, а в утиной – как-то приспособить петли, на всякий случай. Может, ещё попадётся такая вкусная уточка.

Вечер проходит спокойно и размеренно. Рыбы попало немного. Поэтому в следующий раз надо будет сделать верши. В птичьей ловушке подвесил петельки из тонкого вымоченного ивового корня – завтра, надеюсь, буду с дичью.

Запекаю рыбу в глине на углях, это пойдёт на завтрак, а на ужин у меня есть вкуснейший бульончик и такая же вкусная варёная утка. Нам с собакой хватит. Рыбьи потроха разбросал перед утиной ловушкой. Теперь можно и отдохнуть.

Следующий день просто посвящён праздному ничегониделанию. После завтрака достаю рыбу из ловушки, и опять запекаю в углях. Уток не попало, но я дополнительно набрасываю потрошков на берегу. Ещё не вечер. Попадётся!

Всё остальное время сплю, купаюсь, ем, загораю и опять сплю. Короче, восстанавливаю силы.

Вечером меня поднимает Гром, похоже, моя задумка с петлями сработала и пора доставать добычу. Наградой послужила попавшаяся парочка уток, которым я быстро посворачивал шеи.

Завтра в дорогу, благо проблем с пропитанием нет.

И опять мы с собакой пробираемся вдоль берега, пересекая ручьи и овраги. Обходим лесные завалы и могучие заросли крапивы.

После полудня, ближе к вечеру, Гром настораживается. Резко замирает

и вытягивает шею.

Осторожно высовываюсь из кустов и осматриваюсь. Но мне ничего не слышно и не видно, надо подобраться поближе. Оставляю короб и на четвереньках пробираюсь поближе к воде.

Строжу собаку, чтобы вёл себя потише. Но тот и сам соображает – крадётся рядом со мной.

Ввинчиваюсь в траву и замираю. Раздвигать её и вылезать на берег даже и не думаю. Что бы и кто бы тут не был, если я вылезу, меня срисует на раз. А мне этого пока не надо.

Через траву высматриваю на реке долблёнку и людей в ней. Залегаю и маскируюсь, тихонько надламываю над собой несколько стеблей высокой травы и накрываюсь ей.

А люди-то рыбку ловят, сети ставят. Наблюдаю. Старый и малый, оба в чём-то сером. Длинные однотонные рубахи до колен, подпоясанные. Больше рассмотреть ничего не удаётся. И не слышно ничего.

Наконец, рыбаки закончили постановку сетей, и уплыли вниз по течению. Не могу оторвать взгляда от первых людей этого мира. Ловлю себя на том, что начинаю приподниматься над травой, чтобы окликнуть рыбаков. Собака внимательно смотрит на меня, как будто спрашивает, что делать.

Этот взгляд приводит меня в чувство, разжимаю судорожно сжатые кулаки и опускаюсь назад в траву. Надо успокоиться и всё разведать. Тихонько отхожу назад.

Значит, я угодил всё-таки в прошлое, судя по одежке и лодке, и, слава богу, что тут есть люди. Это уже появляется хоть какая-то определённость. Судя по одежде, а что – по одежде? Такую одёжку носили в деревнях чуть ли не до батюшки царя-освободителя. Нечего тут сидеть и умничать – надо делом заняться. Только выпуливаться из камыша с криком – вот он я весь из себя такой прогрессор, встречайте меня – не стоит. Ещё на вилы поднимут или, что вернее, притопят. Да и с языком надо будет как-то разобраться. А пока подберёмся поближе и глянем осторожненько, что там мне повстречалось.

Строжу Грома и пробираюсь вслед за рыбаками, посматривая по сторонам и прислушиваясь.

Наконец, впереди через кусты проглядывают сторожевые башенки. Стоп, дальше нельзя, могут заметить. Вовремя останавливаюсь и отступаю.

Вот и нарисовалась проблема с легализацией. В таком виде, одному, мне в поселение лучше не соваться, в лучшем случае посадят в острог или кинут в яму, и жди потом честного и справедливого суда.

А могут ведь и продать запросто, и ошейник рабский надеть. Кстати, надо ошейник Грому вернуть – целее будет. Уж о таких случаях много чего написано в разных умных книжках. Нужно для начала побродить по округе, может, найду какие-нибудь ответы на свои вопросы.

Только очень осторожно надо бродить, чтобы шпионом не выглядеть. Кто знает, какие мысли придут в головёнки местным жителям, если увидят меня такого, неизвестно в какой одежке и в резиновых галошах, да с собакой, породы которой тут быть не может по определению, да ещё и чёрной, как ночь. Вот же проблема! Нет людей – плохо! Появились – ещё хуже стало!

Ладно, надо искать тропки, и по ним, по неведомым, побродить, посмотреть. Ну что – вперёд, Гром. На тебя вся надежда, ты уж не подведи меня, мальчик.

Птиц нет, это хорошо, не выдадут. Поиски оказались безрезультатными, ничего мы не нашли, никакого мусора. Видимо, плотность населения тут оставляет желать лучшего. В крепость соваться абсолютно не с руки. Надо вернуться на то место, где я рыбаков встретил и попробовать с ними наладить контакт. Может, что и получится.

Располагаюсь на косе, неподалёку от места постановки сетей, развожу маленький костерок. Варю ушицу из остатков своей рыбы, и настраиваюсь на долгое ожидание.

Как я и думал, рыбаки появляются рано утром. Сначала меня об этом оповестил Гром – заворочался, насторожился, глянул искоса, заметил ли я, а чуть погода донёсся и еле слышный плеск вёсел. Подкидываю пару веточек в костёр, прячу свою самодельную посуду, ни к чему пока лишние вопросы. Сижу, якобы перекусываю на берегу.

Из тумана выныривает челнок с давешними рыбаками. Замечают меня и начинают судорожно табанить. Сажусь и приветствую поднятой рукой людей. Вроде подуспокоились, вёсла опустили и, похоже, тоже думают, что делать. Будут сети проверять или удерут сразу? Нет, видимо решили проверить. Это хорошо, появляется шанс. Спокойно сижу и наблюдаю за рыбаками. Мужики тоже косятся постоянно. Но сети выбирают хоть и споро, но без дёрганья, это уже радует. Когда процесс подходит к концу, оглядываются на меня. Я жестом приглашаю к костерку и развожу руки в стороны, показывая, что у меня нет оружия. Рыбаки, перемолвившись между собой, подгребают к косе. Один остаётся в лодке, а второй осторожно выпрыгивает на песок. Поднимаюсь, даю команду Грому оставаться на месте и делаю пару шагов навстречу. Рыбак тоже подходит на пару шагов и недоумённо рассматривает мою одежку, переводит взгляд на

галоши и выпадает в осадок.

Взрыкивает собака, и мужик приходит в себя. Второй что-то спрашивает, рыбак отмахивается. Я жестом приглашаю присесть к огню. Присаживаемся, гость не выдерживает первым и начинает выпрашивать меня. Ёшкин кот, а вот и первый рояль нарисовался. Всё, что говорит мне мужичок, я отлично понимаю. Повторяю сказанные мне слова приветствия и представляюсь идущим издалека вольным мастером, желающим посмотреть мир и подзаработать денег. На тут же последовавший справедливый вопрос, где же тогда мои вещи и инструменты, отвечаю, что отобрали лихие люди. Пришлось всё бросить и спасаться бегством. Про мастерство отвечаю, что я строитель, но могу и ещё кое-что делать. Не знаю, правильно ли я назвал свою профессию, может и нет таких слов ещё, но уже поздно метаться, болтанул, не подумав.

Всё время внимательно отслеживаю реакции собеседника, всё-таки первая проверка. Некоторые мои ляпы можно списать на иноплеменное происхождение, равно как и одежду, и собаку. Только на это надеюсь и напираяю осторожно.

Наконец, задаю свой самый животрепещущий вопрос: – Куда я попал?

– Так, Опоцка это. – Отвечает мне рыбак. Уже легче.

– А старший кто в поселении? – Спрашиваю, чтобы хоть как-то сориентироваться во времени.

– Дружинник княжеский Изяслав.

– А княжит у вас кто?

– Трувора княжить в Изборске посадили весной, вот он и разослал малые дружины для защиты поселений от татей и врага, да присмотра.

Вот это я провалился, или, если сказать по-другому – попал, так попал. Ведь про эти времена никому толком ничего не известно – всё на уровне домыслов. Думай голова, хорошо думай.

Надо как-то легализовываться.

– А одежду какую найти можно в поселении? А то остался без одежды, показаться людям на глаза стыдно? Денег у меня нет, да вот, кроме собаки, ничего и не осталось. Всё, что было нажито непосильным трудом, пропало.

Замаялись мужички, похоже, жадность одолела. А, может, и у самих ничего лишнего нет. Ладно, пойдём другим путём.

– А торг-то у вас тут есть?

– А как же, всё есть, всё можно купить, были бы денежки.

– Возьмёте с собой до поселения? А то я в своей обуви далеко не уйду. – Хитрю я.

– А зверь-то твой ну как лодку перевернёт?

– Да нет, он смирный, ляжет на дно и будет лежать.

– Ну, залезай тогда, да за зверем своим смотри хорошо.

Ну вот, дело-то движется, доберёмся, осмотримся и подумаем, что дальше делать. Хотя, наверняка, отведут меня к князьему дружиннику, а вот он и будет мою судьбу решать.

Ничего, выкрутимся.

Подбираю свой коробок – пригодится, выбросить никогда не поздно, и заскакиваем с Громчиком в лодку, сразу укладываю его, чтоб не прыгал и сажусь рядом, придерживая его за ошейник.

Рядом корзины с рыбой и мокрые сети. Лодка интересная, выдолблена из цельного ствола и борта нарёзаны на пару досок. Должна быть тяжёлой на ходу, но рыбачки, смотрю, лихо управляют.

С жадностью смотрю по сторонам, впереди выплывают мостки. А лодок-то совсем мало. Или все на промысле, или, что вернее, даже такую лодку не всякий себе позволить может. Попробуй, выдолби этакое чудо, это умельцем нужно быть. Вот, кстати, прекрасный вариант – можно лодки делать. Соорудить простенькую лесопилку, чтобы брёвна на доски распускать, да начать лодочки строить. Уж какую-никакую расшиву или ушкуй я могу построить, не говоря о таких вот лодчонках. Кстати, здесь же парусное вооружение никакое ещё – можно косые паруса поставить, и будет мне счастье. Надо будет перебираться поближе к озеру, город-то уже должен там быть.

Лодочка ткнулась в низкий берег, прошуршав днищем по дну, мужички выпрыгнули. Мы с Громом сиганули за ними. Помог вытащить лодку повыше на берег.

Да, затупил я. Мостки-то тут, видимо, только для девок да баб – бельё стирать, а лодчонки все на бережку сохнут.

Подхватываю корзину с рыбой и поспешаю за мужиками. Впереди изгородь из вертикально врытых брёвен, высотой метра три, деревянные же ворота. В воротах – пара стражей. Что-то вроде кожаных курток, обшитых каким-то железом, свободные шаровары и сапоги, опять же из кожи. На головах – шапки. В руках копьё, но не длинные, чуть выше голов. Наконечники тоже железные. На поясах с одного бока мечи, а с другого – висит то ли большой нож, то ли маленький меч. За спиной круглые щиты.

Насторожились, копьё перехватили, разошлись в стороны, смотрят внимательно. Сверху над частоколом мелькнула чья-то голова, отсверкнула чем-то железным.

– Гром, спокойно. – Тихо командую.

Подходим, мужики что-то тихо рассказывают, оглядываясь на меня.

Стою, отстав на несколько шагов, нечего лишний раз стражу напрягать. О чём там шепчутся, не прислушиваюсь, да и так всё понятно. Наверняка рассказывают, что очень странного чужака поймали.

Опускаю корзину на землю, стою спокойно, хотя внутри всё в тугую пружину сжалось. Гром на полшага выступает вперёд. Почуял моё напряжение и решил защитить.

– Спокойно. – Повторяю команду.

Доклад, похоже, закончен, оба военных смотрят на меня. Здравуюсь, от меня не убудет.

Левый стражник кивает в ответ, а правый сдвигается чуток в сторону и назад.

Ох, что-то не нравится мне такая встреча. С другой стороны, кто я тут такой для них, чужак, и звать меня никак.

– Кто таков, куда и откуда идёшь? – Спрашивает опять же левый стражник. Получается, он тут старший.

Делаю два шага вперед. А ребята-то сразу как напряглись. Стоп, дальше не пойдём, нечего их провоцировать лишний раз.

– Вольный мастер, ищу, где заработать можно, иду издалека. Да по дороге лихой народец решил за мой счёт пожить. Хорошо хоть сам ноги унёс, если бы не собака, лежал бы сейчас в кустах каких. – Глажу собаку по голове.

– Инструмент, правда, пропал. Жалко, справный был и больших денег стоил.

– Одежка на тебе странная, это где ж такую носят?

– Я ж говорю, иду издалека, очень издалека, из Гишпании. Город Толедо, там и мастером стал, многому научился. Вот решил мир посмотреть, да денжат заработать, и осесть там, где сердцу приглянется. А одежка – в такой одежке там все спят. Налетели-то на меня рано утром, вот и одеться не успел, убежал, в чём был.

Чувствую, напряжение из стражников чуть-чуть ушло, продолжаю навешивать лапшу дальше.

– Пробирался по реке, ловил рыбу, уток, места-то незнакомые. Встретил ваших рыбаков, попросил до поселения подвезти.

– Ну и что ты тут делать будешь, денег-то у тебя нет? Ни одежку купить, ни переночевать, ни в харчевне расплатиться. Что на это скажешь? Если что дурное умыслить собрался, то у нас поруб холодный, враз голову остудит.

– Да нет, дурного ничего не умышляю. Руки есть, голова на месте. Может, кому что помочь надо будет. Я много что умею делать. Вот и

заработаю. А, может, вы мне подскажете, кому работник нужен или где какую монету заработать можно?

Переглянулись между собой стражи, посовещались взглядами.

– Дойдешь до десятника, расскажешь ему про себя, может, что и присоветует тебе. По крайней мере, других вариантов у тебя пока нет. Вот рыбаки тебя и проводят.

– Батяша, проводи гостя, как разгрузитесь. – Кивнул стражник старшему из рыбаков.

– Ступайте. А ты смотри – поселение у нас невеликое, все на виду.

Киваю в ответ, поднимаю корзину и топаю за мужиками, ощущая, как жжёт спину подозрительный взгляд.

Ффух, кажется, пока пронесло. Первая встреча прошла «на высоком уровне». Вроде не спалился.

Но впереди ещё встреча с местным воеводой, а на эту должность дураков в эти времена не ставили.

Улочка прямая, дома стоят рубленые, небольшие и невысокие. Крыши крыты камышом, труб печных нет. Чистенько. В основном, весь народ возится на огородах, хотя слышу вдалеке звон железа, где-то работает кузнец. Детишек тоже не вижу, наверное, все приставлены к делу. Поживём – узнаем.

Куда же, интересно, рыбу несём? Или торг, или производство. Хотя, зачем гадать – дойдём, и всё своими глазами увижу.

Наконец, заносим корзины в ворота, за ними строение, раза в два больше остальных. Обходим, и с задней стороны, рядом с прорезанными в стене, дверями, наконец-то обнаружилась небольшая, сложенная из камней, печка. Ставим корзины на землю. Батяша заходит внутрь, а я быстро осматриваюсь.

Довольно свободный двор, в дальнем углу что-то вроде выгребной ямы и туалет. По крайней мере, что-то на него похожее. Тут же рядом загородка, в которой бегают несколько свиней. Вижу коз, сеновал, небольшой сарайчик, похожий на курятник, с выгулом. Чуть в стороне огород, на котором копошатся несколько человек.

На меня никто внимания не обращает, вот и славно.

Наконец, появляется Батяша. За ним степенно выплывает колоритная личность, полностью заполняя собой дверной проём. Огромный мужик – сила так и прёт из него. Вьющиеся русые волосы, остриженные под горшок, аккуратная борода и усы. Одежка побогаче, чем у рыбаков и стражников. Шапка из меха, с заломом, рубашка расшита узорами по воротнику и манжетам, пояс разукрашен какими-то кистями. В ножнах на

поясе небольшой клинок. Хотя, может для кого и небольшой, а для меня так больше на меч по размерам потянет. Зелёные шаровары и мягкие сапоги. Похоже, директор местного общепита. Но выглядит достойно – харизматичная личность.

Осматривает улов и распоряжается заносить корзины в темноту помещения.

Подхватываю свою ношу и спешу за своими знакомцами. Помещение разделено на общую и внутреннюю зону. В общей стоит несколько больших столов с длинными лавками. Во внутренней – оборудована кухня. Посередине большая печь из камней, опять же без дымохода. Часть дыма уходит в отверстие на крыше, но всё равно дышать нечем, как они тут постоянно готовят? Мне так без противогаза не выдюжить, да и глаза режет, сразу слёзы потекли. Поваром женщина, и в помощницах у неё две девчушки.

Больше ничего увидеть не получается, слёзы так и текут. А они тут целыми днями.

Примащиваю корзину вслед за другими на лавку и спешу на свежий воздух.

Вот оно, оказывается, счастье – глоток свежего воздуха. Да уж, привычка – страшная сила!

– Ну, что? Пойдём, отведу тебя. – Зовёт Батяша.

Откашливаюсь, вытираю слёзы и догоняю своего провожатого. Собака моя прыгает вокруг, радуется. Как же, любимый хозяин живым вернулся из страшного дыма. Да, коптильня ещё та.

А вот это строение впереди и получается воинская изба? Чуть поболее остальных домишек, и обнесена по кругу невысоким частоколом. Угадал. Проходим через узкую калиточку рядом с воротами, чистенько, дорожки песочком отсыпаны. Перед крылечком ровная площадка, с одной стороны площадки что-то вроде спортивного инвентаря разложено. Мешки с песком, камни разных размеров, брёвнышки. Даже какое-то подобие турника установлено. С другой стороны вкопаны чурбаки разной высоты. По чурбачкам два бойца скачут, а снизу два других пытаются их палками скинуть. А это сооружение у избы похоже на оружейную стойку. Потому что вижу копья и мечи. Чертыхаюсь про себя – древние века, варвары, да тут порядка и цивилизации, почти как у нас, а то и больше. Если бы ещё печки топились по-белому, вообще красота была бы. А кто мне мешает прогресс двинуть, и соорудить печку с дымоходом? Элементарно, Ватсон!

Батяша поднимается на крылечко, я за ним. Командую Грому, чтобы ждал и захожу в избу.

Окна в доме небольшие и затянуты, не пойми чем, поэтому со света ничего не вижу.

– Пришли, наконец? Долго добирались. – Слышу из угла.

– Да сам же знаешь, пока Гостимир каждую рыбину не осмотрит, товар не примет. Вот как принял, так мы сразу же и пришли.

Наконец, мои глаза привыкли к сумраку избы, и я осмотрелся. Большое помещение, посередине такая же печь, как в трактире, у стен лавки. В углу здоровущий стол, за ним на лавке сидит десятник. Одет так же, как и стражи на воротах. А нет – железа на нём побольше, и пояс побогаче.

Пока я осматривался, десятник тихонько переговорил с Батяшей и отпустил его. Теперь пришла моя очередь.

– Ну, здравствуй, мил человек. Меня кличут Изяславом, отвечаю за оборону поселения, слежу за порядком. Посажен сюда Князем нашим. Теперь хотелось бы от тебя услышать, кто ты таков, откуда и куда идёшь, чем на жизнь зарабатываешь? Что по пути видел, кого встречал? – Взгляд-то у десятника, что рентген, до косточек пробирает. Сразу армия вспомнилась, так и подмывает стойку смирно принять. Ну, нас то тоже не пальцем делали, за плечами двадцать лет службы, всякого повидал.

– Родители Владимиром назвали, родился и вырос далеко отсюда. Когда родителей не стало, решил мир посмотреть и себя показать. Так и шёл от селения к селению, от города к городу. На жизнь трудом своим зарабатывал, пока на лихих людишек не наткнулся. Если бы не собака моя, лежал бы сейчас в кустах каких. Но с инструментом своим мне пришлось расстаться, иначе не убежал бы. Люди на моём пути попадались и злые, и добрые. Голодать не голодал – потому как руки на месте, и есть голова на плечах.

– Доложили мне, что из дальних стран ты идёшь. Где ж ты нашему языку научился?

– Вот пока шёл, языки и учил. – Отвечаю. – Ведь я не только ваш знаю, но и на других тоже немного могу говорить. Не то чтобы совсем уж хорошо, но понять могу, о чём речь идёт.

– Это хорошо, всегда пригодиться может, а мастерить-то, что умеешь?

– Да много что умею, вот печь могу вам сложить в избе, ни чета вашей будет – теплее станет и дым пропадёт. Дома каменные могу поставить.

– Неужто и дыма не будет вовсе?

– Не будет. – И смотрю внимательно, реакцию отслеживаю. Заинтересовался, кулаки сжал, спину выпрямил. Давай, родной, заглатывай наживку поглубже. Сейчас для меня главное зацепиться тут, заинтересовать

местный народ. А то долго буду под присмотром.

– Значит, печь можешь нам сложить. – Размышляет вслух десятник, а сам тоже краем глаза на меня поглядывает.

– Сложить-то можно, работа хоть и очень сложная, тяжёлая, но и результат того стоит.

– Так, ладно. – Хлопает ладонью по колену. – Денег у тебя нет и расплатиться за кров и прокорм тебе нечем. – Смотрит на меня вопросительно-утверждающе.

– Так. – Киваю. А что тут скажешь.

– Тогда жить пока с нами станешь. Присмотримся к тебе, что ты за человек. Кормиться тоже с нами будешь с одного стола. Одежку свою поносишь, не зима, чай. За собакой своей сам смотри, проблем чтоб никаких от неё не было, пусть на дворе живёт. Убирать за ней будешь. С воинами моими не задирайся, да и не получится у тебя. Молчи, предупредить я тебя обязан. Вопросы есть?

– Всё ясно, но пара вопросов имеется.

– Давай. – Смотрит вопросительно.

– Спит каждый на своём месте, или кто где получится? И за столом – куда мне садиться, на любое место или...?

– Спать будешь в углу, вот тут. Место твоё за столом будет с краю. Ложки, чашки у тебя тоже нет? – Смотрит вопросительно.

– Нет, всё пропало. И денег нет, чтобы новые купить. – Отвечаю, давя на сочувствие.

– Ложку и чашку дадим. Пока свою не купишь, попользуешься нашими. Понятно?

Не прокатило. Что делать, кров и стол получил, и за то огромное спасибо. Да и жив пока.

– Всё понятно. – Отвечаю. – Благодарствую.

– Раз всё понятно, ступай на двор. К столу не опаздывай, ждать не будем.

Вышел на крылечко, Гром подскочил, хвостом машет, радуется. Ну, хоть кто-то мне радуется.

Огляделся, бойцы продолжают по брёвнам прыгать. Не буду им мешать, отойду на другую сторону. Вот тут на камушек присяду у изгороди, да и подумаю хорошенько. Заодно и в себя приду, переволновался.

Про печки я хорошо придумал, никуда местные от меня не денутся. И десятник, и трактирщик, а за ними и другие подтянутся. Так что работой я себя обеспечу и, соответственно, заработком тоже...

Но для этого нужно найти подходящую глину, местные же её где-то берут? Сделать несколько форм для кирпичей, и процесс пойдёт. Обжигать негде, поэтому сначала буду делать печь для обжига – небольшую, с большой мне пока не сладить. Народ, по идее, должен начать любопытствовать, поэтому кто-нибудь, да загорится новыми знаниями, и будет у меня помощник, а то и не один.

Место для работы! Вот о чём в первую очередь надо узнать. Лучше начинать работу рядом с залежами глины. Хорошо бы и вода рядом была. Лопаты нужны, яму затворную сделать. Для печки придётся кирпич просто высушить на солнце, сколько-то простоит, а там уже будет полегче.

Рыкнул Гром. О как я задумался. Проекты строю, а по сторонам кто смотреть будет?

Бойцы закончили свои попрыгушки и подошли ко мне. Любопытствуют или что задумали?

– Спокойно. – Командую собакину и поднимаюсь на ноги.

Да нет, про «задумали», это я погорячился. Больно глаза у ребят добрые, плохого в них ничего не видно. Любопытство наружу так и просится.

– Будь здоров. Вот, подошли познакомиться, да поговорить с новым человеком. – Говорит самый бойкий. – Меня Мстишей кличут. Это Ждан, Добронег и Вторуша. – Представляет остальных парней.

– Владимир, сын Владислава. – Представляюсь.

Оп-па, что-то я накосячил. Как-то резко насторожились хлопцы. Вылетело слово, назад не запихаешь. На заметочку этот момент, и потом разузнаем, что к чему.

– Говорят, издалика к нам? – Осторожно так спрашивает.

– Да уж, ноги-то потоптать пришлось хорошо. – Спокойно отвечаю.

– И что там? Тоже люди, как мы живут? А как живут, где живут, с кем воюют, что одевают. – Посыпались вопросы.

– Да везде люди одинаковые. Живут так же – кто-то лучше, кто-то хуже. Всё, как у нас. Одежка тоже разная, отличается, конечно, от вашей кое чем, а так всё одно и то же.

– А вот на тебе что такое надето? Это где такое делают и носят? И обувь такая странная, никогда такой не видел. – Подключается Ждан.

– Делают далеко отсюда. Год идти надо. Видишь, как изнашивалось за это время. – Придерживаюсь своей версии.

– А собака у тебя, мы такой и не видели. Откуда такая? – Спрашивает третий.

– Собака эта из Италийской земли. Есть такая далеко на юге. –

Поворачиваюсь к нему.

У бойцов глаза по пять советских копеек. – Неужто ты и там побывал? Вот что ответить? Буду продолжать играть роль бывшего путешественника.

– Довелось и там побывать. – Солидно отвечаю. О, кстати, сюда надо вернуть идею про печки. – Научился я там печному делу.

– А это ещё что такое? – Ключнули.

Прочитываю им краткую лекцию в двух словах об отопительных и варочных печах, пусть слухи начинают расползаться. А то неверие и недоверие местного населения ещё победить нужно. Ничего, курочка по зёрнышку клюет, победим!

– Что, такую печь кому-то делать будешь? – С огромным почтением спрашивает Мстиша.

– Вот думаю делать, только сначала хорошо подготовиться нужно, инструмент spravит, место найти для работы. Придётся времени и сил много потратить. Сделаю – заработаю. Жить-то на что-то надо. Ваш начальник меня на постой пока к вам определил. Вместе будем теперь, вот сами всё и увидите.

Тут и Изяслав на крыльцо вышел, лёгок на помине – только глянул, бойцов как ветром сдуло, кинулись тяжести ворочать.

Крякнул, головой мотнул и пошёл на улочку.

Подхватился и я следом за ним. Догнал, пристроился рядом.

– Что ещё спросить хочешь? – Искоса глянул на меня десятник.

– Хочу для своей работы начать кирпичи из глины делать. Не подскажешь, к кому за разрешением подойти нужно?

– Мне сказал, этого хватит. Ещё что хотел? – Смотрит, что не отстаю.

– Ещё бы место найти, где глина хорошая есть, и вода недалеко. – Забрасываю удочку.

– Есть такое. Завтра покажем, должен будешь.

Ну да, кто бы сомневался. Ничего за столько веков, оказывается, не изменилось. Было, есть и будет.

– Понимаю. – Киваю в ответ.

Останавливается и поворачивается ко мне:

– Об остальном вечером спросишь, когда спать ложиться будем.

Теперь мне необходимо дойти до кузни, познакомиться с кузнецом, посмотреть, что он может сделать. Да и на будущее нужно задружиться. Сюда шли, звон вроде с той стороны слышался, вот туда и отправимся.

На отшибе вижу искомое строение. Распашные двустворчатые двери, даже не двери, а больше на створки невысоких ворот похожи. Из них дым

валит. Как же они тут к дыму привыкли, дышать же нечем?

Крепкие люди.

Подхожу ближе, отвлекать кузнеца как-то не с руки, да и некрасиво мастеру в работе мешать.

Может, он там о высоком мыслит-творит, дыма наглотавшись.

Присаживаюсь на бревно у стеночки, подожду. Рано или поздно, а кузнец всё равно подышать выйдет.

Наконец, мои ожидания пришли к своему логическому завершению. Створка заскрипела, и я вынырнул из дрёмы. Половинка воротины приоткрылась, и на улицу шагнул, будем считать, что кузнец. Потому что у меня получился разрыв шаблона. Вопреки сложившемуся стереотипу, кузнец оказался невысоким, худым и жилистым человеком, да ещё и до черноты прокопчённым. Волосы все в копоти, и дыбом стоят, на лбу верёвочка широкая, чтобы пот глаза не заливал, наверное.

Помяни нечистого к ночи, вот он наяву и появился.

Подрываюсь с бревна, но неспешно, солидно, себя-то тоже подать необходимо грамотно.

Здоровуюсь первым, проявляю уважение. Во взгляде вижу усталость и лёгкий интерес, скорее к моей одежде, чем ко мне. Всё правильно, мне-то его и заинтересовать пока нечем. Попробую сыграть на профессиональной гордости.

– Не помешаю, уважаемый?

– Сиди, чего уж там. – Кузнец основательно усаживается на самую середину бревна и откидывается на стену кузни. С наслаждением вздыхает, прокашливается и сплёвывает через бороду чёрную, тягучую слюну.

– Эх, хорошо-то как. – Зажмуривается от удовольствия.

Приблизительно через полчаса коваль пошевелился, потянулся:

– Твоя собака?

– Моя. – Скупно отвечаю. Болтуном прослыть неохота, помолчу пока.

– Откуда такая серьёзная взялась? У нас таких и близко не видел.

– Издалека, из чужих земель.

– Вот оно как. Если будут сук подсовывать на случай, просто так не соглашайся, потому что у нас, да и в округе – нет таких собак. А то, слышал, всё имущество своё ты потерял. Вот хоть мошну немного набьёшь себе, не гоже таким видом народ честной пугать. – Покосился кузнец.

– За совет спасибо. – Киваю. – Только вряд ли будут подсовывать. Собак-то я у вас и не видел.

– Всё у нас есть, и собаки тоже есть. Только все хорошие – на промыслах, да на службе. Погоди чутка, придут ещё. Если что, можешь на

меня сослаться. Мол, кузнец Головня научил. – Захихикал мастер.

– Благодарю за науку. – Кивнул ему.

– А ко мне зачем пришёл? Ко мне ведь только по делу ходят. Просто так поболтать никто не заходит.

Вот оно что. Правду я читал, что кузнецы почитались наравне с колдунами. Считалось, что в своей кузнице им черти помогают, и простой люд стороной обходил и кузню, и самого кузнеца.

– Я так понял, что уже все вокруг знают о моей беде. Захребетником мне становиться неохота, а инструмент мой весь у лихих людишек остался. Но есть у меня задумка одна, как можно и заработать хорошо, и людям помочь.

– Это как же, зарабатывая, ты другим людям помогать будешь? – Покосился кузнец.

– Да так же, как и ты, и любой другой мастер. Ведь ты тоже людям помогаешь, куёшь им всякое нужное, а они тебе за то исправно платят, ведь так?

– Вон как ты повернул. Ежели так считать, то всё правильно. И заработок, и людям помощь.

– Вот я и помогу людям, могу печи класть. Не будет того дыма в избе, гораздо теплее станет и ещё готовить можно будет на них. – Спокойно, как бы размышляя, объясняю свою задумку. – И заработок хороший, опять же. Дело-то новое, полезное.

– Да разве можно без дыма-то? – Удивился Головня.

– Можно и нужно. Тебе-то самому разве по нраву в этом дыму свою работу делать? – Теперь уже я покосился на мастера.

– Дык. – Запнулся кузнец. – И отец мой и дед, все так работали.

И что я ему скажу? Что нужно прогресс вперёд двигать? Так ему на этот прогресс с высокой колокольни... У него все предки так работали. Думай, голова, начальником станешь.

– Вот что я тебе скажу. Для того, чтобы такую печь сложить, надо кирпича много наделать. По одному лепить, долго очень получится, к осени если только. А кушать хочется каждый день. Придумал я соорудить приспособление, чтобы за раз делать по нескольку кирпичей. Дело пойдёт гораздо быстрее. Сегодня вечером буду с десятником говорить. Может, подскажет мне место, где хорошей глины много. Буду мастерскую ставить.

– С десятником, говоришь? – Задумался кузнец. Заскрёб затылок пятернёй, посыпались хлопья сажки. – Место и я тебе указать могу. – Хитро прищурился.

– К месту мне и вода рядом необходима. Без воды ничего не

получится. – Щурюсь в ответ.

– Есть и ручей рядом. – Тянет Головня. – Только тебе всё равно без моей помощи не обойтись, инструмент понадобится.

Есть! Заинтересовался. Теперь аккуратно разговариваем дальше.

– Может и понадобится. Да только ты ж просто так мне инструмент не сделаешь? Наверняка взамен что-то потребуешь. – Теперь тяну я.

– Договоримся так. С меня инструмент, какой нужен будет, и помощь тебе, а ты меня учишь своему делу. – Осторожно предлагает и смотрит, проскочит или нет.

Щазз! Дураков нет! Дело-то новое и перспективное, доход сулит не просто хороший, а астрономический. Но вся фишка в том, что мне тут оседать не с руки. Мне б куда поближе к большому Псковскому озеру. Но говорить о своих планах я, конечно, не буду. Немного приподнимусь и стартану дальше.

– Смотри, Головня, вот сделаешь ты мне инструмент, начну я делать кирпич, и научу тебя всему, что знаю сам. Печи научу класть. Ты мастер, поэтому мою науку переймёшь на раз. Я пришлый, ты местный – вся работа к тебе уйдёт, и останусь я ни с чем, только с инструментом, который не так-то сложно сделать. Вот и посуди, для чего мне тебя учить, какая такая мне с этого будет выгода?

Задумался кузнец. Прямо вижу активный мыслительный процесс, даже сажа с головы посыпалась. Надо помочь бедолаге.

– Давай так. С тебя за обучение инструмент, посильная помощь, если работы в кузне не будет, одежда, обувь и питание мне и моей собаке. Если что понадобится для нашего (специально выделяю это слово) дела – ты сделаешь. Могу тебе помочь по мере своих возможностей. Это пока учить тебя буду. Когда будем работать заказы, всё делим пополам, за вычетом изготовленных изделий.

Опять убеждаюсь, что наши предки нам ничем не уступали по части соображения. Разные эпохи и технологии, а люди – какими были, такими и остались. Сам уже запутался, где оно теперь, моё прошлое, настоящее, будущее? Раньше или сейчас, или потом. Я уже сам стал раньше.

А собака-то тут причём? – Довольно спрашивает кузнец.

– Как это при чём? Ты учиться хочешь, или предпочитаешь, чтобы я ему пропитание добывал? – Так же довольно отвечаю я.

– По рукам. – Хлопает себя по бёдрам и выбивает тучу пыли из штанов Головня.

– По рукам.

– Когда показать место сможешь? – Встаю с бревна, сидеть уже не

могу, отсидел всё, что можно и что нельзя.

– Да вот сразу и пойдём. Посмотришь, подойдёт нам такое место или ещё искать нужно будет?

– Пошли, коли не шутишь. – Пытаюсь разработать затёкшие мышцы.

Кузнец через голову снимает толстый кожаный фартук, вешает на прибитую скобу, хлопает себя по одежде, опять вздымая в воздух тучи сажки.

– Ступай следом.

Поворачивает за угол, вижу заросшую крапивой и лопухами тропку. Оказалось, совсем недалеко идти, минут десять, пятнадцать. И, похоже, местные тут глину себе и добывают. Спуск к ручью с обрывистого берега, и берег весь расковырян.

Спускаюсь с обрыва, Головня остаётся стоять – смотрит сверху внимательно.

Подбираю комок глины, разминаю в ладони, смачиваю в воде, опять разминаю. Скатываю колобок и оглядываю залежи. Отличное место! И глина отличная, можно сразу в дело пускать, никаких добавок не надо. Можно тут же и ямы выкопать затворные, и подсушивать сразу же отформованные кирпичи. Навес как раз поместится между склоном оврага и ручьём. А там, за навесом, печь сложу для обжига, чтобы недалеко таскать было. Лесок метрах в ста начинается – вообще хорошо, всё рядом. Будет где дровишки брать.

Машу рукой, подзывая кузнеца.

– Как место, подходит ли? – Вопросительно смотрит мастер.

– Место отличное. Давай наметим, что где у нас будет находиться, и завтра приступим к подготовке, ну или я сам приступлю, если ты шибко занят будешь.

– Занят, не занят, а работать начнём вместе. Хочу сам видеть, что и как делать будешь.

– Так это ещё лучше. Утром поем и сюда приду. Только не знаю я, когда в воинской избе за стол садятся. Проходить мимо буду, загляну к тебе. На завтра нужно пару топоров и лопат приготовить, есть у тебя, или делать нужно будет?

– Для такого дела найду. – Вопросительно смотрит. – Ещё что нужно будет?

– Пока хватит. Оборудуем место, выкопаем ямы и глину готовить будем. Пока глина будет размокать, я тебе рисунки дам. По ним и надо будет сделать дельные вещи. Сделаешь всё по два. Один мне, второй себе оставишь.

Закончив разговор, возвращаемся к кузне. Мелькает мысль зайти и оглядеться, пока мастер молчит. Ловлю эту мысль за хвостик, пока не убежала и, спросив разрешение, пригнув голову, осторожно захожу внутрь.

Больше всего меня интересует наковальня. Потому что наковальня в кузне всему голова, именно с неё и начинается кузница, а уже потом, на втором месте, идут инструменты. Кто-то скажет, что кузня начинается с кузнеца, а уже потом всё остальное – и тоже будет прав. Но мне, в данной ситуации, наковальня важнее, ибо потребуется сделать много длинных и тонких пластин. Так что наковальня мне понравилась.

Теперь хорошо было бы чем-нибудь перекусить, о чём и намекаю Головне.

Мастер хмыкает, проходит в закуток, который я даже и не заметил в сумраке кузни, чем-то там гремит, и выносит берестяной короб.

Выходим на улицу, присаживаемся на всё то же брёвнышко. Короб мастер ставит перед собой, и жестом фокусника откидывает крышку.

Очень мне интересно, как он будет пайку свою делить, вспомнит ли про собаку. Хотя, попробуй про такого не вспомни, вон как слюни висят. Головня делит всё на троих, каждому достаётся кусок лепёшки и шматок варёного мяса. Тут же на бревне режет луковицу на двоих. Откуда-то достаёт глиняную миску и наливает в неё молока из кувшина. С опаской придвигает ближе к собаке.

Боюсь накосячить, поэтому жду, когда мастер первым приступит к еде. Вдруг надо богам кусочек кинуть или ещё что, но тот просто и без затей вгрызается в мясо, и запивает лепёшку молоком, предварительно отлив и мне порцайку в глиняную кружку. С большим энтузиазмом следую его примеру, и очень скоро всё хорошее в этой жизни, как всегда, быстро заканчивается. Поспешаю ещё и потому, что моя собака проглотила всё как крокодил за раз, и уселась напротив меня заглядывать прямо в душу своими жалостливыми глазами. Может, ещё что дадут? Но тут пайка одному только-только.

– Благодарствую, мастер, за угощение. – Поворачиваюсь к нему. – Где можно кружку ополоснуть?

– Да вон, в кадке вода, потом на полку поставишь.

Быстро ополаскиваю свою кружку и Громову чашку, так как на тропинке появляется какой-то поселянин.

– Пойдём мы, пожалуй. До завтра.

– До завтра. – Эхом откликается кузнец.

Пора возвращаться назад в воинскую избу, надо поддерживать старые знакомства и заводить новые. Потому как – всегда пригодится. Да и теперь

становится жизненно необходимо научиться хоть немного владеть разными острыми железками. Уж всяко не помешает, потому что время на дворе такое.

Так, не спеша переваривая полученный обед, медленно возвращаюсь к назначенному мне для постоя месту.

Глава 3. Работа, работа...

Домики практически все одинаковые – вокруг заборчики из жердей, символического вида, видимо, обозначают границы владений. Улица чистенькая, мусора и грязи нет, только пыль. Да и где её только нет, везде она проберётся. Под заборами зеленеет трава вперемешку с лебедой. Смотрю и думаю, между моим временем и этим бездна веков и практически ничего не изменилось, те же домишки, та же трава, те же изгороди. На заднем дворе вижу навесы для хранения сена и клетки для скота и птицы, дальше что-то вроде огородов. Только не видно, что там растёт, но народ возится в земле. Как деревней пахнет – запах из детства. А ещё ведь где-то должно быть стадо, молоко у кузнеца я пил, вон на сенниках крышки почти опустились, сенокос скоро, значит. И опять замечаю, что собачьего лая совсем не слышно.

Так, размышляя и посматривая по сторонам, мы с Громом доходим до калитки в изгороди, где в воинской избе мне обещали временный приют.

Проходим в калитку – никого нет, тишина. В избе тоже пусто – видать, хлопцы службу тянут. Посидим немного, отдохнём, да и пойдём на воздух, встряхнём организм. Разминочку сделаем, тяжести поворочаем – надо соответствовать времени.

Спустя примерно полчаса выхожу во двор и минут тридцать разогреваю и растягиваю мышцы.

Потом плавно перехожу к нагрузкам. Удивительно, но нагрузки выдерживаю абсолютно спокойно. Раньше мешок цемента поднимешь, сразу давление к небу подскакивает и голова болит, а тут хоть бы хны, никаких патологий. Интересно, надо бы проверить это предположение. Но не сегодня. Вот завтра начнутся земляные работы, тогда и будем делать выводы. Если всё так, как я думаю, то мне, похоже, наконец-то обломилось чёрное полированное музыкальное чудо под кодовым наименованием – рояль в кустах. Вот было бы здорово!

А вот ещё вопрос из вопросов, есть ли тут баня? Уж очень попариться хочется. Я, конечно, по пути всё время купался, но это не то. А пока схожу-ка я на реку ополоснусь, пропотел сильно, пока нагружался.

Подошёл к воротам, поздоровался со стражниками. Оказались те же самые. Похоже, стоят постоянно, без пересменки. Спросил, где лучше искупаться, чтобы никого не испугать своим белым телом. Ребята посмеялись и указали место за мостками, в кустах, метрах в ста. Мол, там

тихо и песочек.

Пока купался и обсыхал, валяясь на действительно хорошем пляжике, в голову пришла идея завтра на ручье поставить верши. Добавка в виде жареной рыбы не помешает. Интересно, а соль тут есть? Надо узнать.

Возвращаясь, поинтересовался у стражей ворот, где Мстишу найти.

– Будет поздно вечером. – Кратко ответил старший.

Надо будет познакомиться с ними, а то в моём представлении один – старший, другой – младший. Не дело.

Пока никого нет, схожу-ка я поищу гончара, надо вопрос с посудой для себя и собаки решить. Может, удастся что-то старое и ненужное выцыганить за бесплатно.

Спросил, как пройти. Оказалось, почти рядом – через дом. Сходим, посмотрим.

– Есть кто дома, войти можно? – Вопрошаю в темноту дверного проёма.

– Погоди-ка немного, сам выйду. – Слышу в ответ.

Под маленьким окошком присаживаюсь на почти такое же брёвнышко, как и у кузни. Здесь верхняя часть бревна отёсана, и уже больше похожа на скамью. Вытягиваю ноги – хорошо.

Собака бухается рядом, почти придавливая их своим немалым весом – еле успеваю убрать в сторону.

Сижу – воздух жаркий, напоён ароматами горячего знойного лета. Холодного пива бы кружечку...

Громчик насторожил уши, значит, сейчас появится хозяин гончарни.

И точно, дверь распахнулась, и на порог ступил ещё один колоритный абориген. Но, в отличие от кузнеца, этот персонаж полностью соответствовал своему званию.

Среднего роста, аккуратная борода и усы, ровно остриженная голова. Одежда чистая и опрятная, расшитая узорами, на ногах что-то вроде тапочек из кожи. Лоб перевязан разукрашенной ленточкой.

Я даже как бы застеснялся своего бомжацкого вида.

– Доброго здоровья, уважаемый. – Встаю и наклоняю голову, изображая уважительный поклон.

– И тебе здравствовать. – Зеркально повторяет моё движение и вопросительно смотрит на меня.

– Уважаемый мастер, к моему огромному сожалению, разбойники отобрали всё моё имущество и все деньги. Поэтому купить я у вас пока ничего не смогу. Сам-то я обойдусь, а вот для собаки не найдётся ли у вас какой-нибудь отбракованной миски? Как только подзаработаю, сразу же

рассчитаюсь.

Взгляд мастера перемещается с меня на Грома, как бы оценивая, потом опять на меня. Полное ощущение, что у собаки шансов в положительной оценке больше.

Наконец, мастер пришёл к какому-то выводу, кивнул головой.

– Погоди чуток, посиди вот на лавке. – Развернулся и скрылся в своей тёмной мастерской.

Я не гордый, могу и посидеть. Плюхаюсь на лавку с глухим стуком – исхудал, совсем костлявый стал.

– На-ко вот эту. Думаю, лучше всего подойдёт. – Подаёт мне что-то типа глубокой миски из глины, литра на три.

– Благодарю, уважаемый. – Принимаю с благодарностью дар и осматриваю его.

Отличное обожжённое изделие – настоящая керамика. Почему же до кирпича мысль не дошла?

Интересно, здесь глазурь уже знают или ещё нет? Спрашивать пока не стану, присмотрюсь сперва. Или Головню поспрашиваю.

– Сколько я вам должен останусь? – Поднимаю взгляд на мастера.

– Да нисколько, для пса не жалко. Ещё что хочешь?

– Пока ничего не хочу, то есть хочу, но не имею возможности, а в долги залезать не буду. – На прощание раскланиваюсь с мастером и возвращаюсь к своему временному, хочется на это надеяться, пристанищу.

Опять никого нет, тишина в огромной избе, только пыль золотыми искрами сверкает в луче солнца над столешницей.

Оставляю теперь уже собачью миску под моей лавкой. А пойду-ка я опять через кузню к ручью, и более подробно всё там осмотрю и размечу, что где ставить. Заодно спрошу у Головни нож и нарежу лозы для верши. Времени ещё есть, и что его попусту терять? Дело делать надо.

С такими мыслями подхватываюсь с лавки и ныряю в солнечное пекло. По голове бьёт кувалдой летняя жара – надо сделать себе кепку, что ли.

Кузница встречает звонкими ударами молотка – идёт работа у мастера. Надо подождать.

Заглядываю в проём дверей и, поймав взгляд Головни, киваю ему и возвращаюсь на привычное уже место. Собака плюхается рядом и укоризненно смотрит на меня, мол, сколько ты ещё, хозяин, бегать туда-сюда будешь?

Пока жду хозяина, пытаюсь вспомнить хоть что-то о событиях этого времени. Помню только, что была постоянная грызня всех племён между

собой. Кстати, именно поэтому и призвали на княжение Рюрика с братьями. А ведь братья-то недолго просидели на княжении, что-то около двух лет, кажется. Интересно, как это оба князя одновременно в разных княжествах заболели и скончались, а земли их отошли под управление старшего брата? Не бывает так. Но этот вопрос оставим пока.

Значит, мне здесь за этот год необходимо развернуть производство кирпичей, для чего необходимо найти несколько помощников и начать класть печи. Думаю, начнём с вытяжной трубы для кузни, после этого, наверняка, десятник решится расстаться с каким-то количеством денег. Там и трактирщик никуда не денется. А про простых людей и говорить нечего. Вопрос только в наличии платёжных средств у местного населения. Если будет достаточно кирпичей и налажено их производство, то на одну печь мне нужно около двух недель. До поздней осени предстоит напряжённая работа, даже не работа, а впахивание, каторжный труд, по-другому и не назовёшь. Но за это время, надеюсь, моё благосостояние и авторитет достигнут невероятных высот, и можно будет двигаться дальше. Это была шутка, но в каждой шутке есть доля истины. Малая или большая – зависит от самого шутника. После этого надо перебираться ближе к Изборску, и налаживать отношения с князем. У меня на это остается ещё около года или чуть больше.

Так, размышляя о приятном, дождался, наконец, кузнеца. Тот появился в дверях с кружкой и, отдуваясь, отхлёбывал её содержимое.

– Что, не расстаться никак, или понадобилось что? – Ухмыляется.

– Да вот думаю, зачем время терять, пойду, размечу площадку, если дашь, чем работать. – Встаю с лавки.

– Что ж не дать, дам конечно, дело-то нужное и общее, пошли, отберём, что понадобится. – Разворачивается и скрывается в проёме.

Отбираю лопату, топор, что-то вроде одноручной пилы и хороший нож. Прошу сделать десяток скоб. Мастер в недоумении. Тут же на закопчённом бревне стены мазюкаю пальцем рисунок, показываю на пальцах нужные размеры и объясняю, для чего это нужно.

Обещает сделать к завтрашнему дню.

Забираю инструменты и отправляюсь на берег. Ещё раз осматриваюсь и отправляюсь к ближайшим кустам за кольями. Буду всё размечать. Как хорошо работать железным ножом, не сравнить с моим убожеством из камня. Прогресс рулит!

Размечаю место под ямы и навес, выбираю, где будет стоять печь для обжига отформованного кирпича, забиваю колья. В лесу валю несколько небольших сосен для навеса, обрубая ветки, размечаю на глазок

брёвнышки и распиливаю их на заготовки для стоек каркаса стен и балок крыши. Шкуру и отношу на берег. Отдохнув, приступаю к яме для замешивания глины. Дело идёт споро, грунт лёгкий. Углубляюсь на пару штыков лопаты, больше пока не нужно. Всё укрепляю жердями, переплетаю вершинки лозой и обмазываю той же глиной. Глину пока собираю в воде, благо её тут хватает. Выкладываю мокрую липкую массу на дно и разравниваю. Пусть сохнет.

Отхожу чуток и осматриваю плоды своих трудов. Мне нравится, и я доволен.

Теперь дело за ямами под стойки навеса для сушки кирпича-сырца. Пока иду к вбитым колышкам, вспоминаю, сколько грунта было перекидано во времена бесшабашной курсантской юности. А сколько траншей было выкопано... Да уж, первый курс, это просто физическое выживание. Недаром даже поговорки у нас в училище ходили про каждый из четырех курсов. Так вот, про первый курс у нас говорили так: – Приказано выжить! И выживали ведь. Хотя и уходили некоторые ребята, не выдерживали нагрузок. Естественный отбор в действии. Но зато после первого курса ты автоматически становился полноправным курсантом, со всеми плюсами в виде лётной пайки, определённого послабления в службе, и более выраженного уважения со стороны преподавательского и батальонного начальства. До сих пор своего ротного вспоминаю добрым словом. Настоящий отец-командир! Огромное спасибо тебе за науку жизни!

Что-то я отвлёкся, развспоминался.

Кстати, а усталости-то нет! Сегодня столько сделано, а скачу как молодой, практически пашу без перекуров. И голова не болит от нагрузки. Видимо, да, всё-таки тот самый рояль. Вот это действительно радует, это мне жизненно необходимо. Ибо мне придётся впахивать как полковому коню, чтобы успеть всё, что напланировал, сделать до поздней осени. Точнее – до заморозков.

Выкапываю неглубокие, на полметра, ямы под столбы. Глубже не надо, это же овраг и ветра здесь большого не будет. Всё свяжется между собой, поставлю подкосы, и стоять моё сооружение будет всю оставшуюся жизнь, пока столбы не сгниют. Можно было бы даже и не вкапывать, но вдвоём эту конструкцию не собрать тогда. Теперь нужно по берегу собирать камней для того, чтобы забутить опоры. Да и на основание под печь камня много нужно. А почему бы мне заодно тут жилую времяночку не соорудить для себя – лето, тепло и ночи, опять же, тёплые? Отгорожу-ка я себе уголок под навесом. Это мысль дельная, заодно и присмотрю тут за всем.

Перед тем, как начать собирать камни, нарезаю охапку лозы.

Пригодится и вершу сплести, и корзину для переноски чего-нибудь. Придавливаю в ручье камнями – пусть отмокает.

Ну что, как говорится, пришло время собирать камни. Вот и пойду их собирать, потому как их нужно много.

Постепенно гора камней растёт. Сразу же сортирую на две кучки. Первая пойдёт для фундамента печи и вторая – для столбов. А интересно, известняк тут есть? Надо завтра Головню спросить.

Всё – кажется, устал. Силы как-то разом закончились. Сдулся. Пора заканчивать работу и двигаться в сторону места временной дислокации.

Может, нам с Громом и с ужином повезёт? Возвращаемся по уже натопанному маршруту. Кузня встречает тишиной, никого нет. Идём дальше. Народу на улице прибавилось, слышится мычание с околицы. Значит, стадо на подходе. Наконец-то вижу воинскую избу, прохожу в калитку. Уф, ощущение – как будто домой пришёл. Никого ещё нет, помещение встречает тишиной. И что мне делать?

Есть-то как хочется, а нечего. Придётся ждать и, если никого не будет, лягу спать голодным.

Завтра делаю вершу, пора переходить на самообеспечение, у кузнеца тоже могут быть не бесконечные запасы. Он хоть и обещал поставить нас на полное довольствие, но совесть-то надо иметь. Соли только бы дал.

По пустой избе слоняться неохота, и я ложусь туда, куда мне показал десятник. Подремлю. Громчик подкатывается под лавку. Пусть спит, не буду выгонять, да и лень.

Вскидывается собыш, и я открываю глаза. Вроде только что заснул, а в избе темно. На улице слышу голоса и выхожу на крыльцо. Наконец-то вернулись бойцы с десятником. Отойду в сторонку, нечего тут маячить, если нужно будет, то позовут. Присаживаюсь на камушек, он ещё тёплый, остыть не успел, и замираю. Как же спать хочется. Закрываю глаза и выключаюсь сразу.

Просыпаюсь оттого, что меня трясут за плечо.

– Изяслав кличет, вечерять будем. – Поднимаю голову – Ждан.

– Иду. – Еле-еле распрямляюсь, всё затекло.

Дружинник уходит, опасливо оглядываясь на настороженного Грома.

Чуть отстав, захожу в избу. Надо же посмотреть, как тут принято за стол садиться, а то могу сделать что-нибудь не так, потом замучаюсь оправдываться. Вижу, как Ждан просто садится на лавку и начинает есть. Наклоняюсь к Мстише:

– Извини, а как тут принято за стол садиться? Что сделать перед едой надо?

– Садись, ешь. Потом расскажу. – Отвечает, улыбаясь.

Прохожу на своё место, киваю десятнику и получаю такой же кивок в ответ. Сажусь, передо мной глубокая миска с чем-то дымящимся, кусок хлеба и кружка. Ложка деревянная лежит – видимо, для меня приготовлена. Пододвигаю миску к себе поближе. Вкусно, что-то овощное с мясом. В быстром темпе съедаю половину, другая половина пойдёт Грому. В кружке – компот из ягод, правда, не сладкий. Пью мелкими глоточками, чтобы посмотреть, что народ после еды с посудой делать будет. Опростоволоситься очень уж неохота.

Из-за стола поднимаюсь последним и, забрав свою и Громову миски, выхожу вслед за всеми во двор. Отметив, куда все пошли мыть посуду, зову Грома и иду с ним за угол.

Вываливаю в его посудину остатки кулеша.

– Сегодня тут будешь есть. – Жду, когда миска опустеет и, подхватив её, несу на мойку.

Быстро ополаскиваю и возвращаю посуду на свои места.

Пока я возился, народ разошёлся по делам. Кто-то амуницию перебирает, а кто-то в кружок собрался. Слышу негромкий разговор, прерываемый смехом. Ну да – телевизора ещё нет, да и газет с журналами пока не придумали.

У крылечка меня поджидает Мстиша:

– Пошли, посидим на лавочке, расскажу тебе кое-что.

Присаживаемся. На улице светло – знаменитые белые ночи, которые будут воспеты пока ещё не родившимися поэтами, стрёкот цикад и настойчивый, дабы не сказать больше и хуже, писк комаров.

Но, несмотря на этот маленький недостаток, очарование бархатных сумерек мягко обволакивает нас со всех сторон, и мы умиротворённо замолкаем и какое-то время сидим и просто слушаем эту волшебную музыку. Тёплый ночной воздух настолько чист и напоён ароматами трав и цветов, что возникает ощущение медовой густоты, и я понемножку откусываю кусочки этого нектара.

– Так вот. – Кашлянул мой собеседник, разрывая это очарование. – Ты человек пришлый и наших обычаев не знаешь, вот меня Изяслав и попросил с тобой поговорить об этом. У каждого человека боги должны быть в душе постоянно, и он всегда с ними общается, советуется, просит о помощи, содействии или наставлении. Боги всегда с нами – запомни это. Просыпаясь, начиная работу, садясь за стол, отправляясь в путь, ты всегда приветствуешь их и благодаришь за прошедшую ночь и наступающий день, за еду, за то, что ты всё ещё жив и топчешь эту землю. Пойми – ты не

разделим с богами. Да и как можно разделить одно целое? Садясь за стол, мы про себя благодарим богов за то, за что каждый считает нужным и у каждого это что-то своё, личное, и другим об этом знать совсем не нужно. Ты можешь поблагодарить и вслух, это твоё дело, но только поблагодарить. Конечно, тебе обо всём этом поговорить бы со жрецами, но пока ничего не получится, рано ещё. – Медленно, как бы сомневаясь, договаривает мой сосед.

– Да, я думаю, остальное ты и сам позже узнаешь, а пока просто постарайся больше присматриваться к другим, кто, что и как делает, и когда. – Дополняет осторожно. – Но ты всегда можешь спросить меня о том, что тебе покажется непонятным.

– А я слышал, что нужно кусочек в костёр бросать для богов, и глоток из кружки отливать им же каждый раз. – Решаюсь спросить.

– А нужны ли богам все эти куски и глотки? Ты только представь, сколько людей вокруг и что будет там наверху, если каждый, хотя бы раз, пожертвует по кусочку или глоточку – да свод обрушится! – Хмыкает Мстиша. – Есть свои моменты, когда всё это необходимо сделать, но это я тебе потом расскажу, а пока постарайся понять то, о чём я тебе сказал.

Как интересно, а я-то думал, что тут мрачные древние века, где ничего не делают без ритуального подношения или жертвоприношения. Ведь читал же книжки обо всём этом, а тут вот оно как, на самом-то деле. А может, меня в параллельную историю забросило? Мало информации, очень мало...

– Пошли спать, поздно уже. – Встаёт мой учитель.

– Иду...

Громчику показываю на место под лавкой:

– А ты будешь спать здесь, давай, охраняй нас.

Всё, спать, завтра очень много дел...

А подъём тут с петухами. Служивый народ бодро подхватывается и выскакивает на улицу. Здравствуй, утренняя зарядка! Ничего за века не изменилось, даже слезу выбило от умиления.

Держусь замыкающим, шлёпаю калошами. Небольшая пробежка на пару километров, разминка во дворе и водные процедуры. Ребята косятся с одобрением, но помалкивают. На столе уже кто-то накрыл завтрак – мясо, хлеб и молоко в кувшинах. Вроде все на зарядке были, кто стол накрыл? Спрашиваю ближайшего бойца, не боясь выглядеть глупо – я ж не местный, мне можно...

Оказывается, дружину содержит всё поселение, а еду приносят из трактира. Мудро.

Садимся за стол, присматриваюсь к сотрапезникам и подмечаю, как каждый из них, то замирает на секунду перед едой, то что-то шепчет про себя. Не хочу отличаться от народа, и благодарю богов за дарованную пищу и новый день – про себя, конечно.

Поев, поднимаюсь, и, опять, хвостом за замыкающим, иду кормить свою собаку.

Краем глаза слежу за десятником. Выбираю момент, когда он оказывается свободным, и подхожу к нему.

– Изяслав, разреши пару вопросов задать?

Заметив кивок, продолжаю. – За кузней, в овраге, залежи глины. Хочу там наладить изготовление кирпича для своих придумок. Помогать мне кузнец взялся. Ты против не будешь, если я на том месте работать стану?

– Место общее, подход к нему не перегораживай и работай. Ещё что спросить хочешь?

– В воинском деле я совсем не силён. Помогите освоить эту науку. Знаю, что староват я учиться мечному бою, но мне нужно уметь защитить себя, хотя бы от лихих людей. Не хочу беззащитным быть.

Изяслав задумывается, смотрит на меня, размышляя:

– Хорошо, вечером договорим.

Благодарю и, свистнув Грома, выхожу за калитку – работа ждёт. Идём по тропинке, сбивая с травы подсыхающую росу. У кузни сидит на брёвнышке Головня. Присаживаюсь рядом, здороваюсь.

– Я уже в овраг сходил – посмотрел, чего ты там наработал. Добро потрудились. Что сегодня делать будем? – В ответ, вместо здравствуй, кузнец вываливает на меня ворох вопросов. Замечаю корзину у него под ногами, завязанную аккуратно тряпицей. Киваю на неё:

– Еда?

– Да, вот набрал немного всего. Ещё что с собой взять нужно?

– Пока не знаю, ты скобы-то сковал?

– Сковал, держи корзину, принесу, пойду. – Бурчит мастер.

– И молоток прихвати средний – скобы забивать! – Успеваю сказать вслед.

Наконец, добираемся до места, прячем в тенёк корзину и подходим к ямам под стойки. Отсылаю Грома гулять, чтобы не мешал, и начинаю показывать кузнецу план сегодняшних работ.

Радует, что тому два раза объяснять не нужно – буквально ловит идею на лету, и мы приступаем к работе. Быстро устанавливаем стойки, обвязываем с помощью скоб балками по кругу, и у нас получается на выходе каркас крыши двустороннего навеса.

Хорошо, что вчера заготовил материал – вон как споро сегодня работа идёт. Только про жерди на крышу я совсем забыл, и нам приходится идти в лес на их заготовку. Ещё осталось нарезать камыша на реке и застелить им скаты. Да перевязать бы его не забыть. Но это уже после обеда.

К вечеру заканчиваем с крышей, и присаживаемся в тени отдохнуть.

Вспомнив про вчерашнюю задумку с вершами, начинаю плести первую из заготовленной вчера лозы, продолжая разговор с кузнецом. Что поражает – так это живое вьедливое любопытство кузнеца. Расспрашивает меня про скобы, про приготовленную яму, про навес, про печь для обжига.

Пытаюсь полностью удовлетворить его интерес, но это у меня слабо получается, так как на каждый мой ответ у него сразу же возникает новый вопрос. Мне и самому становится интересно с ним разговаривать. Попутно спрашиваю, можно ли нам с Громом сделать себе тут закуток и жить. Не будут ли возражать местные жители или надо испросить разрешение?

На что получаю ответ, что никакого разрешения не нужно, живи, где хочешь, дело-то твоё.

Кузнец подхватывается и просит меня показать место, где я хочу соорудить себе жильё.

Показываю и рассказываю свою идею.

Головня порывается сразу же начать строительство, но я гашу его энтузиазм на корню, и прошу начать наполнять яму глиной. Глины нам понадобится много, и нужна она будет уже завтра, максимум, послезавтра.

Доплетаю вершу, делаю всё быстро и поэтому плету не очень аккуратно, лишь бы работала.

На дно бросаю пару камушков, и специально оставленный от обеда кусок лепёшки. Отношу в устье ручья, и там утапливаю в камышах. Надеюсь, завтра будем с рыбой. Головне моя затея приходится по душе.

Вернувшись, начинаю делать корзину для переноски глины, потому что вижу, как мучается кузнец. Но закончу я её уже только завтра, а сегодня надо успеть сделать основание и каркас.

Всё молоко выпили, кувшин опустел. Поэтому можно в нём теперь принести воду для замачивания глины. Кувшин небольшой и приходится сделать несколько рейсов.

Теперь бы найти силы и сделать ещё ходку в лес за жердями для моей будущей лубяной избушки, нарезать и замочить в ручье лозу. Завтра буду плести себе ивовый домишко.

Останавливаю Головню, хватит на сегодня – хорошо потрудились.

Не спеша возвращаемся к кузне, по пути рассказываю планы на завтра. Мастер внимательно слушает. Спрашиваю насчёт гвоздей. В ответ получаю

недоумение во взгляде и очередной вопрос.

Тут же на ходу придумываю иноземную версию, и объясняю, что это такое и что с помощью гвоздей можно делать. Чувствую спинным мозгом, теперь мастер с меня не слезет, пока я ему всё не растолкую о гвоздях. Но мне это и на руку – пригодится.

Чтобы отвлечь его внимание, завожу разговор о печи для плавки железа и вижу, как Головня спотыкается и останавливается, глядя на меня выпученными глазами.

– О таких вещах, что ты рассказываешь, я первый раз слышу. – Выдавливает поражённый до глубины души кузнец. – Мы железо в яме варим, и не один раз его переваривать надо, пока нужную крицу получишь.

Вот теперь я точно попал. Хотя, мне это тоже на руку. Главное, заинтересовать человека, подбросить ему нужную идею и подтолкнуть в правильном направлении, а он уже и сам дальше докопается до претворения этой идеи в жизнь. Всё на пользу будет. Вот так вот!

Так, за разговорами, доходим до кузни, хотя можно было бы дойти раза в два быстрее, но у кузнеца слишком много вопросов и отпускать меня ему категорически не хочется.

Заманивает меня к себе в гости якобы на ужин. Я не отказываюсь – во-первых, интересно посмотреть местное жилище изнутри, а во-вторых, нужно расширять знакомство с местными жителями.

Оставляем инструмент в кузне и идём в гости. Предупреждаю мастера о своём непрезентабельном виде, на что получаю понимающую ухмылку и кивок головы.

Ну что сказать – солидный у кузнеца двор. Большой дом. На крыльцо выскакивает малышня и следом появляется хозяйка. Дети облепляют отца, и у меня перехватывает горло – вспомнился свой дом, жена Танюшка – как она там без меня...

Деликатно отворачиваюсь в сторону, чтобы не смущать участников радостной встречи, да и скрыть выступившую предательскую слезу. Как это здорово, когда тебя так ждут дома. Вот поэтому и я всегда торопился вернуться домой, потому что знал – меня там всегда ждут. Расчувствовался, распереживался. Дети, видно, что-то такое проинтуичили, потому что кто-то затеребил меня за штанину. Поворачиваюсь – маленькая белобрысая девчущечка смотрит на меня голубыми глазёнками. Присел, девчущка отскочила и спряталась за ноги отца, выглядывает оттуда одним глазком. Собака моя куда-то запропала – не испугала бы детишек.

– Жена моя, Любавушка. – Знакомит меня кузнец с хозяйкой и приглашает в дом.

Кланяюсь Любаве и представляюсь, следом за хозяином прохожу в двери, останавливаюсь на входе и тихо говорю:

– Мир этому дому, здоровья домочадцам и благосостояния.

Похоже, сказал в тему, вижу, как доволен Головня и рада хозяйка.

В доме всё чистенько. Представляю, сколько труда надо, чтобы чистоту поддерживать с такими печками – это же ужас, сколько копоти летит. Занавесочка перегораживает помещение от печки до стены, наверное, там родители спят. Хозяин зовёт во двор, надо отмыться. Попутно спрашиваю, знакома ли ему известь, и объясняю, что это такое. Оказалось – знакома, и знает, где её можно брать. Это уже радует, можно будет сделать простенький цемент. Надо же на чём-то фундаментную кладку вести. Можно и на глине, конечно, но с цементом всё-таки лучше будет.

За столом вспоминаю, что мне рассказывал Мстиша, и мысленно благодарю богов за сегодняшний удачный для меня день, за посланных мне новых хороших людей, за благоденствие семьи, в чьём доме я сейчас нахожусь. На ужин хозяйка подаёт нам лепёшки с мясом, кашу и компот, не помню, как он тут называется в это время, надо будет позже уточнить. Хотя я уже не в том возрасте, чтобы стесняться по такому поводу, и немного подумав, хвалю хозяйку за вкусный ужин и спрашиваю, как называется вот этот напиток. Любава слегка краснеет, но, тем не менее, отвечает, что напиток этот может быть сварен из ягод или яблок и называют его узваром, или настоем, если просто настоять на тех же ягодах. Киваю головой, мол, всё понятно.

После ужина выходим во двор, договариваемся о делах на завтра и я прощаюсь с семьей кузнеца. За калиткой меня поджидает Гром – охраняет, видимо.

Возвращаюсь на воинский двор. Позади плетётся собыш – набегался, устал.

Выбираю момент и подхожу к десятнику – лучше сразу решить мой давешний вопрос, а то переселюсь завтра в овраг и ничему не научусь.

Изяслав, завидев меня, подзывает Мстишу и что-то начинает ему втолковывать. Тут и я подхожу. Оказывается, старшой просит моего знакомого позаниматься со мной и показать, с какой стороны нужно за меч браться. Обижаться на своё неумение грешно, поэтому слушаю спокойно, да и говорится всё спокойно и вежливо – простая констатация факта. Жду окончания разговора, и ставлю в известность десятника о своём переселении на новое место жительства с завтрашнего дня.

На невысказанный, но явно прочитываемый в глазах у обоих вопрос,

куда и зачем я переселяюсь, объясняю о скором начале производственной деятельности в лице себя любимого, и кузнеца в помощниках. Смотрю, а Изыслав-то, аж заёрзал на месте, уж очень ему любопытно стало.

Секретов великих у меня нет, и я приглашаю его к нам в овраг – посмотреть, что и как мы будем делать. Получаю в ответ довольный кивок. А раз так, то никуда Мстиша не денется – будет обучать меня вечному бою. Конечно, хорошо бы было, если бы он сам захотел меня учить, есть у меня задумка, как его заинтересовать, лишь бы заглянул ко мне в овраг вместе с десятником. Но, вижу, ему тоже любопытно. Значит, придёт, никуда не денется.

Утром опять вместе со всеми выполняю пробежку и упражнения, моцион и завтрак, но мыслями я уже у себя в овраге и прокручиваю сегодняшний день. После завтрака спешу на свой кирпичный заводик.

Кузница закрыта. Странно, может кузнец уже меня на месте поджидает? И точно – спускаюсь в овраг и вижу работающего Головню. Радостно здороваюсь. Яма для глины почти полная. Но всё равно первым делом надо доплести корзину для переноски глины, хотя бы одну для начала, а потом заняться жилищем. Продолжаю доделывать вчерашнюю работу, и попутно рассказываю мастеру про обжиг известняка для получения цемента. Оказывается, что-то такое у них применяется в каменном строительстве, но у каждого мастера свои секреты и хранят они их в большой тайне. Прошу пережечь побольше известняка в кузнице и потом перенести сюда. Вспоминаю про соль и масло. Оказывается, соль тут привозная. Привозят или из Литвы, или из Старой Руссы. Масла мало, в основном используют жир. Спрашиваю про котелок и сковородку, мастер обещает мне принести кое-что. Тут же на песке черчу рисунок форм для кирпичей. Мастер кивает понятиливо и обещает сделать.

Вот и пусть идёт и делает. Договариваюсь подойти к обеду и забрать посуду, соль и жир. Заодно и проконтролирую, что он там нарабатывает.

После ухода кузнеца доплетаю корзину, и приступаю к изготовлению своего временного жилища.

Нижние концы жердей поглубже втыкаю в песок, а верхние связываю с каркасом навеса, выгораживая себе небольшой закуток. Прикидываю размеры, чтобы поместился лежак, небольшой столик и печурка. Всё переплетаю лозой и обмазываю изнутри и снаружи глиной. Пусть сохнет, после ещё разок обмажу.

Из тонких брёвнышек, скорее жердей, сооружаю каркас лежака, стягиваю его скобами, перекрываю поперёк чуть более тонкими жердями и так же переплетаю лозой. Вот и получился топчан. Ещё бы что-нибудь

вместо матраса и подушки, плюс одеяло – и будет мне счастье. Ничего, лиха беда начало, всё у меня будет!

А пока обойдёмся камышом. Вместо стола на камни устанавливаю кусок бутовой плиты, из тех, что поровнее и побольше. Сразу выкладываю основание печки в углу из того же бута и затираю глиной – пусть сохнет. Теперь по плану мне нужно было наполнить яму глиной, но кузнец с утра уже постарался за меня, и мне остаётся только залить её водой, что я и делаю за несколько ходок. Яма-то маловата получается для моих задумок, надо выкопать ещё одну.

До обеда выкапываю вторую – точно так же по периметру вбиваю жерди и оплетаю лозой, обмазываю глиной. За лозой ещё нужно сходить, пусть запас будет.

Пора идти к кузне, пообедать и забрать посуду. Потом проверить вершу и пожарить рыбки, а может и ушицы сварить. Если попадётся рыба, конечно. Интересно, что там с формами для кирпичей?

Заглядываю в проём, чтобы меня заметили, и присаживаюсь на бревно у стены. Гром кладёт голову мне на колени и смотрит грустными глазами.

– Что, пёса, и тебе тяжело? Ничего, потерпи, сегодня уже легче будет, спать ляжем в своём домишке, какой-то быт наладим потихоньку, и начнём кирпичи лепить. Конечно, придётся помучиться с печью для обжига, да и с самим обжигом повозимся, пока процесс отладим, а вот дальше веселее будет.

Поглаживая руками по большой лобастой голове, шепчу ему в шёлковые уши:

– Сделаем в кузне вытяжку, меха мастеру усовершенствуем, плавильную печь сложим, потом народ сам к нам придёт. Будем мы с тобой в шоколаде. А на зиму нужно будет или избу нам с тобой построить, или перебираться поближе к Изборску и Пскову. Перебираться станем, когда заработаем на переезд и жильё на новом месте. Зиму надо нормально провести, в тепле и сытости. А на весну планов много, если, конечно, всё у меня получится.

Вздыхает собака, внимательно меня слушает, посматривает глаза в глаза, мол, верю тебе, не подведи.

Наконец, появляется кузнец, машет призывно рукой, и я захожу за ним, приоткрыв двери, пусть проветрится хоть немного.

Мастер показывает мне получившиеся у него изделия. Успел изготовить две формы, качество хорошее, немного не совпадают по линейным размерам, но ничего страшного, сойдёт, о чём и говорю Головне. Тот кивает с уверенным видом, как будто ничего другого и не могло

получиться.

После обеда забираю формы и отношу их под свой навес.

Осматриваю плетёные стены своего жилища, глина подсохла, и я обмазываю их ещё раз, стараясь сделать слой глины толще. Вместо двери у меня будет такая же плетёнка из лозы, но плотнее. Просто привязываю её к боковой жерди дверного проёма кольцами из лозы. Темновато, но мне хорошо и книги я тут читать не собираюсь. А для ночёвки самое то.

Для пробы делаю несколько кирпичей с помощью новых форм – надо же их опробовать.

Глиняная масса снимается с них легко, что меня очень радует. А то я опасался, что будет заминаться, так как формы всё-таки кованые, а не прокатные. Сразу возник вопрос с доставкой глины от ямы до навеса, где будет формироваться кирпич. Придётся обходиться корзинами, на первое время их должно хватить, а там посмотрим.

Вместо перекура иду на берег проверить улов. Рыбы тут много, даже не просто много, а очень много. Из верши вытряхиваю на берег килограмм двадцать. Как она мне только вершу не разломала? Гром скачет вокруг сверкающей и бьющейся кучи, бьёт лапой прыгающих рыб – охотник.

Не подумал я, что улов будет таким большим, даже корзину не взял, теперь придётся возвращаться в лагерь. Забрасываю рыбу в вершу и собираюсь опустить в воду, но вовремя останавливаюсь, припомнив недавнюю практику – так вот же она, корзина... Вот что бывает, когда голова о высоком мыслит.

С чувством гордости за свою соображалку несу богатый улов домой.

Всю рыбу чищу в ручье чуть ниже по течению. Делаю себе зарубку в голове – в следующий раз рыбу надо будет прямо там, на речке, чистить, нечего тут антисанитарию разводить и приманивать всякую живность. Опять же, пока мы с кузнецом напарники, мне нужно этим воспользоваться по максимуму, нужен нож для охоты и рыбалки, ещё кадка для засолки рыбы. Поскольку я буду теперь жить отдельно от всех, мне нужно какое-то оружие. Придёт – подумаем, посоветуемся. Не забыть спросить насчёт веревок, рыбу вялить. Можно, конечно, для этого и тонкую лозу использовать, но... а вдруг повезёт?

Развожу костёр в стороне от навеса, вбиваю пару рогулек и вешаю котёл на огонь. Надо принести дров, а то на остатках жердей и лозы долго не продержусь. Благо сушняка тут на берегу пока ещё хватает. Закипает вода, кидаю лист черемши и подсаливаю. Аккуратно закладываю мелкую рыбу. Не переложить бы, а то выплеснется, когда закипит. Перевешу чуть-чуть в сторону, подальше от греха. Вот так хорошо будет, пусть медленно

кипит. Вылавливаю ложкой рыбу на лопух и сразу же закладываю вторую порцию, пусть навар будет. В основном в вершу попалась разная белорыбица, за исключением пары шальных окушков. Интересно, а если попробовать в реке на блесну половить? Какие тут монстры ловятся? Налажу дело и попробую. В третий раз в дело идёт рыба крупнее, предварительно разрезанная на куски. Ещё чуть соли и ждём. Глаза побелели, минута и можно котёл снимать – пусть настаивается. Мелочь остыла и отдаю её Грому, будет собаке счастье.

Вспомнилось Приморье. Как-то мы с Серёгой Бондарем, дружкой моим закадычным, поехали на рыбалку, на речку Даубихе за пеструшкой. Было нам по шестнадцать, Серёге, правда, на полгода больше. Я только права на мотоцикл получил, а мотик мне мой дядька подарил, Восход первый, их ещё ковровцами называли. Забрались далеко, как только смогли, а как далеко забраться могут два, чокнутых на тайге и рыбалке пацана, можно себе представить. Когда уже даже тропы не стало, замаскировали свой транспорт и ещё километров пять пробирались дальше в верховья. Обловились мы тогда знатно, а когда вернулись под вечер к своему двухколёсному другу, оказалось, что силы все кончились, и удержать своего железного коня на узкой извилистой тропе никак не получается. После очередного падения на бок, мы плюнули на это безнадежное дело, посмеялись над собой и тут же в кустах сварили себе уху из пойманной рыбы. Много лет прошло с тех пор, давно похоронили Друга моего, ухи я переел столько, что не описать, но никогда больше ни ел такой сладкой, жирной, не совру, если скажу, что ложка стояла, и вкусной ущицы. Доехали до дома мы после этого нормально...

Чего только не было в юности пацанской.

Пока я предавался воспоминаниям, уха остыла и подёрнулась перламутровой плёнкой жира. Это вещь, это то, что надо! Достаю из котла несколько кусков рыбы, выкладываю на лопух и наливаю через край в миску юшки. Вот это запах – с ног валит!

Так и сию, перебираю рыбу от костей и запиваю через край из миски. Ну её, эту ложку, так вкуснее. Специй, конечно, не хватает, всякой там лаврушечки с перчиком, но и так выше всяких похвал. Собака, вон, за милую душу всё подобрала, теперь лежит, щурится довольно. А специи, насколько я помню, в это время были на вес золота, а может и гораздо дороже.

Как раз к ужину подошёл Головня, видимо, навёлся на запах. Миска всего одна, приходится ему возвращаться за посудой в кухню, заодно прошу прихватить тонкую верёвку, если есть.

Возвращается очень быстро, проголодался, похоже. Принёс моток тонкого шпагата, сунул мне в руки и быстрее к котлу. Наливаю себе добавки, всё-таки проголодался, и сижу, просто наслаждаюсь.

Кузнец быстро выхлёбывает ущицу и протягивает мне миску с просьбой подлить ещё. Подливаю, мне ближе.

Потом сидим, отдуваемся. Хорошо!

Сегодня вечер встреч. На спуске зашуршал осыпающимся песком Мстиша, подошёл, поздоровался, втянул носом запах и попросил налить и ему миску, если можно. Мне не жалко, налил и ему.

Дохлебав, ополаскиваем посуду. Планируем завтрашний день, прошу мастера приготовить на завтра кусочек проволоки для насаживания рыбы на верёвку, буду вялить. Ну и хлеба побольше, лука и соли. Черемша хорошо, но лук лучше. Утром зайду в кузню и заберу. А так пусть приходит, когда освободится. Прощаемся, и кузнец уходит домой.

Поворачиваюсь к Мстише и говорю:

– С сегодняшнего дня буду жить тут. Всё-таки надо присматривать за хозяйством. – Обвожу рукой вокруг.

– Подумали мы с Изяславом, надо тебя всё-таки попробовать научить владеть мечом. Больших успехов ты вряд ли добьёшься, но хоть себя защитить сможешь, если на опытного воина не попадёшь. Вот их тебе опасаться придётся. Согласен ли ты науке воинской учиться?

– Я согласен, только, видишь, хозяйство у меня теперь какое. Оставить его не могу, а ну как случится что? – Решаю идти до конца, нагнать, так нагнать. – Вот если бы ты меня на этом месте учил?

– Можно и на этом. – Соглашается боец. – Только десятника предупрежу, и будем по вечерам заниматься с тобой. Согласен?

– Согласен. – Киваю в ответ.

– Тогда завтра вечером приду. – Прощается Мстиша.

Остаёмся с Громом одни, дел ещё хватает – поставить вершу на ночь, засолить оставшуюся рыбу в освободившемся котле и только потом можно спать. Пора опробовать новое место. В качестве приманки в верше пойдут остатки ужина. Наутро нужно только несколько кусков варёной рыбы в миску спрятать и другой миской накрыть, камнем сверху прижать от мышей. Поставив вершу, чищу котёл, закладываю рыбу, пересыпая остатками соли. Маловато, но что делать, когда сюда добирался, и столько у меня не было. Надо будет ещё и коптильню соорудить.

Закрываю котёл корзиной, иду в свою каморку – пора спать. Громчик заскакивает следом, даже не успеваю закрыть дверку. Пускай. Укладываюсь, шуршит камыш, хорошо-то как...

Глава 4. Нежданные гости. Первый бой и первые трофеи. Пора вооружаться...

Утром быстро завтракаем, Гром лениво перебирает лапами и идёт на солнышко досыпать, а я первым делом проверяю, как подсохли вчерашние кирпичи. Результат радует, можно начинать формировать следующую партию, чем и занимаюсь.

Головня приносит второй завтрак, молоко мы с Громчиком делим, а хлеб и пирог откладываю в корзину – от мышей. Радуюсь принесённому жиру, можно будет рыбу пожарить. Показываю, как формировать кирпич и кузнец продолжает работать. А мне бы надо сплести ещё корзину, да не одну.

Режу лозу и притапливаю в ручье, пусть отмокает. Наполняю глиной вторую яму, заливаю водой. Дело движется к обеду и у нас первая яма уже пуста, зато под навесом радует глаз чуть больше сотни пока ещё сырых кирпичиков. Мастер уходит в кузню, а я иду на реку за свежей рыбой, абсолютно не сомневаясь в улове. Сразу же на берегу чищу улов прихваченным с собой ножом. Вершу в воду, рыбу в корзину – и в лагерь. Очень хочется жареной рыбки и я, глотая слюни, пережариваю почти весь улов.

После обеда заполняю глиной освободившуюся яму, теперь остаётся только ждать, пока она размокнет.

Чтобы Гром не забрёл на подсыхающие кирпичи, делаю невысокие боковые стенки у навеса. Пока возился с ними, в голову пришла мысль, что надо бы отнести напарнику жарёхи, накладываю в корзину завернутое в лопухи угощение, зову собаку и поднимаюсь вверх по тропе уже привычным маршрутом. Отвлекать от работы мастера не хочу, оставляю корзину на бревне, и возвращаюсь назад, мне ещё корзины плести.

Ближе к вечеру вывешиваю просолившуюся рыбу под навесом – пусть вялится. Тузлук сливаю в одну из мисок – пригодится. А в освободившемся котле опять варю ушицу.

Скоро должен подойти мой наставник по воинскому делу, жду его с нетерпением.

Но первым на спуске появляется кузнец и приносит пустую корзину, благодарит за угощение. Спрашиваю, когда будет известь и прошу мастера зайти к гончару и набрать у него брака из обожжённой глины. Объясняю,

для чего это нужно и что ему с этим боем нужно будет сделать. Намекаю, что соль у меня закончилась. Опять остаюсь один и продолжаю плести корзины.

Наконец, мои ожидания закончились, приходит мой учитель и сходу начинает гонять меня, аки сидорову козу. Вопреки своим, да и учителя ожиданиям, заданную нагрузку выдерживаю с лёгкостью, только гибкости не хватает, необходимо растянуть связки. Берёмся за принесённые наставником деревянные мечи, и Мстиша показывает мне азы. До ужина повторяю показанные движения. Даже не отрабатываю, до отработки ещё далеко, а просто пытаюсь правильно повторить. Дружинник морщится, но поправляет мои движения. А казалось, всё будет так просто, надеялся, что слёту смогу железками махать.

После урока ополаскиваюсь в ручье и приглашаю своего учителя к столу. Пусть столом служит трава у костра, дело-то не в этом, дело в уважении. Опять остаюсь один, убираюсь, прячу оставшуюся еду в корзину, подвешиваю на крючок из проволоки под навес и отправляюсь спать. Ещё успевает проскользнуть мысль, что завтра нужно не забыть загнать Грома в речку, пусть поплавает, а то запах от него...

Утром вскакиваю, как молодой, ничего не болит, настроение – плясать хочется, на улице сияет яркое солнце, птицы щебечут, ручей звонко поёт свою весёлую песенку. Бегу на реку, купаюсь и загоняю собаку в воду, пусть хорошо поплавает. После завтрака забираюсь в яму и ногами размешиваю глину. Ещё не готова, ждём. Смотрю, как там мои кирпичи, всё ли в порядке? Придётся первую печь из сырца класть, сделаю её поменьше, потом переделаю на нормальную.

До обеда усиленно тренируюсь с деревянным мечом, и чередую с упражнениями на растяжку.

Головня опять приносит пару горшков с парующей снедью. Подкрепившись, провожаю его до кузни и забираю пережжённую известь и размолотую в пыль керамику. Спрашиваю, хватает ли ему железа, может нужно ещё прикупить или сходить за ним? Кузнец отрицательно машет головой, и я озадачиваю его изготовлением для меня пары метательных ножей. Рисую ему чертёжик на том же бревне стены и тут же его поясняю. Обещает сделать к ужину.

Глина дошла, и после обеда занимаюсь формовкой. Первую партию переворачиваю осторожно – пусть досыхает. В перерыве из камней на ручье выкладываю небольшую запруду, потому что надоело бегать купаться на речку. Всю рыбу засаливаю в тузлуке, верша исправно поставляет стабильный улов. Пришлось взять у Головни ещё один котёл.

Вместо израсходованной глины закладываю очередную партию, пусть мокнет.

Закрутился совсем и не заметил, как вечер наступил, если бы не пришедшие Головня и Мстиша, так бы и продолжал суетиться по хозяйству. Ужинаем, и кузнец показывает мне сделанные ножи.

Получилось отлично, даже Мстише понравилось. Ещё бы, модель будущего. Как бы сомневаясь, говорить или нет, мнётся дружинник и, наконец, намекает, что нам надобно быть осторожней.

Дальний дозор обнаружил следы малого отряда – может ливы, может летты. Да мало ли кто забрести может.

До самой темноты Мстиша заставляет меня повторять упражнения и показанные вчера связки ударов.

– Если что, сразу же прячьтесь в городище, или уходите подальше в лес. – И на прощание оставляет мне железный меч. – Может, пригодится.

Нагнав на меня жути, уходит. Обдумав услышанное, решаю подстраховаться. Костёр разжигать не буду, да и ночевать лучше не здесь, а за ручьём, в ивняке. Через камыш я свой лагерь буду видеть, а вот меня из него никто и не увидит. Сказано – сделано. Пока ещё что-то можно разглядеть, выкапываю себе неглубокий окопчик на противоположном берегу и над ним сооружаю маленький, низкий шалашик – лишь бы нам с Громом поместиться, и тщательно маскирую его травой и ветками. Внутри всё застилаю травой до самого верха, и залезаю на эту кучу, чуть поёрзать и образуется тёплая и мягкая подстилка. Зову собакина, закрываю вход ветками – можно спать.

Ночь была тяжёлой, всё время ворочался – спать не давал ни себе, ни собаке. Утром даже не стал сразу вылезать из своего шалашика, решил полежать подольше.

Насторожился Гром, и я увидел, как к лагерю спускается Ждан. Вылез и пошёл его встречать.

Свежие новости настроения не прибавляют – почти вся дружина ушла гонять пришлых, и мне тут надо быть осторожнее. Кузнеца сегодня не будет, тот решил отсидеться за оградой. Предлагает и мне перебраться туда же, но я отказываюсь. Если будет реальная опасность, меня предупредит собака, и я успею уйти или спрятаться.

Ждан, осуждающе покачав головой, уходит, а я перебираюсь назад через ручей – надо при дневном свете поправить маскировку моего нового убежища. Выкопанную вчера землю убрать. Хотя и отбрасывал грунт аккуратно назад, но при желании его можно увидеть. Ни к чему чужое внимание привлекать.

На всякий случай вырезаю себе несколько жердин поровнее из орешника и затачиваю – пусть будет пара копий.

Если удачно попасть, мало никому не покажется. Надо было у кузнеца наконечники попросить, голова моя садовая. Вроде бы ничего и не делаю, а всяких мелких делишек хватает. Перекусываю остатками вчерашнего ужина. Всё оставшееся до вечера время посвящаю тренировкам, сначала растяжка, потом меч, и на десерт – начинаю вспоминать, как кидать ножи. Когда-то у меня неплохо получалось, штык-нож от АКМ-а метров с десяти мог в тетрадный лист вогнать.

Если сейчас всё спокойно пройдёт, обязательно закажу у Головни пару малых арбалетов. Лишь бы кожаный доспех пробивали.

Так ножи и пробросал до самой ночи, восстанавливая навыки. Костёр опять решил не разжигать, снял несколько подвялившихся рыбин с верёвки и покормил собаку, ну и сам парочку съел.

На ночь опять забрался в свой «окоп». На удивление, спал без задних ног – то ли устал, то ли уже перегорел. Под самое утро завозился Гром и разбудил меня. Поднял башку и уши насторожил. Тихо опустил руку ему на холку, прижал.

– Спокойно. Лежим, не дёргаемся, ждём.

Пёса коротко на меня глянул и опять на противоположный берег уставился через прорехи шалашика. Уши насторожённые, носом водит – чужие.

Чуть раздвинул ветки, буквально на полпальца – туман-то какой, еле берег через ручей просматривается.

Ага, пошло движение. Пара смутных фигур нарисовалась у навеса, переговариваются между собой. Бормочут что-то. Не слышно ничего за журчанием воды.

Ничего не боятся разбойники. Ну-ну. Вроде больше никого поблизости нет. Грозным шёпотом приказываю Грому лежать на месте и выскальзываю из своего окопа. Доползаю до ручья, ввинчиваюсь в камыши и перетекаю на ту сторону. Холодно и сыро, да деваться мне некуда.

Увлечлись граждане бандиты – рассматривают моё сооружение и мою же рыбу трескают. Стоят отлично, спиной ко мне, взмахиваю дважды рукой и оба, захрипев, опускаются на землю. Вскикиваю, в правой – меч, левой – подхватываю деревянное копьёцо и в два прыжка подлетаю к ним. Вот что вам стоило назад упасть, а не вперёд? Помяли мне несколько кирпичных заготовок.

Один – готов. Второй ещё жив, скребёт руками по земле – клинок вошёл под правое плечо, чуть выше лопатки. А метил-то я в шею.

Отбрасываю его оружие в сторону и выдёргиваю из тела свой нож. За шиворот тащу сомлевшего раненого через ручей и прячу в камышах – пусть хоть немного прикроет, мало ли что. Быстро связываю ему руки и ноги – полежи пока тут. Зову Грома, пусть сторожит. Бегом возвращаюсь назад, выдёргиваю нож из убитого – хорошо вошёл, чётко между лопаток. Второго так же тащу через ручей и укладываю рядом с первым. Пришло время и поговорить с пленным. Пока ещё на адреналине, привожу пленника в чувство, особо не церемонясь, и выпрашиваю о количестве бандитов и их планах. Опять отмечаю, что и этот язык мне знаком, и я свободно могу на нём говорить.

Мой пленник, видимо впечатлённый огромной мордой собаки, нависающей над ним, споро рассказывает мне, что отряд, перейдя реку, разделился на две группы. Их группа – из четырнадцати человек – направилась сюда. Видели, что дружина почти вся ушла и в городище воинов мало, вот и решились напасть. Эта пара зашла с моей стороны, ещё двое обойдут поселение с севера – нападут, как только будут готовы. Остальные полезут через стены.

Быстро соображаю – у меня в запасе минут пять, десять осталось. Сомнений нет, надо своим помочь. Оставляю Грома сторожить пленника, проверяю трофейное оружие. Досталось мне два меча, два простых лука с запасом стрел, ножи и копья. Ну и какая-то одежка с бронькой. Пока не до неё, подбираю копья получше и осторожно, прислушиваясь, пробираюсь к кузне. Туман всё такой же густой и ориентироваться приходится на слух. Ощущение, будто плывёшь по воде.

Страшно-то как, на ручье так страшно не было. Наверное, из-за того, что не видно ничего. Что впереди, непонятно – может, я уже в самую середину вражеской ватаги прокрался.

Зажимаю себя в кулак и пробираюсь дальше. Вот и кузня. Тут всё тихо, сюда ещё не добрались, да уже и не доберутся, некому потому что. Что-то услышал впереди, наверное потому что хотел услышать и слишком весь на нервах был. Расстояние пока не определить, далеко или близко, туман всё скрадывает. Но звуки в тумане разносятся хорошо. Надо поближе подойти и выждать, когда они на атаку решатся. Тогда и ударить с тыла. Лишь бы под свои стрелы не попасть. Будем смотреть и без нужды не рисковать. Хотя первые несколько минут стрел можно не опасаться, да и потом, думаю, уже не до стрел будет. Осторожно подползаю, вот и враг показался, пересчитываю – все десять в одной группе. Им тоже очень страшно, поэтому и держатся толпой. Но мне это и на руку. Как побегут, побегу и я, а там по ходу пьесы и будем действовать. Но вот бежать-то они

и не собираются, крадутся потихоньку к стенам, лесины тащат. А наши пока молчат, не слышат, видимо.

И что делать? Если ждать пока на приступ пойдут и тогда напасть, то убью одного, если повезёт, то второго, а остальные ворвутся в крепость и успеют дел натворить. А если напасть сейчас и тревогу поднять, тоже могу снять одного-двух, остальные же меня, как зайца загоняют. А с луками даже и бегать за мной не станут. Вот и ворота показались – закрытые, хоть это хорошо. Ещё можно чуть ближе подойти. Хорошо мне в резиновых галошах – тихо крадусь. Готовлю ножи и копьё, выбираю себе цели, лучше лучников, но они тут все с луками. А нет, не все, шестеро с лесинами крадутся, трое сзади идут с луками, четвёртого не вижу. Пора. Кидаю ножи, быстро, один за другим, не думая. Задумаешься, точно промахнёшься. Перехватываю копьё и бросаю в третьего. Попал или нет – не вижу, потому что отпрыгиваю сразу же назад за кромку тумана и в сторону, падаю на землю. Ещё и отползаю немного. Оказалось, вовремя – в стороне мерзко прошелестели стрелы. Стреляйте, стреляйте, внезапного нападения уже не получится – видать, сильно кого-то зацепил, слышна ругань и крики. А отступать они куда будут, ударяет мысль – только назад, а тут я, весь из себя такой мягкий и неопытный. И из оружия у меня только меч, с которым я пока даже не на вы.

Ещё не успеваю додумать эту мысль, а тело уже само начинает действовать. Ужом или, скорее, мышом проскальзываю вокруг паникующих и прокрадываюсь к стене чуть правее ворот. К воротам нельзя, да и к стенам близко тоже, ещё подстрелят, доказывай потом, что свой. Так сбоку и высматриваю, что там дальше будет. На стенах народ забегал, ищу знакомых, наконец, вижу Ждана. Не высовываясь, окликаю его. Опознаёмся, и я предупреждаю о ещё двух нападающих с тыла.

Меня спрашивают, где враг. Отвечаю честно, что уже не знаю, отступили, а куда отступили – не видел. Советуют укрыться где-нибудь, потому что всё равно ворота открывать не будут, пока не прояснится. Но туман редет. Договариваемся, что по мне не будут стрелять – нужно забрать своё оружие. Без него как-то боязно. Встаю на ноги, под прицелом со стены пробираюсь к месту недавней скоротечной схватки, между лопаток стекает струйка пота, всё же страшно – вдруг у кого-то рука дрогнет. В траве лежат два тела. Одно с ножом в спине, другое – копьём пробито, третий или ранен, или я промахнулся. Хотя – вряд ли. Будем считать, что ранен. Забираю свой нож. Копьё вытаскивать не стал, пусть торчит, потом заберу. Подобрал вместо него два других, пусть будет замена второму ножу. Вот их, кстати, если выживу, закажу с запасом, штук восемь

– пусть будут. Вон, как хорошо получилось. Подхожу под стену, рассказываю, что и как было. Надо возвращаться назад, страшно, но надо.

Начинает проглядывать солнце, его бледный круг просвечивает через редящий на глазах туман и значит, скоро будет чисто.

Имеет смысл подождать несколько минут. Да и очень уж неохота отходить от стен, теперь и мне могут устроить западню, если пойду наугад. Противник-то уже настороже.

Минут через пятнадцать туман окончательно рассеивается. Вокруг никого, только через поле тёмный след по росе виден. Уже легче, но преследовать всё равно не буду, выстрелят из лука и всё – кончилось моё попаданство. Да на это есть специально назначенные люди, вон они – поглядывают из-за стен.

Начинает мучить жажда, и я прошу опустить мне на верёвке что-нибудь попить. Народ начинает зубоскалить, им-то что, они тут люди закалённые, ко всему привычные, а у меня сегодня первые, мной лично израсходованные. Хотя никаких особенных переживаний нет, единственное – за Грома волнуюсь. Наконец, опускают мне корзинку, в которую чья-то сердобольная душа положила лепёшку и кувшин молока.

Благодарю и пропадаю для этого мира на пять минут, пока не закончилось молоко.

Сидеть надоело, вокруг тихо, встаю на ноги. Хочешь, не хочешь, а идти надо. Там моя собака. Шагаю в свой лагерь, голова крутится как локатор, на триста шестьдесят градусов. От кузни зову Грома и тот вскоре приносится, радостно скуля и прыгая вокруг меня. Сажусь на своё, уже законное место на бревне и обнимаю собаку. Вытираю локтем обслюнявленную физиономию. Спрашиваю, есть ли чужие? Собака, конечно же, отвечает мне, что всё вокруг в полном порядке, и мне так хочется ей поверить. Но, всё-таки придётся вернуться в поселение – лучше там подождать остальную дружину, да и так проще будет. Самое главное, пёса мой живой. А мародёрку – на потом оставляю. В лагере, правда, ещё пленник лежит и я его даже не перевязал, но мне как-то наплевать, жив он останется или помрёт, а может, развяжется и сбежит. Апатия накатила. Мне бы в крепость, накатить граммов двести чего покрепче и спать завалиться.

В поселение приходится залезать через ограду. Грома поднимают на полотнище. Вокруг что-то кто-то лопочет, но я никого и ничего не слышу, не помню, как добираюсь до воинской избы и заваливаюсь на лавку.

Просыпаюсь от настойчивого торможения. Открываю глаза – Изяслав. Приходится вставать. Вокруг дружинники. Пришла пора получать плюшки. Народ радуется, у меня от дружеских похлопываний болят плечи и спина.

Вечером будет праздник в мою честь, благодаря мне обошлись без потерь, а дружина пробегала вхолостую и никого не видела. Всё оружие, доспехи собрали, отчистили и отнесли в мой лагерь. Одежку обещали отстирать женщины, и после этого тоже принесут мне. Ну, хоть теперь есть во что одеться. Сразу благодарю за воинскую науку.

Так, плотной толпой, выходим во двор. Смотрю – про Грома тоже не забыли – полная миска чего-то мясного и огромный мосол, каковой он старательно гложет.

Подходит Головня, молча пожимает руку, над калиткой ещё головы торчат. Даже застеснялся, не думал, что благодарить будут, да и не ожидал. Просто делал то, что считал нужным. Надо бы к ручью сходить, посмотреть, что там целым осталось. А то, чувствую, там стадо слонов прошло, наверное, все там побывали.

Задаю вопрос об остатках напавших. Оказывается, пока я спал, подошёл Изяслав со своим десятком, и они гнались по их следам до самой границы, но никого так и не увидели, не смогли догнать. Это же сколько я проспал? Оказывается, спал сутки и ещё день. Сейчас вечер второго дня. Однако.

В лагере всё чистенько, ничего не разорено, только пропала вся моя рыба. Ничего, это дело поправимое. Кирпич зато просох за это время. Налеплена ещё хорошая партия сырца и ямы заполнены – похоже, Головня постарался.

Он так за мной хвостом и ходит, видать, сильно переживал за свою семью, а тут я, спаситель, весь из себя такой. Хвалю его за проделанную работу и заказываю ещё ножей – очень мне эффект от их применения понравился.

Прошу подобрать мне перевязь для них, ведь наверняка есть тут какой-нибудь кожевенник.

Жаль, что денег с моих трофеев набрали совсем мало.

Кстати, пленник мой выжил и теперь сидит в порубе, но это уже не моё дело.

Отправляю кузнеца по делам и залезаю отмокать в ручей.

Утром, наконец-то, просыпаюсь в своём доме – вчера попиروвали знатно. Было пиво, что-то вроде медовой браги, много мяса, рыбы, пирогов и салатиков – не знаю, как они называются, но вкусные. Напиться не напился, но было весело. Голова вроде бы ещё соображала, а вот с ногами явно не дружила. Мстиша обещался сделать из меня доброго бойца, вот и пусть делает, очень мне не понравилось мое неумение владеть мечом, особенно когда остался без ножей и копья. Даже в голову не пришло за

железку схватиться. Так, болтается что-то на боку для красоты и ладно.

Помню, что собирали мне полную корзину еды с собой, осматриваюсь и нахожу её подвешенной на уже привычном месте под потолком. Можно позавтракать, и после этого займусь разборкой трофеев. Патологий нет – натурпродукт.

Перебрав всё, что мне досталось, прихожу к выводу оставить себе пару сапог поновее, и куртку из тех, что покрепче и менее истёртую.

Только сниму все бляшки с неё и закажу в кузне новые, будет порядочная бронь. Все мечи и копья с ножами тоже отдам Головне, будем переделывать. Вот и он, лёгок на помине – принёс мне новые ножи. Быстро. Приглашаю присесть и рассказываю о своих мыслях. Забрать и перековать железо мастер согласен. С куртками же предлагает сделать по-другому – две куртки поменять у скорняка на новую для меня. Сделают так, как мне нужно. А другие две – он и сам с удовольствием заберёт, самому пригодятся.

Осматриваю ножи и перевязь под них – сделано на совесть, красиво и мне нравится. Подумав, соглашаюсь на вариант с обменом.

А сейчас предлагаю начать строительство печи для обжига. Рассказываю и показываю все этапы новой для кузнеца работы. Выводим вдвоём пять рядков и на сегодня этого хватит.

На прощание опять прошу бечевы и проволоки, так как моя вся пропала вместе с рыбой, и ещё несколько горшков.

Пробую отдать деньги на горшки, но с этой затеей ничего не выходит. Головня наотрез отказывается от денег. Увязывает всё железо в куртки и уходит, бурча недовольно. Успеваю ещё крикнуть, чтобы захватил молочка. Обиженный кузнец только рукой махнул.

Вечером появляется целая делегация во главе с десятником. Приносят мне отстиранную и заштопанную одежду. Но я же вижу, что привело их сюда простое любопытство, и мне приходится всё показывать и рассказывать – даже язык намозолил. Пользуясь случаем, отдаю все луки и стрелы. Теперь понимаю кузнеца – Изяслав так же пытается вручить мне за них деньги. Отговариваюсь тем, что Мстиша меня учит за бесплатно, и намекаю, что деньги ему ещё понадобятся, чтобы со мной за новую печку рассчитаться. Десятник весело хохочет, и мы договариваемся о работе и оплате, что для меня гораздо важнее.

Наконец, все расходятся, и Мстиша устраивает мне выматывающую тренировку, которую заканчиваю метанием ножей и прошу показать несколько приёмов работы с копьём. Ужинаем, и я остаюсь один. Хотя почему один, вон Гром спит. Он целыми днями спит, такое ощущение, что у

меня и собаки нет. Хотя при этой заварушке показал себя очень хорошо – не лез, куда не просят, и слушался прекрасно.

Перед сном ещё успеваю сходить за ручей и убрать со своего временного укрытия все ветки и траву, нечего демаскировать сухостоем прекрасную запасную позицию. Кстати, может, лучше задерновать? Нет, пожалуй, это лишнее – мне тут не жить, скоро уйду всё равно.

За несколько дней вывели печь – теперь стоит, просыхает, завтра будем начинать прогревать понемногу. Сложил и себе небольшую печурку, потратив около двух десятков кирпичей, вывел трубу. Головня сделал мне плиту по моим объяснениям. Теперь я могу на ней даже вскипятить котелок, нажарить рыбы, да всё могу приготовить. Показал ему, как сделать заслонку, мастер сковал через день, и, по-моему, он до сих пор ходит в ступоре. Озадачил его чертёжилом вытяжки для его кузни, теперь куёт детали для неё. Плотнику заказали деревянные части мехов, ждём, когда будут готовы. Кожу пообещал скорняк.

Посмотреть мою печурку пришло всё поселение, некоторые приходили не по одному разу. От детей вообще отбоя нет. Гром поначалу с ума сходил от такого столпотворения, теперь привык.

Дел сделано очень много, но осталось сделать ещё больше, времени просто не хватает. Головня обещался подобрать несколько парней нам в помощь, заполнять ямы и месить глину. Мол, будем им класть печи в первую очередь и со скидкой. Но, чувствую, так они тут с нами и останутся. Потом научу самого толкового формовать кирпичи и будем расширять своё производство, потому что уже сейчас наших возможностей мало.

Озадачил Изяслава, пусть разбирают в доме свою печку, место надо освободить. На всё про всё есть недели две.

Из первой партии после обжига получилось около половины отличного кирпича, остальное ушло в брак. Хотя брак относительный, думаю, из него большая часть всё равно пойдёт в дело. Появилась очередная проблема, про которую я абсолютно забыл. Это – проблема с топливом. Но тут обещал помочь Изяслав. Напилят на дрова деревья, оставшиеся от корчёвки леса под посевы. Так как почти все заинтересованы в моём деле, то и дрова обещали вскорости начать подвозить.

Опробовал свою цементную смесь – после полного высыхания пара кирпичей, положенных в воду, остались склеенными, что очень радует. Плохо только, что известь возят из-под Плескова, она тут редкость, своих месторождений нет, а из пережигания бута ничего не вышло.

Совсем забыл, мне удалась цементация в древесном угле моих ножей. Делал всё в кузне под чутким присмотром мастера. Вначале был нещадно подвергнут насмешкам и подколам, но через день процесс завершился полным моим триумфом, и кузнец за этот секрет обещался взять меня в половинную долю за всю сделанную по-новому работу. Это я ему ещё малый арбалет не рисовал. Представляю, что с ним после этого будет.

Наконец-то мне скроили и сшили новую куртку – пока повесил её в своей каморке. Как-нибудь выберу момент и разрисую так, как нужно будет прикрепить на ней железные пластины.

Пришли двое парнишек, старательно перенимают науку, кузнец для них превыше всего, после меня, конечно. Но у меня весь упор ставится на то, что Головня остаётся начальником после моего отъезда. Радует, что процесс налаживается, процент брака уменьшается, хотя брак в нынешних условиях понятие относительное – всё идёт в дело. Нужно начинать закладывать вторую печь для обжига, побольше первой – надо ускорять производство.

В кузне сделали капитальную перестановку, мастер, наконец-то, доделал вытяжку с шибером. Выложили новый горн с нижним поддувом, подсоединили меха. Теперь кузнеца вечером жена приходит забирать, сам он готов тут днеть и ночевать. Ничего, скоро привыкнет.

Увидев мои ножи, Мстиша выпросил один показать Изяславу, и теперь у всего десятка такие же.

Селяне тоже не отстают, и заказов у кузнеца хватает, надо будет ему подсказать таким же образом остальные инструменты делать. Хоть тут всё же больше присутствует натуральный обмен, но и деньги иногда перепадает. Мою половину финансов попросил мастера держать у себя, мне-то некуда положить.

Каждый вечер продолжаю тренировки, и потихоньку начинает что-то получаться. Правда, Мстиша смеётся и говорит, что мне и от курёнка не отбиться, но я и сам вижу свои успехи с мечом.

Но для меня он всё-таки тяжеловат, воин начинает с раннего детства упражняться, а мне так быстро мышцы не разработать, хотя грех жаловаться, бегаю как молодой, сил и здоровья немеряно, восемь кирпичей вверх по склону оврага бегом поднимаю и хоть бы хны. Но всё равно не успеваю за Мстишей, у него клинок как бабочка порхает. Зато в метании ножей мне равных нет. Хоть полчаса, но выкраиваю в конце тренировки для этих упражнений.

Наконец, делаем необходимое количество кирпичей, и я приступаю к кладке обогревательной печи в воинской избе. Подробно показываю своему

напарнику все этапы кладки и приёмы обработки кирпича, объясняю, как и куда пойдёт тяга, что такое колено, как грамотно сделать прочистку. Головня отковыывает нужные элементы, и мы их устанавливаем. Тут же объясняю ему, что без работы он не останется, так как печное железо придётся менять периодически, да и печи требуют постоянного присмотра. На эту печь у нас уходит полторы недели.

После контрольной топки проверяем тягу, работу шиберов, и мастер торжественно одевает оголовник на трубу.

Если бы кто знал, как я волновался. Всё-таки первая моя печь в этом мире, сделанная с нуля. Дальше будет гораздо легче, производство кирпича налажено, результат появился – уже очередь образовалась. Правда, трактирщик пока не появлялся – выжидает, хитрюга, но тем дороже ему в итоге обойдётся печь. Никуда он не денется, а у меня огромная тяжесть упала с плеч. Теперь я уверен, что не пропаду.

Ещё через недельку и в доме кузнеца появилась новая печь. Теперь Любава ходит с гордо поднятой головой, потому как сложили её отопительно-варочной, со щитом и духовкой. Правда, плита на одну конфорку, но ведь работает.

На крыше вокруг трубы сделали фартук от воды, а когда подошла очередь устанавливать оголовник, то вспомнил, как его можно украсить. Подсказал хозяину, и теперь над трубой крутится флюгерок с петушком.

Сидели вечером в гостях у кузнеца, и зашёл разговор о моём осеннем путешествии. Сначала начали меня вдвоём отговаривать – мол, что там делать, чужие люди, а тут уже все свои. Но на мои слова о новых возможностях, о планах заложить верфь и построить новую ладью, способную выходить в Варяжское море, о заморских странах и новых торговых путях, о большом кирпичном цехе, о новом оружии, замолчали и крепко задумались. Да ещё и напомнил о давешнем нападении. А сколько их было, таких нападений и сколько ещё будет? А в большом городе жить спокойнее, да и возможностей поболее будет. Потому как у хорошего мастера недостаток тоже побольше выйдет.

– А лавки там какие? Товару много, даже заморские ткани продают. А если ладья будет, можно самому за товаром ходить, благо я знаю – куда и за чем. – Вот на эти мои слова сначала Любава, а потом и глава семьи крепко задумались.

А мне-то только лучше будет, если сманю кузнеца с собой. Он уже проверен, соображает хорошо, да и мастер толковый. И я больше чем уверен, что не сможет Головня тут дальше жить, душно ему будет, всё-таки глотнул свежего воздуха новых знаний и перемен. Сейчас ещё про арбалет

расскажу, и кузнец никуда не денется.

– Только-только печку такую красивую сложили, жить стали лучше, достаток появился, и что – всё заново начинать? – Сомневается Любава. – А вдруг ничего не получится, кому мы там нужны будем?

– Попросим приглядеть за избой соседей, если не выйдет ничего, вернёмся. – Размышляет вслух кузнец.

– Выйдет у нас всё. И избы у нас будут лучше этой, и печи сложим другие, дело своё поднимем, торговлю откроем, хорошо нам будет. – Вклиниваюсь я.

– Первое время, конечно, будет очень трудно – пока обживёмся, пока дело наладим – но наладится всё, и заживём лучше прежнего. – Добавляю.

Дальше уговаривать не стоит, пусть это переварят сначала, пора переключать внимание и подбрасывать новую идею:

– Послушай, напарник, мне тут одна идея в голову пришла. Мне нужно оружие дальнего боя. Близо я могу ножами орудовать, а вот если дальше, то у меня ничего и нет. Из лука я так и не смог научиться стрелять. Вот посмотри на рисунок, хочу такое вот сделать, поможешь? – И разворачиваю небольшой кусок бересты с кое-как намалёванным углём чертёжиком. Даже не чертёжиком, а скорее, простенькой схемкой.

Сработало, кузнец с головой уходит в новую для него затею, будет у меня скоро арбалет.

Изучив рисунок, мастер засыпает меня вопросами. По мере сил стараюсь рассказать всё, что знаю

об этом оружии, которое якобы видел на своей далёкой Родине.

По моим задумкам, арбалет должен гарантированно пробивать местные доспехи до ста метров, дальше я просто не попаду, и прикладывать большие усилия на взводе ни к чему. Лучше быстрее взводить и чаще стрелять. Да и никакой я не Робин Гуд – если метрах на пятидесяти буду уверенно поражать мишень, то и хорошо.

Ложе я сам вырежу, а всё железо мне мастер сделает, включая болты. У меня ещё много металла осталось с первого памятного боя.

С бронёй только пока придётся повременить. Делать полноценный доспех мне ни к чему, пока воевать я не собираюсь, может, потом как-нибудь займётся.

Озадачиваю мастера необходимостью держать новое оружие втайне от всех, вот сделаем и покажем Изяславу, посмотрим, что на это скажет десятник.

На дворе темнеет, и я начинаю прощаться. Любава собирает мне корзину с едой, наливает молока в кувшин. Благодарю и, пожелав всем

спокойной ночи, в сопровождении своего верного друга, возвращаюсь к себе домой. Завтра начинаю новую печь для обжига – процесс идёт вперёд.

Утром ставлю двух работников на кирпич – пусть формуют, одного на поднос материалов для новой печи, а самого толкового назначаю помощником, и начинаю кладку. Фундамент подготовлен, можно работать, думаю, в неделю уложимся.

Выкладываю первый ряд, и передаю работу помощнику, пусть набивает руку, пока я рядом. Так, не спеша, с объяснениями, поднимаем до обеда шесть рядков. У парня начинает появляться уверенность, руки перестают трястись, и к делу подключается голова. Начинает задавать правильные вопросы. После обеда продолжаем кладку и догоняем к вечеру до десяти рядков, дальше не рискуем, и так погорячились.

Перед ужином собираю ребят и спрашиваю, нравится ли им эта работа? Получаю горячий утвердительный ответ и ставлю стратегическую задачу на будущее. За лето каждый должен научиться работать с глиной и кирпичом, после моего отъезда всё производство оставляю им в равных долях. Поэтому пусть решают, смогут ли потянуть это дело.

Смотрю, начинают мяться, возникает заминка.

– Взял в руки кельму – работай. – Переиначиваю известное крылатое выражение применительно к текущим реалиям. – Ну, что засомневались, рассказывайте.

Рассказывают. Смысл в том, что им нечем со мной рассчитаться, ведь я им оставляю целое богатство – печи, навес, инструмент.

– Я собираюсь перебраться в Плесков, там буду налаживать такое же производство, как здесь, только бóльших объёмов – город-то большой и работы там будет много. Да и денег там у жителей больше, значит и заработки будут выше. Приеду, осмотрюсь и начну строительство, и вот тут мне без помощников не обойтись. Предлагаю вам потом перебраться ко мне, кто захочет, конечно. Жильё и оплата будут по совести, а там и в долю войдёте. – Объясняю ребятам свои планы. – А пока работайте и набирайтесь опыта. Может, кто-то из вас и не захочет ехать ко мне.

Смотрю, задумались крепко, глаза загорелись. Будет толк.

Как всегда, точно к ужину подходит Мстиша. Чует он это дело – мудрый воин. Не спеша отдаём должное Любавиной стряпне, и я выпрашиваю об Изборске и Плескове. Меня интересует буквально всё, и дружинник добросовестно отвечает на мои вопросы, что-то уточняет сам, рассказывает о тамошних порядках и правилах. В большей степени меня интересует Трувор и тут выясняется интересная подробность. Оказывается, десяток меняется осенью. Если есть такое желание, мне лучше подойти к

Изяславу и договориться о совместном походе. Наверняка тот не откажет, всё-таки авторитет я тут уже заработал солидный. Эта новость заставляет меня крепко задуматься, во-первых – появляется шанс добраться до Изборска под защитой знакомого отряда, а, во-вторых, Изяслав может представить меня князю, да не может, а точно представит. Наверняка будет докладывать о произошедших событиях и моё имя в докладе должно всплыть хотя бы раз. Если не в связи с нападением, то уж на мастера-печника тот захочет посмотреть точно. Срочно нужно арбалет собирать. Что-то кузнец запропал в своей кузне, даже на обед не появляется, похоже, сюрприз мне готовит. Надо начинать срочно резать ложе.

Благодарю Мстишу за обстоятельный рассказ и толковые советы, и провожаю до склона. По пути ещё любопытствую, как работает новая печь и на меня выплёскивается волна прямо детского восторга, которая заканчивается мощным одобрительным хлопком по спине. Такая вот благодарность мне не очень нравится, от хлопка я делаю несколько шагов вверх по склону – вот же лось здоровый. Окончательно прощаюсь и возвращаюсь к себе, измученный организм требует хорошего отдыха. Надо этот отдых ему предоставить.

С утра навёрстываю пропущенное вчера и делаю основательную разминку. Что интересно, ко мне присоединяются все парни, видимо за ночь надумали что-то. С расспросами не лезу, придёт время, и сами расскажут. Завтракаем, и определяю фронт работ каждому, сам же отправляюсь провести своего напарника. Что-то он совсем запропал.

Кузня стоит пустая, и я распереживался, не случилось ли что плохое с моим приятелем.

Быстрым шагом спешу к избе Головни, почти вбегаю в калитку, и... меня останавливает Любава.

– Погоди, Владимир, не буди мужа, две ночи почти не спал, твои придумки ковал, дай отдохнуть ему. – Требовательно смотрит мне в глаза.

– Я его тоже два дня не видел, испугался, не случилось ли чего, вот, пришёл узнать. – Смутившись, оправдываюсь.

– Молочка налью, выпьешь, успокоишься. – Улыбается глазами.

Прямо гора с плеч, очень я испугался, привязался сильно к своему новому другу.

Однако – надо срочно ложе сделать, а то мастер не поймёт. Иду к плотнику и договариваюсь о ровной дубовой доске. Тут же намечаю приблизительные контуры, и мне обещают к вечеру вырезать по ним заготовку. Дальше я уже сам.

День пролетел, как всегда – быстрым соколом. Контролировал кладку

печи, формовку, подсказывал, где надо. Готового кирпича с сегодняшним обжигом набирается как раз на новую печь. Кто там у нас на очереди, Головня знает – можно будет начинать класть. Все заказчики уже в курсе, что надо разобрать старую печь и очистить фундамент, у кого он есть. Такое у нас было условие – нет времени возиться с разборкой.

Вечером забираю готовую заготовку у плотника и захожу к своему напарнику, может уже проснулся, всё-таки день проспал. Но у калитки детишки тихонько просветили меня, что тятка ещё спит, и мама строго-настрого запретила шуметь.

Завтра встретимся и решим, что будем делать дальше.

Ужинаем с ребятами и прощаемся до утра.

Утром опять разминаюсь в компании парней – стараются повторять все мои упражнения, но получается у них пока плохо. Посмотрю, надолго ли этот запал. А ведь мне необходима будет команда верных людей, всё и везде я один не смогу делать – нужны помощники, которым смогу доверить свои секреты.

Задачи остаются прежние, и ребята продолжают работать, а я устраиваюсь под навесом и начинаю обрабатывать ложе под себя. Дуб режется тяжело, но к обеду заготовка принимает более или менее законченный вид. Жаль, что нет рашпиля или наждачки, с ними результат был бы ещё лучше. Рашпиль можно сделать, наверное. Чугун тут уже знаком, литьё только нужно наладить.

А вот, наконец-то, явление кузнеца народу – со склона быстрым скоком спускается мастер. Радостно всех приветствует и настойчиво зовёт меня в кузню. Значит, есть результат!

Откуда-то из тёмного угла, разворошив разный хлам, достаёт небольшой свёрток и осторожно опускает его на верстак. Бережно разворачивает холстину, позвякивая содержимым, и выкладывает в ряд детали будущего механизма. Примащиваю рядом ложе, и мы начинаем на нём размечать все необходимые отверстия по месту.

Заодно спрашиваю о возможности сделать рашпиль. Подобие напильников-то уже есть, значит, остаётся только сделать насечки покрупнее, и можно будет обрабатывать дерево. Разметили вырез под спусковую скобу, надо будет завтра высверлить и собрать все части в единое целое. Больше всего пришлось повозиться с пружинами, хвастает мастер.

– Так это здорово. – Отвечаю. – Теперь нужно совершенствовать процесс и отработать технологию – потом пригодится, а пока ещё штуки три сделаем и хватит.

Головня чешет в затылке, удивляясь мудрёным словам, но молчит.

Отдельно мастер по одному выкладывает болты. Для начала сделал пять штук, остальные тогда, когда увидит результат. Радует, что удалось решить вопрос с плечами – сомневался, получится ли пружинная сталь. Мне пришлось напрячь память и выложить всё, что знал о производстве такой стали в домашних условиях.

В конце концов, не выдерживаем и отправляемся к плотнику, чтобы вырезать отверстие под спусковой механизм и жёлоб, где и пропадаем до темна, потому что и плотнику тоже очень любопытно, что это мы придумали. Это радует, у нас появляется ещё один единомышленник, которому я выдаю идею о рашпилях. Под это дело возникший вопрос о древках для болтов и ещё трёх ложах для самострела решается сам собой, единственно, он просит посмотреть на конечный результат. Обещаем позвать на испытания.

Глава 5. Новое оружие. Засада на лесной дороге

Выходим от плотника и Головня приглашает на ужин. По пути делюсь мыслями о выборе будущего места нашего проживания. В само городище селиться нет смысла – будет тесно и нам, и нашим планам. А планов хватает. По ним обязательно рядом должен быть хороший ручей или небольшая речка. На недоумённый вопрос мастера:

– Да ведь в городище среди людей будет и веселее, и легче жить?

Ответ давно готов:

– Легче-то легче, да не развернуться нам будет в тесноте городища. Нам земли нужно будет много. Смотри. Кузню ставить надо? Надо. Да не одну. Гончарную и плотницкую мастерские? Тоже надо. Кирпичи продолжим делать – сколько земли понадобится? А верфь заложим? Речка рядом обязательно должна быть, если в море выходить собираемся. Почему желательно в стороне от других домов?

Объясняю принцип привода молота и пилы для распиловки досок от водяного колеса. Кузнец задумывается и задаёт неожиданный вопрос:

– Чего тебе дома не сиделось, если в твоей стране столько знаний и разных нужных и хороших мастеров? Ведь там у тебя люди, наверное, очень хорошо живут, если такие полезные вещи умеют делать? Зачем сюда добирался?

Теперь уже мне приходится задуматься:

– Понимаешь, это я там вырос, но мои родители родились здесь, в этих краях. Вот и захотелось посмотреть места, где жили мои предки... А знания... Так это хорошо, что я много узнал там, вот теперь всё делаю для того, что бы и ты тоже столько же знал. Разве это плохо? По-моему – только хорошо. А если нам эти знания помогут семье свои прокормить и детей на ноги поднять, от врагов отбиться без потерь, верных друзей и соратников к себе подтянуть? Вместе нам легче будет жить, работать и воевать, если придётся. А там, откуда я... Там больше каждый сам за себя, веры людям мало, всяк норовит одеяло на себя натянуть... Не нравится мне это...

– Тебе только очень осторожным нужно быть, недаром, думаю, твои родители отсюда уехали, значит, причина была серьёзная. И ещё – не советую тебе по отчеству представляться, сразу понятно становится, что не простая кровь в тебе течёт. Сначала разузнать потихоньку о родителях

надо, вдруг до сих пор помнят о них и ищут. – Тихо советует кузнец.

Вот это я влип. Одно утешает – не знал и не думал об этом, когда языком брякнул. Ничего, выкрутимся, не в первый раз. Благодарю мастера и до дома мы молчим, есть, что обдумать каждому.

А в доме я забываю обо всём, детишки не дают задумываться – вопросы, торможения, мельтешение и рассказы о своих детских проблемах. Маленькая Красавушка не слезает с колен, и я просто сижу и отдыхаю душой.

На вопрос о доме, где жил, начинаю рассказ и не замечаю, как вокруг устанавливается звонкая тишина. Вынырнув из воспоминаний о своём доме, вижу вокруг большие круглые глаза и, наконец-то, обращаю внимание на установившуюся вокруг, тишину. Судорожно начинаю вспоминать, о чём я мог проболтаться, пока Любава своим вопросом не успокаивает меня:

– Это ж сколько комнат у тебя было, терем целый получается? Родители знатные, видимо?

Вот и Любава о том же. Сговорились между собой, что ли?

Но отвечать что-то надо и я, не найдя ничего лучше, просто машу рукой с видимым нежеланием отвечать на вопрос. Да и мастер помог, шикнул на жену тихонько. И быстро переключил разговор на водяное колесо, лесопилку и молот, спасибо ему. Новая тема быстро занимает всех домашних, и мы бурно обсуждаем, какие возможности может принести новое дело. Даже детишки, которые постарше, притихли и внимательно слушают. По глазам видно, что очень им интересно и любопытно. Но молчат, во взрослый разговор не лезут.

Засидевшись допоздна, возвращаюсь домой под свет звёзд, хорошо, что Громчику свет почти не нужен и он прекрасно выводит меня к моей берлоге. Собака тоже довольна, затисканная и закормленная детьми, быстро заваливается спать. А я ещё долго ворочаюсь, шурша высохшим камышом – нужно обмозговать появившуюся информацию. Что-то моё путешествие в Изборск перестаёт быть таким желанным, удавят меня там по-тихому, не спрашивая, на всякий случай, и прощай все мои планы и начинания. Да и не понятно, для чего меня сюда закинуло, должен же быть смысл всему этому? Ничего, разберёмся, просто время, видимо, ещё не пришло.

В голове мешанина из проектов, попыток вспомнить историю, прочитанных книг. Всё это прокручивается по кругу раз за разом и, под утро, с тяжёлой головой, я забываюсь в коротком сне.

А утром все мои страхи и сомнения улетают прочь, и мы приступаем к

кладке очередной печи.

Вчера договорились с Головнёй, что он сегодня собирает и подгоняет части арбалета, а мы по его списку идём к очередному заказчику. Продолжаю натаскивать ребят печному делу, и их успехи мне нравятся. Новые знания и умения просто проглатывают. Думаю, печь мы уже сможем сложить такими темпами дней за шесть. Вспомнил и показал, как с помощью бечевы делать пространственный каркас, что очень ускорило работу.

Утром ребята выскочили на разминку без меня, что обрадовало и внушило некоторый оптимизм.

И, смотрю, они как-то внутренне подобрались, серьёзнее стали, смотрят и слушают очень внимательно, знаний не хватает, конечно, но желания эти знания получить – запредельные. Складывается команда, почин положен. Конечно, кто-то останется здесь, но даже если хотя бы один человек пойдёт за мной – будет уже гораздо легче.

Прокрутив в голове и обдумав ночью наш вчерашний разговор в избе кузнеца, решаю сделать себе что-то вроде бронежилета скрытого ношения, так, на всякий случай. Лучше перестраховаться.

Поэтому во время работы размышляю, как лучше сделать для себя незаметную под одеждой защиту. А что? Руки-то отдельно от головы работают.

Опять придется подключать кузнеца – вот он обрадуется, наверное. Хорошо ещё, что работы у него пока мало.

На сегодня работы с печью закончили, пусть сохнет, а мне надо наведаться к плотнику и поговорить с ним. А предлог, вот он – мой заказ на ложи. Предварительный уговор был, но нужно обсудить частности.

С плотником проще, семья у него небольшая, а работы тут практически нет. Каждый мужчина умеет сделать самое необходимое для своего дома и своей семьи. К плотнику обращаются совсем неумехи, а таких тут нет. Очень уж маленькое поселение. Поэтому стоит поговорить с ним, прощупать и предложить работать со мной, обрисовав все трудности и перспективы, благо разговор будет строиться не на пустом месте – результаты всему поселению видны, и отбоя от желающих пристроить своих отпрысков на моё производство уже нет.

Разговор с плотником идёт по намеченному сценарию – осматриваю заготовки, уточняю намеченные контуры, что-то меняю и перерисовываю. Плохо, что нет в селении оружейника – пригодился бы. Разговор плавно перевожу на его умения и желания, и убеждаюсь в правильности своих выводов. Вслух якобы размышляю о своих планах по плотницкой

мастерской в городе, водяном приводе на лесопилке и производству досок. Мастер удивляется, ведь доски тут рубят топором, только коротыши могут сначала расколоть клиньями, а потом обтёсывают в размер. Рассказываю про рубанки. На этом заканчиваю разговор, достаточно для первого раза. Пора идти в кузню, наверняка там уже всё готово. Захожу внутрь, вижу задумавшегося кузнеца, сидящего на чурбаке. Перед ним на верстаке лежит собранный арбалет. Присаживаюсь рядом, и мастер вздрагивает, очнувшись.

Поворачивается ко мне:

– Вот смотри, какая вещь получилась. Делал, делал, а как сделал и собрал, обомлел. Вон, гляди, выстрелил для пробы в стенку, что за кузней. Хоть и глиняная стенка-то, а болт её насквозь пробил и улетел, так его и не нашёл. Не видел я такого у нас, даже не слышал. Это ж... – Знакомым жестом лохматит шевелюру и разводит руками. – И это, как ты говоришь, слабый. Что же тогда с сильным будет?

– Вот поэтому я тебе и говорил, что всё в тайне надо держать. Если кто посторонний увидит, скажем, что это я привез с собой, а спрятал в лесу. Разбойники меня грабили, воспользоваться не успел, только в кусты отбросил, а вот сейчас забрал. Сделаем таких же ещё три штуки и хватит. Когда в город переезжать будем, нам они пригодятся, да и там первое время с ними спокойнее, от лихих людей всегда отобьёмся. А вот когда на ноги встанем, тогда и подумаем, что с ними дальше делать. Но, я думаю, надо их оставить для собственной защиты, дел нам много разных предстоит. Может, ещё князю покажем.

– Давай хоть посмотрю, что у нас с тобой получилось в итоге. – Беру в руки готовый арбалет.

Рассматриваю, кручу со всех сторон, пробую спуск, оцениваю усилие взведения. Мне нравится, получилось именно то, что я и хотел. Удобный, достаточно компактный, взвести можно без особых проблем. Завтра зовём плотника на стрелковые испытания, но перед этим нужно будет с ним переговорить, пусть определяется с нами он или нет. От этого его решения будет зависеть, допустим ли мы его до этого, столь великого секрета, как и до многих других, или его дело сторона и он просто проходит мимо. Думаю, после такого разговора в команде появится ещё один умелец, и мои возможности по прогрессорству увеличатся.

Жалко, болтов осталось четыре, надо подумать, где и во что стрелять, что бы оставшиеся не потерять.

Озадачиваю мастера изготовлением прижимной планки с целиком и кольца с мушкой.

Объясняю, для чего это нужно и мастер, озадачившись, кивает, что понял и сделает.

Помявшись и получив в ответ вопросительный взгляд, начинаю озвучивать мастеру свои мысли после вчерашнего разговора у него дома. Встречаю полную поддержку и прошу наделать несколько десятков тонких пластин с отверстиями под крепёж. Рисую, как и где они будут крепиться, и мастер опять чешет голову, никто такого ещё не делал. Опять объясняю, для каких целей так нужно сделать и мастер, кивая, полностью со мной соглашается. Ещё уточняю, что пластинки обязательно нужно закалить, на что получаю убийственный ответ:

– Сам знаю, поучи еще!

Приплыли. Хотя, с одной стороны это и хорошо, если инициатива разумная и творческая.

Задумываюсь и прошу кузнеца выковать ещё столько же пластинок без отверстий. На вопрос об оплате получаю недвусмысленный ответ, куда могу идти. Ну да, мы же доход с печей делим поровну, после выплаты всех расходов, и суммы получаются очень хорошие. А по меркам этого поселения мы уже богачи.

Спрашиваю ещё, сможет ли Любава пошить мне особую рубаху с карманами под эти пластины.

И снова мне приходится объяснять, что такое карманы и для чего они предназначены.

Попрощавшись, выхожу на улицу, что-то давно я на воинском дворе не был. Забыл уже, как Изяслав выглядит, да и Мстишу повидать надо бы. Тренировки мои позабросили, выяснить нужно, почему.

На воинской площадке, несмотря на вечер, идёт отработка навыков, и я бочком, чтобы не мешать, прохожу в избу и здороваюсь с десятником. Изяслав встаёт навстречу, и мы здороваемся. Воистину, мой авторитет значительно подрос – в первую нашу встречу он и не думал вставать.

Интересуюсь, как работает печь, всё ли ладно. Доволен десятник, даже жмурится.

– Прибуду в Изборск, обязательно о тебе доложу Князю, должны такие чудеса и у него стоять, негоже ему дымом дышать да кашлять.

– Вот об этом я и хотел с тобой поговорить. Надумал я перебираться в город Плесков. Для начала останавлиюсь в Изборске и просил бы тебя представить меня Князю. Затем поеду искать место для своего поселения рядом с Плесковским озером, где и буду ставить печи и ямы для кирпича. Народу там больше, а, значит, и заработки будут больше. Вот и хотел спросить твоего разрешения при переезде присоединиться к твоему

десятку – так мне безопаснее будет, а тебя я не стесню.

Задумался Изяслав, сидим, молчим.

– Сейчас я не против, но давай к этому разговору позже вернёмся, может все наши планы ещё и поменяются. – Наконец, отвечает десятник. – Если с нами пойдёшь – тебе конь нужен будет, справишься ли?

– А я рассчитывал на телеге поехать. – Чешу в затылке озадаченно. У Головни научился, что ли?

– Да ты ж нас опозоришь. На телеге, придумал тоже. – Смеётся и возмущается Изяслав. – Да и не поспеешь на телеге за нами.

Вот это проблема, на лошади-то я последний раз в деревне, ещё будучи мальцом, катался.

Сообщаю об этом десятнику и получаю в ответ недоумённый взгляд.

– Ну, не умею и что теперь, не ехать? – Теперь уже недоумеваю я.

Как я понимаю десятника, свалился на его голову, покоя не даю, одни заботы и нервотрёпка от меня, хотя и польза тоже есть, вон она – в углу стоит, тепло отдаёт.

В конце концов, договариваемся, что тот же Мстиша будет учить меня верховой езде. Спрашиваю, что давно его не видел, не случилось ли чего с моим товарищем, который даже мои тренировки забросил. Последнее звучит тонким намёком, и Изяслав это понимает:

– В дальнем дозоре он, опять литты зашевелились, поселян спалили на границе, шалить начали, мелкими группами пробираются, налетают, грабят, режут народишко, скот и молодёжь в полон угоняют. А нас тут мало, только по разорённому дыму и ориентируемся. Сжимает кулаки до скрипа.

– Может, поможешь? Приказать не могу, но людей мало, сам понимаешь. А Мстиша рассказывал, что ты мечом научился владеть хорошо, а ножи кидать – тебе равных тут нет. Нам бы засады расставить на дорогах, так тропы остаются открытыми. Вот посидел бы ты на какой-то тропе, нам бы всё спокойнее было. Снабдим тебя пропитанием, напарника дадим – кого хочешь, да вот Мстишу и дадим. Коня у тебя пока нет? Нет. Вот коня и дадим, правда, с возвратом. Соглашайся, выручишь очень и тебе потом у Князя замолвится.

Страшновато, да делать нечего, надо соглашаться. Потом зачтётся. Возьму арбалет, болтов десяток, свои ножи. Может, успею свой бронежилет сделать, тогда вообще хорошо будет.

– Согласен. – Коротко отвечаю, что попусту болтать. – Когда выезжать нужно?

– Вот Мстиша из дозора вернётся, отдохнёт, да и пойдёте денька через

три. – С облегчением выдыхает десятник.

– Тогда у меня просьба будет. – Вижу, как вытягивается лицо Изяслава и улыбаюсь. – Сразу, как Мстиша появится, за мной пришлите кого-нибудь.

– Ах ты... – Воскликает десятник смущённо. – Уел. Конечно, пришлю дружинника.

На этой оптимистичной ноте мы и прощаемся. Дело не терпит отлагательств, и я решаю зайти домой к Головне – надо ускорить работу с болтами и пластинами. Мне моя драгоценная жизнь ещё пригодится, да и много людей вокруг уже на меня завязано, и я перед ними свои обязательства не хочу нарушать.

Озадачиваю мастера новостями, и договариваемся завтра утречком встретиться в кузнице.

Ухожу к себе, надо успеть поговорить с ребятами, пока не разбрелись по домам.

Собираю короткое производственное совещание, где уточняю работу на завтра и расписываю работы на неделю вперед. Печь мы успеем закончить и все силы нужно бросить на производство кирпича. Чем больше мы сделаем, тем быстрее будем заказы выполнять. До моего отъезда времени осталось месяца два, нужно успеть. Напоследок рассказываю о своей верше и предлагаю ребятам заниматься в свободное время ловлей рыбы. И из дома меньше продуктов уходить будет, и какая-то независимость появится. Уточняю, думали ли о переезде, разговаривали ли с родителями и выясняю, что из четырех ребят со мной готовы и поедут трое парней. Вот и славно. Поэтому тут же объясняю всем, как отныне будут строиться наши отношения. Все усилия нужно направить на обучение оставшегося ученика, ведь дальше, после нашего отъезда, ему предстоит работать самому. А чтобы ему на первых порах было легче, необходимо сделать хороший запас кирпича. Заостряю внимание теперь уже моей тройки на обязательных утренних разминках и озадачиваю занятиями воинской наукой – нам это понадобится.

На этой оптимистичной ноте заканчиваю свой почти монолог и отправляю ребят на отдых. Да и самому пора на боковую. Только укладываюсь, появляется моя собака. Где носился?

Утро посвящаю разминке и упражнениям, после завтрака – кладка печи, начинаем учёбу остающегося паренька. Ничего, что учёба началась с середины, будут ещё печи, научится. Тут самое главное – понять принцип, остальное приложится. Обед. Иду в кузню, а там крутится плотник.

Не утерпел, пришёл, значит, будет с нами, никуда не денется.

Уходим втроём в дальний овраг, с собой берём лопату и корзину из тех,

что поплоше. Набиваем прихваченную плетёнку песком и ставим под склон. Отхожу метров на двадцать, взвожу, прицеливаюсь и стреляю. Мимо. Головня сделал прицельное – теперь нужно пристрелять. Отдача небольшая, больше тетива хлопает. Откапываю стрелу – еле докопался – ушла в склон сантиметров на тридцать. Поправляю прицел и стреляю. Попал, корзина вздрагивает, и песок летит во все стороны. Как маленькие, несёмся смотреть результат. А он впечатляет. Попал практически туда, куда целился – корзину с песком пробило почти насквозь, с противоположной стороны торчит острие болта.

Головня смотрит на меня, в глазах вопрос и азарт. Киваю головой и передаю ему наше совместное изделие. Сам стою рядом и контролирую. Кузнец делает два выстрела. После каждого, как дети, с плотником бегают смотреть результаты. А я просто радуюсь, мне всё уже понятно, у меня появилось оружие среднего боя. После короткого инструктажа, и получив заверения не болтать об увиденном, разрешаю плотнику пострелять. Дали ребёнку долгожданную игрушку – так это называется.

Даже Головня смотрит снисходительно на то, как плотник бережно, словно великую драгоценность, принимает арбалет и ласково гладит по ложе наше общее творение. После стрельб возвращаемся, радостно гомоня каждый о своём. Многострадальную корзину пришлось оставить в овраге, расстреляли её напрочь. В кузне ещё раз напоминаю плотнику о клятве, и рассказываю об услышанном от десятника. Никого этим особо не впечатляю, привыкли люди к постоянной угрозе нападения.

Кузнец показывает готовые заготовки для жилета, плотник обещает завтра принести древки для болтов. Вижу, что ему очень интересно расспросить про жилет, но сдерживается. Молодец, будет толк!

Оставляю кузнеца трудиться, и вместе с плотником иду в селение. Мне нужен кожевник – надо заказать какую-нибудь сумку для болтов и чехол для арбалета. Ещё хочу узнать, можно ли сделать жилет из толстой кожи, чтобы застёгивался сбоку.

По дороге плотник пытается расспросить меня о дальнейших планах, о лесопилках и рубанках. Немного рассказываю ему об этих новшествах и уточняю, что всё это буду делать в Плескове, куда уеду по осени:

– Планов много, задумок ещё больше, а людей верных и надёжных, да опытных, не хватает. Мне одному не разорваться, придётся подыскивать кого-то на эту работу. – Забрасываю удочку мастеру.

– А платить сколько будешь? – Ловится на крючок плотник.

– Решим. Или долю выделю, или, как договоримся. – Уточняю. – Работы будет очень много, сначала придётся затянуть пояса, пока не

раскрутимся, зато потом отбоя не будет от заказчиков, ещё и сами торговать поплывём в Варяжское море.

– Эка ты хватил – через море. На чём поплывёшь-то? – Сомневается.

– Ладью мореходную построим, будем сами торговать. Да тебе-то, какая разница, ты всё равно тут живёшь, это мы с Головной переезжать будем в Плесков по осени. – Осаживаю плотника. Пусть подумает, помечтает.

Со скорняком быстро решаю все вопросы, благо материал в наличии имеется. Расплачиваюсь сразу же, и мастер уверяет меня, что мой заказ будет готов послезавтра.

Возвращаюсь к себе, присаживаюсь на чурбачок и наблюдаю за тем, как работают мои ученики. А как известно, бесконечно можно смотреть на огонь, текущую воду и на то, как работают другие.

Только я при этом ещё и думаю, а подумать есть о чём. Мне нужна броня на боевые выходы, и просто жизненно необходима такая защита, которую не будет видно под повседневной одеждой.

С первым понятно – есть кожаная куртка, обошьём её железом и пока достаточно. Насчёт второго – думаю, что мне хватит жилета, только пластины я буду нашивать изнутри. А с этим мне поможет Любава – с изнанки нашьёт карманов и вставим туда пластины. Будет бронежилет скрытого ношения.

В дозор нужно приготовить куртку. И ночью будет теплее, да и защиты в ней больше, всё-таки она длинная, до середины бедра.

Определившись, таким образом, со своей пассивной защитой, вздохнул облегчённо, и, взяв свою трофейную куртку, опять пошёл беспокоить кузнеца. Ничего, зато сюрприз ему будет.

Подходя к кузне, громко зову мастера:

– Головня, открывай, сюрприз пришёл!

Двери распахиваются, недоумённый взгляд мастера:

– Где сюрприз?

Шутка не удалась, и я вынужден объяснить ему и про сюрприз, и про дурацкие шутки, короче, выгляжу полным бараном. Одно утешение – можно всё списать на моё заморское происхождение. Нужно как-то шутить умнее, что ли.

Быстро переключаю внимание мастера на куртку. Надо её обшить пластинами внахлёт, будет что-то вроде чешуйчатого панциря, только немного легче за счёт более тонких стальных пластин. Посоветовавшись, отказываемся от сплошной обшивки, оставляем сплошную внахлёт только на груди и спине, закрываем живот, бока закрываем через раз – гибкость

мне нужнее, в сечу я не полезу. Наручи, поножи тоже не делаем, ну не боец я ещё. Если на меня всё это железо навесить, я ж не встану. Буду стараться, если что, действовать издалека – благо теперь есть чем. Так, споря, обшиваем куртку. Примеряю... Придётся смириться с таким весом, постепенно привыкну. Надо походить эти дни не снимая, потом легче будет.

Пора по домам, расходимся в разные стороны, вот и ещё один день прошёл.

После утренней, уже ставшей обязательной разминки, отправляю ребят докладывать печь. Пусть почувствуют личную ответственность, да и всё сложное уже сделано, а сегодня должны сделать распушку и выдру. Видели, как я делал, значит – сумеют. Пусть стараются, потом проверю, если что – переложим.

Сам ношу свою куртку, привыкаю, весь взопрел уже. А куда деваться, если есть такое волшебное слово – НАДО! Сегодняшний день посвящаю тренировке с арбалетом. Надо отработать до автоматизма взведение, зарядание и стрельбу стоя, с колена, сидя, лёжа. Что ещё не назвал? Начнём, а там видно будет. Жизнь покажет и научит, если будет потом кого учить...

Забираю у кузнеца десяток готовых болтов, и ухожу в тот же овраг, где стреляли в прошлый раз. Думаю, сегодня добыю ту корзину до конца.

В обед устраиваю перерыв и проверяю успехи у моих ребят. Все ещё работают, стараются, поэтому и получается так медленно. Ничего, это хорошо, было бы хуже, если б бездумно спешили.

Подбадриваю молодых уже мастеров, и возвращаюсь в лагерь. Быстро перекусываю и, свистнув Грома, ухожу на своё стрельбище продолжать тренировку. Вечером проверяем вместе с кузнецом износ механизма и состояние плеч и тетивы. Механизм притёрся и работает даже лучше, чем в начале. Тетиву тоже решаем пока оставить. Завтра продолжу тренировки и посмотрим, на сколько её хватит. Прошу Головню забрать утром у скорняка готовые изделия и заглянуть к плотнику, пора бы ему тоже закончить наш заказ. Советую заказать ему ещё заготовок для болтов.

Договариваемся встретиться после завтрака в кузнице.

Вот так медленно со скрипом и прошли эти дни до появления вестника. Честно скажу, всё это время сильно волновался, потому и тянулось тягучей патокой время. Правда, старался не подавать вида – не знаю, насколько мне это удавалось. Всё время занимался стрельбой и теперь уверенно поражаю новую корзину шагов с пятидесяти, а уж с тридцати болт укладываю в любую точку на выбор. Про ножи тоже не забыл, и законные тридцать минут в конце дня посвящаю упражнениям по

метанию.

Ребята теперь работают самостоятельно – набираются опыта, на мне остаётся самое главное и ответственное – контроль.

Пора собираться и идти к Изяславу получать задание, неделя-то прошла. Хотя там же Мстиша есть, он старший, он и получит, а я так – в части, касающейся... Но зайти всё равно нужно, хотя бы узнать когда выход.

Пока я собирался да раздумывал, Мстиша сам пришёл, ведя пару лошадок в поводу – тянуть не будем, собираемся и выезжаем.

До места добирались почти день, только к позднему вечеру остановились в маленькой ложбинке, обиходили и стреножили лошадей, костра разводить не стали. Поужинали всухомятку и завалились посменно отдыхать. Началась служба. С утра пораньше, ещё солнце не встало, мы уже выдвинулись на место предполагаемой засады. Осмотрев местность, прикинули, как лучше и удобнее для нас встретить непрошенных гостей, ежели таковые появятся. Я прикинул сектора обстрела, запасные позиции и разведаль маршрут отхода. Местность вокруг необходимо знать – вдруг придётся воевать, тогда каждая складочка рельефа может пригодиться. Перед нами брод через речку, а за нашими спинами тропа уходит за поворот, и я предлагаю прямо за поворотом перекрыть тропу, устроив небольшую засеку. Если враг проскочит, то у засеки вынужден будет остановиться, тут мы его и достанем. Людей много быть не должно, отряды в это время малочисленные, так что есть хороший шанс, не вступая в прямое столкновение, помножить врагов на ноль. Укладываем крест-накрест две лесины, перегораживая тропу, и я с Громом залегать в орешнике у берега, а Мстиша уходит к повороту – у него лук, и его скорострельность больше всего может понадобиться там.

Нарезав веточек, привязал их к куртке на груди и спине, пусть будет хоть какая-то маскировка.

Ждём, комары пикируют, как бомбардировщики, слёту вгоняют жала, заразы такие, а размерами – со слона. Всё лицо искусают, руки-то я в рукава спрятал. Так и лежим тихонько, опухаем. Особо шевелиться нельзя, лишь Громчик челюстями клацает, комаров гоняет, ему хуже всего – шерсть-то короткая.

Периодически отходим назад, разминаемся. В обед перекусили сухпаем, и опять сторожить. Если сегодня никого не будет, завтра сделаю маленький шалаш, может хоть какая-то защита от комаров будет, а то совсем заели. Уже поздно вечером, почти по темноте снимаемся и уходим в свою лоцинку. Спрашиваю, что за поселения мы защищаем, а то, может, и

нет никого за нами, зря просидим. Напарник прутиком на земле рисует схему окрестных поселений, и получается, что мы перекрываем одну из узловых троп. В других местах или брода нет, или до жилья далеко.

– Почему же сюда побольше отряд не отправили?

– Да потому что есть места ещё более заманчивые для грабителей, а дружинников мало, всё не перекрыть, поэтому мы тут с тобой и сидим.

– Да знаю я, что мало, просто не думал, что столько народу в этих местах живёт. Когда я добирался сюда – за две недели вообще никого не встретил.

– Не повезло тебе просто. Давай спи – я первый на страже постою, потом тебя разбужу.

– Как скажешь, тебе решать. Хотя у нас собака есть, если что – разбудит.

– Собака собакой, а самому не стоит плошать – спи.

Так мы ночь и продежурили посменно, а утром я соорудил на месте своей засидки небольшой шалашик, укрыл его хорошо, чтоб незаметно с тропы было, и быстро с Громом во внутрь залез – очень уж комары тут злые.

А вечером нам пришлось пострелять. Собака не подвела и предупредила нас своевременно – мы уже собирались уходить в свою ложбину, потому что накатывали сумерки, как вдруг Гром насторожил уши, резко развернулся и рыкнул в сторону реки.

– Бегом на места. – Шёпотом рывкнул Мстиша. – Стреляй только после меня.

И мы с Громом рванули, стараясь не топтать и не задевать веток – проскользнули на своё место. Я сразу же зарядил арбалет, разложил пяток болтов, провёл рукой по перевязи с ножами – к бою готов.

Сидим с собакиным тише воды ниже травы, даже комаров не гоняем, только уши у собаки туда-сюда ходят.

Если бы не Гром, прозевали бы мы разбойников – опытные попались, видимо, не раз на нашу сторону ходили. И сейчас хотели в сумерках пробраться через речку, а там ищи свищи их.

И, похоже, знают, куда идут, раз на ночь глядя выдвинулись.

Медленно раздвинулись ветки на том берегу – не ждал бы, ни за что бы не заметил.

Осторожно высунулась голова, посмотрела влево, вправо, прислушалась – нет никого, и нас тут нет, только речка шумит на перекате. Так же медленно выдвинулся полностью, постоял, прислушиваясь и провоцируя на выстрел.

Шалишь, давай зови всех и переходите речку.

Если до этого меня пробирала нервная дрожь, то сейчас, при виде реального врага я успокоился, только руку на загривок Грому положил, дабы не дёрнулся – не время ещё.

Наконец, разбойник решился и пошёл через перекат, а за собой лошадку ведёт. Лошадка – это хорошо, лошадка нам пригодится. Ветер-то, ветер откуда? Бьёт по голове запоздалая мысль. Совсем забыл, вдруг лошадь нас учует! Заполошно смотрю на кусты, а ветра почти нет и никак не понять, откуда дует. Да и поздно метаться, вон он уже реку перешёл и на берег выходит.

Опять стоит, выжидает, ну и мы ждём. Махнул рукой и через речку потянулись всадники.

Считаем. Многовато их получается, два полных десятка. Вооружены, как и те в прошлый раз – луки да мечи с ножами, копья. Куртки вроде такие же, темнеет – не разобрать. Давайте, быстрее решайтесь, а то, как мы вас по темноте потом искать будем. Наконец, разобрались, и шагом двинулись к повороту, постепенно переходя на рысь. Давайте, там вас горячая встреча ожидает. Готовлюсь к выстрелу, беру на прицел замыкающего, надо постараться не мазать.

Всё – сгрудились перед затором, несколько человек спешилось, и направились убирать завал.

От напряжения у меня зазвенело в ушах – адреналин зашкаливает. Показалось, что увидел, как медленно летит первая стрела, выпущенная Мстишей. Плавно жму на крючок, хлопает тетива, и события понеслись вскачь. Что такое для меня эти полста метров после усиленных тренировок – болт входит замыкающему всаднику точно между лопаток. Перезаряжаю (как хорошо, что усилие для меня в самый раз, а ведь проскакивала крамольная мысль сделать плечи мощнее) – выстрел, и – следующий заваливается на шею лошади. Быстро выпускаю все выложенные болты, краем глаза держу общую картину. У противника, ошалевшего сначала, быстро нашёлся командир – слышу чью-то резкую команду, и уцелевшие разбойники махом спешились. Много их ещё. Защёлкали луки. Не вижу, как там дела у Мстиши, но в мою сторону пока ни одна стрела не прилетела. Значит, работаем с этой позиции, благо противник передо мной, как на ладони. Только уже темнеет, и, чтобы не промахнуться, я целю по силуэтам. Выдёргиваю из сумки пучок болтов – сколько ухватил, и быстро стреляю. Чем больше попаду, тем нам легче будет. Один не выдержал – боком запрыгнул на коня и рванул обратно. Стреляю, но нещадно мажу. Ну, нет у меня пока практики стрельбы по движущимся целям. Даю команду

Грому, и чёрная молния вылетает из шалаша. В несколько длинных прыжков догоняет всадника и мощным прыжком сбивает лошадь вместе с седоком наземь. Заряжаю арбалет и выскакиваю на тропу, на помощь своей собаке – но там помощь уже не требуется. Слышу непрерывный звон железа за поворотом – бегом туда, собаку с собой. Вокруг тела, хрипят кони и люди, нос забивает кислый запах крови. Меня передёргивает, но держусь. Добегаю до поворота, выглядываю, а там на Мстишу трое наседают. Хорошо, что тропа узкая и не обойти им его. Вперёд. На бегу стреляю в спину правому, отбрасываю арбалет, выхватываю и кидаю два ножа. Занавес.

Мой напарник медленно опускается на землю, как будто из него выпустили весь воздух. Подскакиваю к нему и быстро осматриваю – несколько резаных ран на левой руке и правой ноге, смятый, но не пробитый наруч на правой.

– Добей всех, не дай уйти врагам. – Хрипит Мстиша.

И я вынимаю, наконец, меч. Опять забыл про него напрочь. Быстро обхожу место побоища – по-другому и не назовёшь. Но добивать некого, мои болты подранков не оставили, да и Мстиша стрелял почти в упор – те, что хрипели, уже замолчали. Ну и хорошо, а то как-то добивать я ещё не привык тут. Теперь нужно перевязать по-быстрому своего товарища. Командую Грому, чтобы караулил лошадей у реки и не дал им разбежаться, а сам бегу к Мстише. Но тот уже немного оклемался и, скинув штаны и рубаху с доспехом, чем-то пересыпает свои раны.

– Что это?

– Мох сушёный, помощи перевязаться – в сумке тряпицы чистые.

Достаю что-то похожее на плотные бинты и перевязываю напарника. Оставляю фляжку, пусть посидит, попьёт, а мне пора заняться необходимым и очень нужным делом. Трофеи ещё никто не отменял. Сначала ловлю и привязываю коней рядом с Мстишей, сумки на них потом смотреть будем. Теперь пришло время собрать оружие, вырезать уцелевшие стрелы и болты, снять всё, что может иметь хоть какую-то ценность и быть использовано нами. Гром ходит рядом – охраняет. Молодец, мне так гораздо спокойнее. Луки, мечи, ножи, несколько сулиц, с главаря снимаю хорошую кольчугу. Не помогла она ему – Гром горло вырвал. Всё в крови – ничего, отмоем и отчистим. Знакомые мне по прошлому разу куртки с нашитыми бляхами, рубахи, штаны и сапоги – всё пригодится. У главаря срезал небольшой мешочек с деньгами, пока смотреть не стал, бросил в общую кучу, завтра разберёмся. Шапки с нашитыми железными полосами крест-накрест, опять же у главаря какое-то подобие железного шлема. Всё

вроде, завтра по-светлому осмотрим более подробно.

Кстати, болты сидели в десятерых, и ещё я ножами двоих упокоил, итого получается двенадцать.

Когда вырезал наконечники стрел, обратил внимание, что стрелы все переломаны, а мои болты целёхоньки. Почистить только и всё.

Спотыкаясь в сгущающихся сумерках и чертыхаясь, набираю дров с верхушек поваленных лесин и развожу костёр прямо на тропе рядом с Мстишей. Теперь нам сторожиться не надо, пусть все нас боятся, вон мы какие страшные – двадцать человек положили и сами целы, некоторые из нас частично, правда. Осталось дойти до ложбины и принести сумки – что-то на харч пробило. Гром впереди показывает дорогу, и вскоре мы грызём зачерствелые лепёшки с мясом. Утром перегоню сюда наших коней, ещё раз более подробно осмотрим место боя, вдруг я пропустил что-то в темноте – хоть луна и светила, но мало ли...

Упакуем трофеи, и домой – надо моего напарника быстрее в поселение везти. Кстати, а кто тут сейчас лечением занимается, что-то я этот вопрос совсем упустил, не до него было. Вот заодно и узнаю.

Ночь пришлось провести на ногах, из Мстиши напарник сейчас никакой, как ещё вчера против троих продержался, пока помощь не подоспела? А если б я не успел? Неизвестно, как могло бы тогда дело повернуться, и кто бы сейчас трофеи собирал. Зря я забросил тренировки с мечом, надо возобновить.

Зато за ночь при свете костра и луны всё рассортировал и разложил по выюкам. Пересмотрел все перемётные сумы на лошадях, ничего особо ценного, в основном – припасы. Какие-то небогатые разбойники попались. Так что с рассветом я помог своему другу вскарабкаться на коня, привязал всех лошадей друг за другом, и мы длинным караваном двинулись в обратный путь.

Дорогу Мстиша перенёс отлично – сильный мужик, и вечером мы триумфально въехали в ворота нашего поселения. Сбежался народ, подхватили моего раненного напарника и быстро куда-то унесли. Пока я докладывал Изяславу о результатах нашего похода, увели всех коней с поклажей. Хорошо, что всё своё я держу при себе, а то тоже бы утащили. Заметив, что я закрутил головой, десятник меня успокоил. Коней обиходят, трофеи разберут, почистят, вещи отстирают и заштопают. Ничего не пропадёт, здесь такого не бывает, не принято так. А потом будем делить добытое непосильным трудом по чести и совести. На этих, радующих моё измученное сердце словах, мы и распрощались – пора нам с Громом отдохнуть.

Время летит, не успеваешь повернуться. Теперь я зажиточный человек в этом поселении, мне остались четыре лошади, остальных пришлось отдать, чтобы у кузнеца никаких проблем с отъездом не было. Когда теперь сюда кого-нибудь переманят? Также оставляем почти весь инструмент, почти всё трофейное оружие, даже кольчугу и шлем пришлось оставить, но их, честно говоря, совсем не жалко. Хотя, по местным меркам, это целое состояние, но по моим нет – железо дрянь, работа никакая, шлем так вообще – один смех. Но об этом говорить никому не стал. Кузнеца отпустили и хорошо.

С Изяславом накануне долго сидели, искали компромисс. В конечном итоге сговорились полюбовно, к общему удовольствию. Сдаётся мне, что я даже сильно продешевил, но нисколько об этом не жалею. Кузнеца-то я действительно сманиваю, и люди лишаются необходимого мастера. Так что – не жалко, совесть спокойнее будет. А Головня хоть и вольный человек, но тоже уехать хочет по-человечески. А если плотник соберётся переезжать, то пусть сам добирается, а то что-то долго думает. Да и нечем мне за него откупаться.

А Грому за боевые заслуги справили новый ошейник-нагрудник, широкий с металлическими накладками, одновременно закрывающий грудь и лопатки. Получился нагрудник красивым и функциональным, стал мой пёс настоящей боевой собакой. Будет что на бой надеть.

Кирпич ребята наловчились делать не хуже заводского, печи тоже кладут любо-дорого посмотреть. Скоро все заказы закончатся. Трактирщик, зараза, так и не подходит, ну и ладно.

Головня, наконец-то, собрал оставшиеся три арбалета. Решили их делать с такими же плечами, как и у меня – взвести с помощью рычага можно одним движением, усилие требуется небольшое. Бьют, правда, метров на сто, сто пятьдесят, да нам дальше и не нужно, идеальная дальность вообще метров пятьдесят, а если поближе подпустить, то шансов ни у кого нет, даже в броне.

Сделали большой запас болтов, когда уедем, то не скоро сможем работы наладить – пока место подберём, пока построимся... Хорошо, что деньги появились, да и вещами немного оброс. К осени и зиме выправил одежду хорошую, сапоги да шапки. С плотником вдвоём по моим задумкам сделал себе что-то вроде фургона со съёмным тентом. Двойной пол с тайником делал в одиночку, втайне от всех и уложил туда все свои деньги, лишнее оружие и вещи. Пока есть возможность, надоумил Головню выковать себе кузнечный инструмент, отлить наковаленку и сделать такой же горн. Прежний инструмент весь в поселении остаётся. Даже заготовки

для колпака вытяжки и трубы сделали, и всё это спрятали подальше от чужих глаз. Борта в своём фургоне сделал высокими, и из толстых досок. С досками намаялся, пришлось вручную каждую выстругивать. Зато теперь у меня крепость на колёсах, колёса, кстати, тоже сделали раза в полтора больше обычных и шире. Обычных для меня, а для местных эта моя придумка в диковину. У них, в основном, волокуши. Когда всё доделал, Головне так понравилось, что он переделал так же и свою телегу. Кстати, простенькие телеги тут уже есть, хоть и считаются большой редкостью и очень дорогой – из-за колёс. Колёса, кстати, делали из спила бревна подходящей толщины. Я же замудрил со спицами. Интересно, я думал, что телеги гораздо позже появились.

Любава всё это время коптила и вялила мясо да рыбу, готовила припасы в дорогу, собирала узлы да корзины и потихоньку распродала свою живность. Только корову да телят решили гнать с собой. Имущества у семьи оказалось много, пришлось делать ещё один фургон – более защищённый, в нём поедут дети. У скорняка заказали и выкупили меховые накидки и что-то вроде одеял из обрезанных шкур, заказал себе пару чехлов квадратных из мягкой кожи, и набил их плотно сеном. Теперь у меня есть подушки. В своём фургоне оборудовал закуток для Грома, ведь скоро осень.

Планы, что я себе наметил до отъезда, выполнены полностью. Оставшиеся печи доложит мой ученик, а парней, что решили уехать со мной, я натаскиваю в стрельбе из арбалета и учу кое-каким командам, мало ли в дороге может случиться. Так что у нас получается три стрелка и три погонщика. Из имущества у ребят только то, что на них, так что перегруза не будет. Один поедет со мной, Головня со своей семьёй посередине, и в замыкающем фургоне – оставшиеся два подмастерья. Выделим им один арбалет, ножи и топоры. Вот такой получается походный ордер.

Всё что нужно было сделать – сделали, можно стартовать, больше нас тут ничего не держит, а время терять попусту нечего.

Завтра начнётся новый этап в моей жизни и как он сложится, будет зависеть только от меня и моей удачи!

Глава 6. И снова дорога. Основание нового поселения. Новый статус

Утром было много суеты – все что-то переспрашивали в сотый раз друг у друга, Любава перекладывала свои узлы с места на место, в конечном итоге опять возвращая их назад. Только детишкам было весело и интересно, да мои подмастерья старались держаться солидно, хотя пробивались через эту солидность юношеское нетерпение, жажда увидеть новые места и просто страх перед дальней дорогой. Провожать собралось много народа, ещё бы, все были в курсе нашего отъезда, да и пришлось треть моего лошадиного парка раздать безлошадным селянам, как компенсацию потери кузнеца, по настоятельной просьбе Изяслава. Дружинники тоже стоят невдалеке плотной кучкой. Уезжать надо скорее, не люблю я долгие проводы – вон уже начались слёзы, сопли, парней ещё моих разжалобят и отговорят уезжать, нет, нужно трогать.

Даю команду – по машинам, тьфу ты – по фургонам, и залезаю на скамью передка. Встаю в полный рост и кланяюсь людям. Спасибо им за помощь, поддержку и сочувствие, плохого ничего от них не видел, а вот хорошего было много. На этом торжественная часть импровизированного митинга, посвящённая отбытию в неизведанные дали группы переселенцев под управлением вашего покорного слуги, считается законченной. Ан нет – ошибся, вон, Изяслав на подходе, что-то сказать хочет. И тут старший воинский начальник гарнизона меня удивил – оказывается, я дважды выручал поселение от супостата, наладил производство кирпичей и организовал народу хороший промысел на будущее, да улучшенные условия жизни, сделав новые печи и трубы. Принёс, так сказать, свет прогресса в одно отдельно взятое поселение. Ну и ещё что-то хорошее наговорил.

Может показаться, что я юродствую, но это не так. От слов Изяслава, от поддержки его речи селянами, перехватило горло, защемило глаза, и пришлось вот такими мыслями успокаивать свои расстроенные чувства. Всё-таки уезжать жаль, свyksя я с этим поселением и людьми, его населяющими.

Напоследок десятник уже мне лично намекнул открытым текстом, что по возвращению в Изборск доложит князю о моих новшествах. Поэтому ещё раз напомнил, чтобы я не пропадал, а, желательно, к его приезду

крутился там неподалеку.

Все речи произнесены, со всеми попрощались, и, наконец, колёса наших фургонов в первый раз провернулись в сторону Плескова.

Особо не торопились, потому как к задку телеги привязана корова, да рядом телята семят – куда уж тут торопиться, но, тем не менее, через полторы недели добрались до Плескова. В пути часто останавливались, давали отдых животине, да и сами отдыхали, дороги-то как таковой нету, одно направление. Хорошо, что сделал такие колёса, на лесных и заболоченных участках выручала их повышенная проходимость. Да и по песку фургоны почти не вязли. Останавливались, ловили рыбу, варили уху, кипятили и заваривали лесные ягоды да травы вместо чая. Охотиться никому не дал – еды хватает, а время терять нельзя. Так и прошло тихо и спокойно наше путешествие. И когда показались первые посадки, я вздохнул с облегчением. Опасался лихих людей, травм, болячек, но сия чаша нас минула, добрались без происшествий.

Так как на улице ещё тепло, решили остановиться, не заезжая в городище. Выбрали местечко на опушке недалеко от реки, поставили фургоны на три стороны, внутри оборудовали очаг. Парням моим строго настрого запретил отлучаться дальше опушки без оружия, вроде поняли. Да и по дороге между собой всё время обговаривали порядок действий по приезду. Ну а мы с Головной пошли в город осмотреться и разузнать, чем тут народ дышит и какие новости.

Городище, по сравнению с Опочкой, в несколько раз больше, даже есть несколько улиц и переулков.

Расположен на слиянии рек Великой и Плескавы, там, где стоит Кремль в моём времени, а вот дальше в сторону будущего центра – заболоченная низина с малюсенькой речушкой, или что точнее, ручьём. В эту сторону город заселяется слабо, стоит несколько кузниц и всё. А вот по берегам Плескавы оживлённо, бурлит торг, шумит людской гомон, где-то дудит рожок. Над берегом торчат мачты – интересно, но всё это потом. А сейчас надо найти корчму или трактир, да разузнать новости, да получить кое-какую информацию.

Вечером возвращаемся в свой лагерь, обалдевшие от суеты городища, суетящихся людей, обилия иноземцев. Нас встречают нетерпеливыми взглядами, но вопросы задавать не спешат – не солидно. Ужинаем и начинаем рассказывать местные новости и свои скорректированные планы.

Посидев в харчевне и послушав обывателей, мы с Головной решили поселиться недалеко от города, чуть выше по течению Плескавы. Свои изделия, ну, когда они появятся, можно будет по воде отправлять на торг, а,

может, и к нам будут приплывать за товаром. Сегодня отдыхаем, а завтра мы пойдём выбирать место под застройку. Начнём опять с производства кирпичей. Всю дорогу, все эти прошедшие полторы недели обдумывал наше будущее жилище, и всё-таки решил, пока позволит погода, живём в фургонах и рубим большую избу для всех. Нечего на отдельные маленькие хибары раскидываться. Лучше эту зиму в общем доме проживём, а на будущий год поставим себе хорошее, нормальное жильё. Параллельно ищем глину и сразу же начинаем формовку кирпича. Ставим кузню, затем печь в доме. Кирпичом занимаемся, пока позволит погода, а с весны уже должны наше производство вывести на полную мощность. За следующее лето, кровь из носу, надо построить кирпичный дом, хотя бы для Головни, а в перспективе будем делать такие дома для всех. Сегодня были в городище – так смогли договорился с ватажкой строителей. Как только определяемся с местом, зовём их, и уже они нам будут рубить избу, и помогать ставить кузню. Если ещё и баню успеем собрать – будет очень хорошо. В этом году тыном огородиться не успеем, да и не осилим, а вот в следующем – без него не обойтись. Планов громадье, а ещё мне нужно обязательно в Изборск попасть через два месяца.

Следующим утром быстро выбрали отличное место выше по течению Плескавы, в километре от торга, там, где речка разделялась на два рукава, а посередине образовывала небольшой островок. Вот напротив островка на левом пологом берегу мы и решили строиться. В моём времени тут острова не было, но и река была значительно меньше.

Отправил Головню в лагерь собирать народ и потихоньку выдвигаться на облюбованную поляну. Пора переезжать, а чтобы переехать, сначала нужно прорубить дорогу к намеченному месту. Сам же пошёл в город за ватагой плотников, теперь работы всем хватит. Лишь бы на всё про всё денег хватило.

К счастью, удалось провести фургоны без особых хлопот, пришлось свалить всего несколько сосен и вырубить не так уж и много кустов. Вот и дорога постепенно вырисовывается. Вдвоём с Головнёй прикинули – где будет стоять кузня, дома, баня, кирпичный цех и лесопилка. Сразу подумал, как можно будет поставить водяное колесо для приводов молота и пил. Где поставим верфь и причал. Когда план в голове нарисовался, разметили и забили колья под фундамент первой избы. Но начали нашу стройку со стратегически необходимого объекта – поставили туалет из двух кабин, выкопав большую яму. Пока нам хватит.

И полетели дни. Нашли глину, наломали бута, выкопали траншеи и выложили ленточный фундамент под стены и печь. Начали валить лес и

шкурить брёвна. Поставили основательный навес для кирпича, и ребята занялись формовкой, вызвав неподдельный интерес старшего ватаги. Самим кирпичи им знакомы, но у них везде принято использовать очень тонкие, а вот такие, как мы начали делать, никто и не знает. Через неделю выложили первые ряды кладки на фундамент печи для обжига.

Приступили к рубке стен. Ватаге всё равно, что рубить, а я решил сделать в доме для всех по комнате и большую кухню с гостиной. Пока поживём так, а в перспективе тут будет что-то вроде гостиницы с трактиром. Изба вышла большая, но это и к лучшему – пригодится потом.

Запустили первую партию кирпича на обжиг, посмотрим, как получится. Уже начинает холодать и без печки плохо.

Крышу перекрыли опять же камышом и приступили к постройке кузни. Головня прямо воспрял духом – успел соскучиться по любимой работе. Собрал и установил свою уже вытяжку. Надо было видеть при этом выражение лиц ватажников – ещё бы, такого никто пока не видел. А кузнец ходит гоголем. Когда раздул горн, мы устроили праздник в его честь. Мастер растрогался, а Любава даже расплакалась. Потом подошла ко мне и сказала, так страшно было срываться с насиженного места и ехать в неизвестность незнамо куда. А теперь вот полностью поверила, что всё у нас наладится и будет ещё лучше, чем на прежнем месте. И поклонилась мне в ноги. Я аж опешил, сначала растерялся, а потом кинулся её поднимать. Когда поднял, сначала услышал тишину, а потом и увидел, что все вокруг замерли, ватажники шапки скинули и на меня смотрят. Огляделся, помолчал, лихорадочно соображая, что делать.

Выручил Головня:

– Прости бабу мою неразумную, боярин, не серчай на неё. Мы все так думаем, только не знали, как сказать тебе об этом. – И тоже мне в пояс кланяется.

– Да вы что, сговорились что ли сегодня, ведь решили же, что между своими никаких поклонов. – Выкручиваюсь я.

А сам в уме лихорадочно просчитываю ситуацию. Это мастер мне имидж создаёт на будущее и авторитет мой поднимает перед ватагой, а те дальше разнесут слухи и наш общий статус повысится автоматически. Это-то понятно, а вот каковы будут последствия – этого он не учёл. Как на это местное боярство отреагирует? Сожрут ведь, лишние конкуренты нигде никому не нужны. Но слово уже сказано, поздно пить боржом, нужно соответствовать. А мои подмастерья видать в теме, ничуть не удивились. Точно – заговор за моей спиной. Или уговор.

После этого веселье как-то само собой свернулось и все занялись

своими делами, а я поманил к себе мастера. Надо было видеть, как мастер шёл ко мне, какие зигзаги выписывал, и как ему не хотелось подходить.

– Ну, рассказывай, стратег доморощенный, что ты тут начудил. – Отведя его за избу, строго спрашиваю.

– Что-что, сам не понимаешь, что ли? Кто мы тут с тобой – никто, никого за нами тут нет и защиты нам искать негде. А вот если мы при тебе будем, как при знатном боярине, то и тебе, а уж нам-то, в особенности, жить станет гораздо легче. Просто так обидеть нас уже никто не посмеет! Вот и посуди сам, что я начудил. А ты сразу обзывать. Каким-то сратигом назвал, тьфу ты.

– Да уж, обосновал со всех сторон, и не подкопаешься. Ладно, слово не воробей – вылетело, не поймает. Поживём, увидим, прав ты был или нет.

– Да ты не переживай, всё будет хорошо. – Помолчал секунду и, хитро прищурившись, закончил. – Боярин.

И отскочил на всякий случай, смеясь. И сразу же из-за угла избы появилась Любава с детьми, все мои подмастерья и, конечно же, собака. Вот оно как, подслушивали! Переживали они, похоже. Потому что – очень уж явное облегчение на лицах нарисовано, и радуются все.

– Ну что, люди мои, рады? – Вхожу в роль и пытаюсь соответствовать.

– Не гневайся, боярин. Подумали мы и решили, что так будет лучше для всех. И тебе хорошо и мы не в обиде, а ведь прихолопить могут запросто. А то сейчас видишь, как разворачиваемся, какой лакомый кусок получается. Так что пусть так будет! – Серьёзно отвечает Головня. – И нам бы ещё людишек или холопов набрать, а то, может, и рабов прикупить на торге. Подумать надо.

– Подумаем. – Честно говоря, у меня такая же мысль давно в голове крутится. – Ну и что вы все тут делаете? Работать-то кто за вас будет? – Разгоняю народ.

– А тебя, мастер, я попрошу остаться! – Подражая одному известному персонажу, останавливаю кузнеца.

– Так, кузня твоя готова, с завтрашнего дня занимайся только печными изделиями. Потому как начинаем класть печь в доме. Вот смотри, что нам нужно. – И показываю ему список. – А в воскресенье пойдём с тобой на торг, приценимся, может, и выкупим кого.

– Я к ватажникам присматриваюсь, работы у нас впереди очень много, строить – не перестроить, а они очень уж заинтересовались тем, что и как мы тут делаем. Много и не видели, и не слышали. Может, пригласишь их к себе? – Задумавшись, говорит мастер.

– Пока не будем спешить, нечего бежать впереди фургона. Нам до

зимы ещё много что необходимо сделать – пусть присмотрятся, может, и сами захотят к нам прибиться. Вот это будет лучшим выходом. – Делюсь своими мыслями.

Вот так и поменялся наш статус в этом мире. Теперь надо сделать так, что бы этот статус признали все. Ладно, будем думать, а пока пошли трудиться – работа стоит, и её никто не отменял.

Не успел завершить один разговор, как тут же нарисовался другой. Любава подошла.

– Боярин, позволь нам с детьми в избу перебраться, в фургоне уже холодно становится по ночам, как бы не простудить детишек. – Смотрит просительно в глаза.

Меня даже передёрнуло от стыда. Мог бы и сам сообразить.

– Пошли, посмотрим, что вам там необходимо на первое время.

Подозвал старшину ватажки.

– Тишила, вот хозяйка в свою комнату заселиться желает, пойдём, решим, что ей понадобится может. Что ты сделать сможешь, и что нам купить нужно будет? Заодно и решим насчёт окон, дам тебе денег, купишь слюдяные на торге.

– Доверяешь, значит. – Внимательно смотрит на меня.

– Доверяю. Вижу же, что человек ты обязательный и честь свою бережёшь. Ну а если ошибся я в тебе, то куда ты денешься, и на краю света найду.

Обменявшись любезностями с мастером, решили, что лавки да стол они сделают, а за остальным нужно идти на торг. Да и хорошо, в конце седмицы и сходим, благо, дел уже набирается в городе много.

Обрадованная Любава занялась переездом, а я поспешил к своему «кирпичному заводу» – кирпич нужен срочно и нужен в очень больших объёмах.

Старшим из ребят, как только начали обустриваться на месте, я назначил Еленю, наиболее толкового и смышлёного, он будет заведовать обжигом и кладкой печей и присматривать за всем производством. На формовку и добычу глины пока поставил Жарко и Стояна, объяснив им, что это временно. Начнём ставить лесопилку, и они займутся новым делом – научу.

Обговорив с Еленей задачу на завтра, уточнил, желают ли и они заселиться в новую избу, и, получив утвердительный ответ от ребят, дал добро. А мы с Громчиком пока не будем спешить, нам и в фургоне тепло и хорошо.

Кстати, под Печорами добывали отличный кварцевый песок для

стекольного производства. Надо будет на будущее поставить себе зарубку, а то слюда да пузыри как-то не вдохновляют. А если получится освоить стекольное производство, то мы автоматически станем «впереди планеты всей».

Пока я осмысливал и предавался мечтам, мои парни стояли тихо, боясь спугнуть творческие мысли начальства. Хорошо, что не ушли. Уточняю у Елени, при обжиге когда-нибудь получалась твёрдая блестящая масса с острыми гранями? Получаю утвердительный ответ. Это хорошо, значит, температуры в наших печах в принципе хватает и эта задумка вполне реальна. Отправляю ребят заниматься делом, ишь, расслабились подле начальства.

Захожу в наш общинный дом, заглянул к Любаве, ватажники вовсю стараются, обустривают жильё. Озадачил заодно подготовкой остальных комнат и отозвал Тишину на улицу.

Вышли на берег и показал, где хотел бы построить баню. Разметили, вбив колья и обозначив углы. Старшина опять удивился моим странным желаниям – ну никто так не делает! Баня состоит из одного помещения, где и парятся, и моются! Не стал с ним спорить и что-то доказывать, просто сказал – делать так, как я сказал. Ну как ему доказать, если такого ещё действительно никто не видел. А мне вот как-то без хорошего предбанника, комнаты отдыха, без отдельных мойки и парилки непривычно, всё-таки я человек другой эпохи. Ещё бы не забыть котёл побольше купить на торге для горячей воды и пару бочек для холодной, шайки да ковши. Надо ещё Любаву спросить, что нам на кухню из посуды нужно. И вообще, Любаву и детей возьмём с собой, пусть развлекаются, гостинчиков купим детишкам, присмотрятся к товарам, приценятся к тому, что нам необходимо.

А ребят на охране оставим с Громом. В другой раз пойдут.

Лучше бы я на торг не ездил. Мало того, что Любава набрала полотна на рубахи да штаны детишкам, купила красивой и нарядной ткани для взрослых, гору всякой посуды, продуктов да круп. Так ещё и договорилась с сапожником и с нас всех сняли мерки, и к следующему выходному будет у нас новая тёплая обувь. И про ребят не забыла. Приценились к меховой одежде, но решили погодить немного. Сторговалась с мужиками и завтра нам привезут сено и солому, про лошадей-то я совсем забыл, управленец из будущего. А что – это идея, надо ставить Любаву на хозяйство, вон как развернулась. Сообщаю ей эту радостную новость и получаю в ответ перед собой растерянную и испуганную женщину. Только что кипел энтузиазм, предприимчивость и дальновидность били через край и вдруг всё резко кончилось. Мне даже стало неловко, совсем сбил с панталыку женщину. Но

совместными с Головной усилиями удалось успокоить и настроить будущего завхоза по моему, или ключницу по местному времени, на конструктивные и нужные нам действия. Ничего, справится. Она местные условия и правила гораздо лучше меня знает. Да и статус ей надо повышать.

Прикупили у бондаря бочки и кадушки под разные хозяйственные нужды, две сразу застолбил на баню и предупредил об этом нашего уже завхоза. Загрузили фургон под завязку. А вообще нужно озаботиться для таких дел выправить телегу, всё равно нам придётся много товара возить на торг, по заказам работать, которые обязательно появятся, как только строители нашу печь увидят и слух разнесут. Да и просто, пусть будет, мало ли... А то фургон мой жалко...

Выкупил для бани большой котёл с крышкой для горячей воды, попросили отнести до фургона и загрузить, тяжёлый он всё-таки. Ну и набрали разных солений, копчёностей и сладостей для детишек, и себя не забыли побаловать. Головня сторговал несколько криц, железо у нас совсем закончилось. А это хорошее, привезли из Новгорода. Походили по рядам, приценились к оружию – всё очень дорого. Но такого, как умеет теперь ковать наш кузнец, практически нет. Изредка мелькает восточный клинок, но цены неимоверной. Так что товары нашей кузни будут востребованы, ещё придется лавку открывать на торге.

Погуляв по городищу, внимательно всё осмотрели. Домишки небольшие, только Детинец обнесён деревянным тыном. Но мы не стали проходить в ворота, не до того пока. Понял лишь, что в крепости сидят варяги, посадник Рюриков с семьей, да несколько его дружинников. А остальные жители состоят из сборной солянки местных племён.

Под завязку забив фургон, кстати, вызвавший огромный интерес у всего народа, тронулись к себе домой. Ребяшня, нахватав впечатлений и набегавшись, сразу уснула, да и мы замотались.

По приезду всё разобрали, разложили и я завалился спать, потому, как ног уже не чуял под собой.

На следующей неделе закончили рубить баню, доложили печь в доме и я начал класть вместе с Еленей камин в гостиной. Гостиная-то у нас получилась без отопления, вот пусть её камин и греет. От камина задумал воздуховоды провести в соседнюю комнату, всё мне потом теплее будет.

Головня торопился сделать фартуки и колпаки на печные трубы. А ватага приступила к строительству конюшни. Вот тут к делу подключилась Любава и вытребовала заодно пристроить и хлев для скота с загонем, и птичник с выгулом, навес для сена, и ... Но тут я очнулся от

стремительного напора нашего завхоза, и розовые мечты нашей хозяйки были безжалостным образом оборваны на самом интересном месте. Денег не хватит – нам ещё зиму зимовать. Остановимся на навесе, остальное – на следующий год. Кстати, надо будет на торге слух распустить, что нам охотники да воины требуются, несколько человек. Свежее мясо не помешает. Рыбу наловим. А воинов нам – явно не достаёт. Случись что, нас, пятерых мужиков, может не хватить, слишком большое у нас поселение получается, и это только начало. Нужна своя дружина.

Чуть не забыл, отлавливаю Любаву и озадачиваю засолкой рыбы на зиму, бочки-то появились. Спрашиваю, как принято солить рыбу у них. Оказывается, просто солят и всё. А мы добавим специй, если денег хватит, конечно. Интересно, тут селёдка есть или нет? Не забыть бы разузнать... И, вообще, чем ждать, лучше съездить и закупить сразу потребное количество рыбы для засолки, а ловить будем свежую на еду. Вот заодно и слух пустим.

Утром озадачил Еленю самостоятельной работой. Ничего – порядовка у него есть, справится, а полдня ничего не решат. Выдернул Головню из кузни и обязал присмотреть за строителями, и за порядком, Гром Громом, а личный присмотр никто не отменял. Мало ли кто появится.

А мы с Любавой поехали за рыбой, надо ещё соли прикупить, специи посмотреть, да и слухи распустить.

Через месяц наша стройка закончилась, я рассчитался с Тишилой и тот, довольный, обещался по первому зову прибыть к нам. А так, договорились, что весной, как установится тепло, продолжим сотрудничество. Ещё решили – если работы у него не будет, может начать заготавливать строительный лес для нас. Леса надо будет много, будем ставить лесопилку. Конечно же, ватажник заинтересовался, и я кратенько обрисовал ему перспективы. Тут же начались торги за срубленный лес, за будущую продукцию. В конце концов мне это надоело – делить шкуру неубитого медведя, о чём и сказал Тишине. Да и плачу я хорошо, не обманываю, а таких ватажек много, зимой же работы ни у кого нет. Будет торговаться, найду других. Старшина насупился, посопел, но согласился со всем вышесказанным. Вот и ладно.

Печь в доме просохла полностью, и мы начали сушить избу.

А в конце недели я пошёл в баню. Любава наделала кваса, и я напарился вволю. Кто бани не любит, кто не парился, тот не поймёт, как это здорово – завалиться на разогретый полоч, полежать и просто подышать горячим воздухом, напоённым тягучим ароматом раскалённой смолы, ощущая, как распрямляются косточки и отмякает каждая жилочка. А на

второй заход взять берёзовый веничек, и самыми кончиками листочков медленно провести по телу до появления мурашек. Конечно, ещё нужно уметь правильно запарить веник. Не слушайте того, кто предлагает веник просто сунуть в кипяток и варить его там пока не сварятся листья, а после парной опять этот многострадальный веник засунуть в тот же кипяток. В результате нет никакого удовольствия, и веник превращается в тяжёлую мочалку.

Грамотно будет обдать сухой веник горячей водой, чуть подержать в зависимости от сухости, чтобы листики не отрывались, а потом взять и положить на края шайки, чтобы прогревался паром и ещё сверху накрыть другой шайкой или полотенцем. А после каждого захода веник только ополаскивается, и подсушивается.

И начинать париться надо берёзовым веником, чтобы поры раскрылись и кожа начала дышать. Так вот, после того, как пройдёшься по телу веничком, легонько касаясь кожи, надо подождать, поддать парку и подышать. А вот потом можно начинать париться, постепенно нагнетая пар. А если ещё травок заварить душистых и полезных... А как хорошо после парной посидеть в предбаннике, выпить холодного кваса, а потом уже, когда остынешь от жара каменки, можно и побаловать себя горячим чайком, опять же заваренном на травках.

Заканчиваю париться обычно дубовым веником, чтобы кожа стала крепкой и упругой.

Для начала надо полюбить баню и тогда постепенно выработается свой собственный ритуал этого священнодействия, сами собой подберутся нужные тебе лично веники и настои. И, главное, не надо суесться в бане, суеты парная не любит.

Посещение бани, это целое событие, ритуал, который обростаёт своими тайнами и обрядами, традициями, передающимися из поколения в поколение.

А когда напаришься, тогда нужно немного остыть и отдохнуть. Завершать сие знаменательное мероприятие надо торжественно.

Вот поэтому я и настоял, чтобы ватажники мне срубили в бане комнату отдыха, где можно полежать на лавке, попить чаю за столом. Похрустеть баранками.

Эх, жаль, что электричества нет и баня возможна только при свете солнышка, до стёкол тоже ещё далеко, слюдяные плохо дневной свет пропускают. А после меня желающих много, так что, как ни хотелось бы ещё погреться, а надо заканчивать – народ ждёт. Ничего, теперь можно топить почаще.

В доме тепло и сухо, к зиме мы успели сделать очень много. Хорошо, что решил выехать из Опочки раньше, чем собирался вначале. А то пришлось бы рыть землянки. А сейчас у нас полноценный хутор, даже запас кирпича есть на следующий год. Сена нам хватит до весны, соломы на подстилки тоже достаточно, рожь и даже пшеничку Любава закупила, будем с хлебом. Рыбу ловить так и не пришлось, теперь нам её, как и свежую дичь с мясом, привозят прямо сюда.

Вот картошки нет, не хватает мне её.

Репа и брюква, конечно, хороши, но по картошке скучаю. А от брюквы только живот бурчит.

А, может, Америку открыть? Задружиться с индейцами, выкурить трубку мира и выкупить остров Манхэттен чисто символически. Будет там Новорось. Картошки наемся... Вот до каких мыслей голодный желудок довести может, хотя сама идея вполне себе ничего – живая.

Вот с бойцами и охотниками пока ничего не получается, присматриваются люди...

Стол накрыт, но надо всех подождать. Решил устроить сегодня праздничный ужин и подвести промежуточные итоги. Пойду пока полежу, отдохну. Кстати, теперь по моему примеру у всех сделаны подушки, очень уж с ними удобно. А вместо одеял-шкуры – тепло и хорошо. Вот только соломенный матрас меня совсем не устраивает, сбивается быстро. На следующий год купим шерсти и набьём, должно быть гораздо удобнее. Хотя, тоже сбиваться будет, придётся перед сном взбивать. А ведь ещё пуховые перины были в сказках – читал же в детстве. Посмотрим.

Так и продремал до ужина, Гром забился под мою лавку, а она у меня удобная, широкая, по моему проекту сделанная. И теперь его оттуда можно только пайкой выманить. Хотя, для него специально место выгородили в коридоре, но он там редко спит, в основном под моей лавкой.

Наконец, меня пригласили за стол. Собрались все распаренные, красные, дети только розовые. Смотрят на меня и ждут. Никто за ложки миски не берётся.

Встал и выдал речь минут на десять, где поздравил всех с благополучным завершением нашего переселения, рассказал про появившиеся возможности, которые открылись перед нами, наметил первоочередные задачи на зиму и весну и рассказал про свою главную задумку о том, каким я вижу наше поселение и наш коллектив. Сказал и то, что и так было всем известно. О своём скором отъезде. Старшим назначил Головню и ещё раз обязал всех выполнять все его указания.

Отъезд назначил сам себе через неделю – поеду верхом, Грома

забираю с собой. Возьму свой арбалет и броню, мало ли.

Если начнут приходить люди, со всеми разговаривать, выяснять, кто что умеет делать, узнавать про семью, детей, где живут, да почему к нам решили прийти. До моего приезда никому утвердительных ответов не давать, приеду, посмотрю. А вот плохих людей можно гнать сразу же, но без грубости и хамства, отказывая под благовидным предлогом.

На этом я закончил свою прочувствованную речь и мы, наконец-то, приступили к ужину.

Всю неделю что-то доделывали, переделывали, наводили порядок во дворе, конопатили мхом щели, делали кирпич, пока позволяла погода.

А через неделю я уехал в сопровождении Грома, надев свою бронь и приготовив арбалет. На пояс прицепил нож и меч, через плечо пристегнул свою перевязь с ножами. Взял три десятка болтов, думаю, хватит. В перемётные сумы Любава собрала выходные одежды из новой, купленной на торгу ткани, и зимнюю новую шубу и шапку. Свои, сделанные ещё в Опочке, я отдал Еленю, его совсем худые были. Не забыла Любава положить и новые сапоги. Собрала нам с Громом еды на два дня. Раскланялся я со всеми, поклонился новому дому и поехал в Изборск с замирающим от волнения сердцем. Впереди встреча с князем и от этой встречи многое будет зависеть.

Через Великую перевезли на большой платформе из двух лодок с настилом – парома тут ещё нет. На той стороне стоит что-то вроде таможенного поста, берут плату за перевоз и мыто с купцов. Повезло, что очереди не было, а то, говорят, долго приходится ждать, пока пересчитают товар, посчитают пошлину, перевесят деньги. Заодно уточнил дорогу на Изборск, и что можно ожидать на пути. Услышав, что всё спокойно, всех татей переловили, можно ехать ничего не опасаясь, вскарабкался на своего коня и потихоньку двинулся вперёд.

К вечеру добрался. Подъехав к воротам, поздоровался и спросил, можно ли переговорить с десятником Изяславом. Рассказав основные правила поведения в крепости, меня пропустили в ворота, показав направление, в котором можно найти десятника. Добравшись до детинца, ещё раз спросил об Изяславе.

Пока ждал, осмотрелся вокруг. Само городище вокруг детинца похоже на Плесковское – такие же домишки, только народу меньше. А вот крепость почти такая же – только стены пока ещё не каменные, а деревянные.

Наконец, показался Изяслав. Увидев меня, разулыбался, видно, что искренне обрадовался.

Обнялись с ним, как добрые старые друзья, по спине друг друга

похлопали.

– Рассказывай, как добрался, где поселился, что успел сделать и каковы планы? – Засыпал вопросами. А сам смеётся, довольный.

– Прямо здесь рассказывать? Или тебе в двух словах? – Смеюсь.

– Опять ты прав. Пошли в харчевню, перекусим да поговорим.

– Подожди, я же не один. Вон, конь у меня и Гром, надо сначала устроить всех, да и самому куда-нибудь пристроиться.

– Вот и пошли в харчевню. Там и сам пристроишься, и животину свою пристроишь. – Дёргает меня нетерпеливо.

Возвращаемся назад и проходим по мосту через ров, поворачиваем налево и метров через сто пятьдесят упираемся в ворота, гостеприимно распахнутые. Тут же подскочил пацанёнок, принял у меня повод и увёл коня. Оставив Грома под крыльцом, поднялись по высоким ступенькам и перешагнули выступающий порог.

– Это чтобы много не пили в харчевне, а то будешь выходить пьяным, споткнёшься и головой с высоких ступеней кувыркком? Так можно и шею сломать. – Спрашиваю своего спутника, показывая на бревно порога.

– Угадал, для этого и положили. Князь наш распорядился, очень уж не любит он тех, кто свою голову готов потерять в харчевне. Всё должно быть в меру.

Внутри обставлено так же, как и в Опочецком трактире, только тут размеры помещения гораздо больше, ну да и городище это, тоже, гораздо поболее того будет. Сели на лавку за длинный стол, подскочил мужичок, поклонился Изяславу, кивнул мне, о чём-то быстро переговорили, я и не прислушивался, а крутил головой, осматриваясь, интересно же. Тут же на столе, как по мановению волшебной палочки, начали появляться плошки, миски, исходящие паром и вкусным запахом, подносы с хлебом и зеленью, и кувшин с двумя кружками.

Кивнул на кувшин:

– А это что? Ты же только что рассказывал, как ваш князь пьяных не любит.

– Успокойся, это мёд, от него не опьянеешь. А за встречу нашу и переселение ваше, по кружке выпить нужно.

– Да я-то не против. – Пожимаю плечами. – Дело твоё, ты тут старший, тебе и решать.

Разлив напиток по кружкам, дружно выпили за встречу, и я придвинул к себе миску. Одурающий запах каши с мясом ударил в ноздри – я захлебнулся слюной. Всё-таки целый день в седле, проголодался. В отличие от Изяслава, который насыщался не спеша, я в два приёма проглотил свою

порцию, вместе с вкусным салатом и зеленью. Откинулся, осматривая стол голодным взглядом, что-то не наелся совсем. Подозвал хозяина, и попросил ещё мяса. Принесли на блюде большой шмат свинины, обложенный чесноком и луком. Вот теперь можно и спокойно посидеть.

На понимающую улыбку своего соседа пожал плечами – организм требует своего.

Вторую кружку пили за князя и дружину. Отпил немного, всё-таки хмель присутствует, в голове зашумело. Но напиток натуральный, химии никакой нет, поэтому через полчаса пройдёт, да и закуска хорошая. Десятник подождал, пока я не наемся и буду готов к разговору, и потребовал наконец-то начать рассказ.

– Наелся? Рассказывай давай с самого начала, а то мы уже на тебя спорить начали, приедешь или нет.

– Нашли где тотализатор устроить, делать вам там нечего. – Не задумываясь, брякнул я.

– Тотализатор? А что это такое?

– А это там где я жил, там спорят так, забудь. – Отговорился я.

Собравшись с мыслями, начал рассказывать свою эпопею, вначале с остановками, а потом втянулся и уже без перерывов пересказал все события, что у нас произошли. Что построили и что собираемся строить. Рассказал и о нехватке холопов, рабов и дружинников.

Закончив, допил свой мёд, откинулся на стенку и приготовился слушать, что мне на мой рассказ ответит десятник.

– Что столько успели сделать, то тебе только на пользу пойдёт. А если ещё и всё, что планируешь построить, сделаешь, то от князя тебе благоволение будет. Рассказал я о тебе и придумках твоих, ждёт тебя княже, сам ему расскажешь и, может быть, покажешь. Очень он заинтересовался твоим арбалетом. А когда услышал про печки твои, то приказал тебя сразу же к нему привести.

– А что ж ты...

Не успел я начать, как Изяслав закончил за меня:

– А в отъезде князь, вечером будет, доложу что прибыл, а там и посмотрим.

А десятник-то совсем не прост, сам князю докладывать будет. Это что же за десятник такой, который запросто к нему зайти может. Спрашивать не буду, но запомнить этот фактик нужно.

А коли так, проясню-ка я вопросы по поводу земли, на которой мы строимся, и по поводу задуманной лодочной верфи, да и по песку для стекла, и послушаю, что мне ответит скромный десятник.

Но мои ожидания не оправдались, Изяслав выслушал мои вопросы, уточнил, какое стекло и для чего оно будет предназначено, что за суда я хочу строить, и дальше развивать эту тему не стал. Мол, это дело княжеское и ему решать. Задумался, и предложил мне пока снять тут комнату и отдохнуть от дороги. А как пожелает меня видеть князь, так он за мной и придёт.

На этом мы распрощались, и я пошёл отдыхать, перед этим попросив горячей воды. Но хозяин предложил сходить в баньку, благо её топят постоянно. Конечно же, я с радостью согласился, потому что дорога для меня всё-таки тяжеловата, наездник из меня ещё тот, да и конским потом от меня несёт сильно.

Пока парился, перебирал в уме варианты предстоящего разговора, что можно сказать, и что отвечать на возможные вопросы. Когда голова уже закипела от мыслей, плюнул на всё и решил ориентироваться по ходу разговора. Основные вехи, которых буду придерживаться, я себе обозначил, а дальше буду импровизировать.

Купив шмат варёного мяса, накормил собаку, заглянул в конюшню проверить своего коня, да и пошёл в свою комнату. Завалился на кровать и мгновенно выключился.

До утра никто меня не беспокоил. Спустившись вниз, позавтракал, накормил Грома и, сходя в конюшню, угостил своего коня куском хлеба. Делать тут больше нечего, можно дальше отдыхать. Хоть отлежусь. Так и провёл день – валялся, кормил собаку, опять валялся. Изяслав не заходил и на следующий день, впрочем, служба – мало ли что может быть, надо просто запастись терпением и ждать. Уезжать отсюда мне нельзя без встречи с Трувором. Надо будет – и до весны просижу.

Глава 7. Знакомство и княжеские проверки. Новая работа. Разбойники

Но все мои худшие опасения не оправдались – вечером меня пригласили, причем вежливо, в княжеский терем. Пришёл дружинник, уточнил моё имя и позвал за собой, мол, князь видеть желает.

Быстро переоделся в приготовленную Любовью парадную одежду, застегнул перевязь с ножами, меч, через плечо арбалет с болтами. Понимаю, что всё равно на входе отберут, но без оружия уже просто не могу ходить – ощущаю себя голым. Да и как опять же говорил один герой из моего далёкого далека:

– Хорошо тому, у кого кинжал, и плохо тому, у кого его не окажется в трудную минуту...

Ну, как-то так.

Я думал, что меня поведут в какое-нибудь присутственное место, где будет много народа и где придётся говорить при свидетелях, но, оказалось, князь ожидал меня в небольшой горенке. Стол, заваленный свитками, оружие на стене, горящие лучины с двух сторон. Сдав перед входом свой арсенал дюжим дружинникам, перешагнул порожек и огляделся. Князь, сидя за столом, внимательно смотрел на меня, пока я не подошёл поближе, и не поклонился так, как меня научили Головня с Любовью.

– Здравствуй, Владимир, проходи, не стесняйся, да рассказывай, кто ты и откуда к нам пожаловал, про задумки свои ещё расскажи?

– И Шахерезада продолжила дозволенные речи. – Пришло на память. Я даже легко улыбнулся промелькнувшему воспоминанию. Трувор продолжал внимательно на меня смотреть, на мою улыбку шевельнул вопросительно бровью. Да, несмотря на тьму веков, разделяющих наши времена, люди остались такими же. Только тут они более чистые, не испорченные пока благами цивилизации и демократизации. И мне тут очень нравится.

Сбоку в углу шевельнулась тень, князь отрицательно качнул головой и тень замерла.

Надо приступить к изложению своей версии появления меня родного в этом мире, а то окружающие могут и неправильно истолковать мою заминку и мои улыбки. Нашёл, когда придаться воспоминаниям.

Сначала с остановками, паузами, начал свой рассказ, а потом и сам

увлѣкся и вроде не успел начать рассказывать, как уже и закончил. Пользуясь тем, что меня никто не перебивает и продолжает слушать, рассказал о своём переселении под Плесков, о том, что успел сделать, и что планирую на следующую весну, и выразил свои сомнения в правильности своего поселения на чужой, наверное, земле. Дальше решил ничего, пока не спросят, не говорить.

Поклонился ещё разок:

– Вот коротко и всё, княже.

– Ты знаешь, что имя и отчество у тебя знатного рода? – Раздался из-за спины тихий голос.

Началось, вот теперь за меня возьмутся всерьёз, что отвечать-то, даже и не знаю, ведь так и не выяснил про своё имя ничего. А теперь и придумывать поздно, лучше ответить более-менее правдиво, а то ведь и прирезать могут быстро. Но всё равно – нравится мне тут.

– Пока здесь не появился – не знал. Когда представился первый раз в Опочке, обратил внимание, как посмотрели на меня при этом дружинники. Да и мои спутники меня за боярина принимают.

– Допустим. Родители твои – откуда были?

– Никогда в нашей семье на эту тему разговоры не велись, запрещено было. Я даже не знал, какого роду-племени буду.

– Это как так, а как же ты язык наш тогда знаешь? – Прорезались хоть какие-то чувства у голоса за спиной.

– Способность у меня к языкам. Услышу новый язык и почти сразу могу на нём говорить.

Опять за спиной явственно потянуло недоумением.

– А если сейчас позовём кого-нибудь и проверим?

– Давайте позовём. Мне и самому интересно, получится или нет.

За спиной было тихо, я не слышал ни движения, ни звука, даже половица не скрипнула, но дверь открылась, и на пороге остановился дружинник.

– Позови Олафа! – Приказал голос.

Интересно. Думаю, за спиной у меня находится кто-то из местной ГБ. Очень уж ведёт себя соответствующе.

Опять скрипнула дверь, и в проём, боком и пригнувшись, протиснулся даже не человек, а гигант. Стоя в горнице, он головой почти упирался в потолок. По габаритам, как два меня будет, и железа на нём навешано столько, что мне и не поднять.

– Звал, Княже? – Прогудел басом здоровяк.

– Поговори с боярином на всех языках, что знаешь. – Продолжает

командовать голос.

О, как, боярином назвали – это уже радует. И даже, можно сказать, обнадёживает.

Тем временем, дружинник начинает меня о чём-то спрашивать, и у меня в голове как будто реле щёлкает – я улавливаю конец фразы. На том же наречии прошу повторить всё сначала, так как не всё разобрал с первого раза. Повторяет уже на другом языке, и я тут же ухватываю смысл.

Что за языки и наречия – не знаю, но моя приобретённая при переносе способность работает на сто процентов. В конце концов, запас языков у всех присутствующих закончился, и я вздохнул свободней. Всё-таки нешуточное напряжение меня вымотало.

Пока я переводил дух, здоровяка отправили назад. А голос за спиной, наконец-то, обрёл своего хозяина. Из тени в углу выступил худощавый, жилистый человек в неброской, но опрятной и чистой одежде, типичный молчи-молчи советских времён. Не спеша обошёл меня и встал сбоку от стола. Увидишь такого на улице, и не запомнишь с первого раза, со второго – просто пройдёшь мимо, глянув мельком, и только на третий начнёшь замечать какие-то особенности одежды, оружия, фигуры, лица и причёски. Отмечаю для себя впалые щёки, резкие скулы и глаза-иголки, перевитые тугими жилами руки и, осыпанную инеем седины, голову. Аккуратная борода и усы. На боку – узкий клинок.

– Княже, всё равно чувствую, что тут что-то не так. Слишком гладко да ровно.

– Что скажешь на это. – Поднял голову Трувор.

– Ничего не скажу. Всё, что мог сказать, уже сказал. – Расслабился я. Просто пытаются меня на слабо взять, свои придуманные страхи хотят на меня повесить.

Да и не знаю я, что у них тут творится, почему меня начали проверять, чего боятся? Мало информации, очень мало. Человек незнакомый да странный? Вряд ли, много тут таких бывает.

– А, может, в поруб его на всякий случай посадим? Пусть посидит недельку-другую, вдруг ещё что вспомнит. – Опять меня безопасник провоцирует.

И тут мне всё стало так безразлично – и зачем, спрашивается, я сюда так рвался, хотел предупредить, прогресс двинуть, пользу принести. А никому, кроме меня, это не нужно. Они живут, как живут и так жить будут. А вот я могу и не пережить этой встречи, спялят меня на простом незнании местных реалий, поймают на противоречиях, и моё, якобы иноземное, происхождение не спасёт. А если не переживу, то, может, я домой вернусь?

Да гори оно всё синим пламенем!

– Плохого я ничего не делал. Как мог – приносил пользу людям, дружинникам твоим помогал в меру своих сил, и вины за собой не чую. Если только землю под поселение своё, не спрашивая, занял. Так я могу и съехать оттуда – земля большая и места на ней много. Хочешь в поруб посадить – сажай, а попусту языком болтать не надо, видел я таких. И сюда ехать я не хотел, а приехал только по просьбе Изяслава. – Заканчивая свою речь, повернулся к князю. – Или сажай в поруб, княже, или отпускаяй, да я и уеду.

– Больно ты гордый да резкий, даже интересно стало. И не боишься ничего? А если на дыбу?

– Мне лично на дыбу не хочется, а вот если тебе без этого никак, значит судьба у меня такая.

– Судьба, говоришь? – Задумался князь. – Что ж вы все на судьбу уповаете? А сам свою судьбу сделать не можешь, что ли?

– Могу и делаю, пока другие не влезут, да сапогами по ней не потопчутся.

– Так не давай топтаться, вроде, не слаб ты.

– Где могу – не даю. Да, к сожалению, не всё от меня зависит, да и не так уж я силен.

– Ладно, успокойся, проверяли мы тебя немного, хотели узнать, что ты из себя представляешь. – Вставил свои пять копеек безопасник, немного отбрасывая назад и сбрасывая повисшее в комнате напряжение.

Однако!? Если он спокойно может в разговор с князем влезть, значит – далеко не простой человек, видимо, куда как больше, чем просто безопасник.

А я что-то сильно разнервничался, аж руки задрожали. Спокойнее надо быть, это же простая проверка, а я повёлся, как дитё неразумное. Отвык я в своей деревне от людей, от общения и, тем более, от таких вот проверок. Всё-таки уже почти двадцать лет, как ушёл со службы. В последнее время никакого желания выбираться в город не было – если бы не желудок, которому каждый день вынь да закинь в него трёхразовое питание, то сидел бы в своём лесу безвылазно. А, может, это просто уже старость наступает. Успокоимся, плюнем на всё и на всех присутствующих безопасников, и не только на них. Да по барабану мне все эти местные заморочки, мне вон свои проблемы жевать не пережевывать.

На таких вот светлых мыслях я собрался с духом, выдохнул и резко успокоился. Будь что будет, а мы будем в свою сторону грести. Но мнение своё не поменяю. Нравится мне тут.

Стою – молчу, я своё сказал, теперь ваша очередь. Постепенно и в самом деле начал успокаиваться. Даже заметил, что у князя на лице проскальзывает довольная усмешка, особенно когда он со своим ближником переглядывается. Такая совсем незаметная усмешечка, эхо от усмешечки скорее всего, если бы не успокоился – нипочём не заметил бы.

Расслабился и продолжаю спокойно стоять, по сторонам поглядываю коротко.

Наконец, безопасник не выдержал:

– Говорят, собака у тебя какая-то интересная, невиданная?

Ну-ну, а я не с тобой сюда пришёл разговаривать. И если я в первый раз поддался на твою провокацию, то второй раз ты меня просто так не поймашь. Смотрю на князя и жду реакции на своё молчание. А князь-то забавляется – интересно ему. Ну и я постою.

– Что молчишь, язык проглотил? – Не унимается ближник.

Сталкиваюсь взглядом с князем, и вопросительно приподнимаю бровь. В княжеских глазах запрыгали бесенята. Ну и я, как бы пожал плечами, мысленно, конечно. Стою, молчу.

На скулах безопасника набухли желваки, правая рука потянулась и легла на рукоять меча, а левая сжалась в кулак. Как интересно-то. Да ты, батенька, тоже весь из себя психованный, как и я.

– Горивой, поди-ка, проверь караул. – Тихо бросил князь.

– Слушаюсь, княже. – Кивнул тот головой, и вышел.

Честно сказать, я думал, что заденет меня плечом, когда будет проходить мимо, но безопасник оказался умнее и прошёл, даже не покосившись в мою сторону. М-дя, как-то по-мальчишески у меня получилось. Завёлся на пустом месте, как пацан.

– Подойди поближе, не хочу громко говорить. – Попросил Трувор.

Сделав несколько шагов, я остановился перед столом.

– Не договариваешь ты что-то, да только прав ты – то твоё дело. Горивой – за моё бьётся, сам понимать должен, вокруг вон что творится. Режутся люди друг с другом, никого не щадят, да ты и сам видел. Нет, чтобы работать, да состояние свое умножать – так хотят соседа своего ограбить и таким путём нажиться. Мало кто для людей старается, как ты в Опочке. Не знаю, сам ли придумки свои измыслил или подглядел у кого, но польза от них несомненная, очень уж Изяслав тебя нахваливал. Сегодня некогда мне дальше с тобой разговаривать – посмотреть хотел, что ты за человек такой, а то больно уж за тебя десятник просил. А вот завтра пришлю его за тобой. Ты же возьми с собой свою собаку, хочется глянуть на зверя такого, да арбалет свой не забудь – постреляем. И на Горивойа зла

не держи, служба у него такая. Ступай.

– Слушаюсь, княже. – Вспомнил я, как обращались к Трувору, поклонился и вышел.

Забрав у охраны свои вещи, направился в харчевню – надо проанализировать разговор, да и собаку пора кормить.

На следующий день, рано утром, за мной пришёл Изяслав. Быстро собравшись, свистнув Грома, поспешили на большую поляну за стенами крепости. По пути к месту, назначенному князем, я осматривался и узнавал окружающую нас местность. Озеро непривычно огромное, вон даже ладьи стоят у мостков. В моё время оно было раза в три меньше. А впереди внизу должны быть ключи. Спрашиваю Изяслава, и тот удивлённо останавливается.

– А ты откуда о ключах знаешь? Бывал раньше здесь?

– Сон видел – там и ключи, и озеро, и крепость были.

– Пойдём быстрее, негоже князя ждать заставлять. – Спohватился Изяслав.

– Да и так быстро идём, куда же ещё быстрее. – Подумалось мне. Только Грому хорошо, вон как кругами носится.

На поляне – Трувор, Горивой и ещё несколько незнакомых мне ближников, десяток дружинников чуть в стороне. Подошли, и я поклонился князю, кивнул остальным и подозвал Грома. Пока все с интересом оглядывали нас и косились на моё оружие, Изяслав о чём-то тихим голосом рассказывал князю. Понятно, о чём.

Кивнув ему, Трувор подозвал меня:

– Красивый пёс, мощный. Изяслав говорит, он всадника вместе с лошадью завалил?

– Завалил, княже, разогнался хорошо и атаковал сбоку, прыгнув на всадника.

– И что?

– Горло вырвал старшине разбойников.

– Молодец какой, сколько ему?

– Шестой год пошёл.

– Где такого взял и сколько отдал?

– Есть такая страна на юге – Италия, вот там и взял. Предки его с ромеями на врага ходили, в броню закованные, и так же всадников валили. А сколько отдал? Так за такого никаких денег не жалко, а теперь он мой друг надёжный и сторож хороший.

– Молодец! А покажи-ка мне свой арбалет. Изяслав говорит, ты из него почти два десятка уложил?

– Немного меньше. – Протягивая незаряженный арбалет князю, ответил я.

Покрутив его в руках, потрогав за рога и тетиву, князь передал его Горивую, а сам обратился ко мне:

– Лук-то проще будет и стрелять из него можно быстрее. Что скажешь?

– Всё правильно, только, чтобы из лука хорошо стрелять, учиться долго нужно, да и мастера-наставника хорошего иметь. Опять же – стрелы делать дорого и долго. В дождь тетива отсыревает и пользы от лука никакой. А с арбалетом мне хватило немного потренироваться – мастером великим не стал, конечно, но врагам мало не показалось. Болты делать просто, и не ломаются они так, как стрелы. Тетива железная, ничего не боится. Опять же, я этот делал специально, чтобы не таким сильным был, и его можно было бы быстро заряжать – бьёт он на сто пятьдесят шагов, кольчуга ему не помеха. А можно сделать и более мощный – будет бить шагов на триста, и любой доспех пробивать. И стрелять из него может даже отрок – сил много не надо, как с луком.

Задумался князь, бросил взгляд на арбалет, который с пренебрежением передавало из рук в руки его окружение.

– Пойдём, вон там постреляем. – И показывает на вал крепостной. – Покажешь, как он бьёт.

Остановились аккуратно в том месте, где в моём времени липа росла, на которую туристы лоскутки привязывали. Горивой команду дал, и дружинники быстро пару чучел поставили в броне да шлемах. Князь рукой махнул, чтобы отошли, и мне кивает. Заряжаю арбалет, выхожу вперёд, за мной по бокам пара дружинников держится. Дело понятное, но как-то по-детски выглядит. Ну, да и ладно. Наложил болт, прицелился и выстрелил, сразу же перезарядил и еще несколько болтов выпустил, стараясь попасть в шлем и железные бляхи на броне.

Закончив, убрал арбалет в чехол и повернулся. За спиной оживлённый спор. Один из дружинников встал на моё место, и быстро выпустил столько же стрел в другую мишень.

Подшли вслед за князем к чучелам. Быстро, пока подходили, сравнил результаты стрельбы. Мои болты легли так, как и выцеливал, шлем да железо пробиты, только хвосты болтов торчат.

У дружинника чучело как дикобраз истыкано, но вот со шлема стрела соскользнула, оставив вмятину, да и перед мишенью одна лежит, в щепки расколота.

Народ посмотрел, посовещался, о чём-то поспорил. Наконец, меня князь подозвал:

– Разницы особой не видно, стрела тоже доспех пробила, что скажешь?

– Позови сюда своего стрелка из лучших. – Вздыхнул я.

Трувор глянул на Горивоя, потом на стоящего рядом боярина, а уже тот жестом подозвал стрелявшего ранее дружинника.

– Дай-ка мне. – Протянул руку.

Боец молодец – сначала на князя посмотрел, дождался разрешающего кивка, и только после этого передал мне лук. Попробовал его натянуть. Получилось с трудом – ещё слабоват я по здешним меркам, несмотря на свои усиленные тренировки. Оценил мельком, понял ли князь то, что я хотел этим показать. Дальше действуем.

Отдал лук назад и попросил бойца лечь на землю. С недоумением и недовольством, под пристальным вниманием князя, дружинник принял упор лёжа.

– Ну, а теперь попробуй, попади в мишень. – Говорю, как бы скучая. – Что, не можешь? – Снисходительно-вежливо комментирую.

Поворачиваюсь к Трувору:

– Можно ещё в кустарнике попробовать пострелять, хотя сомневаюсь, что получится у твоего воина.

Быстро ложусь на спину, заряжаю арбалет и стреляю, почти не целясь – расстояние небольшое, всё равно попаду. Повторяю то же самое на боку и лёжа на животе. Встаю и поворачиваюсь к князю:

– Так же свободно я могу стрелять и в кустарнике и в лесу, на крепостной стене из-за укрытия. Из окон и бойниц, из-за борта ладьи.

– Хм, что-то в этом есть, надо нам хорошо подумать. Ещё хотел спросить – сможешь мне сделать такую же печь, как в Опочке?

– Пока ничего не могу тебе обещать, княже. Надо посмотреть твои хоромы, проверить фундамент, если надо будет – выложить новый, посчитать потребное количество кирпича. Только после всего можно будет говорить окончательно. А, может, тебе ещё камин сложить в одну трубу? Надо сначала посмотреть, подумать и порешать.

– Ступай за нами, рядом с Изяславом – сам посмотришь на месте, что надо делать.

Повернулся и пошёл вперед, за ним поспешил Горивой с боярами и дружиной – молча догнали и пошли, отставая на полшага, за ними и все остальные. Ко мне подошёл десятник, постоял рядом, помолчал немного.

– Ну, как ты?

– Как в сказке, чем дальше, тем всё страннее да темнее. Посмотрим.

– Мудр князь наш и справедлив, не волнуйся, попусту не обидит тебя.

А вещица у тебя знатная, мне ещё в Опочке понравилась, да и ловко ты с ней управляешься. Дорогая?

– Да уж не дешёвая. Потом поговорим об этом, у меня голова о другом болит, сам должен понимать. Пошли, что ли?

– Пошли, догонять надо.

Ускорив шаг, догнали оживлённо обсуждающих стрельбы и отличия одного оружия от другого, дружинников. Я пошёл, прислушиваясь, а Изяслав активно подключился к разговору.

Да и ладно, я лучше Грома потреплю за уши, вот с кем мне легко и просто. Да и не продаст никогда.

Осмотрев терем снаружи и внутри, подошел к спокойно наблюдающему за мной князю. В отличие от Горивоя, который буквально сопровождал меня по пятам и лез в каждый осмотренный мною закуток, Трувор спокойно стоял на месте.

– Княже, вот тут надо будет половицы разобрать, фундамент подвести, потом, после его просушки, печь сложить – греть будет и низ и верх, а у тебя в горнице можно камин небольшой соорудить. Будет и красиво и тепло.

– И дыма не будет?

– Не будет. Только холопа приставить к печи нужно будет, чтобы следил за порядком и что б пожара не наделать – вдруг уголёк выскочит. Приеду к себе, если там всё цело будет – а то, может, разорили уже, пришлю к тебе своих мастеров. Нужно будет здесь глины набрать и песка, вёдер по сто, и в каком-нибудь тёплом месте набранный песок просушить. Глину замочить. Железо нужное мои мастера с собой привезут. Ватажка плотников нужна будет половицы вскрыть, да на крыше работать – трубу вывести. Пока всё, потом ещё может что-то понадобится.

– А сам почему приехать не желаешь?

– А некому в поселении моём баб да детишек защитить будет в случае чего – все сюда поедут, один кузнец только и останется.

– Решим. Изяслава пошлю охранять – ты с ним дружен, и дружинников с ним. Завтра приходи с утра, сегодня подумаю... И ты думай, что ещё делать надо. И..., что ты там про верфь свою говорил? Что строить собрался и для чего?

– Весной поставим верфь, и буду морскую ладью закладывать. В Варяжское море и дальше буду ходить с товаром и торговать. Для торговли на юге тоже строить надо другую ладью. Ещё парусную мастерскую открывать надо, хочу паруса поставить другие, что могут против ветра ходить. Да где холопов столько взять – не знаю.

– Против ветра, говоришь... Мудришь ты что-то, не слышал даже. Ладно, ступай до утра.

Вот и поговорили. Поклонился я и пошёл к себе, живот уже подвело.

Вечером заглянул мой дружок, опять потащил мёд пить. Посидели с ним, выпили по кружке – больше не стал, памятуя об утренней аудиенции. Видимо, до Изяслава довели информацию о длительной командировке по охране и обороне моего поселения, вот он и принялся меня пытаться о том, как и где они там будут жить, где кормиться и чем. Обмолвился, что поедут впятером, все мне знакомы по Опочке. Мстиша поедет, он уже совсем поправился.

Пришлось сразу же разочаровать Изяслава отсутствием запасов еды на такую прорву народа, ибо нечего – мне ещё детишек Любавиных кормить. Мужики здоровые, все наши запасы съедят за месяц, а нам потом зиму сидеть впроголодь. Потому как неизвестно – заплатит нам что-то князь за работу, или нет. Может, только спасибо отделаётся. Десятник почесал затылок (и тут извечный русский жест присутствует), да и решил, что придётся у князя на содержание просить. А кому сейчас легко? Пусть просит, мне только легче будет.

Поговорили о том, как лучше наладить оборону в случае чего, заставил нарисовать схему на бересте. Выспросил про все строения – что для чего, и что где хранится. Понимая, что все вопросы задаёт по делу, я рассказывал, не скрывая ничего. Всё равно всё посмотрим на месте, да и определимся точнее.

Просидели допоздна, потом вышел проводить десятника на двор, покормил своего лучшего друга, который с лентой ухватил кус мяса и не спеша сжевал его, будто делая мне этим великое одолжение.

Зашёл на кухню и попросил не кормить собаку без меня, на что получил ответ, что собака сама кормится.

– Это как так? – Опешил даже.

– А так! Забиваем дичь или кабанчика, а собака ваша, боярин, рядом стоит, и, пока не кинешь ей шмат мяса, никого не подпускает к туше, и уносить разделанное не даёт... Так что ещё и за это придётся приплатить.

– Договорились. Ай да Гром, почуял свободу.

Да лишь бы не погрыз кого-нибудь, а то виру потом замучаешься платить.

Домой надо скорее уезжать. Подальше от греха, дома-то его уже никто не боится.

Утром опять пришёл Изяслав и потащил в детинец, мол, князь заждался уже.

После обязательных приветствий, наконец, приступили к делу.

– Обдумал я твои придумки. Печь будешь делать сам, с собой бери кого хочешь, а для защиты твоего поселения отправляю с тобой Изяслава с пятёркой дружинников. Жильём обеспечишь. На содержание деньги получают, а где кормиться будут – решите сами. Мастера тебе будут, глину и песок уже готовят, можешь посмотреть. Приедете – поселю в воинской избе, там же и есть будете. Про арбалет твой ничего сейчас говорить не буду, Изяслав присмотрится – доложит. Ступай. Быстрее уедешь – быстрее приедешь. Не тяни!

Вот и поговорили, в одно, так сказать, лицо.

– Княже, пошли кого-нибудь меня сопровождать, хочу глину с песком глянуть – подойдёт или нет.

– Изяслав, проводи.

Откланявшись, сходил, посмотрел – что таскают мужички. Наказал глину замочить в корытах побольше, а песок – сушить. Попрощался с Изяславом, пусть догоняют, и пошёл собираться.

А в харчевне уже все в курсе моего отъезда. Хозяин крутится рядом, денег ждёт, прислуга от радости, что Гром уезжает, даже коня взнуздала и оседлала, да в дорогу запас провизии собрала. Быстро переоделся в походно-броневую одежду, рассчитался с хозяином, переложил по сумкам провиант и был таков.

Дорога уже знакома и обратный путь показался значительно короче. Успел как раз к перевозу, и даже береговая въездная таможня не смогла испортить моего хорошего настроения.

Хотя мытарь попался въедливый, всё порывался в сумки мои заглянуть. Пришлось шугануть – нечего к знатному боярину, от самого князя едущего, в сумки лезть. Мало ли чего подумать могут.

И вот, наконец, я дома. До самого конца волновался – всё ли цело, живы ли мои друзья и соратники. Успокоился только тогда, когда из-за поворота вынырнула исходящая дымом труба печи в нашем доме, радостно и звонко залаял Гром и помчался вперёд, а на крыльцо вышел Головня и, приставив руку козырьком ко лбу, обернулся и что-то крикнул во внутрь.

Подскакал к крыльцу, спрыгнул, повод перехватил кузнец, а из дома посыпались мои друзья.

Шикнув на всех, Головня степенно передал повод Елёню и, тяжело ступая, подошёл ко мне.

– Здравствуй, боярин Владимир Владиславович! Как съездил, всё ли в порядке? Может, в баньку желаешь, пока стол соберут? – Кланяется.

Шагнув вперёд, обхватил его за плечи:

– Как я по вам всем соскучился. Как вы тут без меня, всё ли хорошо?

– Работаем, дело продолжаем, запасы кирпича увеличиваем. Кузня работает. Всё хорошо!

Повернулся ко всем, радостно улыбнулся и поздоровался. А гостинцев-то я не привёз, олень толстокожий, прошила меня запоздалая мысль.

Так большой толпой и протиснулись в двери. Вокруг меня кипел водоворот, а я просто стоял и улыбался. Потом была баенка, ломившийся от разносолов стол, и моя любимая кровать и мой камин. Хорошо!

Утром собрались все за столом. Если вчера просто радовались моему возвращению, то сегодня нужно нарезать общие задачи и подготовиться к скорому отъезду. Да и Изяслава хорошо встретить надо и подобрать для его малой дружины комнату. Этим займётся Любава. Ребята будут под руководством Головни загружать фургоны кирпичом да печным железом.

Вот-вот должен десятник подъехать. Задерживается что-то.

Отослав народ заниматься делами, оставил Головню, и попросил быстро и коротко пересказать все новости, которые произошли в моё отсутствие. Новостей особых не было, приходили несколько кандидатов в подмастерья, родичи хотят пристроить своих чад на хозяйство, в помощь Любаве. Все ждут моего приезда. Ну и пусть ещё подождут – не до того пока. Пошли к Любаве, посоветовались о кормлении дружинников. Решили взять с них деньгами, а Любава будет готовить. Тут же пришлось перерешать по поводу помощников на кухне и по хозяйству. Подумали вместе и переложили на хрупкие женские плечи этот кадровый вопрос, пусть сама себе подбирает помощников и сама же за них отвечать будет.

А вот и наша боевая дружина показалась. Немного ошарашенный Изяслав спрыгнул с коня, отдал приказ спешиться своим подчиненным. Обнялся с Головнёй, кивнул подмастерьям, и подошёл ко мне:

– Когда ты рассказывал, сколько настроить успели, как-то не верилось. А сейчас смотрю и удивляюсь. За полтора месяца столько наворотить...

– А сколько ещё предстоит наворотить. – Улыбаюсь.

Обнялись с десятником, потом подошёл Мстиша и тоже радостно облапил меня. Давно не виделись.

Поздоровался с остальными дружинниками и пригласил всех в свои хоромы, благо стол с утра был накрыт. Посидели дружно и наговорились вволю. Потихоньку забрал Изяслава в свою комнату. Очень он удивился моему каминчику. Весь осмотрел, везде пощупал, только что не обнюхал. Обстоятельно обговорили задачи по охране, определили обязанности, договорились по кормёжке и размещению. Закончив наше совещание

(можно и так сказать), вышли во двор.

Фургоны стоят загруженные, осталось только нам собраться. Поторапливаемся со сборами и выезжаем, тянуть нельзя – не поймут меня в этом времени. Опять прощание, и мы двумя фургонами трогаемся на запад. Лошади запряжены парами, и то еле-еле тянут, груз очень тяжёлый получился. С другими колёсами завязли бы напрочь.

Нам везёт, и перевоз мы проскочили без очереди – видать, осенью торговля замирает, и народ меньше ездит. Так что перевозчики были очень рады и даже спросили, когда нас ждать обратно.

С одной стороны – это хорошо, появляются новые и нужные знакомства, а с другой – мне сейчас лишнее внимание ни к чему. Таможня тоже рукой махнула, мол, проезжай.

Как-то не так всё – вроде везде хорошо, а на душе маятно, тревожно. Отъехали с версту, и я не выдержал – остановился, спрыгнул, поводья передал Еленю.

– Надень броню, достань арбалеты, да заряди.

Подхватил меч да перевязь, подошёл ко второму фургону, где, услышав мои слова, засуетились с оружием.

– Сядьте пониже, арбалеты держите наготове, внимательно смотрите назад и вправо. От меня не отставать – держитесь чем ближе, тем лучше. В случае нападения я постараюсь прижать фургон к левой стороне – вы, если что, обходите меня справа. Брони не снимать, если кто полезет – стреляйте сразу, потом разберёмся. Из фургона не вылезать ни в коем случае, ясно? Кирпичи переложите. Пока стоим, сделайте себе укрытие от лучников. Тревожно мне что-то.

Елѐня уже облачился в свою броньку, арбалеты уложил по сторонам фургона, протянул мне мою куртку.

– Пока переодеваюсь, сооруди себе укрытие из кирпича, да сиди там. Если нападут – будешь заряжать.

– Заметил что, боярин?

– Ничего не заметил, а всё вокруг не так – царапает по сердцу. Смотри внимательно, наша сторона левая. Из фургона ни ногой, что бы не случилось. До вечера будем двигаться без остановок.

Уже привычно влез в свою кожанку, обшитую железом, проверил, на месте ли меч и метательные ножи. Вскрабкался на облучок, подумал секунду и пересел вглубь фургона. Обзор, конечно, немного хуже, зато можно стрелков не опасаться. Пристроил арбалет под правую руку. Елѐня за плечом сопит, болты раскладывает. Грома отправил за кирпичи к заднему борту, пусть там посидит. Разыгралась моя чуйка, которая

находится ниже спины – беду чувствует.

Тронулись потихоньку.

Вёрст пятнадцать проехали спокойно – Гром дремлет, народ потихоньку болтает, скрипят колёса, дрожит, прогреваясь, прозрачный воздух. Хорошо осенью, комаров и мух нет, ничто не докучает. Однако, дело идёт к вечеру, и пора нам подыскивать местечко для ночлега. Стоило только подумать о привале, как вдруг предупреждающе рыкнул Гром. Мгновенно оборвалась тихая болтовня в заднем фургоне. Недолго думая, потянул лошадей чуть влево и фургон начал тяжело и медленно поворачивать. Бросил вожжи и подхватил арбалет.

– Гром, лежать!

А сзади уже громкий, захлёбывающийся лай.

Началось! Чуть впереди, слева, из-за деревьев выметнулись трое конных и рванулись к моему фургону, размахивая мечами. Ударил по стойке тента стрела, задрожала яростно оперением. Тут же прилетела вторая – рванула куртку за левое плечо и развернула меня на нападающих. Смотреть, что с плечом, некогда, чуть доворачиваю арбалет и – болт входит в грудь первого всадника. Рядом щёлкает арбалет Елены – успеваю заметить, как валится на бок со своего коня второй разбойник. Третий ещё не успел осознать, что остался в одиночестве и почти успевает доскакать до нас. Почти... Взвожу и выстрелом в упор выбиваю его из седла. Настолько был уверен в поражении цели, что нажав на спуск, сразу же перенёс взгляд за нападавших – что-то там мельтешило, было какое-то движение. Ух, ё... За всадниками несётся вооружённая толпа. Елена переносит огонь на пещцев. Слышу за спиной щелчок спускаемой тетивы. Подхватываю вожжи и осаживаю лошадей, не отрывая взгляда от набегающих татей. Ещё щелчок тетивы. Мимо. Кони ржут и приседают на задние ноги, пытаясь погасить инерцию тяжёлого фургона. Наконец, останавливаемся. Быстро заряжаю и стреляю. Второй фургон проскакивает немного вперёд, чудом разъехавшись бортами. Высовываюсь за борт осмотреться, и рядом опять вонзается стрела, оцарапав щёку. Быстро подхватываю сумку с болтами и, перепрыгнув через противоположный борт, падаю за колесо. Взвожу арбалет и ищу стрелка. Вон он, гадёныш. Стоит у дерева и меня выцеливает, и, на горе себе, даже не прячется. Расстояние плёвое, даже целиться не надо – стреляю по силуэту, и он ломается в поясе. Подхватываюсь на ноги, перебегаю на левую сторону и бросаю нож в набегающего разбойника, уворачиваюсь от падающего на меня тела. Следом ещё двое с раззявленными в яростном крике ртами. Отпрыгиваю в сторону и, выхватив меч и ещё один нож, успеваю отбить в сторону сулицу,

и возвратным движением полосую по шее проскочившего вперёд татя. Второй широко размахивается – а я не успеваю развернуться. Горло сжимается в спазме страха, и лопатки уже ощущают жалящую сталь вражеского копья. Но вижу, как высунувшийся из фургона Елѣня разряжает свой арбалет мне за спину, и удар под коленки подкашивает мне ноги – по ним бьёт головой в падении последний, из подбежавшей тройки, разбойник. Успеваю ухватиться за борт, чтобы не завалиться на спину. Из второго фургона хлопает сдвоенный выстрел, и противники кончаются в прямом и переносном смысле. Оглядываюсь – хорошо постреляли. Подо мною, с болтом во рту, лежит застреленный Елѣнею разбойник. На опушке всё еще ворочается лучник. Один всадник лежит на земле – рука запуталась в поводьях. Другой упал на шею своей лошади и та стоит на месте, раздувая ноздри и нервно вздрагивая кожей от стекающей по ней крови хозяина. Третий, а вот и третий – лежит на дороге.

– Еленя, смотри по сторонам, вдруг ещё кто затаился. Жарко́, Стоя́н, наблюдать внимательно, стрелять сразу.

А сам, на подрагивающих ногах, со сведѣнными судорогой лопатками, еле-еле оторвался от такого надёжного борта своего фургона и пошёл с контролем. Мало ли...

Дойдя до лучника, наткнулся на бешеные водянистые глаза, затопленные болью. Стрелок потянулся за ножом, но я не стал рисковать и попытаться его обезоружить – выстрелил первым. Не до пленных мне, потряхивает конкретно.

Вернулся, дал команду Елѣню и Стоя́ну собрать трофеи, изловить лошадей, и, вообще, трофеи – это наше всё. Нашёл в фургоне корзину с приготовленными Любавой пирогами и кувшином с квасом, приложился к горлышку и отпил от души. Стало отпускать. В уши ворвался звонкий лай Грома, а я его даже не слышал в горячке боя. Успокоил собаку и разрешил ему, наконец-то, выпрыгнуть из фургона. Перенервничавший пѣс понёсся проверять место битвы и близлежащие кусты. Ну и хорошо – надо было раньше сообразить. Затупил.

Что интересно, почувствовал какое-то удовлетворение. Не зря чуйка меня беспокоила – вот оно, подтверждение.

Послал собаку проверить окрестности в глубине леса, но этот лентяй покрутил головой, и уселся передо мной. Мол, я уже проверил. Будем верить ему. Отломил кусок пирога и кинул Грому, заслужил. Отослал Жарко́ на помощь ребятам – пора заканчивать, темнеет уже. Тела оттащили подальше в лес и скинули в овражек – зверьё разберётся. Привязали пойманных лошадей, побросали трофеи в фургоны и поехали вперёд – пора

искать место для ночлега. Тут ночевать как-то не хочется. Довольно скоро нашли подходящее место рядом с ручьём. Здесь и остановимся. Две третьих пути пройдено, немного не доехали. Вспомнив лихие девяностые, фургоны поставил корма к корме, чтобы никто не залез. А сбоку нас не взять. Пока ребята распрягали лошадей, разводили костёр, собирали дрова и готовили ужин, я разобрал наши трофеи. Стоящий лук с полным тулом стрел, простенькие мечи и ножи из дрянного железа, одёжка, кожаные куртки с нашитыми костяными бляхами. А вот всадники порадовали немного. У каждого короткая кольчуга поверх такой же куртки, полуторные мечи и короткие копья. Чего с мечами полезли? Почему не метали копья? Нет, нам-то как раз хорошо, что не метали, повезло. Три окованных круглых щита, уже знакомая мне пародия на железные шлемы и кожаные наручи с наколенниками. Собрали немного серебра и меди, даже попался один затёртый золотой дирхем. В перемётных сумках, кроме подсохшего хлеба и вяленого мяса – ничего. Пара холстин и всё.

Отвезём потом трофеи домой, там разберёмся, что куда. Нам всё пригодится. А пока железо аккуратно завернули в куртки и уложили вдоль борта.

Подошла каша, в которую добавили трофейного мяса. Стоян протянул мне большую миску.

Заедали Любавиными пирогами. Подождав, пока собачья пайка остынет, вывалил ему на лопух. Хотя, с тем же успехом можно было и просто на землю вывалить, всё равно она сразу же там и оказалась. Залез на уже, ставшее привычным, своё спальное место и сразу же уснул. Караул выставять не стал – понадеялся на Грома. Да и не может быть столько шаек в округе.

Ночь прошла спокойно – никаких кошмаров и дёрганий, только, периодически просыпаясь, слышал то громкий хруст овса в торбах жующих лошадей, то их же шумные вздохи, и просто размеренную мирную жизнь ночного леса. Под ровный перекатывающийся шорох ветвей опять проваливался в густой, но сторожкий сон.

На удивление – выспался отлично и даже бока не отлежал. Еле-еле выгнав Грома из фургона, выпрыгнул следом сам, и, отойдя подальше, справил все свои потребности. Зябко поёживаясь, подошёл к разгорающемуся костру, разведённому ребятами, погрел руки и погнал всех на разминку волевым приказом.

Минут через двадцать, закончив пыхтеть и согревшись, умылись и, скоренько вскипятив воду и попив заваренного душистого травяного сбора, доев Любавины пироги, уже дружно заскрипели колёсами. Если всё дальше

пойдёт без эксцессов, то часа через три, четыре будем на месте.

Пока добирались, с любопытством смотрел по сторонам. Огромное количество грибов, ягод – обязательно надо на следующий год засолить и засушить побольше. Сейчас-то уже поздно, начинающиеся под утро заморозки берут своё. А интересно, какая тут может быть зимняя рыбалка? Вот приеду, обязательно Головню заставлю сделать себе блёсен. Этой зимой нам, кроме оружия и рисования схем и чертежей будущих сооружений да придумок, заняться будет нечем. Кроме воинской подготовки, конечно. Так что для рыбалки время должно будет найтись. А вот с весны начнём бурную жизнь. Людей бы нам ...

Глава 8. Тяжёлый разговор

Так, за размышлениями о том, о сём, вспоминая свой далекий дом и семью, докатились до посадских ворот. Пройдя положенный досмотр и заплатив въездную пошлину с каждого фургона, двинулись прямо к Детинцу. Даже не стал спорить со стражниками, пытаюсь объяснить им, что это груз для князя, и он мытом не облагается. Заплатили и проехали. Зато быстро. У ворот детинца пришлось задержаться. Вяло переговариваясь с дружинниками, дождались прибежавшего с разрешением на въезд начальника караула, и поскрипели колёсами дальше к крыльцу.

Наказав своим ребятам оставаться на местах, прошёл в терем и поднялся на второй поверх к княжеским хоромам. Тут меня перехватил Горивой. Что интересно, сейчас меня встретил абсолютно другой человек. Дружески поздоровался и, приобняв за плечи, мягко увлёк к дверям кабинета. Махнув рукой на требование охраны оставить оружие, потащил было меня дальше, но тут уже упёрся я, и, быстро отстегнув меч и перевязь с ножами, передал их ближайшему дружиннику.

– Раз положено, значит, надо делать. – Пробормотал я и наткнулся на одобрителный взгляд безопасника.

Ну и что это было – возросшее доверие или очередная проверка на лояльность?

По уже появившейся у меня привычке пригнул голову, перешагивая порог, и, пройдя несколько мелких шагов, остановился. Поклонился князю.

– Что так споро вернулся – хвалю. Расскажешь потом обо всём. Давай о деле. Что сразу делать станешь и что для этого тебе нужно?

– Холопов человек пять разгрузить и перенести кирпич да железо с инструментом. Потом пусть носят камень да глину. Мои мастера дальше покажут им, что делать. Разгрузимся – пообедаем бы нам, и начнём сразу же кладку. Холодает – надо торопиться.

– Распорядись. – Трувор кивнул Горивую. – После сразу же назад. Если что ещё понадобится – без промедления сделать. И лучше сам побудь с ними хотя бы первые дни, пока наши не привыкнут.

Коротко поклонившись, ближник сразу же вышел.

– Если кто будет надоедать – не стесняйся, сразу же говори Горивую или мне. Все уже предупреждены не мешать стройке, но мало ли отвлекать начнут, да вопросы задавать. Спросить что хочешь? Нет? Тогда ступай, вечером поговорим. Некогда мне совсем.

Поклонился князю и вышел, забрал у дружинника своё железо, спустился вниз. Ещё с лестницы услышал, как возле фургонов Горивой ругается на Елѣню.

– Не слушают меня – твоей команды ждут, молодцы́. – Завидев меня, разулыбался. – Холопов привели, распоряжайся. Я вернусь и рядом буду. Интересно же.

Махнул рукой, собирая своих ребят. Опережая Елѣню, из фургона выпрыгнул Гром, мотнул башкой, разбрасывая слюни, огляделся внимательно, заставив отшатнуться холопов. Только Горивой остался на месте, закаменев телом.

Собакин повертел головой, ещё раз осмотрелся вокруг и, втянув воздух, потрусил за угол. На вопросительный взгляд безопасника я ответил:

– Если его никто трогать не будет, то и он никого первым не тронет.

– Посмотрим. – Крутанул шеей Горивой.

Поставив всех на разгрузку, вместе со Стояном и Горивоем прошли к сараю, где были припасены глина да песок. Осмотрев замоченную глину, просеял в руке горсть песка.

– Стоян, ты тут остаёшься старшим. Берёшь двух холопов, сам будешь делать кладочный раствор, а их поставишь на переноску. Работай.

Пока мы ходили, фургон ребят уже разгрузили и принялись за мой.

– А это у тебя что? – Заметил свѣртки Горивой.

– Вчера вечером напали на нас. Отбились мы, да трофеев набрали.

– Где, кто? – Подобрался безопасник. – Пошли-ка, отойдѣм в сторону.

– Под самый вечер уже, две трети пути проехали и место для ночѣвки подыскивали. Трое конных в кольчугах, да семь пеших в обычных куртках. Сам можешь глянуть, сейчас развернѣм. Всех положили из арбалетов, одного ножом снял, другого мечом зарубил. Да, ещё лук интересный был.

– Десять получается, а на вас ни царапины. Это как?

– Как выехали, дал своим приказ надеть брѣни да вооружиться, и быть наготове. О засаде Гром упредил. Они даже не успели добежать до нас. Сначала выбили всадников, потом пеших.

– Покажи трофеи. Допросить никого не успел?

– Некого было допрашивать, стреляли почти в упор, болт арбалета через кольчугу почти насквозь тело прошивает.

– И не дружинники вы совсем. – Задумчиво протянул Горивой. – Не видел бы сам твою стрельбу, ни за что не поверил бы. Пошли уже. Гляну на трофеи, да князю доложить надо. Итак задержался. Тела куда дел?

– В овраг оттащили недалеко от дороги.

– Может, целы ещё. Щѣку там ободрал?

– Да.

Осмотрев оружие и покопавшись в одежде, кивнул своим мыслям, и взбежал на крыльцо. Минут через десять вернулся и подозвал проходившего мимо дружинника. Что-то быстро ему приказал и тот сорвался бегом. Подошёл ко мне.

– Князь приказал осмотреть место нападения. Собирайся. Покажешь, где бились. Надо постараться выяснить, кто напал.

О как. Чего-то такого я и ожидал. Озадачиваю Елѣню самостоятельной работой по укладке фундамента, Жарко́ поручаю руководить холопами и подносить камень и кирпич.

Коня мне дадут, уже легче – седлать не надо. Снова надеваю броньку, подхватываю арбалет и сумку с болтами. Куда Гром подевался? Опять, зараза такая, пошёл трактирщика раскулачивать?

Предупреждаю Горивоя о своём малом опыте наездника, получаю в ответ удивлённый взгляд. А что? Я верхом больше шагом и трусцой привык, мне спешить особо некуда было. Да и ладно, это потом, мне б сейчас Грома найти. Свищу, и, наконец, прибегают эта зараза, распугивая всех вокруг.

– Со мной рядом держись, будем под тебя подстраиваться. – Проговорил Горивой и, дав отмашку рукой десятку воинов сопровождения, тронул коня.

А ничего так – я думал, будет хуже. Добрались до места вчерашнего сражения часа через два. Пока Горивой с дружинниками восстанавливали для себя картину боя, да ворочали тела в овраге, я с Громом прошёл по следам разбойников. Если у дороги было место засады, то где-то не очень далеко и лагерь должен быть. Догадка подтвердилась, и шагов через пятьсот, в небольшой ложбинке, Гром нашёл стоянку лесных братьев. Подходить ближе не стал, а вернулся за Горивоем. Ему нужнее – вдруг найдёт что-то полезное. И точно, обшарив шалаши, тот вернулся довольный, как кот, объевшийся сметаны. Вывалил рядом со мной пару каких-то мешков и присел на них.

– Везет тебе. Мягкой рухляди нашёл вон сколько. Успели кого-то пограбить до тебя – мои дружинники кошель с серебром под подстилкой откопали.

– Выяснили хоть, кто это был?

– Выяснил, наши это – местный сброд. А мы уж думали, опять летты полезли. Возвращаемся в крепость, князя успокоим.

После возвращения Горивой распорядился обиходить коней, а сам поспешил с докладом к Трувору.

Я же переоделся, и побрёл контролировать рабочий процесс. Устал сильно от такой скачки. Но хорошо хоть выдержал и никого не подвёл – правда, ноги теперь колесом.

Молодцы мои ребята – дело идёт полным ходом, и уже почти выведено основание над полом. Сегодня закончат, и можно будет собирать пространственный каркас будущего чуда моей инженерной мысли.

– Владимир, князь зовёт – поднимись. – Перевесился через перила лестницы Горивой.

Быстрым шагом, наплевав на ноющие бёдра и колени, поднялся на поверх и прошёл в раскрытую дверь.

– Подойди. Почему сразу не сказал о нападении?

– Тати напали. Думал, зачем князя отвлекать ерундой. Да и побили мы их всех, а сами без царапины. Приехали и закрутились в делах сразу.

– На моей земле напали. Обязан был сразу же доложить, не откладывая. А что побили всех разбойников – молодец, хвалю. Опять же, лагерь сам сообразил искать. Нашёл, но не полез в одиночку – Горивоя кликнул. Вдвойне молодец. Но в следующий раз сразу докладывай. Заберёшь рухлядь да серебро, что в лагере взяли. Это твоё по Правде. Как работа движется?

– Благодарствую, княже. В следующий раз обязательно доложу. Работа идёт по плану – к закату закончим основание, завтра – подготовка, послезавтра начнём саму печь класть.

– Хорошо, ступай.

Внизу присел на лавку. Понаблюдав за тем, как работает Еленя – порадовался его возросшему мастерству. Пускай опыта набирается. На вопросительный взгляд махнул успокаивающе рукой. Завтра соберём каркас, а послезавтра всех поставлю на кладку. Кирпич весь перенесли к месту работы, хорошо. Кстати, камня хватит носить, надо Жарко́ остановить, пусть сюда подойдёт. Озадачиваю холопа, и вскоре прибегает мой подмастерье.

– Помогите Елѐню. Докладывайте площадку, лишний камень потом уберёте, наведёте порядок.

Кивнув головой, Жарко́ подключился к работе, а я, завидев спускающегося по лестнице Горивоя, поспешил подняться на ноги. Надо вежество показать, да и понравилось мне, как себя безопасник сегодня вёл. Совсем другим человеком передо мною предстал, однако расслабляться мне пока нельзя.

Кивнув мне головой, Горивой подошёл к дверям, приоткрыл створку и выглянул на двор. До меня донёсся короткий неразборчивый разговор.

Постоял немного в дверях, вернулся и уселся рядом со мной. Помолчал.

– Доволен тобою Трувор. Да и мне ты сегодня молодцом показался – посмотрел я на следы боя. Грамотно действовали. Не думал, что арбалет твой такая полезная вещь, поначалу мнилось – блажь какая-то. А вы, не вылезая из фургонов, всех и положили.

– Мне пришлось вылезти повоевать. За лошадей испугался, когда лучник стрелять начал.

– Побили ведь всех и ладно. А ты правильные для себя выводы сам сделаешь. Ещё скажу. Смотрю, многих вещей не знаешь, мечом владеешь, не сказать чтобы хорошо, но и не так уж плохо. Кто учил-то, кстати?

– Мстиша учил, дружинник Изяслава, когда в Опочке были.

– Мало учил, надо к тебе наставника хорошего приставить. Станешь учиться?

– Стану! – Твёрдо ответил я, припомнив ледяной холод между лопаток.

– Ну и хорошо, заодно поучат тебя с конём управляться. Почему не умеешь? Не подумай плохого, не выпытываю – просто знать надо.

– Я на лошади только в детстве один раз прокатился, да и упал тогда сильно, вот родители и не подпускали меня к ним. А когда подрос, сделали мне коляску, вот на ней везде и ездил, куда надо было.

– Что это, коляска? – Удивился Горивой.

– Вроде телеги, только меньше раза в два, сиденья мягкие – по ямам едешь, даже не чувствуешь их.

– Я приказал баню натопить. Сходим, попаримся, легче тебе станет. – Переключился на другую тему Горивой. – Пошли, перекусим немного, проголодался я что-то.

– погоди, мои ребята скоро заканчивают, надо распорядиться, куда холопов деть, завтра они не нужны будут. Моих ужином накормить бы надо и спать отправить – намаялись они сильно.

– Хорошо. – Поманил Горивой дружинника и распорядился. – Работать закончат – мастеров накормить и определить на постой в воинской избе. Холопов завтра не надо присылать. Лошадей от крыльца убрать в конюшню, корма задать, напоить. Фургоны перегоните. Собаке мяса кинь. Да ты и сам всё знаешь. Но лично за всем проследишь. Понял?

– Всё сделаю. – Кивнул воин.

Уточнил у парней, слышали ли? И, получив утвердительный ответ, наказал не забыть о Стояне.

Закряхтев, поднялся с лавки под ехидный смешок Горивоя, и, с натугой передвигая ноги, поплёлся за ним.

Зашли в общую воинскую трапезную, где нам мгновенно принесли по

огромной миске каши, хлеб и сбитень. Пока не увидел миску с кашей, мыслей о еде совсем не возникало, а тут сразу же рот наполнился слюной, а руки сами потянулись за хлебом и ложкой.

Умыв за один присест свою пайку, довольно зажмурился:

– Добавки бы.

– Потерпи, вечером князь к себе пригласил – победу твою отметим в малом кругу. Доел? Вставай, пошли в баню.

Решив не задавать лишних вопросов, промолчал. Что за малый круг? Скажут, если надо будет или сам увижу.

Провожаемый Громом, доплёлся до баньки.

Зато напарился от души. Повалялся на горячем полке, чувствуя, как из меня вместе с потом вытекает по капле вся, накопленная за последние дни, боль. Когда выходили из бани, распаренные, умиротворённые не одним литром кваса, Горивой приостановился перед порогом и развернулся ко мне:

– Ответь мне, если сможешь. Вот тело у тебя чистое, железом не битое – значит, не воин ты. А ухватки – воинские, соображаешь ты, как опытный дружинник не всегда сообразит. Знаешь и умеешь много, чёрной работы не гнушаешься. Вроде и боярин, да бояре руками так, как ты – не работают. Стреляешь неплохо, но только из своего арбалета, а из лука – не можешь. Мечом владеешь слабо, хотя ножи бросаешь метко. Опять же, на коне далеко не мастер. И как только сам туда и обратно проехал – удивляюсь. Никак не могу понять, откуда ты на нашу голову свалился, ну не видел я раньше таких, как ты.

Почесал я затылок – что тут ответить? Правде ведь никто не поверит, а отвечать-то надо.

– Горивой, я и сам удивляюсь многим вещам, что со мной происходят. Поехал сюда первый раз из Плескова на коне – думал, буду дня два-три добираться, а получилось, что добрался за один. Домой, обратно, ещё быстрее доскакал. И ничего не болело, правда, и ехал гораздо тише, чем мы сегодня, да и останавливался часто. Воинскую науку я изучал совсем другую, и оружие я учил не такое, как у вас. Расскажу как-нибудь. – Остановил дёрнувшегося было задать вопрос безопасника.

– Есть что-то общее из оружия – ножи, например. Вот потому и получается у меня то хорошо, что умею. А мечом владеть меня Мстиша начал натаскивать. Знаний у меня много? Так я всю жизнь учился. Умею ещё больше, и задумок у меня очень много. Лишь бы всё получилось, а то холопов не хватает задуманное сделать. Если есть у тебя мысли, что я сюда лазутчиком послан, то это не верно. Просто так получилось, что забросила

меня судьба именно в эти земли. Вот и выходит, что надо мне теперь здесь жизнь налаживать. Один я тут остался, никого за спиной на этой земле у меня нет. Хотя, неправду сказал. Есть кузнец – друг мой и товарищ Головня. Так что уже не один я. Ребята мои есть, что поверили мне и пошли за мной в надежде научиться новому делу. Опять втройне не один получаюсь. Собака вот надёжная есть. Что ещё сказать? Спрашивай.

– Задал ты мне работы для моей головы, думал сначала – не наш ты, подсыл засланный. Потом понял, что ошибаюсь я, но всё равно многое с тобой не вяжется. Вот стало немного понятнее, а вопросов ещё больше появилось. Одно вижу и чувствую, что зло ты не умышляешь князю нашему. Опять же польза от тебя, пока, несомненная есть. Буду смотреть за тобой, понял? А пока – нравятся мне дела твои.

– Горивой, врагов у князя нашего очень много, и не все они за границами земли его. Знай только, что я на его стороне и менять эту сторону не буду. – Подумал и решился сказать. Начинать же когда-то надо.

Вскинулся безопасник, дёрнулся вопрос задать. Но тут уж я опередил:

– Рано пока ещё говорить об этом. Сам пока точно ничего не знаю, на свежий взгляд померещилось что-то, но явной опасности никакой нет.

А на дыбу – и всё рассказать, не желаешь? – Нахмурился Горивой.

– Да что ты чуть что – так сразу на дыбу? Ну, давай на дыбу, коли не терпится, но сразу тебе скажу – толку от этого будет мало. Это только мои догадки. А догадки к делу не пришьёшь, меня же можешь из своих друзей сразу вычёркивать.

– В какую сторону смотреть, можешь сказать? – Задумался безопасник.

– В сторону Новгорода. Оттуда беда идёт.

– Ты что? Головой ударился или перепарился? Там же брат князя Рюрик сидит. – Вскинулся Горивой.

– Ты ещё громче шуми, не всем слышно. – Остановил праведное негодование.

Оглянулся быстро Горивой, мелким шажком подскочил ближе, и, придвинув своё лицо к моему, зашипел:

– На брата князя нашего рот свой открыть поганый решился? Смуту посеять хочешь, крови общей жаждешь? Я ж тебя сам здесь и удавлю, как кутёнка.

Выскочил из-под лавки Гром, опрокинув её с грохотом, зарычал горлом, встопорщив шерсть дыбом и задрав хвост. Положил руку ему на голову, погладил, успокаивая:

– Тише, спокойно. – И продолжил, уже Горивою:

– Ты спросил – я ответил. Мог бы и промолчать, работу свою доделать,

да и уехать спокойно. Ничего бы тебе и не говорил. Да вот решил сомнениями своими поделиться, а ты, вместо того чтобы голову включить, да мозгами начать шевелить, решил кулаками помахать. Молодец какой.

Постоял Горивой, глядя на меня бешеными глазами, покатав желваки на скулах. Глянул на собаку. Посмотрел на остановившихся перед входом дружинников. Отвернулся, шагнул вперёд и переступил порог. Раздражённо оглянулся:

– Что стоишь? Пошли уж.

И захлопнул за мной дверь.

Сохраняя напряжённое молчание, привёл меня в свой «кабинет»:

– Заходи, чего ждёшь!

– Что ж не зайти, когда вежливо приглашают. – Усмехнулся я. Страшновато, конечно, поджилки подрагивают, но и отступить нельзя. Может, именно в этом и есть смысл моего попадания.

Закрыв дверь, безопасник грузно опустился напротив меня на лавку и, глядя в глаза, выдохнул:

– Рассказывай...

Вот кто меня за язык тянул, что я ему могу рассказать – догадки свои? Точных данных нет, историю уже столько раз переписали, потом стёрли добела, и заново раз сто написали. А говорить как-то надо, сказал А – говори Б. Ладно, будем вершить свою историю...

– Рассказывал тебе Изяслав, как сон мне приснился, будто я уже был в Изборском городище, и всё тут видел? Про ключи говорил ли?

– Был такой разговор. – Настороженно кивнул Горивой.

– Когда я сюда выехал – в ночь сон мне снился, что напали на нас и побить хотели. Вот потому-то мы и готовы были к нападению и отбились без потерь. Да и много раз такое со мной было. В Опочке перед боем так же сон видел, поэтому и засаду грамотно сделали. Как во сне увидел – так и вышло. Сны мне сниться стали после того, как напали на меня и сильно голову повредили, шрамы видишь на голове? Так-то вот...

– Погоди-ка, ты хочешь сказать, что тебе во сне всё видно, что завтра будет?

– Да не хочу, а уже сказал. – Поморщился я. – Правда, это не всегда бывает, только изредка. Случается, что ошибаюсь, и ничего не происходит. Но, в таком случае, всё равно лучше лишний раз броньку надеть, да меч приготовить, чем потом по глупости да лени ворон в поле кормить.

Покрутил Горивой головой, потёр жилистую шею, крякнул задумчиво:

– Дальше говори...

– Ещё, в Опочке, сон мне приснился, как будто в Великом Новгороде

есть такой посадник – Гостомысл. Остался он без сыновей, только с дочками. И приснилось ему, что если призовут на княжение сыновей дочки Умилы, то потомки его будут всей землей править.

– И что здесь плохого? – Не выдержал и перебил безопасник.

– А плохое здесь то, что через год решат они прибрать все земли под свою руку, а Синеус и Трувор им в этом помехой станут. Смекаешь? Потом примут веру христианскую. И откажутся от наших светлых богов. Гореть в огне будут столбы Перуновы да Велесовы, капища – все разорят. Под Византию станут.

Отшатнулся от меня Горивой, посмотрел, как на сумасшедшего.

– Ты... Да ты... Да... Кхм. – Закашлялся с надрывом.

– Вот потому и говорить не хотел, что сон это. А ты, сразу – на дыбу, в поруб.

Резко проглотив кашель, выпрямился Глава местной безопасности, посмотрел на меня с каким-то недоумением.

– Как сон, ты что творишь-то?

– А так. Сон и сон – понимай, как хочешь. – Ответил ему прямым взглядом.

Поиграли в гляделки, потыкали друг в друга глазами. Отвёл взгляд Горивой:

– Через год, говоришь?

Ай да молодец, самое главное уцепил!

– Весной Рюрика на стол Новгородский посадили? Весной. Вот и прибавь два года. А будет или нет – одним богам ведомо. Такой вот сон.

– Ты сам-то понимаешь, что ты мне рассказал?

– Ещё раз тебе повторю. Ты спросил – я ответил.

– А ты понимаешь ли, что теперь тебе никуда от меня не деться? Ты понимаешь, что я за тобой теперь присматривать буду? Понимаешь ли ты, что ... эх. – Махнул рукой расстроенный боярин.

Ну ещё бы, любой на его месте удивился б сильно. Да и расстроился, пожалуй. Вся жизнь, в случае чего, полетит под откос.

– Никому ни слова. – Поднялся Горивой. – Пошли, князь уже ждёт.

А молодец всё-таки он, не стал пугать. Мол, зарежу, если что, в поруб кину, и ещё кучу милых прелестей, существующих в Древней Руси. Посмотрим, что дальше будет.

За столом у князя хорошо наелся, благо вкусностей разных было хоть отбавляй. Посадили меня с самого края, так что никто меня не дёргал разговорами, и я просто отводил душу, набивая живот деликатесами. Интересная у меня взаимосвязь получилась – души и живота. Вспоминал

прошедший разговор – не рано ли я его затеял? Нет, не рано, в самый раз. Момент больно подходящий был. На хмельные напитки постарался не налегать, попивал так понравившийся мне сбитень. Что интересно, сколько сбитня не перепробовал в своём мире, а такого вкусного не пил. Ещё с удовольствием поглядывал по сторонам – интересно было наблюдать за тем, кто как себя ведёт, и как на это реагирует князь. Только старался наблюдать незаметно, а то мало ли тут таких же глазастых...

Посидев ещё немного, поймал взгляд Трувора, и знаками попросил разрешения удалиться. Получив разрешающий кивок, тихонько испарился из-за стола. Спать пора.

На следующий день натягивали верёвки по отвёсу – снимали и перетягивали, чтобы получилось в итоге то, что нам хочется. Разметив, таким образом, все углы, выложил символический первый ряд – начало положено. Оставив ребят продолжать работу, вышел на улицу и решил сходить в харчевню, проверить кое-какие свои предположения. Но в воротах был остановлен и отправлен обратно. Приплыли. Возвращаясь назад, передумал тысячу планов побега, вывалил на свою дурную голову целую гору помоев – вот кто меня за язык дёргал?

А с другой стороны – зачем-то я сюда попал? Не только же для того, чтобы печки класть? Должна же быть какая-то высшая цель. Может, она и заключается именно в спасении Трувора?

Так, ругая и утешая самого себя, вернулся назад. Делай, что должно, а там – куда кривая выведет, переиначил я известную поговорку.

После обеда продолжили кладку, выложили шесть рядков и решили на этом сегодня остановиться. Надо подготовиться к завтрашнему дню, и тихонько переговорить с ребятами.

Во дворе, вытаскивая печное железо из фургона, быстро сказал своим подмастерьям:

– Если со мной что случится – возвращайтесь назад, старшим остаётся Головня. Во всём слушать его. Собаку берегите.

И отрицательно качнул головой, увидев вопросы в глазах парней. Потом.

Остаток вечера, до отбоя, просидели в избе, разговаривая на отвлечённые темы. Ребята молодцы, сразу поняли обстановку и старались лишнего не говорить. Рядом всё время крутились дружинники, специально или нет, так и не понял. Горивоя тоже не видел целый день. Интересно...

Долго не мог заснуть. Вопрос, что делать, если завтра меня решат изолировать, или придумают что-то более кардинальное, долбил мою больную голову, несмотря на все попытки как-то успокоить себя любимого.

В конце концов, удалось уговорить себя не дёргаться – шансов в чужом доме, среди профессиональных бойцов, у меня ноль. Даже удрать, и то не смогу – наверняка пасут.

И как только уговорил, так сразу и провалился в глубокий сон. Что снилось – не помню, осталось только ощущение чего-то светлого и доброго. Зато проснулся бодрым и полным сил.

Позавтракал – уже легче, пошли поднимать кладку. Холопов нет, но и запас глины пока есть. До обеда ударно трудились, ребята косились, но молчали. Все разговоры вели только о работе, по молчаливой договорённости. А вот после обеда появился Горивой и предложил подняться к Трувору. Проснулись...

Пока поднимался к князю, присмотрелся к боярину – вид у него не ахти, прижало, видать, сильно. Осунувшееся лицо, круги под глазами, да и весь какой-то пришибленный. Эка вы распереживались. Хотя всё верно, если князя уберут, то и Горивой пойдёт за ним, за компанию, однозначно.

Прошёл в двери, поклонился, жду вопросов. Князюшка тоже, похоже, переживал весь день и всю ночь. Вид у него – краше в гроб кладут. А как иначе, если вдруг узнаёшь, что тебя и впрямь скоро туда уложат, поневоле будешь волноваться, переживать, и про сон забудешь...

Наверное, минуточку смотрел на меня молча Трувор. Выдержал я его взгляд, совесть-то у меня чиста, в таком деле лучше перебдеть.

– Повтори мне то, о чём Горивой говорил. – Тихим и жёстким голосом приказал князь.

Внимательно посмотрел на Трувора, потом перевёл взгляд на боярина и затем задержал его на двери. Горивой понял и, выглянув за дверь, отправил дружинников на лестницу.

– Может, лучше Грома перед дверью посадить? Надёжнее будет. – Посоветовал я.

– Зови. – Переглянулись между собой.

Вышел на улицу, высвистел свою собаку и, дождавшись, когда мой верный друг радостно примчится на зов, повёл его за собой. Оставив зверюгу на страже, закрыл дверь и прошёл к столу.

– Сон я видел. – Без предисловий начал рассказывать. – Призвали на Русь Рюрика, навести порядок в землях русских. Приехал Рюрик, а с собой взял на помощь братьев своих, и посадил одного в Белоозере, а другого – в Изборске. Через два года, может чуть больше, а может и меньше, сгинули от неизвестной болезни братья его, а Рюрик же земли братьев под свою руку взял и основал династию Рюриковичей. От его брака с Ефандой, дочкой конунга, родился сын Игорь. Вырос Игорь, и взял в жены Ольгу,

псковичку. Родился у них сын Святослав, воином стал великим, но все помыслы его были направлены только на дела воинские, а государственные – забросил. После него остались три сына, после братской резни остался только один, вот он и крестил всю Русь. Сожгли капища, с корнем выдрали веру русскую, стали Христу кланяться, пустили на землю нашу монахов византийских. Были русские люди свободными, а стали рабами божьими. Вот такой сон мне приснился...

– После нас что осталось? – Положил тяжёлые кулаки на стол Трувор.

– Только городище Труворово, да крест каменный, и то под вопросом. А многие даже и не знают, что были такие князья. Ни могил, ни наследников, ни памяти – ничего не осталось.

Тяжело переступил за моей спиной с ноги на ногу Горивой.

– Если уж князей забыли, то про вас вообще не помнят. – Повернул голову и ответил на его невысказанный вопрос.

– Сон у тебя... какой-то обстоятельный, последовательный. С именами даже. А ну как придумал? – Вскинул голову Трувор.

Пожал я плечами – что тут скажешь.

Долго сидел князь – думал, молчал. Наконец, вздохнул тяжко, повернулся к Горивою:

– Надо к Синеусу ехать. Распорядись на завтра – пойдём на лошадях до Новгорода, там лодию возьмём. О разговоре – никому ни слова.

И уже мне:

– Ты со мной поедешь. Расскажешь брату.

Склонил голову, кивнул, а что ещё мне остаётся. Впрочем, зачем себя обманывать – я так и думал, что придётся ехать.

Горивой вышел, а меня князь придержал жёстом.

– Понимаешь, во что влез?

– Понимаю, потому и влез.

– Ишь ты. – Вздохнул Трувор. Ещё раз вздохнул глубоко и выдохнул:

– Твои мастера пусть продолжают без тебя. Передай – спрошу строго, ежели что.

Кивнул, поклонился, забрал собаку и потопал вниз.

Поймал три вопросительных взгляда, кивнул успокаивающе, выпустил Громчика гулять и вернулся к своим ребятам.

– Завтра уеду с князем. Надолго. Остаётесь одни – всё делаете так, как обговаривали. Если надо будет что-то изменить, то только в лучшую сторону. Думаю, об ответственности вам повторять не нужно?

Дождавшись утвердительного ответа от каждого, продолжил:

– По окончании работ просушите, протопите, и, если всё будет

хорошо, можете возвращаться домой. Камин наверху тоже протопите, и проверьте, как плотники крышу заделают вокруг трубы. А то потечёт вода вовнутрь, останемся виноватыми. Ну да вы и так всё знаете. Вопросы есть? Вопросов нет. – Отрезал я, готовые сорваться с языков у ребят, лишние сейчас расспросы.

– Трофеи отвезёте домой, пусть Головня сам решит, что и куда определить. – Подумал и решил добавить. – Князь собрался братьев проводить, да заодно и работой нашей, в Опочке проделанной, похвастать – вот потому и меня с собой берёт. Заодно поговорим с корабелями в Новгороде и Ладоге, может, парусного полотна прикупим.

Придавил взглядом, вроде поняли и прониклись. Кивнул головой и пошёл собирать свои вещи.

Завтра начнутся мои страдания – верхом до Новгорода. Это же я себе всё сотру до самого копчика. Можно бы и в фургоне неплохо прокатиться, да на обратном пути запросто снег ляжет. А фургон не бросишь. На полозья его сразу не поставишь, мудрить надо. Что-то меня опять куда-то занесло не туда. Не один ведь еду. Уложил седельные сумки, добрёл до ворот и на этот раз спокойно в них прошёл. Закупил в харчевне побольше копчёного да вяленого мяса, рыбки. Взял пару больших лепёшек.

Вроде готов, да и всё равно поедем через Плесков. Может, удастся домой заскочить, тогда ещё пирогов наберу. Проверил ножи, арбалет и бронь. Положил всё своё запасное бельё. Теперь-то готов? Если чего не хватит, у Любавы возьму. Котелок забыл и ложку с миской. Кружку ещё. Теперь точно, всё!

Глава 9. Знакомство с Синеусом. Волхвы и боги. Варяги идут

Рано утром разбудили меня завтракать. Обстоятельно перекусив, вышли во двор и сразу же окунулись в суету сборов. Подвели коней. Место мне Горивой определил рядом с собой, почти во главе колонны. Посмотрел, посчитал – двенадцать дружинников вместе со знаменосцем, да князь с Горивоем, ну и я, с собакой. Интересно будет посмотреть, как тут князя путешествуют. Тронулись.

Пару раз останавливались на привал. Спешивались и давали отдохнуть лошадям, заодно и сами разминались. До Плескова долетели очень быстро. Увидев княжий прапор, таможня куда-то испарилась, и через Великую нас перевезли с фантастической скоростью. Наверное, чтобы поскорее избавиться. Рысью проскочили до Детинца, чуть не снесли медленно и с пронзительным скрипом открывающиеся ворота, и спешили у двора посадника. Дождавшись, когда на крыльцо выскочит перепуганный боярин с женой, князь отпил из поднесённого ковша, приказал разместить своих людей и повернулся ко мне:

– Пригласишь в гости?

– Пустое спрашиваешь, княже. Ты хозяин здесь. Поехали, покажу дорогу. – Поклонился я, заметив при этом, как перекорёжило посадника. Мне ещё и тут проблем не хватало.

Кивнув приглашающе Горивую, Трувор вскочил на коня и поехал рядом со мной. Следом безопасник с дружинником.

Встретили нас так же, как и в прошлый раз, когда я из Изборска вернулся. Сначала Гром всех оповестил своим лаем, потом Головня выскочил на крыльцо, за ним степенно вышел Изяслав. Как бы давая им время подготовиться к встрече, Трувор поехал шагом, с интересом осматривая наши новостройки.

– Говоришь, за месяц с небольшим всё поставили? – Повернулся ко мне.

– Торопились быстрее сделать. Жаль, холопов нет, так бы больше сделали.

– Это у тебя что? Баня? А верфь где ставить хочешь? – Заинтересовался.

Отвечать ничего не стал, так как уже подъехали к крыльцу, где нас с

поклонами встречали Любава и Головня. Сзади стоял Изяслав со своими бойцами. А караула-то не было на подходе, расслабился десятник.

Хорошо, хоть меня мои не опозорили, поднесли полный ковш чего-то князю и тот выпил до дна. Со всеми поздоровался, отмахнулся от что-то докладывающего Изяслава, повернулся ко мне:

– Показывай свои хоромы. Да баньку распорядись натопить.

Оставив бойцам Изяслава рассёдлывать и обихаживать наших коней, Трувор отправил назад своего дружинника с наказом – завтра утром всем быть тут.

А я выступил в роли хлебосольного хозяина. Пока Любава суетилась на кухне, устроил экскурсию по дому. Головня побежал заниматься баней и таскать воду, взяв в помощь одного из Изяславовых бойцов.

Всё-таки наша хозяйка умница! За такое короткое время успела накрыть хороший стол. У князя, конечно, он был богаче, но и у Любавы не хуже, блюд только меньше и посуда попроще. Поблагодарив за ужин, проводил Трувора в баню. Если и меня пригласят с князем париться, значит, дела мои всё-таки неплохи. Конечно, если исключить тот вариант, что с меня просто глаз не спускают, и держат при себе, чтобы не сбежал.

А хорошо баню протопили. Головня сказал, что она и так была почти готова, вчера только топили, совсем не успела остыть. Любава нам с собой собрала большую корзину с разными заедками и огромный кувшин с квасом.

Что в доме, что тут удивление не сходило с лиц моих гостей. Да и такого они нигде не могли видеть. Особенно их поразили отдельные парная и моечная. Вволю и от души напарившись, и отдыхая в комнате отдыха, Трувор прихлёбывал из большой глиняной кружки бьющий в нос шипучий напиток, периодически поглядывая в сторону помалкивающего Горивоя.

– А хорошо живут в той земле, откуда ты к нам прибыл. Много полезных и хороших умений принёс с собой, и многому обучил людей своих. И ещё большему научить сможешь. – Задумчиво проговорил князь. – Как бы не сложилась жизнь моя, а тебе я помогу. Потому как вижу, что ты для земли нашей стараешься и для людей её. Не жаден ты, и о себе в последнюю очередь печёшься.

Сижу тихо, как мышка, жду, что ещё скажет.

– В Новгороде заедем к Рюрику, будешь с нами, но смотри – не сболтни лишнего. А то не сносить нам голов раньше положенного срока. Пересядем на лодью и пойдём в Старую Ладогу. Чем бы там разговор не закончился, будешь молчать, пока не разрешу говорить. Оттуда к капищу поедем втроём, если с братом не договорюсь. Хочу с волхвами говорить.

Всё ли понял?

– Понял, княже, не подведу. – Склонил голову.

– И держись всегда Горивоя, он теперь будет твоим защитником. Слушай его, как меня. Пока в обратный путь не повернём, так будет. Посмотрим, как тебя светлые боги любят.

– Понял. – Кивнул.

– А раз всё понял, пора спать укладываться. Дорога предстоит трудная, сил набраться надо.

Уложил князя в своей комнате, а Горивоя в гостевой. Ещё успел переговорить с Головнёй и Любовой, выслушав рассказ о прожитых днях, и поделившись своими новостями. Отпустив их, вызвал Изяслава, попенял отсутствием караула на подъезде к хутору.

Крякнул десятник – промашка, расслабились от спокойной жизни. Предупредил, если поеду назад и не встречу дозора на подходе, а Головня с Любовой опять опередят дружинников и выйдут на крыльцо первыми, сильно осерчаю. Скоро лес начнут возить, всякое может произойти, поэтому расслабляться не дело.

Всё-таки Изяслав молодец, никаких обид и амбиций, критику понял правильно и на ус намотал.

Расстались по-доброму. А я наконец-то отправился спать.

А утром меня разбудило тихое копошение Любавы на кухне. Умывшись, пошёл завтракать, заодно и поговорить надо с нашей хозяйкой, почему у неё до сих пор никого в помощницах нет. Не успели перекинуться парой фраз, как наша столовая заполнилась народом. Правда, в отличие от меня, народом воспитанным. Потому что, когда мы с Любовой болтали, тихо вошёл Трувор, а мы на него и не среагировали, и он тихо сидел, слушая наш разговор. А вот когда появился остальной народ, тогда я и обратил внимание, что все толпятся в дверях и проходить, а тем более рассаживаться по лавкам, не спешат. Только тогда я заметил довольно посмеивающегося Трувора и вскочил, заодно поднимая на ноги и Любаву.

– Да сидите уж, болтуны. – Весело рассмеялся князь. – Это же надо так заболтаться, что вокруг ничего и никого не видят.

– Прости, княже, проблем много, решать не успеваю, пользуюсь любой возможностью. – Повинился раскаянно.

– Вот и молодец, так и надо. – Одобрил моё поведение Трувор. – А вы что в проходе топчитесь? Особое приглашение нужно? За стол проходите, собираться пора, дружина уже вот-вот будет.

Получается, Любава всю ночь не спала, потому что ничем другим объяснить такое количество горячих пирогов я не могу. Да ещё и в дорогу

нам отложила.

Пришла дружина и на моём хуторе стало шумно и тесно от фыркающих лошадей, гомонящих и приветствующих друг друга дружинников, быстрых сборов. Тепло попрощался со своими, и вскоре уже трясся в седле рядом с Горивоем. Рядом чёрной тенью стелился Гром, смешно прижав лопухи ушей к затылку. Здравствуй, дорога!

Уже в конце пути, подъезжая к Новогороду, спросил Горивоя, почему водным путём не пошли. Оказалось, тогда времени ушло бы раза в три больше, и пришлось бы волоком из Черёхи в Шелонь лодию перетаскивать. Или идти другими реками, что ещё дольше. Так ходят купцы, у которых груза много, а нам спешить приходится.

Вот, наконец, и Новогород. Правда, место вроде другое – в моём времени город был значительно ниже по течению Волхова. А так всё то же самое, как и в Изборске – посадки, детинец, деревянные стены.

Трувор подвёл коня к терему, спрыгнул наземь и обнялся с вышедшим навстречу братом.

Передав своих коней набежавшим холопам, мы с Горивоем пошли за князем. По мне, так я лучше бы по городищу и торгу прогулялся, на верфи заглянул, о чём и сказал своему спутнику.

– Успеем ещё. Зайдём, поздороваемся. Если будем не нужны, тогда и пойдём, куда там тебе надо.

К счастью, никому мы не понадобились, князья ушли к себе, и вскоре я уже рассматривал товары на торжище, поражаясь их разнообразию и узнавая стоимость. Цены приятно удивили, всё было дешевле, чем в Плескове. Прогулялся к лодейной мастерской, где разговорился с хозяином под предлогом покупки лодии для себя. Хотя, разговорился – это громко сказано. Мастер на контакт никак не шёл, и если бы не подключившийся вовремя Горивой, который с изящной ловкостью влез в доверие к новгородцу и был настолько убедителен, что хозяин, сам того не желая, рассказал нам почти всё о своих корабliках. Конечно, мастер расписывал одни лишь достоинства, но мне и этого хватило. Распрощавшись и поблагодарив хозяина, дав напоследок обещание обязательно подумать над заказом, вышли на воздух.

– Ну что, всё узнал? – Вывел меня из задумчивости Горивой.

– Понимаешь, у нас лучше получится. Вот сразу и задумался, как и что можно сделать, и что нужно будет для этого. – Смущённо улыбнулся ему. – Давай полотно на паруса посмотрим. Приценившись и осмотрев выбеленные ткани, глянув, как их сшивают, пошли назад.

– Как думаешь, когда дальше двинемся? – Спросил своего, уже можно

сказать, товарища. Хотя бы по этому путешествию.

– Через день. Завтра перегрузимся и с рассветом пойдём дальше. Грести-то умеешь?

– На простой лодке умею, а на таких и не пробовал никогда.

– Вот и научишься...

Сойдя по сходням на мостки Старой Ладogi, я уже и не знал, что тяжелее – провести неделю в седле или ворочать веслом на лодии. И то, и другое вымотало меня до потери сознания. Но, если к седлу я почти приноворился, то тяжёлое весло с непривычки показало свой буйный норов. Хорошо, что народ с пониманием отнёсся к моему неумению – все дружно советовали и показывали, как надо правильно грести. Ну, хоть какое-то развлечение я им доставил своей непутёвой грёблей. Хотя, справедливости ради, никто не высказывал неудовольствия, а уж брани я вообще не слышал, даже когда весло вырывалось из рук как живое, и норовило спихнуть меня со скамьи или заехать по спине сидящему впереди дружиннику.

В крепости же всё повторилось точь в точь, как в Новгороде. Точно так же мы погуляли по городищу, прошлись по торгу, на котором сегодня, по словам купцов, было совсем мало народу.

А вот вечером за мной пришли...

Помирать – так с музыкой! Отмахнувшись от поторапливающего меня Горивоя – мол, негоже заставлять князей ждать, переоделся в чистую одежду, оставил все свои железки, за исключением поясного ножа, и с гордо поднятой головой (шутка), отправился за безопасником. Сбоку пристроился Гром.

Отослав стражу и оставив у дверей моего спутника в компании собаки, поплотнее прикрыв двери, Трувор приказал мне рассказывать всё с самого начала. Ну, раз пошли такие пляски, то, испросив разрешения, проверил, нет ли кого за окном, заработав удивлённо-уважительные взгляды. Подобраться к окну довольно проблематично, если только на верёвке сверху спуститься, но это мы сразу услышим. На всякий случай запустил в комнату Грома, так надёжнее. У него и слух и нюх не чета нашим. Синеус хотел было возмутиться, но Трувор его остановил, внимательно наблюдая за моими приготовлениями.

Начал рассказывать свой «сон», внимательно отслеживая реакцию обоих на моё повествование. И если хмурый Трувор всё это время просидел спокойно, то Синеус, наоборот – то краснел, то хватался за меч. В общем, нормальная реакция выдержанного человека – голову сразу не срубил, и хорошо.

Закончив рассказ, замолчал. Молчали и князя. Наконец, первым прокашлялся Трувор. Всё-таки слышал мой рассказ уже не в первый раз и успел его, хоть немного, переварить.

– Был в Новгороде, разговаривал с Рюриком. Вроде всё, как всегда, но вот бояре его посматривают нехорошо, когда думают, что я их не вижу. Завтра хочу с волхвами поговорить. Ты, брат, со мной пойдёшь? Или...

А усы у Синеуса и впрямь знатные, вон как на палец их накручивает:

– Вместе поедem. Всё сам хочу услышать. Возьмём твоих дружинников и хватит. Пораньше только выедем, чтобы меньше людей нас видело. Хотя, слух всё равно пойдёт.

– Можно сказать, что поедem у богов расположения и разрешения на новое дело просить, мол, будем в Плескове лодии морские делать, да через варяжское море ходить, торговлю налаживать. Дома будем каменные ставить, вот и хотим спросить, угодно ли всё это богам? – Влез я с подсказкой.

– Можно слух распустить, скажу Горивую. – Кивнул, соглашаясь, Трувор.

– Но, смотри, если волхвы скажут, что соврал, там же на кол и сядешь. – Буркнул Синеус.

Вот это здорово, это по нашему. А вдруг мне там не поверят или не поймут?

Затемно выехали из ворот крепости, до полудня пробирались через завалы бурелома, ручьи и овраги. Наконец, спешили, и дальше пошли вчетвером след в след по еле заметной тропке. Если бы не походил в своё время по тайге, нипочём бы её не заметил. А так обратил внимание на небольшие просветы в кустах, вытертую местами траву, чуть другого цвета кору корней на тропе. Да и собака указывала верный путь.

В книгах много чего написано про капища – столбы, камни. Вот и тут я увидел сначала высокий частокол из толстенных брёвен, за которым просматривалась крыша большого дома. А, пройдя через ворота, приоткрывшиеся при нашем приближении так, что можно было еле-еле протиснуться только боком, рассмотрел выложенный из камней круг на земле и толстые столбы с потемневшими ликами и рунами. Больше ничего не успел увидеть, потому что был затащен Горивоем в большой храм. Стены из посеребrivшегося от времени дуба, огромный валун по центру, откуда-то доносится звонкое журчание воды. После солнечного света глаза почти ничего не видят, сильно щурюсь и привыкаю к сумраку. Князя о чём-то разговаривают с высоким, огромным человеком, стоящим у ведущего в темноту помещения, проёма. Тот отрицательно качает головой и

скрывается в этой темноте, оставляя нас в тягучей тишине. Если бы не журчание воды, то эта тишина нас бы придавила своей тяжестью, а так, цепляешься за звук и вынырываешь из тёмного омут.

Раздался шорох и появился ушедший громила. Поманил меня рукой к себе, а шагнувших за мной князей остановил раскрытой ладонью.

– Иди вперёд, ждут тебя. – Пробормотал мне, оставаясь в проёме.

Откуда-то сверху падает бледный рассеянный свет, когда прохожу по коридору, повторяя его изгибы, и выхожу в светлый зал. Не знаю, как это помещение тут называется, но оно похоже на большую приёмную, или комнату для совещаний. На чём-то вроде стульев сидят пять волхвов, посередине – самый колоритный, с пышной седой бородой. Длинные белые волосы серебряной волной опускаются на плечи. На лбу какая-то повязка, расшитая рунами или узорами – издали не видно.

– Подойди ближе, встань вот на этот круг. – Командует левый.

Становлюсь, как указано и жду, что дальше скажут. Молчание затягивается. Когда выпрашивать-то начнут? Наконец, четверо встают и выходят, остаётся только мы со старшим волхвом.

– Подойди, сядь ближе. – Слышу красивый и звучный голос.

Ага, щазз – сядьте ближе, бандерлоги. Подойду и здравствуй, Каа. Вот такие дурацкие мысли внезапно возникли в голове, нашли время.

Волхв весело хмыкает:

– Садись, не бойся – не съём.

– Он что, мысли мои читает? – Проносится в голове, а старик продолжает, как будто отвечая на мой невысказанный вопрос:

– Твои мысли вот такими рунами у тебя на лбу написаны, садись ближе, разговор будет долгий.

В некотором ошеломлении прохожу и присаживаюсь на указанное место. Мессинг, твою ...

– Не удивляйся. Люди, как книги, только не каждому дано суметь эти книги прочесть. Про твоё появление нам боги сказали, только долго ждать пришлось. Не торопился ты.

Сижу в полном обалдении – книги, боги. Куда я попал? А страшно-то как.

– Не бойся, не будет тебе вреда. – Успокаивает меня седобородый.

– Я что, вслух это сказал? – Мелькает мысль.

– Говорю же, всё у тебя на лбу написано. – Уже открыто смеётся волхв.

Участливо продолжает:

– Смотрю, тебе никак не опомниться. Может, позже побеседуем?

– Нет, я готов. Только слишком всё неожиданно, простите меня. –

Собрал всего себя в кучу.

– Вёдомо нам, что с Русью станет. Знаем, куда все идёт. Поведали нам боги. Вот и тебя прислали в помощь. Вместе мы должны повернуть Русь в правильном направлении.

– Подождите. Если вы всё знаете, я-то вам зачем? Вы тут главнее всех, князьями правите, народ весь за вами... Ничего не понимаю... Что я один смогу сделать?

– Никем мы не правим. Князья сами по себе, мы только показать путь можем, а следовать ли этим путём – каждый сам для себя должен решить. Да и мало нас. На всю Русь около ста волхвов осталось. Старые мы уже, смену себе найти очень тяжело, из тысяч одного находим, и то – не всегда получается волхв из такого. Вот пятеро нас тут и все мы седобородые да древние – жизненный путь свой скоро закончим. А способных к волховству мало, и будет ещё меньше – вырождается народ русский, давят его со всех сторон. Теряет он своё, исконно русское, перенимает чужую веру, кровь и традиции. Даже князей со стороны зовём, потому как свои готовы за сладкий жирный кусок и народ, и самих себя в междуусобной резне под нож пустить.

– Да что я один смогу сделать? Русь огромная, князей и княжеств много, все режут друг друга. Вон и Рюрик своих братьев извести готов, и земли под себя подобрать.

– Ты не торопись. Останешься пока у нас, будет время и поговорить и подумать. С князьями мне встретиться нужно, места они себе уже не находят. Посиди здесь, каши принесут – поешь. Я скоро буду.

В ошеломлении смог только кивнуть, переваривая полученную информацию. Значит, не показалось мне ничего, были у меня какие-то рояли в кустах. И на разных языках могу говорить, и силы прибавилось, и память стала, как компьютер – всё вспомнил, что когда-то читал, изучал, видел или в руки брал. Опять же – предвидение или предчувствие появилось, уже выручало меня сколько раз. Пожалуй, действительно нужно остаться у волхвов, разобраться в себе, рассказать всё, что помню и узнать побольше о настоящем. Да и поддержкой заручиться не помешает. Опять же, планы какие-нибудь наметить. Может, я не по тому пути пошёл?

Пока я предавался размышлениям, мне принесли чашку каши, которую я, невзирая на душевные метания, быстро съел. Запить ничего не дали, ну и ладно, мы люди простые, потерпим.

У волхвов я провёл несколько дней. Говорили обо всём. Оказалось, что волхвы были в курсе моего перемещения, и я свободно мог говорить с ними на любую тему. Рассказывал про историю своей страны, про людей.

Много говорили о нынешней ситуации. К моему удивлению, никто не прочил мне роль мессии, не планировал пропихнуть на какой-нибудь трон. Получится – хорошо, не получится – продолжать делать своё дело. А на вопрос, какое такое своё дело, я получил простой ответ:

– Ты уже начал его делать. Вот и продолжай, трудись, развивайся, стремись к большему. Чем больше людей пойдут за тобой, тем большего ты и добьёшься. С тобой отправим Яромира, волхва – поставите храм, веру будем укреплять. Да и тебе он поможет в случае чего. А князя твоего надо переселять в Плесков. Пусть рядом будет, а в Изборске и посадник справится.

Особенно у волхвов понравилось Грому, делать ничего не надо, кашу и мослы дают. Да ещё и Будимир распорядился откуда-то сучку привести, подходящую ему по размерам.

Вот на этом наши разговоры и закончились. Плюшек никаких не дали, но и такая поддержка многого стоит. Да ещё и божественное присутствие. К сожалению, мне не пообещали возвращения домой в конце пути, но и не отказали совсем, сославшись на волю и всевластие богов. Будем надеяться.

Приехали князья и провели в храме целый день. Вышли задумчивые. Пока они там разговаривали, я тоже сторонился всех, сидел под стеной и просто думал, вспоминал и размышлял. Уже привычно пообедал кашей у волхвов, забыв про дружинников, и опять присел на тёплую землю, оперевшись спиной на стеночку, о высоком помыслить. Вместе с князьями вышли все кудесники и проводили нас до ворот. А лошадок-то у дружинников на одну больше, значит, волхвы с самого начала всё знали и уже тогда решили отправить со мной кого-то из своих. Уже начали отъезжать, когда Будимир подозвал меня и Яромира:

– Ночью увидел, где вам храм поставить. Так вот, выше твоего поселения, на реке камень есть, перестрелах в двадцати. Отыщете, никуда не денетесь. Так на этом камне Дивия, мать всего живого, отдыхала, присев. Камень тот божественной благостью наполнен. Ступайте, Дóля с вами.

Не знаю, о чём договорился Трувор с Синеусом, но, расстались они перед воротами Староладожской крепости. Синеус отправился к себе, а мы загрузились на лодию и отошли от мостков. Против течения грести было тяжелее, но, в конце концов, показались стены Новгородского городища, и я вздохнул с облегчением. Трувор посмотрел на меня, услышав мой облегченный вздох, и с улыбкой сказал:

– Повезло ещё тебе, а, бывает – туда гребёшь против течения, и назад так же пыхтишь, упираешься.

После посещения волхво́в всю обратную дорогу князь напряжённо о чём-то размышлял, несколько раз краем глаза ловил на себе его изучающий взгляд. Наконец, уже приближаясь к берегу, видимо, принял окончательное решение, так как распрямил спину и вздохнул свободно.

Убрали вёсла, и лодия притёрлась к мосткам. Не дожидаясь выброски сходней, перепрыгнул через борт и поспешил в Кремль, вернув увязавшегося за ним Горивоя с полпути. Я возился с Громом на палубе и просто отдыхал от вёсел, от постоянной эмоциональной напряженности, царившей на лóдии с самого отплытия из Ладоги, поэтому не заметил, как над планширем показалась голова Горивоя.

– А ты почему остался?

– А что мне там делать? Прекрасно и без меня обойдутся.

– Собирайся, пошли коней седлать. Князь с братом переговорит, и сразу же домой.

– А если за стол сядут?

– Известят нас. Да что ты всё расспрашиваешь, князь приказал седлать, значит, пойдём седлать.

Повеяло чем-то родным, так и захотелось продолжить:

– А кто не будет седлать – будет грузить «чугуний».

Но, думаю, меня тут никто не поймёт. Поэтому собираю свои немногочисленные вещи, и вместе с дружинниками покидаю гостеприимную лодию, так же как и все попрощавшись с кормчим, просто махнув ему рукой.

В конюшне седлаю своего коня, который радостно приветствует меня тихим ржанием, и скармливаю ему присоленную горбушку – его любимое лакомство. Потом заваливаюсь на сено – ждём команды.

Не задержался наш князь – бодрым шагом вошёл в конюшню, подхватил поводья своего жеребца и вывел его наружу. Дождавшись, пока все соберутся окончательно, дал отмашку, и мы порысили через ворота на Плесков. Я ожидал каких-то расспросов, вечерних разговоров у бивуачного костра, но ничего этого не было – надо отдать должное княжеской выдержке. Ночами было уже совсем холодно, и на лужах по утрам блестела темным зеркалом тонкая плёнка льда. Радует, что зима запаздывает, а то было бы совсем грустно. Так и скакали под непрерывный шорох осыпающихся листьев и длинных сосновых иголок – осень потихоньку сдавала свои позиции.

Плесковскую крепостицу проскочили траверзом, через посадки, напрямую на лодочный перевоз. Разогнав немногочисленную очередь, переправились на левый берег, и двинулись дальше. А следующим днём

уже въезжали в ворота детинца Изборска.

Сразу же начал выглядывать свои фургоны – ничего не обнаружил и посмотрел на крышу. Из печной трубы, украшенной оголовком с флюгерком, весело валил белый дымок. Молодцы ребята, справились. А то я уже места себе не находил. Теперь ещё убедиться, что внутри всё получилось так же красиво.

Пока бояре встречали князя да докладывали ему новости, я проскользнул в терем и обошёл наше сооружение со всех сторон, прикладываясь ладонью к бокам печи и проверяя, как греет. Сделано добротно и аккуратно, можно присваивать ребятам разряд мастера. А с камином получилось или нет, интересно? Повернулся к дверям, а за спиной народ толпится во главе с князем.

– Сделали, смотрю. – Провёл рукой так же, как и я, по печи. – Горячая... Большая какая... А наверху что?

– Не видел ещё, да и не могу один. Кто меня туда пустит?

– Верно. Пойдём, посмотрим, как там...

Так и поднялись гуськом – впереди Трувор, за ним Горивой, волхв, а замыкающим – я.

– Тепло и дыма нет... – Восхищённо пробормотал боярин.

Трувор только кивнул Горивой на эти слова.

А работа проделана огромная – выведен отопительный стояк, и со стороны горницы пристроен такой же маленький каминчик, как и у меня дома. Чисто, тепло и хорошо.

Открыл заслонку камина, поднёс лучину к бересте, и закрутилась береста, пыхнула чёрным дымом, лизнула жёлтые бока берёзовых полешков. Загудело, весело заметалось пламя, бросая красные отблики на стены. Только теперь обратил внимание на абсолютную тишину вокруг. Встал с колена, выпрямился и оглянулся. На лицах какой-то детский восторг. Трувор даже руки протянул к камину, греется. Ничего, быстро привыкнет. Позже ещё проверю, как истопника обучили, и с князем надо решить, кто за камином присматривать будет. А пока надо отойти в сторону к стеночке и постоять тихо, понаблюдать за чистой незамутнённой радостью и насладиться их удивлением. Подошёл Яромир, кивнул одобрительно, встал рядом. Так и стояли, смотрели на огонь и молчали, пока не догорели полешки. Взяв рядом стоящую кочергу (молодцы ребята), поворошил угли, прикрыл чуток заслонку и сразу же объяснил князю, для чего она нужна и как ею пользоваться. Показал на углях, что такое угарный газ и рассказал, чем он опасен. Молча выслушали и кивнули – ясно, знакомо. Дождался, когда погаснут последние огоньки, и только после

этого полностью закрыл заслонку, комментируя свои действия.

Постояв немного, Трувор отпустил Яромира, и повернулся ко мне:

– С дороги все идём в баню, потом – за стол. Вечером ко мне, поговорим. Поедете завтра с утра.

Мне осталось только согласно наклонить голову.

После ужина предупредил волхва о готовности с утра к отъезду, и вместе с Горивоем поднялся наверх. Отослав свою охрану и поставив боярина у дверей, Трувор подозвал меня поближе.

– Садись. – Кивнул на лавку рядом с собой. – Подтвердили волхвы всё, что тебе, якобы, приснилось. Так что не зря столько времени потеряли. Синеуса предупредили, с Будимиром говорили. Совет мне дали – в Плесков перебираться... Что скажешь?

– С одной стороны, Плесков больше и возможностей там больше, торговые пути и выход к морю удобнее. Торговлю налаживать надо – вон в Новгороде несколько купцов и лавочников больше, а, значит – налогов и податей больше. Правда, там путь торговый проходит до Византии, но и у нас возможностей не меньше, выход в Варяжское море ближе. Сделаем кирпич, доску, стекло, и купцы новгородские сами к нам поедут. Появится возможность дружину увеличить, земли расширить. Но это отдельный разговор. С другой стороны – в маленькой крепости всё на виду, окружить себя людьми проверенными, караулы держать усиленными, может и повезёт. А, может, и нет. Кого-то, да перекупят. Но это всё, ты, княже, и без меня знаешь.

Дождавшись подтверждающего кивка, продолжил:

– Сидения твоего в Изборске не понимаю. С позиции Рюрика всё ясно – отправить тебя на рубеж в небольшую крепость, чтобы и надёжен был, и развернуться не сумел. Так же и с Синеусом. Ведь по большому счету – посадить сюда верного посадника с грамотным воеводой, оставить дружину – и выйдет то же самое. Это главное. – Замолчал я.

– Вот и Будимир так же говорит. – Медленно заговорил князь. – Посоветовал мне под предлогом возможного нападения на Плесков варяжских хирдов уговорить брата посадить меня в городище. Мол, варягам до Плескова через озеро добраться легче, и уже оттуда быстрым рывком дойти до Новгорода. Да ещё и водой через шелонский волок можно драккары перетаскать. А с этой стороны никто нападения не ждёт. Привыкли, что все через Ладогу идут...

Сделав небольшую паузу, посмотрел на нас:

– Поговорил с братом. Очень он упирался, но убедил я его – сажусь в Плескове, новых посадника и воеводу Рюрик пришлёт в Изборск. С собой

беру малую дружину. Будем всё начинать заново. Боярство твоё подтверждаю, но и требовать с тебя буду много. Грамоту о подтверждении заберёшь утром. Всё, о чём говорил, сделаешь. Изяслава с дружинниками оставляю тебе, будут у тебя в подчинении. Содержать их сам станешь. На месте осмотримся, решим с холопами. Может и захватим кого на порубежье, пора ответ леттам дать, а то нападать стали часто. Но, думаю, к тебе и так народ потянется за заработком. За печь мастерам твоим возьми награду, думаю – хватит. Приеду в Плесков, заеду к тебе, тогда и договорим.

Подхватил увесистый кошёл, поклонился, и, кивнув Горивую, пошёл готовиться к утреннему отъезду. По дороге прихватил кус мяса Грому, совсем закрутился и про собаку забыл. Знаю, что не пропадёт, но совесть-то надо иметь – собака-то моя.

Утром поговорил по дороге с Яромиром – кратко рассказал ему вчерашние новости, но ничем не смог его удивить. Как-то так они и предполагали. Ну и ладно, подгоняя лошадок (мастерство моё за это время значительно выросло), ускорились – очень уж хотелось быстрее домой попасть.

На перевозе к нам даже не стали подходить за оплатой, видимо, примелькался я в княжеской свите. А, может, волхва испугались. Но лодочнику всё равно оплату оставил, пускай будет. И – быстрее домой.

А там уже всё пошло по уже неоднократно отработанному сценарию. Отрадно, что Изяслав учёл прежние ошибки, и на подъезде к хутору нас перехватила пара караульных за свежееустановленным шлагбаумом. Я чуть в осадок не выпал – скоро за проезд начнём налог собирать. Надо озаботиться тут будку для защиты от непогоды поставить. А грамотно ребята расположились – на расстоянии прямой видимости от поселения, да ещё и било подвесили, в которое при виде нас неистово замолотил один из караульных.

Подъехав ближе, узнал Доброне́га и Втору́шу. Остановился, пусть подготовятся к встрече, нечего сваливаться неожиданно, как снег на голову. Поздоровался с дружинниками, поинтересовался службой. Надо бы им зимнюю одежду, вроде тулупов, справить на караул, да шапки с рукавицами и валенки. Ведь замерзнут в своём железе зимой.

Теперь можно и к дому – вон уже народ на крыльце ждёт, и впереди Изяслав бронёй сверкает. Служба налажена.

После радостной встречи, баньки и праздничного застолья, рассказал все новости. Представил нашего волхва. Показал свою боярскую грамоту, «обрадовал» Изяслава переходом в моё подчинение, но никакого огорчения

не заметил. Похвалил ребят за отлично выполненную работу в Изборске, и каждому выплатил соответствующую денежную награду. На этом радостном моменте разогнал дружинников и детей отдыхать, кроме десятника, остальных же попросил задержаться.

Образовав тесный круг, начал разговор с проделанной работы, наших успехов на сегодняшний день, и постепенно перешёл к планам на зиму и следующий год. Хочешь, не хочешь, а нам надо за зиму запасти много строевого леса – чтобы успел вылежаться. Вопрос с дровами можно решать попутно. Поскольку за работу в Изборске с нами рассчитались отлично, можно нанимать ещё одну ватагу, но нанимать сразу с условием доставки леса к нам в поселение. Поставил задачу печникам за зиму полностью подготовиться к производству кирпича, и с наступлением тепла сразу же приступить к формовке. А кирпича нужно будет очень много – пусть изыскивают желающих на работу. За плату многие пойдут. Любаве поставил задачу обусть и одеть в тёплую одежду дружину, на что получил одобрительный взгляд Изяслава. Ну-ну, сейчас и тебя озадачим.

– А теперь всем слушать очень внимательно. Только сразу предупреждаю – об услышанном тут никому ни слова, даже своим. На следующий год, летом, а скорее всего, весной, будет нападение варягов на городище. Окрестным поселениям тоже достанется по-полной, сами понимаете. Для этого, пока земля ещё не промёрзла, надо копать траншеи под стены. Завтра иду искать охочих людей на эту работу. Еленя, Стоян – едете со мной, будете помогать в поисках. В кузню надо прикупить ещё железа. Изяслав, ты завтра тоже сопровождаешь меня, но попутно набирай себе ратников. Мало у нас воинов. Любава, ты тоже с нами, займёшься зимней одеждой и запасом на зиму – теперь дружина на нашем обеспечении и кормлении. Головня, на тебе старшинство в поселении – командуешь дружинниками, пока нас нет. Жарко – ты отправишься резать лозу, заплетёшь стены навеса. Помнишь, как сделали в Опочке? Потом обмажем глиной, и внутри поставите печи для обогрева. Может, удастся ещё наделать кирпича, пока морозов нет. Что ещё? Надо наломать камня на стены. Пока можно ломать там, где брали бут на фундамент. Если кто-то увидит или узнает про такие места, где бут лучше, сразу начинаем добычу там. Вроде бы всё сказал, у кого какие вопросы и предложения?

– Про варягов откуда узнал? – Ожидаемо спросил Изяслав.

– Дошла весть до князя, рассказал мне. Потому и ищи хороших бойцов, можно охотников набрать. Нам бы стрелков хороших с десятков и можно никого не бояться.

– Любава, не бойся. Отобьёмся. Я вас не брошу – вместе будем.

Холопов вот только набрать надо. Работы много, и не просто много, а очень много. – Попробовал успокоить взволнованную женщину.

– Лекарку бы нам хорошую. – Задумалась наша хозяйка. – Есть у меня одна женщина на примете, познакомились в городище. Что на это скажешь?

– Если сможешь уговорить её к нам перебраться, будет очень хорошо. Домик ей поставим, сараюшку для трав... Можешь договариваться. Яромир-то с нами недолго будет. Ему новый храм ставить надо будет.

– Кстати, Яромир, совсем про тебя забыл, что ты там в углу спрятался – садись поближе. Как раз и поговорим про храм.

Дождавшись, пока волхв пересядет, задал ему вопрос:

– Что скажешь на наши мысли и предложения? Может, совет дашь хороший?

– Боярин, всё, что я тут услышал – дельно и разумно. Завтра в городище с тобой поеду, со мной ты людей сразу наберёшь, помогу тебе.

А молодчина слугитель культа, сразу приоритеты расставил, о субординации всем напомнил, да и польза от него действительно будет большая.

Кивнул головой согласно и отпустил всех отдыхать.

Утром в городище все сразу же разбежались в разные стороны, а меня, как самого старшего, или бесполезного, оставили при фургоне. Мало ли кого приведут на собеседование, или, может, деньги кому-то срочно понадобятся. Только и успел попросить присмотреть щенков помощнее.

Лежим с Громчиком в фургоне и о высоком мыслим – красота...

Только недолго такая красота длилась. Первой вернулась Любава со скорняками и выгрузила зимнюю одежду для дружинников. Потом принесли кри́цы новгородские. Опять Любава торговалась с нашими старыми поставщиками о дополнительных поставках, и мне пришлось скреплять ряд, ударив по рукам с купцами. На будущее решили, что отныне все вопросы с ними будет решать хозяйка. Немного поводили купцы носами, да деньги гонор перевесили – согласились.

А уже после обеда появились Яромир с Изяславом. Пришли вместе, и с собой привели ватагу мужиков-строителей, троих охотников с луками одnodеревками, и семерых кандидатов в дружину.

С ватажниками договорились быстро – работы-то вокруг нет. Моё предложение для них, как дар небес, мужики согласны на всё – и ямы копать, и лес рубить, и избы ставить. Лишь бы платили. Задал вопрос, знакома ли им ватага Тишилы. Оказалось, знакома, но их нет в городище – ушли на заработки и ещё не вернулись. Жаль. Тогда с завтрашнего дня и приступим – работы много. Пока погода даёт шанс, надо им

воспользоваться.

Отпустив ватажников, развернулся к Яромиру с Изяславом. Сначала волхв, а потом и Изяслав рассказали о приведённых людях, кто что умеет и на что согласен. Предупредил Изяслава, что эти люди поступят в его распоряжение, и он будет за них в ответе, так как спрошу строго. Получил утвердительный ответ. Спросил ещё новичков – согласны ли они на переезд к нам и на наши правила? Ведь придётся перед волхвом клятву приносить. Все ответили согласием.

Наконец, собрались и отправились домой. Изяслав своих людей повёл пешком, попутно решив поднять строевую выправку. Как мало нужно человеку для счастья – совсем засиделся, бедолага.

Пока добирались до дома, решили с Любовой выделить под казарму пустующий хлев. Хорошо, что коров с телятами не стали в него переселять из конюшни, как будто знали, что понадобится. Поставим там печь, стол да лавки. Поставим стойки для брони и оружия. Да Изяслав и сам знает, что и как сделать нужно будет. Вот и появился у нас старший по военному делу и строительству. А я за ним присмотрю...

После обеда всех новоприбывших погнали в баню, мало ли что. Потом занялись обустройством новой казармы. Надо было видеть светящееся лицо Изяслава, когда отделил ему его будущую личную комнату. Хорошо, что мы хлев ставили большим, места в нём много... Шутка.

С помощью нового пополнения заложили фундамент печи, а наши печники быстро выложили несколько рядов. Дальше выкладывать не стали – фундамент сырой, незачем его сильно нагружать. Пусть подсохнет. На завтра приготовили кирпич и кладочный раствор. После ополаскивания все собрались на ужин.

Утро началось с громкого топота ног на улице, и довольного зычного голоса нашего воеводы. А чуть позже к ним присоединился и звонкий лай Грома. Не погрыз бы он кого-нибудь в азарте, хотя, не должен... Но выйти проконтролировать не помешает.

С высоты крыльца посмотрел на красные распаренные лица будущих дружинников, на довольного Изяслава, прыгающего вокруг них Грома... А про щенков-то я совсем забыл! Надо будет Любаву спросить, может, видела на торге, кто продаёт...

Спрыгнув с крыльца, пробежал в охотку пару кружков вокруг поселения и быстро сделал зарядку. Кстати, предложу-ка я Изяславу обучать заодно и всех способных к обороне, в части, касающейся. Из арбалета даже Любава может стрелять, если пора придёт. А вот печную бригаду я что-то давно на тренировках не видел. Расслабились, ребята. Вот

и надо это исправить. Работы, конечно, у всех много – никто не спорит, но и военная подготовка, в свете ожидающихся событий, не помешает.

Пока завтракали, подошла ватажка вчерашних работяг. После завтрака я перезнакомился с ними более основательно. Обозначив объём работ на день, попросил выделить пару человек на сооружение перегородок в казарме. Строители разошлись по местам работы, а я, оставив старшину при себе для более детального разговора, продолжил раздавать ценные указания. Ребята пошли продолжать кладку, а Изяслав озадачился моими утренними задумками.

Рассказав Окуню (так зовут старшину ватажки), о его задачах по строительству и моих требованиях к ним, предложил ему постоянную работу в нашем поселении. Дел у нас будет очень много, а им не надо лишний раз искать заказчиков и бродить по округе, опасаясь налететь на лихих людей. Надо отдать должное старшине, моё предложение он оценил сходу, и мы тут же ударили по рукам, договорившись с оплатой в конце месяца по результатам труда.

Оставив нашего воеводу переваривать нововведения, пошёл к Любаве. Надо всё-таки нам ещё собачек. Расстраиваемся – территория увеличивается, значит, четвероногие сторожа понадобятся. А за ними смотреть надо... Как же людей не хватает.

Прошёлся по поселению – Жарко стены навеса переплетает, работа у него идёт полным ходом, жердей и прутьев вчера нарубил гору, молодец! Изяслав всех своих ратников поставил на рытьё траншеи под стены, значит, ватажников надо перебрасывать на заготовку камня и рубку леса. В казарме Еленя со Стояном уже начали выводить трубу. Ну, теперь Еленя и один справится, а Стояна можно отправить с фургоном – присматривать за ватажниками и на перевозку камня. Вот только пару дружинников нужно с ними для охраны послать. Озадачиваю этим Стояна, и тот убегает к десятнику. Когда же я доберусь до Любавы... А, впрочем, у нас Яромир ничем не охвачен. Приглашу его с собой прогуляться до торгового, а по пути загляну в кузню. Поговорить с Головной надо – пусть приступает к изготовлению ещё нескольких арбалетов. Запас болтов опять же надо создавать, наконечники для стрел, копий. Изяслава с собой обязательно взять к кузнецу – вместе лучше разберёмся.

Озвучив заявку на арбалеты, оставил разбираться с заказом на необходимое оружие знающего и опытного воина, а сам, прихватив волхва, потопал в городище.

По дороге рассказал о своём желании подобрать подходящих собак для охраны, и получил горячее одобрение. Не ожидал, что Яромир так

загорится этой идеей. Договорились вместе подобрать щенков и нам, и ему для храма. Волхв пообещал найти кого-нибудь для ухода и присмотра за щенками, если выделим помещение под это нужное дело и положим псарю хоть какое-то жалование. Да без проблем, лишь бы человек был хороший.

Когда ходили по торгу, расспрашивая народ о продаже щенков, на меня налетел опочецкий плотник Истома.

Жутко радостный и довольный от встречи, стал взахлёб рассказывать, как долго размышлял о переезде, и как всё-таки на него решился. Как тщательно собирались и готовились к переезду, собирая инструменты и вещи. Приехав, поселились в харчевне и уже неделю проедают последние копейки. Уже перестали надеяться найти меня, и вот такая удача. Ну да, прошлый приезд я даже на торг не ходил. Хотя были же и Головня с Любовой, да и Изяслав людей набирал... Не повезло плотнику.

В конце концов, плотник начал успокаиваться и, наконец, обратил внимание на моего спутника.

Это надо было видеть, с какой скоростью менялось выражение лица Истома – вопрос, узнавание, недоумение, перерастающее в восхищение и, наконец, преклонение. Однако, какой авторитет у волхвов среди народа. Спрашиваю, в какой харчевне остановилась семья плотника, обещаю вскоре подойти, а пока мне нужно решить некоторые вопросы на торге. Видно, как не хочется отпускать меня плотнику, но, молодец, нашёл в себе силы успокоиться и пойти к своим. Однозначно, надо будет забирать семью к себе, устроим их как-нибудь. Потеснимся.

Яромир предложил мне держаться позади – мол, ему будет проще разговаривать и договариваться с людьми. И правда, все поиски быстро завершились к полному нашему удовлетворению, и завтра нам принесут щенков и оставят парнишку для ухода за ними.

Осталось решить вопрос с плотником и можно возвращаться.

Надо было видеть глаза Милены, жены плотника, когда мы переступили порог той каморки, которую снимала семья Истома. Я даже не стал спрашивать согласия на переезд ко мне, а достал из кармана резану и наказал накормить семью, пока я пригоню фургон за ними. Посмотрев на Яромира, качнувшего отрицательно головой, секунду подумал и приказал всем идти вниз за мной. Усадив их на лавку в общем зале, заказал еды повкуснее и посытнее, и, пообещав вскоре вернуться, вышел на улицу. Волхв решил остаться и посидеть с ними, а я поспешил за фургоном. А жизнь-то налаживается...

Поселили семью плотника в комнате ребят, а их, довольных встречей с земляками, пока отселили к дружинникам, пообещав всем в скорейшем

времени решить жилищный вопрос. А завтра ещё парнишку с щенками приведут. Ну, с щенками ясно. Поселим, пока мелкие – в конюшню, а парнишку – к дружинникам, пусть привыкает. Тем более, печку уже заканчивают.

Завтра всю ватажку отправлю на заготовку леса, благо, теперь у нас появился свой, деревянных дел мастер, который и займётся изготовлением мебели, дверей и окон, дровками для болтов и так далее. Работы-то у нас хватает.

Так и пошло – валили лес, заготавливали дрова, копали траншеи под стены и фундаменты, ломали бутовый камень, а в свободное от работы время занимались военной подготовкой. А так как свободного времени почти что и не было, то подготовка только маячила впереди. Ничего, зимой наверстаем. Головня не вылезал из кузницы, Истоме работы привалило выше головы, но плотник был только доволен. А Милена начала помогать Любаве по хозяйству.

Зима в этом году удачно для нас задержалась, и мы успели до снега поставить и избу для наших новых переселенцев, новый хлев для скота и ещё один небольшой сруб подвели под крышу – про запас.

Отсортированные для производства досок брёвна отправились сушиться под навес, а из остальных начали городить стены, опуская в приготовленную под них траншею, старательно забивая бутом и глиной. Одновременно с внутренней стороны ставили помост и всё это стягивали между собой для большей жёсткости. Вот так у нас постепенно вырастала трёхметровая стена, оборудованная помостом и бойницами для стрелков. Для первого времени сойдёт, а вот следующую будем ставить каменную – всё равно придётся расширяться. Уже сейчас народу много стало, а будет ещё больше. Поэтому первоначальные планы по возведению крепостной стены вокруг поселения пришлось на ходу корректировать.

Поговорив с охотниками, решил раз в неделю посылать их на охоту, благо зверья в округе много и далеко ходить не надо. Сразу вспомнилось, как открывали дома сезон утиной охотой, а потом по чернотропу гоняли зайцев. А уж когда всем коллективом выезжали на копытных – это был особый разговор, песня для тех, кто принимал участие в этом славном мероприятии. Давно это было...

Вот так, постепенно, у нас начало появляться свежее мясо на столе. И сразу же ко мне подступили Любава с Миленой и настояли на рытьё погреба. Пришлось заняться этой, внезапно возникшей, но жизненно необходимой задачей. А ещё пришлось ставить коптильню. Будем коптить рыбу и мясо.

Снега всё ещё нет, но в этих краях это бывает. Год на год не приходится – то мороз прижмёт за минус сорок, а то всю зиму плюс пять и дожди идут. Так что, ничего удивительного, пока тепло – надо пользоваться. Прошли первые ночные заморозки, и на этом зима пока остановилась, ночью температура около ноля, по крайней мере – вода не замерзает.

Насчёт варягов, конечно, я сначала сказал просто так, чтобы народ не расслаблялся, но на душе беспокойно – опять чуйка зашебаршилась. Поэтому с Изяславом отрабатываем наши действия на случай внезапного нападения, учим всю дружину «залповому» огню из луков и арбалетов. Будет народу больше, ещё и плутонгами начнём стрелять. Но это на тот случай, если в поле будем воевать.

Головня перевыполнил мой заказ на арбалеты, дружина-то у нас расширилась, и сейчас занимается наконечниками для стрел и болтов. Ещё заказал ему пару сотен так называемого «чеснока», пригодится.

Переговорил с ним по поводу пил для будущей лесопилки. Да и для древесного угля, который кузнецу исправно начали поставлять городищенские углежоги, надо будет что-то придумать, не дело всё в угол сваливать. Надо ящик большой сколотить.

Как-то спросил Истому, умеет ли он варить клей? Ответил, что умеет. Отлично, на будущее очень пригодится, когда наладим лесопилку. Потихоньку придумываю схему привода от водяного колеса на пилы, так как вживую, да и на картинках, ни разу не видел. Но ничего, справимся, ибо – нет таких высот, которых не смогли бы взять...простые попаданцы. Поэтому скоро передам нашему кузнечному мастеру чертежи необходимых деталей и будем думать, как всё это соорудить. А пока озадачил Истому, пусть делает мне водяное колесо в свободное время, как раз до весны и справится.

Запасы кирпича растут, растёт и штабель ровных брёвен под навесом. Пусть сохнет. С большим удовольствием смотрю на горы заготовленного бута, весной начнём выкладывать стены, и начнём с тыловой части нашего поселения. Постепенно определимся с нашим дальнейшим строительством – чую, сразу придётся расширяться, и значительно. Скорее всего, в сторону городища. Вон, ранее намеченное место под тренировочную площадку уже почти полностью строениями заняли, а это только начало.

Поэтому начнём класть стены с тыла, а ещё в стены изнутри впишем мастерские и склады, сараи и хлев, да все хозяйственные и производственные помещения перенесём под стены – одна стена уже будет готова, крыши будут использоваться как помосты и площадки для

дружинников и... И тут Остапа понесло... Что-то я размечтался. Но это и хорошо, надо видеть перспективу дальнейшего развития.

Выбрались на торг и купили детям гостинцев. Любава, наконец-то, уговорила перебраться к нам травницу, так что на обратном пути вывозили целебный гербарий и весь фургон пропах травами. Вот теперь и Яромиру будет с кем пообщаться, а то у нас ему не с кем поговорить – все заняты. Хотя Чернотроп мы отметили, как положено, устроили выходной и накрыли общий стол. Готовимся к Яриле Холодному, вот наш волхв хоть и этому радуется.

Пустую избушку отдали травнице, она довольна. Да и каждый был бы рад перебраться из своей полуразваленной халупы с земляным полом в наши прекрасные новопостроенные апартаменты. Поставим ей печь, и будет вообще хорошо, с личным-то печным отоплением. Кстати, Яромир, после того как поговорил с Ивой (так зовут травницу), дал ей неплохую оценку. А разговаривали они долго, на всякие медицинские, и не только, темы. Так что мы потихоньку обрастаем людьми.

Поскольку праздник будет священным, Яромир назначил на этот день принесение всеми новоприбывшими клятвы верности нашему поселению вообще, и мне, в частности, как боярину. А я и не отказываюсь. Так будет надёжнее.

Силами дружины начали складировать камень в местах будущей застройки. Перед этим долго обсуждали план нашей крепости-поселения. Никто, в общем-то и не возражал против такого огромного предстоящего объёма работ, поэтому оставалось только разобраться, где какое здание будет находиться. Позабивали колья, обозначив границы стен и углы зданий, разметили площадки да выгулы, стрельбище и компостные ямы, и начали постепенно складировать камень. Изяслав попытался было отмазать своих бойцов от такой неблагодарной работы, но это у него не вышло, и теперь его бойцы после обеда занимаются укреплением своего костно-мышечного аппарата посредством поднятия тяжестей.

Посмотрев на этих трудяг, напряг Истому изготовлением тачек. Через недельку работа пошла веселее, но тут, наконец-то, упал первый снег. Радовались все, как дети, особенно дружинники. Ещё бы. Теперь можно не работать. Начали прижимать морозцы, и Коляду мы встречали полностью засыпанные снегом, с замёрзшей речкой. Несколько раз зима ненадолго отступала, но буквально через день, набрав силу, отбрасывала осеннюю слякоть, и крепким морозом показывала всем, кто тут хозяин.

Зимние месяцы прошли спокойно, все готовились к весне, и по мере возможностей отдыхали, набираясь сил. В погребе заполнили льдом

ледник.

Заканчивался февраль. Так как моя кубышка начала показывать дно, то на торге для пробы выставил изделия Головни – ножи, наконечники для стрел, гвозди да скобы. Такой качественной стали тут было мало, а цены на неё – высокими, поэтому мы чуть понизили цену, дабы долго не сидеть, и весь товар быстро разлетелся. Набрав заказов, прикупили криц и уехали домой.

Задолбавшись с лучинами, озадачил мастера рисунком простого жирового светильника, пусть думает.

В процессе подготовки к производству пильных полотен для лесопилки, сделали несколько разных ножовок. После разводки и заточки показали получившийся инструмент Истоме. Наш плотник обрадовался – ну ещё бы, то недоразумение, которое у него было, с большой натяжкой можно было назвать простейшей лучковой пилой. Надо будет на торг выставить пару ножовок, взять с собой Истому и сделать презентацию – народу должно понравиться.

Появился со своей ватагой Тишила, и мы с ним долго проговорили у меня в кабинете. Честно ему рассказал, что пытался найти его в городище, но не сумел, и потому договорился с ватагой Окуня. Теперь они у меня работают на постоянном подряде. Оплата по факту сделанной работы. Лес заготавливается, работников пока хватает, да и переселяться ватага с семьями будет по весне к нам на поселение.

Намекнул, что весной у нас начнётся большая стройка и нам понадобится много людей. На этом мы и расстались. Уходил ватажник явно не совсем довольный, но задумчивый. Пусть думает, а то, вишь, сразу начал ещё ненапиленные доски с непостроенной лесопилки делить. Лучше я сам их поделю...

Презентация ножовок прошла на ура, и теперь наши мастера завалены работой. У меня появился пусть и небольшой, но постоянный доход, и я вздохнул с облегчением.

Намекнул Головне, что надо расширять кузню, а для этого необходимо подыскать себе помощников. Лучше всего набрать подмастерьев, кто хоть что-то знает и кого не надо учить с нуля, кто перспектив стать мастером не имеет. А у нас для них такая перспектива есть. Товарищ мой было вскинулся, но я обрисовал ему красочную перспективу стать старшим кузнечным мастером, у которого в подчинении будут остальные мастера и несколько кузниц. Будем скоро расширяться, будет расти дружина, и нам понадобятся оружейная и бронная мастерские, не говоря уже об остальном. Народу-то тоже будет гораздо больше. Задумался Головня, притихла

Любава. Разговор-то я вёл специально в её присутствии. Пусть думают, но уже сейчас вижу, что оба согласны. Да и детей своих кузнец не зря с собой в кузню берёт. Лапушка Красавушка только постоянно с матерью ходит, вот и сейчас притаилась за материной спиной. Помощница растёт. Кстати, озадачиваю Любаву подумать, как нам своё полотно начать делать. Вот пусть Любава с Миленой и думают, что, да как. Нам и одежда нужна будет, и паруса шить станем. А для Головни и Любавы это хороший шанс пробиться наверх. Статус поменяется. Хотя в нашем поселении у них и так абсолютный авторитет, но это только в нашем.

– Вот такое моё предложение. Вы для меня сделали очень много, и ты, Головня, первым мне поверил и пошёл со мной. Поэтому и даю вам хороший шанс перейти в другое сословие. Думайте, а как надумаете, мне скажете. Сроку вам даю день, больше не могу, времени мало. То же предложу и ИстOME, только по плотницкой части. Будете вы у меня в ближниках.

Попрощался с ними и пошёл с таким же предложением к ИстOME с Миленой.

От них зашёл проведать Грома, который после того, как у нас появились щенки, целыми днями пропадал на конюшне, а иногда и оставался там ночевать. Отвёл себе душу, вдоволь насмотрелся на суматошную возню подрастающих малышей, переговорил с Волчком, парнишкой, которого прислали к нам ухаживать за собачатами и который так и остался у нас. А я только рад. От нас ему одёжка да кормление и крыша над головой. Опять же лошади присмотрены. Родители его не нарадуются, да и нам польза великая. Изяслав его хвалит.

Лёгok на помине, не успел о нём подумать, как он и пришёл.

– Боярин, дело у меня к тебе важное.

– Тогда пойдём ко мне, там и поговорим о твоём важном деле и ещё кое о чём.

Пока шли ко мне в мой кабинет, Изяслав шёл сзади, отстав на полшага, и напряженно о чем-то размышлял. Интересно, что случилось-то?

Усевшись на лавки за столом, десятник помялся и, взглянув мне в глаза, начал разговор:

– Боярин, весна на подходе, а весной, ты говорил, варяги могут прийти. У нас сейчас три охотника и пять дружинников. Я – шестой. Ещё есть семеро воинов, которых мы немного натаскали за эти месяцы, но им только на стене и место – из арбалета стрелять. Для прямого боя их ещё готовить и готовить. Если нападут на нас, то не сдюжить нам. Поляжем все. У варягов на каждом драккаре около тридцати, сорока умелых воинов, а то

и больше...

Помолчал Изяслав, да и я молчу, жду продолжения. Наши силы и возможности я и так знаю. Конечно, не факт, что придут варяги, мы же сами запустили эту утку, ну а вдруг придут. Ноет постоянно сердце. Сожгли же в моём времени варяги городище плесковское, и было это на самом деле. Не помню только, когда точно, не было такой информации.

Помолчав немного, продолжил десятник:

– В городище бойцов больше не найдём, надо к князю в Изборск ехать. Просить десятка два лучников, тогда, может, и сдюжим.

Теперь уже замолчал я. Сам думал над этим не раз и пришёл к выводу, что не даст мне Трувор даже одного дружинника, не тот у него сейчас расклад намечается.

– Не даст дружинников князь. Нет у него такой возможности, и нам придётся самим оборону держать. Потому и спешу стены поставить, да укрепиться хорошо. И надо набирать ещё охотников и ратников, поедете с Яромиром в городище, может, и найдёте кого-нибудь. Берите всех, кроме калек и лихих людей. Хотя бы стрелять научим. Как Головня поедет с товаром на торг, так и вы с ним. И вот ещё что хочу тебе сказать, десятник. Как долго ты собираешься в этом звании ходить? Не пора ли тебе хотя бы полусотником становиться? Набирай людей, готовь на замену себе десятников. У тебя Мстиша есть, Ждан, Добронег, Вторуша, Данислав. Чем не готовые десятники? Подумай хорошо. Да и жить дальше как думаешь? Так и будешь один по казармам мотаться? Найди себе хозяйку добрую, а мы тебе избу хорошую поставим. Да и остальным дружинникам расскажи о моих словах, не дети ведь давно. Пора и своих заиметь. Подумай хорошо, да с ответом не затягивай.

Однако, как проняло Изяслава. Сидит, не шелохнётся. Встал медленно и на деревянных ногах вышел за порог.

А я пошёл на нашу кухню, так есть захотелось, хоть караул кричи. Там, за столом, меня и нашёл Яромир. Спросив разрешения, присел напротив, дождался, пока доем и уберу за собой. (Когда же у нас людей-то больше будет?)

– Чем ты так людей озаботил? Зашёл в кузню, а там горн остыл и кузнец с женой о чём-то шепчутся. Истома с Миленой из избы не выходят, Изяслав от тебя вышел, мимо прошёл, не заметив. Что ты такое им наговорил?

– Наговорил..., хмм. – Хмыкнул я. – А наговорил я, что замерли мы на месте, а нам идти дальше надо. Для этого предложил мастерам помощников себе найти, да расширить свои производства. Самим

старшими над ними стать и присматривать за всем. Головня уже не успевает наши заказы выполнять, а ведь и со стороны люди с просьбами идут, завалили. У Истомы пока всё хорошо, но только пока. Весна придёт, начнём строиться, и захлебнётся Истома в работе, задерживать нас станет. Верфь поставлю, где полотно на паруса покупать? В Новгород ехать? Свои мастерские ставить надо. Вот Милену и Любаву и озадачил подумать. Опять же, пора нам самим начинать одежду шить, а не покупать втридорога. Кто ещё? Изяслав? Он что – всю жизнь собирается десятком командовать? А ведь может и полусотню потянуть и больше. Было бы желание. Да и возраст у него уже хороший, пора бы и о жене и о детках задуматься. Кстати, это и всех остальных дружинников касается. Жильё мы поставим ради такого дела всем желающим. Все только довольны будут. Вот об этом и поговорил с людьми, предложил подумать хорошо и завтра мне ответить.

– Правильно поговорил, тянешь людей за собой, не даёшь в тине киснуть. Поддерживаю тебя полностью. Если поговорить надо с кем-нибудь или помочь чем, говори, не стесняйся.

– Людей нам не хватает, сам видишь – стройку развернём, а работать на ней будет некому. А если и впрямь варяги придут? Да пожгут, порубят вокруг всё. Вот и помощи – наберите с Изяславом людей охочих, будем дружину расширять, иначе не устоять нам. Головне да ИстOME помощников найти надо, да толковых помощников.

– Толковых помощников никто не отдаст...

– Таких найти надо, кто сам мастером стать не сможет по бедности, или кто от разорения убежал и всё бросил. Да мало ли... – Махнул я рукой. – Было бы желание. Это я тут чужой, вот только сейчас народ присматриваться ко мне начинает. Нет у меня времени ждать, пока они присмотрятся, поверят, потом поздно может быть.

– Думаешь, придут варяги?

– Думаю, придут. И бежать от них я не хочу... Как не хочу и голову свою сложить по глупому.

– Хорошо, поеду в городище, бросим клич по земле. Может, кто и откликнется... И ещё вопрос – когда пойдём место под храм искать?

– Подождём. Снег растает, ледоход пройдёт, тогда и сходим на место.

– Ты что, знаешь, где тот камень лежит? Откуда?

– Был я на том месте и камень этот видел. Только где нам людей взять на строительство?

– Для такого дела люди всегда найдутся, потом они и к тебе помогать придут.

– Тогда ждём, когда вода спадёт. Согласен?

– Согласен.

Вот так мы и поговорили к общему удовольствию. Я получил поддержку от Яромира, и лишний раз убедился, что всё делаю правильно. А Яромир получил от меня уверенность в будущих поисках. Хорошо ещё, что не стал спрашивать, почему мы с ним осенью туда не сходили. Хотя, видимо, просто время тогда не пришло.

После разговора забрал свои ножи, арбалет с болтами, и до ужина тренировался в стрельбе и метании из разных положений. Вволю настрелялся по корзинам с песком так, что даже заработал мозоли на пальцах от тетивы. Хорошо бьёт, но хотелось бы ещё мощнее. А это лишний вес. Но утяжелять арбалет не хочется. И хочется, и колется... Хотя, всё-таки придётся сделать десяток тяжёлых и мощных – пригодятся. Вот и поставлю задачу мастеру, пусть лишний раз задумается, как одному везде успеть.

Пошёл, затопил баню, скоро мне это не по чину будет, так хоть сейчас душу отведу. Проверил воду в баках и просто сидел и отдыхал, наблюдая отрешённо, как по стенам прыгают огненные блики от огня в печке. Даже светильник не стал зажигать. Да, Головня всё-таки сделал светильник, и теперь у нас нет лучин, перешли на жировики. Потихоньку начали их продавать на торгу, и отбоя от желающих нет.

Истома сделал десяток тачек и в следующий раз поедет на торг с Головней, попробует выставить на продажу одну. Посмотрим, что из этого выйдет.

Подкинул дровишек в печку и тут меня потревожили. Ввалились Головня с Истомой, Любава с Миленой и Изяславом за компанию. Чувствую, на улице ещё остались наши дружинники и вся печная бригада.

Любава кивнула Милене, и та начала споро накрывать на стол, вытаскивая из корзин всякие вкусности. Понятно, кто у них старший. Впрочем, так и должно было быть. Махнул рукой всем, чтобы усаживались. Головня зажёл светильники, и стало светло. Рассеялся сумрак, а тёмные тени заполошно заметались по углам. Тут и Яромир подошёл. Молодец какой, чуйка у него железная, вон как перемены чует. Степенно расселись, только Головня остался на ногах. Видимо, ему первому слово дали.

– Боярин, обдумали мы твоё предложение, посоветовались друг с другом, Яромира спросили. Решили сказать, что принимаем твоё предложение, и согласны со всем. Ещё хотим поклониться поясным поклоном за всё то, что ты для нас делаешь.

И, кланяется. И остальные – где сидели, там встали и поклонились. А

Яромир доволен, как кот – сидит, жмурится. А, может, ему дым от светильников в глаз попал, а я тут наговариваю.

– Ну-ка, выпрямились все! Знаете же, что не люблю поклонов. Ещё раз кого увижу, кланяющегося, выгоню к чёртовой матери!

– К какой матери? – Ехидно влез Яромир.

– Ты, боярин, не серчай на нас, это мы тебе уважение наше выказали, потому как понимаем, что ты нам предложил. – Продолжил Головня, выпрямляясь. – Принимаем твоё предложение с великой благодарностью, о чём сами будем помнить всегда и детям своим накажем.

– Яромир, скажешь напутственное слово? – Обратился к волхву.

Что, не ожидал? А не будешь ехидничать. Вот теперь давай, отдувайся, служитель культа.

Видимо, что-то такое удалось прочитать на моём лице Яромиру, потому что очень уж грозно он нахмурился в мою сторону. Да и ладно, всё равно я прав.

Волхв отделался общими фразами, но и в них сумел выразить полную поддержку нашим начинаниям, как со своей стороны, так и со стороны наблюдающих за нами богов. Ну и отлично. Раз боги с нами, значит, кто тогда против нас? Вот об этом я и сказал, заработав уважительный взгляд волхва. Поблагодарил всех присутствующих, и предложил подкрепиться, пока вкусоности не пропали. Да и дровишек подкинуть не мешало бы...

Разрядив, таким образом обстановку, дальше у нас пошёл простой трёп, где все были довольны, говорливы и веселы. В конце концов, я всех отправил в избу, так как пора было идти париться. Изяслав остался со мной, видимо ещё что-то хотел сказать. Впрочем, я догадываюсь, что именно. И догадался я правильно, десятник, или уже полусотник, переговорил со своими подчиненными о моём предложении и получил горячее одобрение этим начинаниям. Опередив его, сказал, что все вопросы о денежном содержании мы будем решать тогда, когда у нас будут сформированы полные десятки. И, коли уж мы начали реформу нашей дружины, значит, на этом мы не остановимся и пойдём дальше. Тут десятник завис, и я отправил его на улицу рассказать своим подчинённым все перипетии нашего разговора, пока они там совсем не вымерзли. Потом, мол, обо всём договорим.

Наконец-то оставшись в одиночестве, я пошёл в парную.

Результаты моих начинаний не замедлили сказаться. Но, по правде сказать, в основном благодаря участию и поддержке Яромира. Приехав на торг, они с Изяславом быстро ушли и, пока Головня с Истомой были заняты продажей своего товара, прочесали всё городище. Каким-то чудом

перехватили беженцев из разорённого граничного поселения, и, уплатив хозяину харчевни долги за их проживание, привели этих отчаявшихся людей к нам. Так у нас стало на шесть семей больше. Повезло Головне – среди этих бедолаг оказался кузнец, и мастер сразу же взял его под своё крыло. Ещё одна семья была из потомственных гончаров. Глава этого семейства, Поревит, сразу же бросился в глаза своими красными, заветренными руками. А остальные семьи были из охотников, и только благодаря им и их лукам, беженцам удалось оторваться от преследователей и скрыться в лесу. На мой вопрос, неужели в городище не нашлось места опытным мастерам, последовал короткий ответ, расставивший всё по своим местам:

– Своих в городище хватает. Чужие тут не ко двору.

В нашей дружине сразу стало на четыре опытных стрелка больше. Добавилось учеников у Истома – молодые ребята с удовольствием ухватились за представившуюся возможность выучиться ремеслу. Новый кузнец раньше работал со своим сыном, передавал ему навыки. Так что Головня и тут остался в выигрыше.

Женщины и девчата попали под крыло Любавы и у нас, наконец-то, появились поварихи и прачки. А то уже Любава с Миленой начали зашиваться – и еду сготовить, и постирушки устроить на такую ораву, и за порядком-чистотой смотреть...

Хозяйство начало разрастаться, появилась разная скотина и птица. Обязательным становилась отложенная постройка скотного двора.

После того, как мы приняли первых беженцев, к нам потянулся тоненький ручеек людей.

Наконец-то можно было вздохнуть свободнее. Дружина разрасталась и уже стала насчитывать почти два с половиной десятка. Изяслав усиленно гонял новобранцев, пытаясь за короткий срок сделать из них хоть какое-то подобие бойцов.

С приходом оттепели, еле дождавшись таяния снегов, приступили к возведению тыловой стены с примыкающими к ней мастерскими.

Ватага Окуня также разрасталась. В неё отсылали всех, кто не подошёл мастерам или Изяславу.

Печная бригада работала не покладая рук, постепенно наращивая выход своей продукции и явно разделяясь на кирпичное и печное производства. Что радует, так это то, что Еленя и Жарко со Стояном, занимаясь вроде бы и разной работой, всегда всё новое и сложное предпочитают начинать вместе. У всех появились новые помощники, и ребята проводят на своём производстве почти всё время.

Когда закладывали фундамент под стену с мастерскими, ко мне заявилось наше женское начальство во главе с Любовью, и поставило меня в неудобную позицию. Поголовье домашнего скота начало расти, а скотного двора всё ещё нет. Пока есть возможность, надо подумать, где его можно поставить. Рядом обязательно нужен выпас, а, если поставим стены, не решив этого вопроса – придётся скот гонять через всё поселение. По всему выходит – нужны ещё одни ворота рядом со скотником. И ставить эти ворота придётся ближе к реке, чтобы и выпас был недалеко и вода рядом. А как же санитарная безопасность? Голова кругом. Придётся искать золотую середину.

Озадачив меня по самое не горюй, женсовет удалился заниматься своими делами.

А что? Всё правильно. Придётся вносить изменения в свои планы. О чём сейчас и известим наших строителей, пока ещё не поздно.

Вместе с Окунем походили вдоль фундаментной траншеи, посоветовались и разметили границы будущих ворот. Заодно проконтролировал, как идёт возведение стены. Делать решил так, как описано во всех, прочитанных мною, книжках. Выкладываем две стены с перевязкой перемычками, и промежутки между ними засыпаем песком. Одновременно делаем выпуски для будущих стен под мастерские и скотник. Песок выбираем тут же, и у нас заодно получится небольшой ров перед стеной. Ещё будем поднимать две башни, одну на дальнем углу от реки, а вторую рядом с воротами, но уже со стороны реки – заодно и увеличим зону перекрытия речки стрелками. Затем стена будет идти вдоль берега, и перед водяным колесом поставим ещё башню. Маленькую протоку, которая будет крутить колесо, перекроем железной решёткой, а над ней продолжим стену, закрывая весь островочек. На нём возведём прямоугольную башню, и нас со стороны реки никто не сможет взять. До противоположного берега, где он начинает подниматься, далеко, не страшно. Так же продолжаем возводить стену с решёткой в сторону берега, и на углу ставим ещё башню. Наверху делаем площадки и ставим баллисты. Когда-нибудь... Рядом ворота. Надвратных башен ставить не будем, может быть, потом. Затем идёт прямая стена до следующей угловой башни, и после неё замыкаем периметр такой же длиной прямой стеной с серединной квадратной башенкой. Итого получается семь башен на почти шестьсот погонных метров стены. Осилить бы... Стены будем ставить не ниже пяти метров, башни поднимем ещё на три. Ничего, справимся. Ручеёк желающих переселиться в наше поселение не ослабевает, и с каждым новым поселенцем нам становится легче.

На протоке установили опоры под водяное колесо, и приступили к строительству лесопилки. Истома с Головнёй не вылезают со стройки, собирая и подгоняя все детали. Работа у них спорится, и скоро можно будет смонтировать колесо.

Поставили несколько человек на изготовление цемента. Пока работа ручная, и он получается жутко дорогой, но опоры уже выкладывали с помощью нового раствора. Так же решили все элементы, несущие большую нагрузку, связывать цементом.

Милена предложила разбить за стеной огорода, и теперь готовит под него землю, расчищая и огораживая с помощниками участок.

Зван (новый кузнец), подменяющий Головню в кузне, сделал для нашего гончара первый гончарный круг. Жарко выложил Поревиту большую печь для обжига, и вскоре у нас появилась красивая посуда из звонкой обожженной глины. Первую партию посуды, отвезённую на торг, разобрали чуть ли не в драку. А ко мне обратился купец из Новгорода, торговавший в это время на Плесковском торжище привезёнными товарами, с предложением скупать всю новую посуду оптом. Договорились, что в качестве частичной оплаты купец будет возить нам соль и кричное железо.

Расставаясь со мной, новгородец не сводил глаз с наших тачек и фургонов, поэтому скоро мы явно будем расширять ассортимент нашей торговли. Это он ещё изделий Головни не видел. Но это всё попозже.

Начало положено – к нам начали приезжать купцы. Пусть и приехал пока только один, но это только первая ласточка.

Когда устанавливали водяное колесо, весь народ сбегался посмотреть на это эпохальное, для нас, событие. Все знали, для чего оно устанавливается и какую пользу нам принесёт. А уж когда распилили первое бревно, и люди вживую увидели, как можно быстро получить ровные доски – радости не было предела.

Старшим поставил Жарко. Истому, который впервые увидел такую ровную доску и загорелся новым делом, удалось убедить, что именно его мастерство и умение делать из них нужные и качественные вещи, нам всем всегда будет нужно, а пилить доски может любой. Но очень уж ему захотелось работать на новом месте. С трудом отговорил. Конечно, разговор вёлся наедине, и пришлось немного погрешить против истины, но овчинка выделки стоила – нет у нас пока такого уровня мастеров, работающих с деревом. Пришлось ещё пообещать мастеру свободный доступ к пиломатериалу, за исключением того, что будут отбирать для верфи.

Теперь пришлось выделить ещё четверых человек на лесопилку в помощь Жарко. Всю лесопильную бригаду озадачил переложить штабель брёвен, освободив навес. Под навес будем складывать на просушку самые качественные доски, которые пойдут на постройку ладьи. Остальные – только на нашу стройку, продавать пока ничего не будем – самим мало.

Очень сильно расстроился Тишила, увидев нашу лесопилку и осознав, мимо чего он пролетел.

С этого момента его ватагу было не выгнать из нашего поселения, и согласны они были на любую работу, даже не поднимая вопрос об оплате. А мне от этого только польза – ватага хороших строителей всегда нужна. Хотя платить всё равно буду так же, как и ватаге Окуня. Зачем людей на голодном пайке держать. Под присмотром и руководством Елени поставил их строить скотный двор из бута и кирпича. Пусть тренируются, потом будут обещанный Головне дом поднимать из камня. Появятся у нас свои каменщики.

У Стояна работа идёт без перерывов, поэтому пора озадачить его бригаду производством черепицы. Крыть крыши камышом и соломой не будем, потому как – пожароопасно... Метнёт какая-нибудь гадюка горящую стрелу из лука – и нет нашего поселения, и осыпятся серым пеплом все наши старания.

Истома получил от меня заказ на такие же, как у меня фургоны – новгородский купец заинтересовался – будем ему продавать. Не всё же водой товары перевозить, и по суше много куда доехать можно. Доски теперь у нас есть, и работа пойдёт куда как быстрее.

А в апреле меня навестил Трувор. Подгадал как раз на Ярилу Вешнего. Мы с Громом в это время находились в конюшне и пытались заниматься дрессировкой подросших щенков. Занимался-то я один, а Гром усиленно мне мешал, воспринимая всё как игру. Злиться на собаку не было никакого желания, и мы просто дурачились, окружённые звонким щенячьим лаем.

Тут и прибежал дружинник с радостной вестью. Мол, «к нам прибыл ревизор»...

Умывшись, оставил собак на попечении успешно с ними справляющегося Волчка. Парнишка за зиму немного подрос и поправился, рукава рубахи и брючины штанов уже стали маловаты – надо, кстати, Любаве попенять.

Молодец Трувор, остановился у нашего кордона со шлагбаумом и разговаривает с дружинниками – даёт нам время подготовиться к встрече.

Любава с Миленой суется, от кузни бежит Головня, Изяслав рычит на своих бойцов, выстраивая их для торжественной встречи. Красота! Не

жили спокойно, нечего и начинать. Наконец, все успокоились и замерли, ожидая князя.

Как говорили у нас – встреча сторон прошла на высоком официальном уровне. Поднесли князю ковш с квасом – крепче ничего принципиально не держим. Осушив его до дна и передав Любаве, перездоровавшись со всеми, пошёл сразу осматривать наше поселение. Трувор влез в каждую дырку, всё перетрогал руками, так ему было интересно и любопытно. Забрался на строящуюся стену, попрыгал на ней, полазил по лесам, вогнав в ступор строителей. От досок князя было не оторвать, да и не только князя. Горивой чуть ли не каждую доску руками гладил. Пока Жарко не допилيل приготовленные на подачу брёвна, никто с лесопилки не ушёл, заворожённо наблюдая, как бревно распускается на ровные доски. Когда бригада начала рассортировывать напиленный материал, Трувор задал вопрос, для чего это делают. Пришлось тут же объяснять и показывать дальнейший путь напиленных досок. Наговорился я на месяц вперёд. Повезло, что голос не сорвал, так как пришлось покричать, пока пилили брёвна.

Потом парились в бане. Задавать вопросы не стал, справедливо рассудив, что князь сам расскажет о цели своего приезда, когда сочтёт нужным. Поэтому просто парились, смывая накопившуюся усталость, а Трувор с Горивоем и пыль дальней дороги.

После застолья уединились в моём кабинете, который по-свойски оккупировал князь, и я приготовился слушать. Но Трувор предпочёл сначала долго разговаривать о всякой ерунде, прежде чем начался серьёзный разговор. То есть, это для меня ерунда, а для князя такие вещи, как новая печь у него в Изборске и камин, тоже были не на последнем месте. Да лесопилка с досками, которых никто и нигде ещё не видел, да новые каменные стены, строящиеся вокруг моего поселения – всё это, несомненно, было для Трувора очень важно. В конце концов, мы всё-таки подошли к главной для меня теме нашего разговора. Опять чуйка меня не подвела – донесли князю о всё-таки планируемом варягами походе на Плесков. Ожидать нападения нужно ориентировочно через месяц. Какими силами пойдут варяги, пока неизвестно, да и предполагаю я, что успеем узнать мы об этом уже после нападения. Тут, наконец, подошёл и Яромир, в последнее время пропадавший на постройке храма. На реке расчистили место на горке напротив священного камня, и теперь там рубили стены под чутким присмотром волхва. Ввели его в курс дела и до полночи обговаривали план наших действий. В конце концов, решили все силы бросить на постройку стен поселения, а уж башни достраивать потом.

Трувор оставляет нам два десятка дружинников, отлично стреляющих из лука. Насилу убедил князя, что не собираюсь сходить в честном бою с ворами и разбойниками, пришедшими нас грабить и убивать. Будем истреблять их издалека. Попытавшегося что-то сказать о воинской чести Горивоя, резко осадил нежеланием становиться на одну доску с ворами. Если бы не поддерживавший меня безоговорочно Яромир, так бы и не смог никого убедить в своей правоте.

Трувор приказал всем замолчать и предложил мне обосновать своё мнение.

– К нам идёт враг, беспощадный и не знающий жалости, причём этот враг придёт тайно, как вор, наверняка под покровом ночи и нападёт внезапно, как тать. Причём это будут опытные и умелые воины, которые легко справятся почти со всеми моими бойцами. Вы предлагаете мне выйти из крепости в чистое поле, и сдуру положить всех своих неподготовленных людей на алтарь вашей славы и чести? Какая же честь и слава будут в том, что нас быстро перережут, как овец, а потом враг ворвётся в беззащитное поселение? А я буду из вирия с сохранённой честью и воинской славой радостно наблюдать, как станут зверски насиловать наших женщин, убивать детей, жечь наши дома, грабить имущество и угонять скот? Такую вы мне славу и честь предлагаете? – Сжав кулаки до хруста, с бешенством поглядел в глаза Трувора и Горивоя.

Потупились, опустили глаза, защитники Отечества – детский сад, мля. Пора продолжить.

– Нароем волчьих ям, вобьём в дно колья острые, будем отстреливать их из леса, а когда придут под наши стены, все станем на защиту себя и своих близких. А когда победим, а по-другому и быть не может, вот только тогда нам будет и честь и слава!

– А боги нам помогут, и будут радоваться нашей победе и прославлять нас. – Тут же поддержал меня Яромир.

– Как ты тогда предлагаешь воевать? – Задал наконец-то нужный вопрос Трувор.

И Горивой голову поднял, ждёт, что отвечу.

– Городище нам не удержать – дома разбросаны, Плесковских варягов в крепости мало, да и стены у них слабые, давно не обновлялись. Ров уже весь осыпался и зарос – приходи любой и бери голыми руками. Заяц перескочит. С той стороны Великой вы ничем не поможете, а начнёте переправу, все и поляжете. Через пороги в верховьях перейти ещё можно, но времени это может занять очень много. Вплавь? Так с драккаров вас быстро перетопят. А вам дружину надо сохранить. На Изборск варяги вряд

ли пойдут – забоятся. А вот ко мне придут обязательно.

– Предлагаешь дружину у тебя оставить? – Криво усмехнулся Горивой.

– Предлагаю оставить мне два десятка стрелков умелых, как и решили, больше не нужно, а вам с остальными в лесу на нашей стороне перед нападением затаиться, так, чтобы не заметили. Людей в округе нужно будет предупредить загодя о нападении, чтобы уйти успели. Когда нападут на меня, вы постарайтесь драккары захватить или пожечь. Мы всё это время будем их отстреливать потихоньку, выманивая и вынуждая на атаку нашего поселения. Уверен, что первый приступ мы отобьём. В это время вы или отбиваете, или поджигаете драккары – только надо будет дыма побольше пустить, чтобы нам отсюда видно было. Варяги побегут назад – добро своё спасать, тут вы их с двух сторон в клещи и возьмёте, а мы сзади придавим. В лобовую атаку – не ходите – нечего людей терять по-глупому.

– А ну как не побегут?

– Тогда будем держаться, пока варяги не закончатся. Ваша задача же будет – во время атаки на нас щипать их сзади. А уж если совсем нам плохо будет, тогда можно и ударить с тыла, помочь нам. Главное, прежде времени себя не обнаружить, в лесу дружину быстро перебьют. Думаю, будет их человек триста, вряд ли больше. Скорее всего, что и меньше.

Молчат все, думают. Наконец, князь озвучивает принятое решение.

– В Изборске оставляю три десятка, два десятка стрелков отдам тебе, сам же с пятью десятками будем сидеть у Яромира. Стройку там прекращайте, холопов возвращайте сюда, пусть стены поднимают. В устье посылаем лазутчиков, три пары – две на конях и одну на долблёнке – встанут на страже. Яромир, как только донесут до нас весть о нападении, тебе задача – всех людей вокруг оповестить. С посадником я сам переговорю. После нападения на городище скрытно выйдем на берег Великой, а там уже будем действовать по обстановке. Владимир – ты поднимай стены, собирай всех охочих заработать, а я к посаднику наведу́сь завтра и переговорю с ним, пусть он тоже тебе холопов пришлёт. За одно то, что мы ему жизнь спасаем, он сам должен к тебе прийти стены класть. – Улыбнулся в конце речи Трувор.

– Ещё одно. Как только варяги пойдут на нас, вокруг поселения лучше никому не ходить, могут в наши ловушки угодить. Не забудьте предупредить всех. – Уточняю.

– И ещё, княже, такой вопрос у меня появился. Будет ли такое же нападение на Старую Ладугу? – Вдруг пришла мне в голову мысль.

– Ты думаешь... – Задумался Трувор.

Опустил голову Горивой, сжался весь. Яромир же, наоборот,

распрямился и требовательно посмотрел мне в глаза.

– Не знаю пока, посмотрим, что дальше будет. Но осторожность не помешает. И тебе, княже, надо бы поберечь себя. В сечу, как молодому – не лезть. Лучше остался бы ты с нами – спокойнее будет всем.

– Поучи ещё князя. – Пробурчал Трувор. – Ступайте.

– У меня тут мысль дельная появилась. – Остановил я начавших подниматься соратников. – Дозволь сказать, княже?

Дождавшись, пока все вернутся на свои места, продолжил:

– Надо к Синеусу гонца послать, да не одного, а двух или трёх, а то мало ли, вдруг перехватят... Наказать им, чтобы Новгород тихо стороною обошли, да от посторонних глаз хоронились. Синеусу же рассказать о скором нападении на нас скандинавских варягов. Да предложить ему, если на него тоже нападут и ему будет не отбиться – то уходить в леса и пробираться к Изборску, обходя Новгород. Яромир, тебе бы тоже оповестить Будимира. Что скажете?

Задумались все, один Яромир на меня одобрительно посмотрел, да и подмигнул вдруг весело.

– Хорошо, так и сделаем. Горивой, займись. Ты лучше знаешь, как это дело исполнить. – Прихлопнул ладонью по столу Трувор, ставя в разговоре завершающую точку.

Безопасник остался в гостиной, а я пошёл спать в баню. Куда подевался волхв, даже не успел заметить.

Глава 10. Нападение

Утром, проводив князя, долго разговаривали с Изяславом, прикидывали, что и как нам лучше сделать для обороны. Разошлись уже после обеда. Дошёл до нашей Ивы – целительница перебирала свои корешки и стебельки и вопросительно посмотрела на меня, когда я прошёл в двери. Давно сюда не заходил. Пожалуй, как выделили для травницы эту избу, так и не до неё мне было.

Поздоровался и расспросил о запасах трав. Оказалось, тут уже побывал наш шустрый волхв и задавал те же вопросы.

– Беду ожидаешь, боярин? – Тихо спросила Ива.

Подумав немного, признался. – Ожидаю вскорости, так что, если чего не хватает, возьми Любаву и закупите всё нужное. – Нет мне смысла от знахарки таиться, пусть лучше она подготовится, чем чего-то не хватит, когда до дела дойдёт.

– Скоро ли? – Ещё тише прошептала травница.

– Месяц. Может – больше, может – меньше. Не говори никому лишнего, хорошо? Если родные есть в городище – разрешаю к себе забрать. Только не разболтай, придумай предлог. Нечего панику раньше времени поднимать.

– Хорошо...

Теперь – к Головне и ИстOME. Пусть всё бросают и переключаются на изготовление арбалетов, болтов и стрел. Того запаса чеснока, что у меня есть, будет мало – надо ещё сделать. Да штырей острых отковать побольше – будем оборону крепить.

От них – к Окуню и Тишиле. Ускоряться надо любыми способами. Переговорил с ними полунамеками, прониклись оба, помчались руками водить.

Надо больше народу – задняя стена почти готова, ворота навесили, подмости будем пока деревянные ставить – стены главнее. Скотный двор быстро подвели под крышу, зашили досками и тоже всех освободившихся людей отправил на кладку стены.

Бригады Елени и Стояна – туда же. Жарко только пока оставил, потому как будем навесы от стрел делать и нам досок много понадобится.

В общем, всех свободных, включая дружину Изяслава, отправил под начало Окуня и Тишилы. Дружинники, правда, до обеда занимались стрельбами, а вот после обеда все шли на стены.

Подошли два десятка стрелков из Изборска. Переподчинил их Изяславу. Пусть включает их в единую схему обороны. Потянулся народ из городища, и поток этот все увеличивался и увеличивался, как только прошёл слух о хорошей оплате за работу. Да и посадник старался, периодически заезжая к нам посмотреть на результаты нашего труда. Интересно ему у нас стало.

Как-то сразу закончилась острая нехватка в людях на хозяйственных работах, и впервые Любава могла вздохнуть свободно. Появилось много детишек. Оказалось, желающие подзаработать приходят всей семьёй. Мужики – на стройку, а женщины – на хозяйство. Мальчишек постарше отправил на заготовку лозы и плетение из неё циновок. Всё пригодится. Скупил у местного бондаря в городище все кадушки и бочата, обрадовав того неимоверно. Создадим запас воды – вдруг нас поджигать попробуют. Да и потом – тара всегда в хозяйстве пригодится.

Поселение наше стало похоже на муравейник. Около поднимающихся стен в нескольких котлах каждый день варили кашу для всех желающих. Народ не отказывался, а нам не жалко – всё окупится. С крыш снимали высохший до состояния пороха камыш, и покрыли взамен черепицей, которую успел наделать Стоян. Там, куда черепицы не хватило – кровлю пролили водой. Для этого подобрали пацанов постарше и обязали следить за тем, чтобы камыш не пересыхал. Будет готова черепица – доделаем. Но уже не в этот раз.

Установили главные ворота. Кузнецы постарались, украсили створки красивыми завитушками. Не ко времени сейчас, но они у них давно заготовлены были. А как ладно-то вышло. За воротами дополнительно установили мощную решётку на петлях. Так что теперь через ворота никому не прорваться – пупок развяжется. Скорее через стены перепрыгнут. Кузнецы зашивались с работой, дневали и ночевали в кузнице, но обеспечивали потребное количество крепежа. Плотники накрывали стены козырьками из досок от обстрела сверху. К концу месяца люди валились с ног, несмотря на усиленное питание. Просочившийся всё-таки слухок о нападении постепенно разросся до огромного слуха, и народ работал с полной отдачей – подгонять никого не надо было. Оставалось доложить замыкающую с севера стену и, похоже, что успеваем.

Отобрав десяток мальчишек покрепче, обошли вокруг всего поселения и нарисовали схему размещения волчьих ям. Присмотрели и нанесли на ней места, где будем раскидывать чеснок. Выкапывали грунт и уносили его на стены, а ловушки перекрывали заранее заготовленными плетёнками. Вот где они игодились. В дно втыкали несколько железных кольев и всё это

сооружение хорошо маскировали прошлогодней травой. Рядом с каждой ловушкой ставили флажок – снимем при нападении. Потом, после варягов, колья уберём, а ямы закроем деревянными щитами. Закапывать не будем, мало ли. Может, ещё когда пригодятся. Как-то вечером пришла Ива, как раз к ужину, и задала простой вопрос, до которого почему-то никто из нас не дошёл. Где у нас колодец? Писсец! Воду в реке можно и отравить – броситьдохлую тушу в реку и всем хватит. Мы дружно посмотрели друг на друга. Через три дня колодец стоял на том месте, которое указал Яромир.

Ровно через месяц, поздно ночью, когда народ уже утомился, ко мне прибежал гонец и вызвал назавтра с утра к строящемуся храму – Трувор скрытно перебросил свою часть дружины к месту временной дислокации. Дозорные уже дежурят, и нам осталось только ждать.

Пока есть время, достали и распределили все трофейные кольчужки и куртки. Дружина у нас и так была достаточно хорошо защищена – Изяслав позаботился, так что распределили всё между своими. Кольчужки отдали Любаве, она из арбалета хорошо стреляет, а так же Милене и Иве. Им придётся по крепости бегать, ранеными заниматься. У моей старой гвардии, пришедшей со мной из Опочки, были такие же куртки, как и у меня. Поэтому все остальные отдали тем, кто был готов остаться в крепости, умел стрелять из лука, и выразил желание пополнить мою дружину.

Изяслав каждому обозначил место на стене, везде приготовили запасные стрелы и болты для арбалетчиков, поставили кадушки с водой, на всякий случай. Расставили ящики с чесноком, будем при приближении варягов к стенам бросать острые колючие сюрпризы им под ноги. Вместо противопехотных мин сгодятся. Тому, кто наступит, будет уже не до атаки.

Учили новичков правильно стрелять из бойниц, не подставляясь под ответный вражеский выстрел. Разметили эффективную дистанцию для стрельбы из луков и арбалетов и обозначили ориентиры. Время замедлило свой ход и превратилось в тягучую резиновую ленту.

Чтобы народ не расслаблялся, продолжили кладку угловых башен со стороны городища. Наверняка первое нападение будет оттуда. Откуда же ещё.

Прошло ещё около недели и пришли первые вести с побережья озера. Варяги пришли и пожгли несколько малых прибрежных поселений. Народ в городище начал разбегаться в разные стороны. Приходили и к нам, в основном те, кто уже бывал в нашей крепости и ударно вкалывал вместе с нами. Впрочем, мы никому не отказывали – зерна у Любавы было запасено на несколько таких поселений. Вот только жилья не хватало

катастрофически, но люди готовы были потесниться и забивали все наши строения до отказа. Впрочем, жильё было необходимо только для ночёвки, днём все трудились на кладке стен и башен. Срочно пришлось выкопать ещё один колодец и поставить дополнительные туалеты. Иначе не миновать нам заразы. Новичкам, под страхом изгнания за стены, было строго наказано – справлять нужду только в туалетах.

А вообще, нужно думать о выгребных ямах в каждом доме, потому что туалетов в поселении сейчас получается куда больше, чем других строений. Скоро одни туалеты вокруг будут. Отобьём нападение и подумаем над этим. Будем сразу ставить дома со всеми удобствами. Опять размышлялся.

Долгое ожидание заканчивалось, варяги приближались и уже пожгли небольшое поселение на острове в устье Великой. Заселяли его такие же варяги, как и те, что основали Плесковское городище.

Когда начал расспрашивать, что это за варяги, и чем они отличаются от скандинавских, то мне старожилы рассказали интересную историю. Когда-то, очень давно, пришли сюда люди с севера, и называли они себя – варяги. Пришли они, скрываясь от какой-то беды, с жёнами своими и детьми.

Поселились пришлые рядом с местными жителями в небольших поселениях – одно стояло в устье великой реки, и другое – выше по течению за острым мысом, образованным слиянием двух рек. Называли то поселение по цвету меньшей реки, впадавшей в большую – Смолистым. Если самые первые люди селились на маленькой реке так, чтобы не видно было селения с широких водных просторов, то пришлые же, наоборот, поставили свой лагерь на том самом высоком остром мысу, постепенно огородив его крепкими деревянными стенами. Со временем начало забываться, кто из них местный, а кто пришлый – два разных поселения срослись вместе, но всех людей, проживавших и переселявшихся за деревянные стены, стали называть варягами, пришлыми. А объединённое поселение постепенно приобрело новое название – Плесков.

Успевшие убежать до нападения варягов на острова люди, ушли из устья в сторону Изборска. Присматривать за варягами остался только один конный дозор на правом берегу, остальные снялись.

Городище опустело. Даже до плесковских варягов, наконец, дошло, что им не удержаться за своим хилым, обветшавшим забором, и они пришли ко мне заключить ряд о совместной обороне. А мне это совсем не нужно. Какая оборона? Если вы решили отсидеться за моими стенами, то будьте добры принести клятву передо мной в присутствии волхва и всей моей дружины. Да ещё Изяслав крепко подумает, стоит ли с вами связываться. А

то – мало ли. Вдруг им у нас так понравится, что появится неудержимое желание воспользоваться подходящим моментом и перехватить власть в свои руки.

Просто меня посадник заранее предупредил о таком возможном манёвре, и рассказал уже известную мне теперь историю о былой незавидной участи плесковских варягов. Идти-то им теперь некуда. В Изборск ушли устюжане, а этим туда же идти неуместно, недаром они с самого начала разделились. Ну не хотят они рядом мирно жить.

Мне же такая вольница в крепости не нужна. Или пусть идут под руку Трувора, или – под мою. Третьего не дано. Дал время на раздумье. В конечном итоге, у меня появилось ещё три десятка умелых воинов, да ещё и с семьями. Бойцами сейчас занимался усиленно Изяслав с десятниками. Новоприбывших раскидали по разным десяткам, чтобы не получить для себя неприятного сюрприза в неподходящий момент. Но, надо отдать им должное, они с понятием отнеслись к этому, и в дальнейшем полностью оправдали своё присутствие в крепости.

А вскоре чужие паруса показались на реке у городища, и наши охотничьи отряды ушли на свою первую кровавую охоту. Всем уходящим ещё раз перед выходом пришлось напомнить, чтобы не увлекались. Выстрел – и отход под прикрытием. Впрочем, этот манёвр у нас достаточно отрабатывали на стрельбище, и ничего нового я сказать больше не мог. Только напомнил не забывать о ловушках, и домой возвращаться по дороге.

С волчьих ям сняли флажки, рассыпали по схеме чеснок, теперь осталось только ждать.

Дозоры подтвердили численность напавших – идут к нам шесть драккаров. Значит, приблизительно триста человек ожидаем в гости. Может, чуть больше. Придётся постараться встретить их, как положено.

В конюшне закрыли собак, нечего им под шальную стрелу попадать, всю скотину загнали во двор и задраили задние ворота. Народ распределился по стенам, и поселение погрузилось в тревожную тишину ожидания. Только птицы весело чирикали в кустах, наслаждаясь свободой, да шумела недовольно река, пытаясь провернуть застопоренное колесо. Наконец, в небо потянулись первые дымы – варяги начали жечь городище.

Все взоры – со всех стен, со всего поселения, были устремлены на эти дымы. Если бы в этот момент враг полез через заднюю стену, то его никто и не заметил бы.

До утра всё было тихо, а вот утром с рассветом пошло движение. Сначала вернулись наши охотники за головами. К счастью, обошлось без потерь, а вот потери пришельцев, со слов наших стрелков, составили около

десятка. Ждём. Тишина в крепости. Только изредка прорвётся плач младенца или тягучее, приглушённое стенами, возмущённое мычание коровы.

К обеду в стороне городища стоял густой дым, а на нашей дороге появились первые варяги. Выскочив на опушку в районе шлагбаума, и внезапно увидев перед собой каменные стены, варяги замерли на мгновение, но сразу же организовались, растеклись вдоль кустарника и начали готовиться к штурму. Мы пока не стреляли, пусть поверят в свою безопасность, да подойдут поближе, да соберутся толпой побольше. Наконец, Изяслав дал отмашку, и лучники выпустили свои первые поющие колющие гостинцы. У нас было три с половиной десятка лучников, и каждый успел выпустить по три стрелы, пока долетела первая, и варяги не спрятались за деревьями. На опушке осталось лежать и ползать более полутора десятков тел.

Радостные вопли понеслись было со стен, но десятники быстро прекратили ненужные сейчас крики. Все равно их больше в пять раз, поэтому тихо стоим и ждём команды. Наша сила в единстве и сплочённости – ещё раз громко напомнил своим бойцам. Через несколько минут от деревьев отделился и пошёл к воротам здоровый, как шкаф, викинг, размахивая какой-то палкой с тряпкой. Оказалось – идёт переговорщик. Представившись, предложил нам всем или сдаться, или вынести откуп, и тогда викинги уйдут, сохранив наши жизни.

Дождавшись паузы, громко ответил, напрягая голос так, чтобы его слышали не только в нашем поселении, но и у опушки:

– А я, пока ещё добрый, предлагаю, чтобы вы принесли сюда, к воротам, выкуп за ваши никчёмные жизни, и тогда, может быть, мы подумаем, отпускать вас домой или похоронить здесь, в этой земле.

Пока челюсть варяга медленно опускалась, я продолжил:

– За каждого варяга выкуп в одну новгородскую гривну, с драккара – по пятнадцать гривен. Думайте.

Разговаривая с викингом, я слышал, как передаются дальше по стенам и поселению мои слова тем, кто не расслышал, и люди, сначала робко, а потом всё веселее начинают их комментировать. Деньги по местным меркам я запросил непомерно огромные, но мне и надо разозлить врага, заставить его потерять голову и броситься на приступ.

Переговорщик развернулся, подобрав на место упавшую нижнюю челюсть, и потопал назад.

– Будут, наверное, обсуждать условия своего выкупа. – Опять во весь голос прокомментировал я.

На стенах уже откровенно смеялись.

Вскоре викинг вернулся и принялся кричать о том, что мы горько пожалеем о своих словах, что наши языки будут прибиты к нашим филейным местам, и так далее. Прокричав ещё всякие разные непристойности, принялся вызывать на бой самого сильного воина с нашей стороны. Глянул влево-вправо, потупились храбрые дружинники, да и как было не потупиться – шкаф-то какой внизу стоит, любого нашего дружинника в себе спрячет. А то и не одного... А тот не унимается, опять вызов бросает моим воинам, на слабо взять пытается. Щаззз...

Подняв арбалет, я пробил ему башку, а на повернувшиеся ко мне в шоке головы, громко, во весь голос повторил свои слова, которыми я убеждал Трувора:

– Это воры и разбойники, и они пришли за нашими жёнами и детьми, за нашим добром и за нашими жизнями. Посмотрите на этот дым – это горит наше городище. Его сожгли эти нелюди. Разве может быть честным и славным бой с разбойником? Никогда! Разбойников надо уничтожать, как крыс – со стен, из засад, отлавливать их ловушками до тех пор, пока не останется ни одного живого врага на нашей земле. Разве мы их приглашали к нам в гости? Нет! Они пришли тайно и напали, как воры. Не будет им от нас никакой пощады!

Чем дальше я говорил, тем больше разглаживалось хмурых лиц, тем яснее читалось понимание произошедшего в их глазах. Да и как было не понять, когда со двора понеслись яростные, поддерживающие меня, одобряющие крики всё прекрасно слышавших женщин.

– А теперь готовьтесь к отражению нападения, стрелять только по команде! Со двора все бегом в укрытия! Сейчас пойдут!

И точно. Опушка колыхнулась ветвями и выплеснула на простор поля плотные ряды варягов, которые начали быстро растекаться в стороны. Первые ряды несли жерди, охапки валежника, следом неслись с огромными щитами ещё две шеренги, а за ними двигался плотный строй лучников и пращников. Основная масса наблюдала с опушки. А я-то поначалу испугался, что их много, сомнут нас сразу толпой, а их всего-то около двух сотен с небольшим выходит. Сейчас начнётся. Должны начать срабатывать ловушки. И сразу, ещё не успев додумать до конца эту мысль, заметил, как то там, то в другом месте, в рядах начали появляться прорехи, а до стен докатился жуткий рёв. Бросив вниз несколько колючих железных сюрпризов, я подхватил арбалет и дал команду лучникам взять на прицел опушку, а арбалетчикам приготовиться отстреливать подбегающих.

– Начали! – Закричал, посылая арбалетный болт в надвигающуюся

шеренгу.

По навесу градом простучали вражеские стрелы, кто-то вскрикнул тонко во дворе внизу. Кто там такой любопытный, сказал же – всем укрыться.

Дальше просто стрелял, иногда успевая бросить взгляд по сторонам. Если до стен ещё кто-то и сумел добежать, то до спасительных деревьев на опушке назад не добрался ни один. Щиты на такой дистанции нашим арбалетам было не пробить, но попасть по ногам получалось успешно. Недаром же Изяслав столько тренировал свою дружину, напирая на стрельбу. А на опушке лучники тоже смогли достать кое-кого, а после того, как цели пропали, укрывшись за деревьями – начали выцеливать набегающих.

Первый пробный приступ отбили, и отбили лихо. Дав команду Изяславу пополнить запасы стрел и болтов, пересчитал тела перед стеной. Получилось больше восьми десятков. Перебрал оставшиеся болты и у меня получилось, что на одного викинга ушло по четыре болта, если все израсходовали столько же, как я. Да и ладно, запас есть, и оперённых патронов нам хватит. А вот теперь на их месте я бы провёл разведку вокруг крепости. Значит, надо срочно перегруппироваться на стенах. Этот манёвр мы тоже отрабатывали, стоило Изяславу дать тихую команду, как народ начал скрытно занимать места на новых позициях.

Приказал доложить о потерях, вспомнив тоненький вскрик во дворе. Оказалось, не все успели спрятаться в избы и под навесы, и у нас появились первые раненые и одна убитая девчушка, которая не вовремя высунулась как раз под обстрел. Тяжёлая стрела пробила тоненькое тельце почти насквозь, войдя над ключицей. Вроде бы всё сделано, чтобы избежать таких вот случайных жертв, но война всегда собирает свою жатву.

Надо было бы нам всех детей собрать в казарме, да и запереть, заколотить двери. И пусть бы там сидели до конца...

Ранеными же оказались два новых дружинника из молодых, стоявшие на боковых стенах, и высунувшиеся из-под навеса посмотреть, как там бой идёт. Любопытные наши...

Попытка обойти нас со стороны леса викингам не удалась.

Рассыпанные десятком мальчишек, под командой Последа, колючие сюрпризы внесли должную сумятицу в ряды врага. А провалившись в несколько ям и напоровшись на острые колья, викинги предпочли отступить, провожаемые густым роем наших стрел и болтов.

– Надо будет вырубить лес и кустарник вокруг крепости, а то ничего не видно вокруг. – Делаю зарубку в памяти.

Будем считать, что варягов мы почти ополовинили. Крепость наша им уже не по зубам, а в поле мы не выйдем – нам и за стенами хорошо сидится. У викингов остаётся два выхода. Или уходить домой несолоно хлебавши, или придумать нам какую-то гадость. Могут лес зажечь, чтобы пламя на стены перекинулось, но до стен от леса шагов тридцать, может и не достать. Поселение пожечь стрелами зажигательными у них тоже не выйдет – основную массу стрелков мы упокоили, вон они лежат. Да и нечему у нас гореть. Всё, что могло загореться – хорошо пролито водой.

Получается, что до ночи на приступ никто не пойдёт. Хорошо это для нас или плохо? Скорее всего, плохо – ночной бой страшен, а у страха, как известно – глаза велики. Да и викинги, как воины, по сравнению с моими – небо и земля. Порвут нас, как тузик грелку. Вот выманить бы их в поле перед стенами, да и пострелять сверху...

Кажется, у меня появилась идея! Подзываю Изяслава и всех десятников. Собираемся все перед главными воротами. Пока народ подтягивается, я быстро додумываю свой план. А ведь сработает, должно сработать! Только грамотно всё сделать надо...

А вечером мы сидели в бане, и вместе с Изяславом рассказывали Трувору и Горивою, как нам удалось разбить наголову превосходящие силы варягов. Вспомнив легендарный фильм о лихом рубке времен Гражданской войны, выложил из Любавиных пирогов план нашего заключительного сражения.

Собрав все оставшиеся плетённые из лозы циновки, наскоро соорудили из них большие прямоугольные щиты с подпорками, за каждым из которых можно было спрятаться несколькими дружинникам.

Всех, кто мог на расстоянии пятидесяти метров попасть в ростовую мишень, расставили на стене, предварительно сняв с них всю броню и наказав сидеть на полу и не высовываться под страхом... Не знаю, каким страхом, но застрожил их Изяслав знатно.

Ещё три десятка добровольцев, все в сборной броне, под моим командованием открыли ворота, и вышли в поле на бой. Почти все были из Плесковских варягов. Вместе с ними, наказав, чтобы держались позади, для количества набрали ещё пару десятков мужичков побоевитее, дав им в руки быстро наделанных из палок какое-то подобие луков.

Ворота оставили открытыми, прикрыли только решётку, да её издалека и не видно. Впрочем, если всё пойдёт по моему плану, то решётка не понадобится.

Построившись в коробочку метрах в тридцати перед воротами, мы быстро установили перед собой щиты из плетёнок и выставили вперёд

копья, уйдя в глухую оборону. А на стену отправили женщин во главе с Любовью, наказав дразнить варягов. Вот со стороны и казалось, что в крепости остались одни бабы, а все бойцы вышли в поле показать свою удалую силушку, распалённые внезапно ударившим в голову успехом.

Да ещё и дружинники начали демонстративно снимать трофеи с лежавших рядом с ними убитых, безжалостно кромсая тела мечами.

Вот варяги и не выдержали, не вытерпев такого зрелища и полностью купившись на мою задумку. С рёвом из-за деревьев выплеснулась волна озверевших викингов, и покатила на нас, перетекая через ловчие ямы, разгоняясь в неуправляемую лавину. Через несколько мгновений я дал команду отступать, и мы, прикрывая бездеспешных мужичков, тем же строем начали медленно отступать к воротам. Манёвр наш оказался прикрыт установленными плетёнками. Остановившись перед воротами, сохраняя строй, оцетинились копьями и прикрылись щитами. Мужики просочились через приоткрытую решётку, и мы остались одни. Накатывавшийся на нас вал казался неуправляемо монолитным, казалось, прошла целая вечность, пока, наконец, сверху не прозвучала долгожданная и спасительная команда Изяслава. Небо над нами наполнилось стремительными росчерками поющих смерть стрел, и вал распался, захлебнулся и дрогнул. Замерев, смотрели мы, как перед нами вырастает поле из поверженных тел.

Тут из леса вынырнул ещё один отряд.

И только оглушительный рёв Изяслава над головой:

– Князь, князь с нами! Не стрелять! – Заставил опомниться и узнать в набегающих воинах княжеских дружинников...

Впрочем, бить уже было некого, если только добить подранков – задумка сработала полностью. Ещё успел крикнуть, чтобы брали пленных, а то набросились добивать с понятной злостью. А сам остался стоять у стены, поджидая Трувора. За спиной закричала решётка, выскочил Изяслав и бросился ко мне. Обхватил за плечи и затряс возбуждённо:

– Купились! Сработала твоя задумка, боярин!

А тут и Трувор подъехал, и Горивой, и ещё кто-то, и все тарабанили меня по спине и плечам. Из ворот начал выплёскиваться бурлящий поток, люди радовались, возбуждённо кричали, а впереди лежало поле из мёртвых тел, между которыми деловито ходили дружинники Изяслава и Трувора. Ещё успел приказать собрать вокруг крепости разбросанный чеснок, как толпа радостных горожан затащила нас через ворота в поселение, где мне пришлось срочно прятаться в своём тереме, сославшись на прямо смертельную усталость, оставив разговаривать с народом Трувора и

Яровита.

Дождавшись, когда схлынет эйфория от победы и народ немного успокоится, присоединился к князю.

На поляне перед воротами спешно засыпались ямы. Все трофеи уже успели разложить по кучам, а тела, не мудрствуя лукаво, посбрасывали в воду. Может, это и правильно – время такое, народ тут проще. Надо будет Изяславу наказать, чтобы отправил потом дружинников берега проверить, как бы не застрял никто в камышах да корягах. Пусть к себе домой плывут.

Напомнил о ямах в лесу, но ими уже занимается ватага Последа. Заодно и соберут все свои колючие шипы, что разбросали среди деревьев. С ними посланы дружинники для охраны, мало ли какие недобитки попадутся. Есть у нас ещё пленные варяги, но ими пусть князь занимается. Он тут старший начальник.

Потом устроили праздник для народа на этой же поляне, где жарили на кострах забитых кабанчиков и телят, пили квас и медовуху, которой много взяли на драккарах. А мы, погуляв немного со всеми, ушли в баню, оставив старшим Яровита.

Завтра будет «разбор полётов», делёжка трофеев, планирование дальнейших дел, а сейчас мы просто отдыхаем. Только не получается совсем позабыть про дела – то одно вспомним, то другое обсудим.

На следующий день из нашей крепости потихоньку начал уходить народ. К вечеру все, кто решил вернуться на старое место жительства, покинули нас. Но и с нами остаться решили многие, так что вечером я принимал по уже сложившейся у нас традиции, клятву новых поселенцев. Вольные они люди или невольные, а мне в своих жителях надо быть уверенным. Многие просили разрешения поселиться снаружи под стенами, но мне такая вольница рядом пока не нужна и я всем отказал. Пусть для начала городище восстанавливают, а то Трувор и обидеться может, если все ко мне переберутся. А вот потом, после восстановления городища, начнём свои посадки ставить.

Весь день заседали в моём кабинете, который уже переставал быть моим. Чувствую, придётся вскоре новые хоромы для себя ставить. Да и ладно, мне же будет лучше.

Сложили полностью всю картинку наших действий. Оказалось, князь вчера грамотно сориентировался и захватил драккары, пользуясь тем, что все варяги ушли на захват такого жирного куска, как моя крепость. Ну, ещё бы, за такими большими стенами и добыча должна была быть большая...

Мне драккары пока были ни к чему и князь забрал их себе, компенсировав мне за них новгородским серебром. Все остальные трофеи

поделили пополам. Городище договорились восстанавливать так же совместными силами. Будем строить новый город, и начнём возводить его с каменных стен по берегам рек на мысу. Там будет Детинец. Стену же с нашей стороны пока сделаем деревянной – самое главное возвести береговые стены. Нарисовал князю эскизы Крома, как помнил из своего мира. Посады за стены выносить не будем, поставим их внутри. Постарался припомнить всё, что знал о внутренней планировке Псковского кремля. Оставим всё, как было, нечего такую красоту перекраивать и портить.

Но эти планы решили отложить на потом. Хорошо всё обдумав, решили сначала достроить мою крепость. Будет где укрыться в случае чего. И только по завершении всех работ, людей перебросим на новое городище. Думаю, таким количеством народа, мы всё построим быстро. Осталось-то всего ничего.

Ещё ждем ответа от Синеуса. Гонцов как отправили, так они и пропали. Может, остались там и выжидают, когда можно будет отправиться в обратную дорогу? Потерпим ещё недели две, а потом надо что-то придумывать. Хоть новых гонцов отправляй. И от Будимира вестей нет. Делать нечего, остаётся запастись терпением и просто ждать. Придумать голубиную почту, что ли?

Вернули народ на наши производства, и мои ближники, воспользовавшись огромным притоком людей к нам, отобрали достойных мастеров и подмастерьев, и просто желающих научиться хорошей специальности. Таким образом, нам пришлось сразу же ставить ещё две кузни, одну столярку и две гончарных мастерских. Запланировали после этого обязательно поставить ещё один скотник и, соответственно, одну прядильню. Будем сами прясть пряжу, и, в конечном итоге, будем сами ткать полотно.

Через неделю, обсудив сложившееся положение, пришли к выводу, что всё-таки придётся селить народ за стенами нашей крепости. Очень уж много народу к нам прибилось. То не было никого, а тут резкое перенаселение. После бурных споров решили в крепости оставить мой терем и дома всех ближников, все мастерские, лесопилку и склады, казарму, конюшню и верфь. То есть, внутри больше ничего строить не будем, кроме мастерских – делаем мощную производственную базу за крепкими стенами и под охраной дружины. С северо-восточной стороны вырубаем лес и ставим избы – делаем так называемый спальный район. Сразу оговорил – никакой хаотичной застройки. Прямые улицы с перпендикулярными переулками. Туалеты и выгребные ямы – обязательны

для всех. Застройку будем начинать не ближе ста метров от стен. Весь срубленный лес после вылежки пойдёт на стройку. Желающим селиться отдельно предоставляем все условия и помогаем поставить избы и хозяйственные постройки, снабжаем минимальным инвентарём по символическим ценам. В ответ селяне должны будут все излишки от будущих урожаев продавать нам по предварительно оговорённым ценам.

На недоумённый вопрос, для чего это нужно, ответил, что мы сами будем потом всё это продавать на торгу уже по нашим ценам – будем монополизировать торговлю. Пришлось ещё и объяснять смысл этого слова, но народ всё сразу понял и идею горячо поддержал.

Это я пока не стал говорить, что мы уже фактически взяли под себя всё кузнечное, плотницкое и гончарное производство, приютив всех плесковских мастеров у себя. Позже всё поймут. Да плюс кирпич, черепица и брус с досками. Может, и прядильно-ткацкую мастерскую откроем...

По моим прикидкам – некому с нами конкурировать. Будут отдельные мастерские конечно, но они нам не страшны.

Для этого мы и будем людям бесплатно и жильё, и инструмент давать. Всё окупится. Без своего сельского хозяйства нам никак.

А все остальные пусть селятся вдоль реки. Так мы постепенно сольёмся с городищем. Получается, мы прикрываем его с северо-востока, а Трувор нас – с юго-запада. Потом ещё расширимся и когда-то да замкнём стены в общее кольцо, как и было в моей действительности.

Вскоре ко мне опять прискакал Трувор и привёз с собой много новостей, как плохих, так и хороших.

Самую главную новость привезли объявившиеся, в конце концов, гонцы. Мы оказались правы в своих предположениях – им пришлось дожидаться окончания осады и потом ещё долго скитаться по лесам, отрываясь от викингов.

Старая Ладога, как и Плесков, была сожжена, но, благодаря нашему предупреждению, Синеус успел подготовиться к нападению. Жителей заблаговременно вывели из городища. К сожалению, сил отбиться ему не хватило, поддержка из Новгорода так и не пришла. Продержавшись сколько смог, Синеус с остатками дружины прорвался в леса, и потом ещё долго стряхивал с хвоста вцепившихся в него клещом варягов. Что было самым интересным – варяги дальше по реке на Новгород не пошли, ограничившись только взятием Старой Ладоги.

Отделившись от дружины, Синеус отправился к Будимиру. Посоветовавшись со старым волхвом, решил заново отстраивать своё городище и восстанавливать крепость. Люди остались целы, а дружину

постепенно восстановит.

В Изборскую же крепость прибыли новые посадник и воевода. Привезли новое распоряжение от Рюрика. Трувор оставляет всех воинов, и уходит в Плесков со своими ближниками и малой дружиной.

Значит, придётся возвращать стрелков князю, а так не хотелось.

Ещё повезло Трувору, что он не успел оприходовать только что захваченные драккары, а то казну пришлось делить с новым посадником. Забрали бы всё, но князю ещё восстанавливать разрушенное Плесковское городище, поэтому особо наглеть не стали. И только одно это уже показывает отношение старшего из братьев к младшим.

Что ещё было хорошо, так это то, что бежавшие от варягов Устюжане пошли за Трувором, и будут вливаться в Плесковское поселение. Князь восхищённо рассказывал, как они недалеко от Изборска основали новое поселение, и назвали его Труворовым городищем. Вот только городище это просуществовало недолго – народ добирается своим ходом сюда.

Это действительно хорошая весть. Потому что князю надо восстанавливать дружину и крепость. И на всё про всё времени нам остаётся год. Ведь ровно через год с обоими князьями что-то должно случиться и Рюрик заберёт под себя их земли...

Все драккары опять перегнали под Плесковские стены и вытащили на берег. Пусть пока постоят, посохнут – обдерём днище, просмолим, попробуем поменять такелаж под новые паруса. Сделаем одно экспериментальное судно, и если всё пойдёт хорошо, прицепим к нему парочку других похуже и отгоним в Новгород – там продадим. Заодно загрузимся товарами для торговища – будем заманивать к нам купцов. Ещё надо распродать наши трофеи. Забрать полотно на паруса, о котором уговаривался в свой прошлый приезд. Пока Трувор будет занят строительством, я после продажи судов и товара, поеду в Старую Ладугу. Может, надо помочь Синеусу деньгами, да и волхвов проведать надобно.

Возведение башен продолжается, лес вырубается, расчищается место под застройку. Головня и Истома занимаются по своему плану и готовят товары на продажу. Гончары тоже суеются, все хотят успеть отправить со мной побольше товара. Ещё прихватчу досок для заманухи, нечего пустыми драккары тащить. Еленя только грустит со Стояном – их продукция пока опередила своё время и людям надо сначала услышать слухи, потом посмотреть и пощупать всё своим руками. И только после этого можно надеяться на успех. Ничего, утешаю я, всё наладится. Впереди огромное поле деятельности – в нашей крепости сколько ещё крыш нужно покрыть черепицей, да крыши в посадах, и мы же будем возрождать Плесков. А

сколько печей нам там придётся выложить... На этом ребята тяжело вздыхают и отправляются руководить своими разросшимися ватагами.

Тем временем мы с князем рисуем планы будущего городища – очень уж Трувору нравится придумывать новые улицы и смотреть, как на бересте появляются чёткие линии поселения.

Милену загрузили работой по переделке паруса с драккара на новый по моему рисунку. Подобрал себе умелиц и оккупировав часть береговой поляны, расстелили полотно паруса и теперь мудрят с ним.

Изяславу поставлена задача подготовить команду дружинников на драккар. Будут у нас свои моряки.

Всё – таки как хорошо, когда столько народу – лес убрали быстро и теперь на выложенные фундаменты начали рубить стены. Такими темпами через неделю первая улица будет готова. Немного задерживают печники, но это и хорошо, всё равно срубам ещё усаживаться и усаживаться.

Появились в округе первые хутора. В основном туда ушли все крепкие семьи. Ничего, народу много, справимся. Зато у нас появляется своё сельское хозяйство и животноводство.

Наступало неудержимо лето, закончилась посевная, и, в основном, вся наша стройка, ватаги начали постепенно переходить под управление князя, занимаясь пока фундаментом стен. Яромир тоже достроил свой храм, и мы все присутствовали на первой службе. Заодно рассказал ему, что вспомнил о ещё одном месте для храма недалеко от городища. Договорились походить и поискать вместе.

А когда пришёл день торжественной закладки первого камня в крепостной стене Плескова, я предложил князю переименовать новое городище. И будет у нас не городище, а город! А новый город должен и называться по-новому. И стоять неприступной твердыней будет этот город, и пронесёт через века и тысячелетия своё гордое имя – Псков!!!

Стены, правда, возводили пока такие же, как и в моей крепости, только повыше на пару метров. Общий стиль оставили тот же самый, силуэты башен оставил как есть – пусть будут.

Глава 11. Торговля превыше всего. Начинаем представлять свои товары. Какие дирхемы? Рубль наше всё!

Тем временем пришла пора выходить на испытания нового парусного вооружения.

Изяслав отобрал двадцать восемь дружинников на теперь уже нашу посудину, которых возглавил Мстиша. Всё время, что перешивали новый парус, судовая команда готовила драккар к плаванию. В городе нашли и уговорили перейти к нам хорошего кормчего (в городище-то все лодии пожгли вместе с посадами), пообещав ему постоянное место у руля. Так как с парусами никто из дружины раньше дела не имел, пришлось нанимать и всю бывшую ватагу кормчего. Зато у нас оказалась опытная, сработанная команда, знающая местные воды и умеющая обращаться с парусами. Думаю, что и новый парус для них никаких трудностей не составит. Посидели с ними на берегу, рассказал, как будет работать новый парус, потренировались немножко у берега, перекладывая гик и пряча головы.

Выгребли в Великую и поставили парус, поймали ветер и вода зашипела под форштевнем, запенилась, двумя длинными усами побежала в разные стороны, добегая до берега и качая камыш. Показал, как лавировать против ветра, а ходить разными галсами команда и так умела. Только со старым парусом при встречном и боковом ветре ходить было нельзя – могло и опрокинуть, а тут такая красота. Ещё потренироваться немного сегодня, и можно отправляться в путь. Остальной опыт наберём во время плавания. Негоже товару лежать без дела.

Весь следующий день загружались, а утром и отплыли. На берегу собрался весь город, даже работы приостановили, больно уж событие для нас значимое – впервые выводим наши товары на «мировой уровень». Попрощались с Трувором, махнул всем рукой, и отчалили – подхватили нас чёрные воды реки Псковы и понесли в первое наше дальнейшее плавание.

На Великой поставили парус, и потянули тяжёлый груз. Скорость невеликая, всё-таки позади два драккара загруженных в кильватере идут. Ничего, дойдём потихоньку, лишь бы погода не подвела и по пути никого лихого не встретить. Воевать с таким грузом будет тяжело.

К вечеру дотопали тихим ходом до островов в Псковском озере, приткнулись к берегу. Разбили лагерь, собрался было с Мстишей сходить в

поселение на берегу, но нас опередили. Пришла делегация местных жителей. Познакомились, поужинали и поговорили у костра. Местные рассказали, как прятались на материке от варягов, пока те грабили поселение. Благо все рыбаки и лодок хватает – ушли вовремя. Увидев нас – поначалу испугались драккаров, подумали, что опять варяги возвращаются, собрались уже было опять уходить, но разглядели, что непохожи мы на варягов. Понаблюдав, как мы причаливали, убедились в том, что мы свои и успокоились. Теперь вот пришли на разведку, заодно поговорить и узнать новости, что с варягами.

Коротенько пересказав те события, что произошли у нас после нападения викингов, попрощались, обговорив с ними возможность приплывать к нам на торг. Рассказал про наши товары и показал доски и железо. Продавать ничего не стал, так можем и до места не доплыть, а вот заинтересовать – заинтересовал.

Когда стали подходить к Тёплому озеру, соединяющему Псковское и Чудское озёра, приказал всем приготовиться к бою. Расстояние между берегами небольшое и лучше заранее приготовиться к нападению. Всё-таки цель мы заманчивая, наверняка с берега смотрят и облизываются. Так и дошли до реки Наровы, останавливаясь на ночёвку у берега и выставляя караулы на время стоянок. А я полагался в основном на свою собаку – она меня ещё ни разу не подводила. Пороги прошли, проведя каждое судно поодиночке, нечего рисковать попусту, да и дальше так же будем делать. Осадка у драккаров небольшая, пройдем. Все же проходят. Где не пройдем – протащим. Изучим путь, потом будет легче. Вышли в море, поначалу было страшно, волна бьёт, а борта низкие. Да ещё и загружены. Но потом привыкли, приноровились. Ветер был сильный, разогнал волну и пришлось идти очень аккуратно от мыса к мысу, не уходя далеко в море. С воды все берега и устья рек выглядели одинаково и боясь зайти не туда, да и просто заблудиться, пришлось нам искать проводника среди местных. На это потратили лишние два дня, но, в конце концов, нашли желающего за небольшую плату провести нас до устья Невы. Прицепили позади маленькую лодчонку проводника – нам уже было всё равно, сколько тянуть за собой. Когда вошли в Неву, вздохнул облегчённо. Но брони не снимали и арбалеты свои под рукой держали – мало ли.

Народу тут шныряет много, вдруг кто на наши гружённые драккары польстится? Надо бы нам разделиться, да на каждое судно человек по пять дружинников посадить. А то налетят с одной стороны, а с другой под шумок тишком перережут верёвки, и утащат наше добро с товаром. Так и сделали на первом же привале. А ещё пришлось вёслами поработать, идём-

то против течения, а на одном парусе вон сколько нахлебников повисло. Иногда мимо проскакивают небольшие судёнышки. Со стороны не понять, чьи они и откуда. Раньше думал, что у варягов были только драккары, а у славян – лодии. Кроме, конечно, мелких долблёнок. А тут, каких только посудин не увидел: и баркасы, и барки и лодки. Лодки разные, маленькие и большие, парусные и вёсельные. Со всех посудин, что покрупнее, нас разглядывали настороженно, народ тоже в бронях и с оружием в руках. Так и смотрят, можно рискнуть поживиться за наш счёт или нет. Прошли Невские пороги и вот она – Ладога. Теперь срезать залив и за мысом надо искать устье Волхова. Или пойдём хвостом за кем-нибудь, или найдём проводника.

Так и добрались до Старой Ладogi.

Из этого плавания сделал однозначный вывод – надо строить свою посудину, драккары вызывают слишком уж неприязненное отношение у местного населения. Как только из-за мыса выныривает драккар с резной головой на носу – народ в панике бежит из поселений.

Такая же история повторилась и в Старой Ладoge, когда мы медленно вышли из-за поворота. Народ с криками побежал к лесу, а на берегу выстроились остатки дружины, и сборная солянка из местных с луками в руках. Сейчас как нашинкуют стрелами. Вскочил на переднюю банку и замахал руками, заорал так громко, как смог, зовя Синеуса. Облегчённо вздохнул, увидев как опустились уже натянутые луки.

Причалив к берегу неподалёку от сожжённых мостков, спрыгнул на песок, наказав Мстише не расслабляться. Поднялся к обгоревшим брёвнам стен, плачущих янтарными слезами смолы, и прошёл через редкие ряды раздвинувшихся дружинников. Увидел Синеуса и успел заметить, как радостно-облегчённая улыбка промелькнула на его лице, и как сразу расслабились княжьи ближники и дружина. Как будто выдохнули даже. Хорошо, что князь меня помнит. А то часто бывает – увидел раз человека, и тут же забыл о нём.

Подойдя ближе, хотел поздороваться да поклониться, но не успел открыть рот, как меня радостно облапил князь, густо прогудев в ухо:

– Здравствуй, здравствуй! Рады тебя видеть! Извини, что принять негде, всё пожгли варяги. Один прибыл, или с братом моим? Хотя, что это я? Если б с братом – он уже был бы тут. К нам? Или дальше пойдёшь?

– Отдохнём тут, если позволишь, денёк-другой, а затем на Новгородский торг товары повезём. Да и с драккарами что-то решить надо. – Показываю кивком.

– Команду своим дай – пусть располагаются, где удобнее, да и пойдём

ко мне. Пока поставили избу по-быстрому. Там и угощу чем смогу, и поговорим.

Пришвартовались борт к борту, выставили караулы на носу и корме, и дружинники, под командой Мстиши, сошли на берег и разбили лагерь. А мы с Синеусом долго проговорили в его избушке, а по-другому её и не назовёшь. У меня сейчас в поселении мастера живут в гораздо лучших условиях. Ничего, отстроится князь.

Пришлось сначала мне рассказывать всю нашу эпопею с нападением варягов. Потом долго отвечать на уточняющие вопросы и рисовать схемы моей крепости и план сражения. Очень уж засомневался князь, когда услышал о невеликом числе наших потерь. Ну, никак не мог поверить, что у нас всего одна убитая девчушка и двое раненых остолопов дружинников. Что интересно, в разгроме варягов не засомневался ни на йоту, а вот в наши малые потери не поверил. Пришлось пригласить князя к нам в гости, пообещав показать все новшества и достижения.

Очень заинтересовался нашим товаром, и мы договорились с утра посмотреть образцы. А уж когда узнал, что и драккары будем продавать, то еле-еле удалось уговорить подождать до утра и не идти смотреть сразу же.

– По правде говоря, рассказывали ваши гонцы о ваших же успехах, но думал, болтают, приукрашивая. Может и правда с вами съездить, посмотреть всё самому, с братом посоветоваться? Своих ближников, да мастеров ещё прихватить – пусть посмотрят, опыта наберутся у умных людей.

– Вместе веселее будет, да и дорогу вам заодно показать, надо торговые пути прокладывать между нашими городами.

– А это что за слово новое?

– Это мы с Трувором придумали так большие городища называть. Поселение обнесли тыном деревянным, городьбой и получилось городище. А когда городище огородили каменной стеной – получился город. Да мы и название нашему городу другое дали. Отныне и навеки наш город будет носить имя Псков. Когда уходили – как раз первый камень в стены заложили. – Опять рисую угольком новую картинку.

– Моя крепость защищает город с северо-востока, внутри неё поставили все кузни, плотницкие и столярные мастерские, гончарни и кирпичное производство, лесопилку и верфь.

– Разумно, не надо каждый раз всё заново отстраивать. – Соглашается князь.

Поговорив ещё немного, проверили на берегу моих людей. Синеус потрепал Грома, который предпочёл никуда не бегать, а валяться около

костра, благо ребята ему отдали мосол, когда сварили кулеш. Покосился на темнеющие борта драккаров, но промолчал. Попрощались до утра и разошлись отдыхать.

Утром, во главе с князем, заявила большая толпа народа. Достали наш «коммерческий набор», приготовленный ещё во Пскове, с образцами товаров. Только доски и кирпич с черепицей пришлось показывать вживую. Сначала образец товара брал в руки Синеус, потом он переходил в руки боярам, и потом уж мастерам. Вдоволь поудивлявшись новинкам, узнав предназначение черепицы, расспросив, что мы делаем из кирпича, князь предложил нам продать часть товара ему, сожалея, что осталось мало денег, а надо ещё поднимать городище. Иначе скупил бы всё. А так денег хватит только на один драккар и на часть товара.

Хорошенько подумав, не стал говорить, что мы и так собирались часть товара оставить Синеусу, чтобы ему было легче, а предложил такую схему. Мы идём в Новгород, и там князевы купцы продают наш товар якобы от себя. Продаём и два драккара, третий же оставляем Синеусу. Всю выручку делим пополам, за исключением драккаров, но князь нас отвозит назад в Псков. На обратном пути может прикупить у нас ещё один драккар, и набрать больше товара на продажу. Делаем Ладогу посредником в торговле с Новгородом. Будем поддерживать союзника, да и надо выстраивать наши торговые отношения. Заодно посмотрит князь и на наших печников, может, ему понравятся новые печи. Хотя, думаю, что ему всё понравится. Вон, как ножи по душе пришлись. Надо ему свою бронежилетку на каждый день показать. Трувор в такой же даже в туалет ходит.

Сказать, что князю такое предложение пришлось по душе, это, значит, ничего не сказать. Ухватившись руками и ногами за высказанную мысль, князь начал обсуждать, как же нам двумя дружинами, да с боярами и мастерами, на одном драккаре в Псков идти. Пока уже перед обедом в голову не пришла мысль закупить в Новгороде лошадей, и отправить Синеусову дружину верхом. А там лошадей мы заберём, у нас их не хватает. Вот только придётся Синеусу сидеть в своём горелом городище, пока мы в Новгороде торговать будем. Нечего ему лишний раз мозолить глаза Рюрику.

Оставив князя составлять список людей, которых он будет отправлять своим ходом, я, взяв провожатого, отправился к Будимиру, прихватив с собой подарочные наборы посуды и кое-какие, необходимые в хозяйстве, инструменты.

Не успели мы подъехать к бревенчатому тыну, как в проёме ворот показался сам верховный.

– Не спешил ты, как я посмотрю. Мы тебя ещё вчера вечером ожидали. – Ошеломил меня сходу волхв. – Проходи и здравствуй, гость дорогой.

Спешившись и поздоровавшись, прошёл в ту же большую комнату, что и в прошлый раз. Точно так же меня встретила торжественная группа старцев, которой я и вручил привезённые подарки, пояснив при этом, что всё это – изделия нашего производства. Потом пришлось опять рассказывать все, произошедшие с нами за это время, события. Но, по второму разу уже было гораздо легче, и времени на рассказ ушло меньше. А, может, просто язык мой привык болтать. Рассказал о построенном храме, но никакого удивления этим не вызвал. Такое впечатление, что эта новость уже и не новость совсем. А вот моё воспоминание о ещё одном вероятном месте расположения храма, волхвов заинтересовало не на шутку. Опять проговорили весь день. Получив полное одобрение своих действий и твёрдое обещание прислать позже ещё несколько волхвов в помощь Яромиру, я пошёл на выход, провожаемый Будимиром.

– Боги довольны тем, что ты делаешь. Продолжай идти своим путём. Если получится усилить Синеуса, и продержится он в Ладогe, будет очень хорошо. Можно контролировать торговые потоки через Новгород. Но опасно это. Делать всё будет нужно очень осторожно, правильно ты решил с торговлей помочь князю. И мы со своей стороны поможем. – На прощание сказал мне Верховный.

– Вот тебе ещё дар от нас. Отдаёмся щенком от твоего Грома – добрые собаки получились.

Взяв на руки лобастого пушистого щенка с большими толстыми лапами, посмотрел в умные глаза. Поклонился Будимиру, сказать в ответ ничего не смог – горло перехватил спазм. Но волхв и так прекрасно всё понял и, улыбаясь, проводил меня в ворота, подняв в прощании руку.

Ночью не стал беспокоить князя, пришёл тихо и улёгся спать. Утро вечера мудренее.

День же начался с уже ставшей привычной суматохи. Моя команда снова собралась на одном драккаре, а на остальные загружались ладожские дружинники. Будем выдавать их за псковских. Носился по берегу со звонким лаем мой собыш, активно участвуя в таком интересном процессе, пугая незнакомых с ним людей. Показал ему сына и Гром, обнюхав, гулко рывкнул – признал, значит. Распрощавшись с князем отчалили и пошли на Новгород, прихватив с собой и несколько доверенных купцов, которые будут вести наши дела. Пусть начинают сразу вникать в дело. С таким количеством людей быстро дошли до места. Все встречные суда от нас в

страхе шарахались, да и при швартовке мы вызвали нездоровый ажиотаж среди местного дружинного населения. Пришвартовавшись борт к борту и заплатив мыто за швартовку и товар, а также ещё и за нахождение дружины в городище, я немного был в шоке. Если столько денег берут с каждого купца, понятно, почему тут такой богатый детинец. Да и городище – вон как распухло. Ну-ну...

Отправив купцов на торг выкупать место получше, я прошёлся до мастерской, где мне должны были подготовить полотно на парус. Обрадовав своим появлением хозяина, разговорились.

Забросил удочку насчёт продажи драккара, и хозяин меня уверил, что такой товар заберут с руками и ногами, если, конечно, цена будет реальная. Да он и сам в этом деле может лично поспособствовать, так как уже знает, кому можно такой ходовой, в прямом смысле этого слова, товар предложить. За небольшое вознаграждение, конечно.

Договорившись о комиссионных за посредничество и о том, что к клиенту пойдём вместе, ударили по рукам и, не откладывая дела в долгий ящик, отправились продавать драккар. Предварительно мой новый знакомец, которого зовут Прокошем, облазил его от носа до кормы. А вот потом и отправились.

По дороге хозяин ненавязчиво так начал расспрашивать меня о досках и кирпичах, замеченных им на судне. Скрывать было нечего, такое любопытство было на пользу, и я рассказал, что новый товар будет выставлен на торг, а драккары захвачены с боя в Пскове. Глядя на недоумённое лицо попутчика поведал о новом названии старого города на берегах реки Великой, сейчас восстающего из пепелища. Покивав на это головой и глубокомысленно помолчав, мой знакомец пригласил меня, после встречи с вероятным клиентом, пройти к нему домой и поговорить за обедом на эту интересную тему. Да запросто. Вот только говорить лучше не дома, а у товара, чтобы лучше его рассмотреть да пощупать. На это предложение новгородец не нашёл, что ответить, и согласился.

Вскоре дошли до огромного двора с большой рубленой избой в два поверха, сразу выделяющейся среди соседей своими размерами. Затежливо оформленные наличники, раскрытившийся петушок на коньке фронтона – единственное, что можно было разглядеть через резные тёсанные ворота и такую же высокую и крепкую горотьбу вокруг всего подворья. Это как же они такие ворота открывают? На громкий стук деревянным билом, привязанным у калитки, выглянул опрятный холоп и, выслушав моего спутника, бросил быстрый изучающий взгляд на меня, мгновенно испарился. Вскоре калитка распахнулась и нас с почтением пригласили

пройти на двор. Отдавая дань уже знакомым традициям, пришлось для начала отведать из разукрашенного ковша ядрённого сбитня, раскланяться с хозяйкой и хозяином, вытерпеть положенную процедуру знакомства и только после всего этого попытаться начать говорить о деле. Не вышло.

Потом всё равно пришлось идти в горницу и плотно обедать. А времени это заняло столько, что я уже начал опасаться, как бы не пришлось заночевать в гостях. Даже банькой заманивали. Еле отговорился. Но обещание продолжить знакомство и посиделки у меня выбили. И только после этого мы всей огромной толпой, в которую вероятный покупатель, и он же купец, пригласил своих товарищей, кормщика, и ещё каких-то мастеров, отправились на берег, где и приступили к осмотру драккаров. Узнав, что продаются оба, мой посредник завертелся вьюном, а когда купец увидел и рассмотрел наш товар, а особенно доски, я вволю насладился развернувшимся на берегу представлением.

Прокош сначала спал лицом, когда почувствовал уплывающую из рук выгоду, но тут же сориентировался и расхваливал мой товар, как свой собственный, а тут ещё вернулись наши купцы из городища, и, сходу въехав в ситуацию, активно включились в этот захватывающий процесс. Вокруг стоял весёлый перезвон от демонстрации качества предлагаемой посуды. Звенело проверяемое железо, скрипело по доскам колесо тачки, и только кирпичи и черепица вызвали лёгкое недоумение. Пришлось рассказывать и показывать, что это такое, и для чего предназначено. Узнал заодно, в чём недоумение. Местные используют тонкий, почти квадратный кирпич, и называют его плинфой. Черепицу купец видел, но не приценивался. Кроют крыши по старинке и ладно. Вокруг досок никакого ажиотажа не было – народ старательно обходил взглядом аккуратные штабеля в драккарах. Я поначалу даже не понял в чём дело, расстроился, и только чуть позже до меня дошло. Такого товара ещё вообще не было! Тем более – одинакового по размеру. И цена на этот товар будет такая, какую я выставлю...

Самое интересное, это то, что увидев такое обилие нового товара, которого ещё никто не привозил, а если и привозил, то в весьма малых количествах, купец позабыл о главной цели своего похода. Когда приглашённые им мастера осмотрели оба драккара и подошли к нему высказать свое веское слово, то купец попросту от них отмахнулся, продолжая яростно торговаться с моими купцами.

Пригласив спутников купца посидеть в тенёчке, да подождать, пока купец порешает свои торговые дела, я разговорил мастеров. Меня интересовали новости и слухи. Вытянув всё интересное из местных,

заметил, что торг на берегу уже пошёл по неизвестно какому кругу и дал отмашку своим купцам, чтобы заканчивали. Мои быстро перевели все стрелки на меня и ретировались на драккар.

Отдуваясь и отфыркиваясь, подошёл довольный купец:

– Удачный у меня сегодня день, вовремя вы ко мне пришли с товаром. Осталось только по цене договориться. Ух и псы твои людишки, вцепились в цены, и на белку опуститься не хотят.

– За то и держу их, потому как мои интересы берегут, на ветер не отпускают.

– Это всё правильно, но и уступить надо, а как иначе-то торговлю вести?

– Давай теперь со мной поторгуюемся, но я тебе сразу скажу – места на торге мы выкупили и завтра свои товары можем туда выставить. А теперь представь, что будет, если мой товар много купцов сразу увидят?

– И с тобой торговаться плохо, ты ж сразу за мягкое берёшь, и трепыхнуться не даёшь.

– Ну да, а ещё совсем ты забыл, зачем сюда пришёл, да с собой целую толпу народа привёл.

Купец, он на то и купец. Мгновенно перестроился, и пошёл разговаривать со своими людьми. А я направился к своим. Быстро с ними переговорив и поинтересовавшись порядком возможных цен на наши товары, согласовали наши планы, и сошли на берег.

Обсудив и выяснив всё необходимое для себя, купец вернулся к нам и пошёл на очередной круг торговли, но уже укрепленный более весомыми аргументами, представляя себя в виде оптового покупателя. Тут же вьюном крутился Прокош, боясь упустить свою прибыль, давая советы одной и другой стороне и стараясь оказаться полезным.

Наблюдая, как развлекаются устроенным спектаклем наши дружинники, порадовался за них. А на берегу-то сколько народа собралось. Такое ощущение, что весь Новгород сбежался на берег, привлеченный яростным торгом купцов.

Ещё немного послушав яростный спор, я внёс встречное предложение. Мы уступаем в цене. Не много, но уступаем, успокоил я вскинувшихся в запале своих купцов. За это мы попросим купца выступить нашим торговым представителем в Новгороде. На невысказанный вопрос разъяснил, что это такое. Мы будем привозить товар только ему и более никому. Речь пойдёт только о том товаре, о котором мы договоримся сейчас. За привезённый товар купец рассчитывается с нами сполна и сразу, а мы не вмешиваемся в его дальнейшее ценообразование. Купец опять

завис, и пришлось разъяснить, что не будем интересоваться, по каким ценам он будет продавать наш товар. Конечно, до тех пор, пока это не будет нам в ущерб. За эту уступку, в качестве встречного доброго жеста, купец нам покупает хороших коней с полной сбруей. Конечно же – за наши деньги. Просто, объяснил я, он-то в своём городище наверняка их купит гораздо дешевле, чем мы на торге. Купец посидел, подумал, и мы ударили по рукам, получив принципиальное согласие. Осталось немного – согласовать все цены. Пришлось опять возвращаться всей толпой домой к купцу, основательно знакомиться в процессе уже ужина, и продолжать наши разговоры. Так и проговорили допоздна, а потом Гостята, так звали нашего хлебосольного хозяина и компаньона, предложил мне кров в своих хоромах, и я согласился. Правда, перед сном пришлось сходить в баню и напариться, а только потом провалиться в глубокую пуховую перину. Зато выспался, как белый человек. Умывшись и позавтракав, поднялись в рабочий кабинет, где подбили итог нашему вчерашнему разговору. Итог получился весьма весомый, и я попросил привезти его к моему драккару. Одному-то не унести. После этого перегоним уже чужие драккары к пристани Гостяты.

Купец пообещал сегодня же решить вопрос с покупкой коней и спросил, где мы их будем забирать. Договорились, что заберём оттуда, откуда скажет. Осталось решить вопрос с Прокошем по поводу цены на заказанное полотно. Думаю, Прокош, получив свои комиссионные, подobreет, и даст мне некоторую скидку. А ещё лучше сначала попросить скидку и договориться о цене, а уж потом отдать комиссионные за драккары. Заодно договориться ещё на партию полотна.

Обдумав тактику своих действий, я нашёл своего вчерашнего товарища, и решил с ним наши общие дела к взаимному удовлетворению.

Договорённую сумму Гостята привёз лично, как раз тогда, когда я подходил к пристани. Деньги я пересчитывать не стал, чем очень озадачил купца. Конечно, ему было и приятно за доверие, и досадно за то, что не удалось похвалиться платежеспособностью при всём честном народе, но я коротко объяснил ему, что доверие – штука непредсказуемая и неустойчивая, которую так легко потерять. А когда пропадает доверие между компаньонами, то начинают происходить самые нехорошие вещи. Для потерявшего доверие, нехорошие. А деньги потом пересчитают мои помощники, когда будут сводить баланс.

Проводив задумавшегося купца, я решил послать на торг своих помощников прикупить больше соли, специй и железа.

Когда-то давно я обещал Любаве, что научу её солить рыбу со

специями. Вот и надо выполнять свои обещания.

Ещё попросил набрать красивых, цветных тканей и всяких безделушек, лишь бы было покрасивее. На этом задумался, и озадачил купцов скупкой разной мелочёвки, которой у нас в Пскове нет, или она очень дорогая. Будем лавку открывать у нас на торгу или в поселении. Посоветовал подождать, пока не вернется Гостята, и поинтересоваться у него этим вопросом. Толку будет больше.

Очень пожалел, что не взял кого-нибудь потолковее из Пскова в этот поход. Вот теперь приходится натаскивать купцов Синеуса. Хотя, может, удастся перетащить кого-то из них к себе в городище. Кадры – это наше всё. А крылатое выражение – «незаменимых людей нет», которое у нас очень любили и любят повторять всякие доморощенные управленцы, они же могут засунуть себе во всякие интимные места.

Надо сегодня переговорить с народом. Вдруг найдётся человек, у которого пока не угас интерес к новым местам, людям, ну и к новому товару, само собой. А с Синеусом я договорюсь. За те деньги, что я ему привезу – половину его людей можно со мной отпустить.

Вернулся Гостята, и мы отправились за лошадьми. Дружинники придирчиво осматривали покупаемых коней, проверяли сёдла и сбрую. Уложив в походные сумки закупленный провиант, выдал Родогору, старшему дружиннику Синеуса, немного денег на дорожные расходы, и распрощался с ними. Строго наказал – коней не гнать! Приеду – проверю.

Выдав нашим купцам полный расклад по интересующим товарам, отправил их к подошедшему Гостяте. Дождавшись окончания разговора, разошлись в разные стороны. Купцы – на торжище, а меня Гостята зазвал к себе пообедать. Ну и пообщаться, само собой. Что интересно, думал предложить ему наши печи, но, увидев, как отапливается дом, передумал. Пусть приедет к нам в гости и сам посмотрит, а то ведь не поверит моим рассказам. Потому как стоят у него в хоромах несколько печей, отапливаемых с нижних клеток, а дым выходит в прорубленные отверстия под самым потолком. Поэтому для него не критично – дыма-то, как такового в жилых помещениях почти нет. Это для меня с моим изнеженным цивилизацией носом, чувствуется дым и угар, а они привыкли и не замечают. Пусть приедет, посмотрит и сам думает. Человек он умный и дюже любознательный. Если даже не себе, так придумает – как новую задумку к своей выгоде приспособить.

А вообще – кошмар! Это же топить нужно постоянно и круглосуточно, чтобы поверхи нагреть.

Закупившись всем необходимым, а я решил прикупить ещё полотна,

потому как – не помешает, да разных выделанных кож, смолы в бочонках для верфи, да льняного очёса в тюках. Набрал канатов да разных верёвок, пока не спохватился. Мне же ещё строиться нужно. Загрузились и отправились в обратную дорогу, подальше от соблазнов. В старой Ладоге подхватили Синеуса с ближниками, и пошли дальше. Во время пути сманил одного купца, как и планировал, поэтому на душе было спокойно и хорошо. А когда рассказал князю о полученной выгоде и о причитающейся ему половине, за исключением выручки от драккаров, то заслужил одобрителный хлопок по спине.

Чрез неделю мы вошли в устье Великой и вскоре причалили на своё место. Сбежался народ, приветствуя нас – радовались благополучному возвращению. Братья-князья обнялись, и все вместе отправились в мои хоромы. Потому как – больше некуда. Чую, опять мне придётся ночевать в бане. Пора, пора ставить себе отдельный домишко про запас. Кстати, а не поставить ли мне его в строящейся Псковской крепости – пусть будет.

Любава занялась гостями, а мы с князьями пошли в баню. По пути завернули к Волчку и я попросил позаботиться о Громовом сынке, которого привёз из Ладоги. Имечко для него подберу позже. Громчика оставил там же. Выйдя от Волчка, наткнулись на поджидавших нас Изяслава с Родогором. Быстро приняв доклады о благополучном прибытии Синеусовой дружины, и договорившись с Изяславом переговорить попозже за столом, поспешили дойти до бани. А то так мы до утра не доберёмся. Синеус рассмотрел печку, очень уж ему интересно стало. Попарились от души, отдохнули, попутно обговорив все новости, как местные, так и привезённые нами, прикинули, как будем жить дальше. Продолжаем поднимать стены. Кстати, вспомнив, застолбил себе место под небольшой дом в городе. Решили завтра отметить место по факту, когда пойдём осматривать результаты стройки. А потом мне пришлось отвечать на многочисленные вопросы Синеуса, который всю дорогу от пристани до бани вертел головой, как вентилятор. Ничего, утром устроим князю со свитой познавательную-ознакомительную экскурсию, и многие вопросы отпадут сами собой.

Что интересно, у Трувора выдержки значительно больше, никаких вопросов он мне не стал задавать – просто перекинулись взглядами и кивками. Мол, всё хорошо – и ладно. Позже обо всём поговорим.

На этом решили завершить банные процедуры и отправились в мои хоромы. Потому как Головня под дверью бани уже давно многозначительно покашливал.

Устроили пир на весь мир, собрались в гостиной все друзья. Накрыли

столы во дворе для дружин и всех желающих. Просидели почти до утра, очень уж всё было душевно.

После обеда пришлось проводить обещанную экскурсию. Утром никак не смогли. Сначала подключил к ней Головню и Истому, потом пришла пора Поревита со всей кирпично-черепичной верхушкой. Даже к Волчку заглянули, но были облаяны подрастающей щенячьей братией. Быстренько закрыли ворота, и пошли на лесопилку. Там зависли надолго. Повторилась та же история, что и с Трувором, когда он в первый раз увидел, как пилят доски.

Потом показывали наши печи и камины. Хорошо, что всё это время нас сопровождали наши мастера, очень уж много задавалось вопросов. Выбрав подходящий момент, я тихонько ускользнул. Мне ещё надо разбираться с привезённым товаром, да решать, где будем ставить первую лавку. Определившись с местом, сразу же озадачил Окуня. Ставить-то лавку надо было ещё вчера – пошутил. Познакомил нового купца Дрёму с Окунем – пусть дальше вместе договариваются, что и как будут строить. Уходя, напомнил, что лавка должна начать работать в ближайшее время. Все цены согласовывать со мной. Будет у меня зам по торговле.

Неделя вышла суматошной. Загружали драккары. Синеус забрал ещё один и на все вырученные новгородские деньги набрал нашего товара. Договорились, что за драккары будет рассчитываться постепенно. А как иначе? Никак.

Синеус рвался домой, очень уж ему не терпелось увиденные у нас чудеса, у себя в городище сделать.

Вечером долго разговаривал с Трувором. Пришла мне в голову идея сделать свой монетный двор. А и то – какие только деньги не ходят по нашей земле – гривны новгородские да смоленские, и дирхемы, ещё меха да камни. А своих денег нет. Вот и начнём понемногу свою монету чеканить. Не дело это – на своей земле чужими деньгами расплачиваться. Чувствую, к нам скоро торговые люди поедут, чем рассчитываться будем? Да и самим надо новые пути торговые открывать. Вон, шведская Бирка в трёх днях пути, если не спешить. Для начала можно туда наведаться. Ведь варяги туда всё награбленное добро свозят, пленных тоже. А там посмотрим, куда ещё можно сходить.

Вот такие свои мысли я и изложил Трувору. Думали, размышляли долго, всю ночь проговорили. И страшно, и ново. Где столько серебра и меди взять – своих-то залежей нет. Будем собирать, где только можно. Договорились привлечь к изготовлению штампов ювелира из Пскова, был там один толковый, да озадачить его. А потом подключим Головню, пусть

пока готовит всё для чеканки. Начеканим серебро, что у нас есть, да и медь всю соберём.

Отталкиваться будем от новгородской гривны. Насколько помню, весила она около четырехсот грамм, вот и возьмём этот вес за исходный. Так как образования соответствующего у меня нет, выдумывать ничего не буду. Воспользуюсь своими знаниями. Была у нас отличная система, вот от неё и будем отталкиваться.

Сделаем серебряные рубли и полтинники, двугривенные и гривенники. Из меди начеканим разного достоинства копеек. Вспомнились откуда-то аверс и реверс. Ну, с реверсом-то всё понятно – герб Пскова отчеканим, который чуть позже придумаем. А на аверсе номинал...

В охрану ещё кого-то толкового и надёжного подобрать надо, казначейство учредить. Слова-то какие пошли умные, а что делать – кому сейчас легко?

Монетный двор решили ставить в углу, рядом с кузнями. Поставим рядом караул, а как иначе?

И пора свою посудину строить, время-то идёт. Драккар хорош, но борта низкие, товару много не возьмёшь, а возьмёшь – места для дружины не останется. Придумаем своё судно, сделаем ладью с более скоростными обводами, поставим мачту с прямым и косым парусом, короче – тут, самое главное начать, а дальше само начнёт получаться. И пороги... Про пороги надо хорошо думать. Если все суда сейчас строят в основном для речного плавания, то мне необходимо совместить речное и морское судно в одно.

Надо пойти Окуня поторопить с лавкой, что-то они там долго копаются.

Неделя – неделей, а пары-тройки дней за глаза должно бригаде хватить. Пойду, потороплю.

Вставленный фитиль ускорил работу ватажников, и вскоре мы с Дрёмой засели в лавке, раскладывая товар и назначая цены. Дрёма один не справится, пусть подыскивает себе расторопных помощников. Ну да это дело его, моё дело предложить.

Приглашённому ювелиру объяснять назначение штампов оказалось не нужно – штамповка мелких украшений ему была знакома. Вот и договорились с ним об изготовлении первого комплекта, попробуем и посмотрим, как получится – потом будем доводить до ума. Нам ещё надо в нужный вес попасть – граммы тут никто не взвешивает.

Переговорив с Головной, решили столь важное дело доверить новому кузнецу Поняте. По уверениям нашего мастера, Понята оказался действительно толковым и любознательным человеком. И хорошо понимал

и чувствовал металл. Решили не откладывать дело в долгий ящик и тут же послали пробегающего мимо мальчонку за кузнецом. Пришедшего начальника нашего монетного двора, который и не подозревал пока о привалившем ему счастье, озадачили новой должностью и новыми требованиями к этой должности. Наказали приготовить всё нужное для штамповки и обратить особое внимание на строгий учёт приходящей и исходящей продукции. Предупредили о ежедневном отчёте, и полагающейся охране при чеканке – пусть постепенно привыкает к мысли о строгом контроле.

Горивой подобрал надёжного, по его словам, человека на должность казначея. Завтра будем встречаться и разговаривать, а сегодня мне нужно проверить, как идёт работа по устройству крытого навеса для установки стапеля. Я определился для себя по постройке нужного мне судна. Длина его будет составлять около двадцати метров при ширине пять метров. Главное – начать, а там – как получится. Хотя в том, что получится, я даже не сомневаюсь. Когда строил свой первый катер, пришлось перечитать гору литературы. Как потом говорил мне наш замкомэска, принимая очередной зачет по аэродинамике:

– Если ты гидродинамику знаешь, то уж в аэродинамике-то должен соображать.

И ставил зачёт автоматом.

Так что нарисуем эскиз в натуральную величину на стеночке сарая угольком, вырежем продольный и поперечный набор и соберём всё в кучу. Самое главное, чтобы получилось красиво. Красивая вещь – уже по определению хороша во всех смыслах.

Со всеми своими заботами как-то закрутился – работы непочатый край. Понята раскатал всё наше серебро и медь, и приступил к чеканке. Пробная партия получилась очень даже качественной, только один штамп для меди пришлось доделывать. Посмотрим, сколько монет получится, и пересчитаем все цены на наш товар. Теперь отпускать будем только за медь и серебро. Ну и за золото, конечно. Все мои и Труворовы дирхемы перебили в золотые червонцы, ибо нефиг. Ещё и лавку менялы поставим. В помощники Понята взял опять своего сына – одному неудобно чеканить. Изяслав поставил пост охраны рядом с кузней. Обнесли небольшим частоколом весь наш монетный двор и сделали маленькую калитку как раз рядом с постом.

Горивой привел человека на должность казначея. Сивый оказался обстоятельным и, что самое главное, разумеющим грамоту и счёт человеком. В Изборске вёл торговые дела Трувора, опыт какой-никакой

есть. Посидели с ним, поговорили. Подняли вопрос о необходимости обменивать деньги приезжающих купцов на наши монеты. А дело незнакомое. Решили отправить его в командировку в Новгород – пусть возьмёт с собой несколько наших монет различного достоинства и там попробует их обменять. Присмотрится, как надо работать. Может, удастся разговорить менялу. Посмотрит, какой при этом инструмент использует, как взвешивают и пересчитывают. Горивой решил отправлять Сивого сразу же, дав три дружинника в сопровождение. Написал ему грамотку для Гостяты, вдруг пригодится.

Отправив Сивого, вместе с Горивоем пошли к Тривору – надо посылать драккар с товаром в Бирку. Пора посмотреть, что там творится, что можно купить, да и о себе пора заявить. Опять возьмём весь наш ассортимент товара – нам серебра и меди теперь много надо.

В поход придётся идти мне, больше некому. Значит, надо готовить товары.

Пока снаряжаем и загружаем драккар, озадачиваю Мстищу подготовкой экипажа.

Не забыть поставить задачу Окуню и ИстOME – пусть делают килевой брус. Пока будем готовиться к плаванию, надо заказать Жарко напилить брус для шпангоутов и досок на обшивку. Пусть переберёт все отложенные на просушку под навесом материалы и возьмёт самые качественные. Когда закладывали – отбирали, конечно, но времени прошло много, мало ли плесень пошла или ещё что. Лучше перебрать, да и перенести поближе к стапелю под навес. А освободившееся место надо заполнить новыми досками – пусть вылёживаются. Всю остальную доску я заберу в Бирку. Головня пусть приготовленный крепёж рассортирует, и тоже под навес сложит. Вернусь из плавания – начнём постройку.

Показал ИстOME, как выглядит простой рубанок по дереву. Пусть делает – рубанки нам очень пригодятся. Головня ему ножи скупёт, а мне сделает несколько буравов разного диаметра. Нарисовал ему, как всё это должно будет выглядеть – обещал подумать и сделать.

Глава 12. Бирка. Пираты. Опять нападение

Наш драккар загрузили, и мы прежним своим составом отправились в новое плавание. Прошли уже знакомым путём и, благополучно миновав Нарову, вышли в Варяжское море и сразу же повернули строго на запад. Ну как строго на запад – по солнышку, приблизительно в ту сторону. Компаса нет. Было немного тревожно – как бы не заблудиться, идём по большому счёту на авось. Но здоровый авантюризм, который в той или иной степени присущ каждому индивидууму, толкал вперёд. Куда-нибудь, да придём, а язык, как известно, и до Бирки доведёт. Впереди манили необъятные морские просторы. Жажда новых открытий и неизведанных пока ещё нами мест перевешивала все тревоги. Погода радовала – дул слабый северо-восточный ветер, гоня пологую волну и мягко подталкивая нас в спину. Высоко в небе закручивали свои кружева лёгкие облака. Идиллия. И ни одного паруса, только чайки, противно крича, вьются за кормой, да недовольно шипит морская волна под острым штевнем драккара. К вечеру второго дня на горизонте показалась тонкая тёмная полоска далёкого берега, и мы решили заночевать. Утром дождёмся попутного судна, да и пойдём за ним не спеша. Так и сделали. Как оказалось – поступили очень грамотно. Потому как вокруг много островов и заблудиться среди них можно запросто. Уцепились за впереди идущее судёнышко и постарались не потерять его из виду. Так и пришли.

Пришвартовались к настоящему пирсу. Большие широкие причалы, сделанные из мощного кругляка, засыпанные валунами, сразу внушали уважение. Надо и нам дома сделать что-то подобное. Подошедшему чиновнику заплатили таможенный и причальный сбор, узнали, как тут можно торговать и где. Оказывается, город разбит на части, и нам надо в торговую. Мало того, он ещё и разделён на языческую и христианскую половины. Вдвоём с Мстишей решили для начала осмотреться. Всё-таки надо быть осторожнее, драккар могут и узнать, а неприятности, на данный момент, нам ни к чему. Вот на обратном пути добро пожаловать, мы всегда готовы – добыча нам не помешает. А пока день, надо по торгу походить – цены изучить, потому, как продешевить очень не хочется. Вроде в эти же времена викинги ходили на Византию и в Европу, если мне память не изменяет? Домой варяги вернулись с награбленным добром. Значит,

серебра в городе должно быть много, и оно нам совсем не помешает.

Расторговались быстро, даже очень быстро, заинтересовав своим товаром всё местное торговое население. Это-то и понятно, потому как если бы мы что-то одно привезли, а то сразу несколько новых товаров. За доски и брус устроили почти аукцион. Да и посуда наша пошла на ура, у местных качество, по сравнению с нашим, совсем никакое. Посмотрел в лавках на железо, выставленное на продажу, и не стал ничего своего ни продавать, ни покупать. Продавать не стал, потому, как не стоит вероятного противника усиливать. Не так и много я взял этого железа с собой. А покупать не стал, потому что тут такое же болотное железо, как и у нас. Да ещё и в лепёхах каких-то. Большие такие круглые блины, похожие на лепёшки. Лучше новгородское возьмём, перекованное.

Заинтересовали купцов из Германии и Данцига. Поговорили с ними по-доброму, пригласили к нам за товаром и рассказали, как добираться. Моя фишка с языками сработала на сто процентов, общался с ними без проблем. Даже пришлось вспомнить своё, якобы испанское происхождение, чтобы объяснить знание языков. Посмотрел на их корабли – нам такое пока не сделать. Суда уже строят двух, а то и трёхмачтовые. Плюс команду парусную готовить надо. Ничего, начнём с малого, догоним и перегоним.

Увидев нашу бойкую торговлю, местные нехорошо засуетились. Вокруг драккара началось нездоровое шевеление – народ начал ходить, присматриваться. Все пытаются через борт заглянуть, посмотреть, много ли товара осталось. Пора нам отсюда сваливать, серебра и меди достаточно наторговали. Прикупил немного свинца в чушках, больше ни на что не стал тратить – нам ещё монету чеканить.

Пробыли мы в Бирке полтора дня, и ушли под вечер второго – лучше где-нибудь на берегу в островах заночуем.

Ветер не изменился, так и тянул с северо-востока. Пока выгребали на простор между островами и ставили парус, присмотрелся к замершим на якорной стоянке судам. Достойны внимания только европейские – встречаются даже двухмачтовые суда с надстройками. Но паруса у всех прямые.

Подошёл Мстиша, позвал на корму – похоже, за нами погоня. Вдалеке драккар вроде нашего, и ещё один поменьше, метрах в ста позади него – да уж, пиратство всегда было значительно выгоднее торговли. А уж тут-то...

– Всё вокруг ходили, присматривались, да пытались пару раз к дружинникам пристать – на драку нарывались. Я своим команду дал помалкивать, будто языка не знаем.

– Молодца, всё правильно сделал. А споро идут – догоняют.

– Что делать будем? Уходить или бой примем?

– А сам-то, как мыслишь? – Задаю встречный вопрос. Очень мне интересно, что мой товарищ думает.

– С одним справимся, разговору нет. А вот с двумя? Нам людей терять нельзя...

– Это точно. Пока светло, уйдём чуть в сторону от торговых путей, спрячемся за мыс подходящего острова и сразу стоп. Даём несколько залпов и уходим в отрыв. Прикажи охотникам стрелять срезнями по такелажу – надо им паруса сбить. Близко не подпускать – держать на дистанции выстрела и выбивать у них бойцов. Удастся кормчего завалить, значит – мы выиграли. Стрелять только по переднему драккару, мелким потом займёмся, если не удерёт. Командуй.

Послушал, как Мстиша отдаёт распоряжения. Чётко и уверенно, молодец, будет из него толк. Ещё сделаем из него морского волка.

Теперь самое главное – уйти за подходящий мыс, да так, чтобы преследующие нас драккары не разделились. Будем исходить из того, что места эти им, в отличие от нас, знакомы.

Сколько у нас дружинников – им известно. Не знают только того, что все наши бойцы вооружены арбалетами. При подходе к Бирке мы их спрятали, и на виду держали только несколько луков. Поэтому будем надеяться, что стрелков они не ожидают. Вот и устроим им Айзенкур.

Ушли за мыс и убрали парус. Деревья высокие, от ветра закрывают, и мы стоим в мёртвой зоне. Волны нет, мыс прикрывает. По инерции подошли ближе к берегу, развернулись чуть боком и замерли. Даже ряби на воде нет – зеркало. Условия для стрельбы – идеальные. До крайней точки мыса – метров восемьдесят. Тишина, только вездесущие чайки шныряют, да деревья на острове шумят. За день солнышко нагрело землю, и до нас доносится свежий запах травы, горячего песка и сохнувших водорослей. Успокоились и зачирикали птицы среди деревьев. Дружина сидит тихо, никто не брякнет железом. Спрятались за борта и щиты, ждём. Вёсла решили не убирать, абордаж нам пока не нужен. Парус быстро спустили и всё. Лишь бы викинги не разделились.

Со стороны должно выглядеть, как будто стоит пустой брошенный драккар рядом с берегом. Можно подумать, что мы на берег удрали, испугавшись погони.

Ещё раз повторяю, что стрелять только по команде. Ребята все опытные, но напомнить не помешает. Пора и мне приготовиться. Взовожу свой арбалет и выкладываю на скамейку десяток болтов.

Наконец, через умиротворённую тишину острова начинается, сначала

еле разборчиво, на грани слуха, а потом всё громче, пробиваться слаженный рык гребцов.

– Всем слушать. Приготовились. – Беру командование на себя. – Не высовываемся.

Из-за мыса выныривает нос чужого драккара. Увидев наш безжизненный, почти уткнувшийся в берег, викинги вскочили, раздалась ругань и крики сожаления, что мы удрали, как трусы и испугались честного боя. Ну и хорошо. Значит, точно шли по наши души, а то я всё-таки сомневался. Вдруг просто попутные. Не хочется грех на душу разбоем брать.

Малый драккар, наверное, так и отстаёт метров на сто – его пока не видно. Ждём, пока подойдут поближе. Что ж вы вёсла бросили? Надо было бы ещё погрести немного. Но, к моей радости, драккар варягов продолжает идти по инерции, и его кормщик начинает разворачиваться к нам. Пора! Залп!

Наши арбалеты лежат на планшире, и после команды остаётся только выбрать себе цель и спустить тетиву. Залп тридцати стрелков выкашивает викингов. Только те, кто в этот момент находились на задней от стрелков линии, остаются в живых. Даже слышен тупой звук пробивающих цели болтов, как будто костяшками пальцев быстро перебором пробежались по дереву. Несколько тел с шумом падают за борт, остальные валятся на дно. Драккар медленно разворачивается к нам носом и почти останавливается. Отлично, мы его простреливаем полностью. Заполоскал парус, болтаются перебитые шкоты. Кормщик лежит как дикобраз, только перья болтов из груди торчат. Быстро заряжаем и добиваем уцелевших. Сейчас должен выскочить малый драккар. А вот и он – выныривает из-за мыса, несётся. Полное впечатление, что у него даже вёсла от усилий гребцов гнутся – боится что опоздает, и все трофеи достанутся первому. Вылетает из-за мыса и резко табанит, увидев своих разгромленных товарищей. Надо отдать должное – мгновенно сориентировались. Но и мы уже готовы. Наш залп сразу же выбивает почти половину викингов. О сопротивлении не может быть и речи, тем более об ответной стрельбе. Как только кто-то пытается натянуть лук, как тут же падает, изрешечённый болтами. Сбиваем парус и на малом драккаре. Теперь им не уйти, и к нам на вёслах не подойти – грести не дадим. Дружина порывается броситься на абордаж, но мы с Мстишей гасим на корню эти бредовые идеи.

– Мы сюда торговать пришли или мечами звенеть? Вот сейчас ещё немного постреляем, добьём оставшихся, соберём товары и трофеи. И всё! Надо учесть, что могут быть недобитки, или спрятавшиеся среди тел

уцелевшие варяги. Поэтому желающие позвенеть мечами пойдут впереди. – Объясняю особо непонятливым нашу текущую политику.

И тут мне приходит в голову мысль:

– А куда мы два трофея денем? Опять придётся за собой тащить, бросать жалко – каждый драккар минимум три, а то и пять гривен стоит. Или тридцать, пятьдесят рублей, если считать на наши новые деньги. Ничего, справимся – своя ноша не тянет.

Народ, сидевший поблизости и расслышавший мои мысли вслух, не выдерживает и смеётся, передавая дальше услышанное. Постепенно смех охватывает всю дружину, и мы весело хохочем, сбрасывая напряжение короткой схватки. Хотя и схватки как таковой-то и не было. Так, постреляли немного. Вот что значит грамотно выбранная позиция и одновременный залп тридцати стрелков.

Берём оба драккара на буксир и подходим к этому же берегу. Наступает священное время сборки трофеев.

Пока ребята собирают нашу добычу, я спрашиваю Мстишу, всё ли он понял по этому бою? Какие выводы сделал? Мнётся будущий морской волк, непонятны ему такие сражения, непривычны. У нас ноль потерь, куча призов. А где же ярость жестокой схватки, глаза в глаза, грудь в грудь, кровавые сопли из носу, да так, чтоб пена изо рта? Хотя понимает, что избежали потерь и выиграли сражение с двумя сильными противниками. Что будь по-другому, то сейчас трофеили бы наш драккар, а наши обобранные тела отправились бы кормить рыб. Всё понимает, просто не привык ещё. Ничего, это дело наживное. Привыкнет. Ломаем понемногу стереотипы.

Время сейчас такое, тяжёлое. Не ты, так тебя уложат под дерновое одеяльце.

Решили ночевать тут же. Поэтому разделились, и пока одна команда занималась сбором и подсчётом трофеев, другая споро разбила лагерь в стороне от берега, и занялась приготовлением ужина. Каша – это святое.

Выставили караул на берегу, и пока ужинали, очень удивлённый Мстиша доложил о количестве трофеев, захваченных нами в честном бою. Вот чего им дома не сиделось? Добра-то у них ещё хватало, жаба что ли задушила?

В драккарах нашлась золотая и серебряная посуда, дорогие ткани, оружие, много дельных вещей из железа и меди. У каждого викинга была хорошая кольчуга с железными пластинами, топоры и мечи. Даже отличные доспехи были, правда, в единичном экземпляре, но ведь были. И чего, спрашивается, полезли за нами?

Утром, по уже отработанной методике, на призы перешло по пять человек наших дружинников.

Завели буксир, и пошли потихоньку домой. А уже на выходе в Варяжское море, нас догнала новгородская лодия. Переговорили на ходу, подойдя бортами поближе друг к другу, да и продали большой драккар за три гривны. Отдали дёшево, зато нам будет тянуть легче. Пригласили новгородцев к нам за товаром и распрощались, взаимно довольные друг другом.

А через два с половиной дня причалили к нашему причалу. Пришлось опять напрячься на порогах, но справились и с этим. Опасались нападения, но всё обошлось.

Перепрыгнув через борт на мостки, потопал ногой. Нет, надо озадачить Тишину, пусть пристань делает, как в Бирке. А то нам скоро будет стыдно за такой причал.

Встречал нас довольный, как кот, Трувор со своим верным Горивоем. Ещё бы, добыча никогда лишней не будет. На ходу быстро обменялись новостями.

Дела у нас идут отлично, стены растут. Вернулся из Новгорода наш казначей, теперь с полным знанием дела обустроивает свою избу. Будет, будет у нас свой обменник. Производства работают на полную мощность и опять надо думать о расширении. Еленя, наконец-то, начал строить княжеский терем из кирпича в Псковском Кrome. Да и хватит болтать, пора в баню идти, там и поговорим, а то всё на ходу да на ходу. Подошли Головня и Истома с жёнами, а то я уже задёргался. Моих-то никого нет. Опять Изяслав прокололся. Договорились все вопросы обсудить на совещании вечером, там же и гостинцы раздам.

Вызвав казначея, поручил Мстише ему под опись передать все наши ценности. Оружие и броню отправить в оружейный арсенал. Привести в порядок корабли. Потом – в распоряжение Изяслава.

Попарились по-быстрому, и пошли на совещание в малую каминную залу. Теперь так все начали называть мой кабинет с камином, который беззастенчиво отжал для себя Трувор. Скорее бы Еленя ему хоромы отстроил. Заслушав сначала все местные новости, произошедшие за время моего отсутствия, перешли к нашему плаванию и сражению. Узнав подробности боя, дружно удивились. Встретиться на воде с викингами и обойтись без потерь – дело невиданное, но, как оказалось, вполне возможное.

Рассказал о своих предчувствиях, к которым у всех уже давно было самое серьёзное отношение. По всему выходит, что скоро нужно ожидать

нашествие желающих посмотреть, где это такие хорошие товары делают, и как эти товары можно безвозмездно получить. Почти что даром. Времени у нас мало, нужно ускорить строительство стен и башен, а Головня пусть займётся большим башенным скорпионом. Нам нужно оружие дальнего боя. В запасе у нас, как всегда, времени нет – месяц, не больше, потом надо ждать гостей.

Пусть подключает Истому, и срочно занимаются скорпионами, приблизительные чертежи я нарисую. Изяслав доложил о состоянии подготовки молодых дружинников, теперь он у нас полный сотник – разрастается понемногу дружина. Стрелков готовит ещё три десятка, но корабельную команду при этом не учитывает. Итого у нас на сегодня получается шесть десятков стрелков и сотня пещцев. Ещё охотники. Лошадей – четыре десятка. Значит, есть куда расширяться. Вскинувшемуся было с вопросом Горивою, качнул отрицательно головой – потом, мол. Новые кольчуги и брони пусть распределяет сам, а доспех мы общим решением решили отдать Трувору – ему нужнее. Да и князя надо беречь.

Напоследок попросил дать отчёт о количестве стрел и болтов в арсенале, да сколько у нас готовых арбалетов. Оказалось, всего хватает и запасы большие.

В завершение совещания раздал привезённые подарки, обрадовав всех. С Изяславом потом поговорю, старается же. Оставшись втроём, на незаданный вопрос Горивоя ответил, что Новгород, узнав о том, что мы чеканом свою монету, наверняка попробует нас прижать. И прижимать будет с позиции своей силы. Поэтому надо бы усилить посты на новгородской дороге, да в устье. Могут и подсылов-шпионов заслать. Озадачили Горивоя и проверкой количества и качества запасов продовольствия на случай осады. Мало ли...

Выйдя, наконец, на улицу, вздохнул полной грудью чистый воздух – хорошо-то как. А то надышали в комнате... Надо пойти Грома провести – в это плавание я его решил не брать, всё-таки чужая страна, кругом отмороженные на голову викинги. Ещё на подходе к конюшне меня смёл с ног бешеный ураган, облизал с ног до головы, потоптался по мне тяжёлыми лапами. Хоть опять в баню иди. А пойду-ка я и впрямь в баню, на своё, уже ставшее привычным, спальное место, и Громчика с собой возьму, соскучился я по нему. Да и он тоже.

Все последующие дни крутился, как белка в колесе. Пересчитали и перевесили привезённые трофеи, и отдали на переплавку и чеканку Поняте. Проверил, как Сивый развернулся в своём казначействе, сколько у нас монет разного достоинства. Можно скоро начинать переходить на свою

денежную систему. Надо приучать народ потихоньку к новым деньгам.

Собирали первый скорпион и проверяли его бой с башен, немного переделаем станину, чтобы можно было поворачивать по горизонтали и вертикали на большие углы, потом проверим ещё разок и запускаем в серию.

На скорпионы надо будет готовить четырёх человек в службу. Получается самое оптимальное число. Двое крутят ворот, взводя скорпион, а ещё двое накладывают стрелу, целятся и стреляют. Зван, подмастерье Головни, пока будет новые наконечники для него отливать. Решили сделать срезни метровой ширины. Ну и простые тоже, соответственно.

Пообщался с Ивой и Волчком, встретился с главой пацанячьей разведки Последом. Отошли в сторонку, подальше от чужих ушей. Послед – парнишка смекалистый, сразу сообразил, что от него требуется, когда я рассказал о возможных подсылах. Ребяшня везде пролезет и всегда в курсе всего – пусть приглядывают. Если что-то или кого-то подозрительного заметят, то сразу же ко мне, в любое время дня и ночи. Если меня не будет – то к Горивую. А я его предупрежу.

С упрёками, что давно не заходил в храм, пришёл Яромир. Пришёл не один, а с новым волхвом, Заревитом. Пришлось показывать им место на горке посреди болота, где в моё время находили остатки капища. Сейчас там неподалёку церковь Василия на горке стоит. Волхвы меня быстро спровадили, а сами остались. Ну и ладно – у меня ещё верфь без присмотра стоит. Вот туда и пойду.

В моё отсутствие закончили навес и приготовили килевой брус. Его пришлось выпиливать целиком из подходящего по размерам бревна – намучались ребята. Рассказывали со смехом, как перетаскивали, а потом распиливали огромный ствол. Титаны, одно слово. Просмотрел заготовленные доски и брус, крепёж. Можно начинать собирать штевни и шпангоуты. Истома будет выпиливать и обстругивать заготовки, а отобранные из двух плотницких ватаг лучшие мастера будут склеивать и стягивать получившиеся детали. Под моим чутким контролем и управлением, разумеется. Самое главное тут что? Правильно. Управление! Оно должно быть чётким, и, самое главное – непрерывным! Попутно дал указание Тишילה заготовить и отстрогать прямую, ровную сосну на мачту – длиной шагов двенадцать-пятнадцать. Да хороших шагов. В метрах получится чуть более десяти. Пора новые метрические обозначение вводить, а то тяжело. Пётр такие сосны называл корабельными. Длинные, как свечки. Пусть вылёживается. А гик мы склеим, сделаем его наборным.

В принципе, точно так же можно и штевни склеить, но уж больно

долгая и хлопотная работа выйдет.

Собрав шпангоуты, выставили их по килевому брусу и начали устанавливать продольный набор. Обшивать решил внахлест – один край доски накладывать на другой и сбивать их гвоздями. Лучше бы медью, да она на другое дело идёт. Поэтому буду использовать железо. Потребное количество внушает уважение, но никуда не денешься, надо. С обратной стороны вылезшие острия гвоздей загибали в скобы, и стягивали молотками. Со стороны шляпки поддерживаешь кувалдочку потяжелее, а острие загибаешь через пруток, и молотком забиваешь в доску. Только надо забивать чуть наискосок, а то доска может треснуть, если все отверстия будут на одной линии. Ещё необходимо промазать перед этим стягиваемые края клеем. Как-то так.

Доски обшивки состыковывали на шпангоутах в месте наименьшего изгиба борта. Так и обшили весь корпус. Установили фальшкиль и пару параллельных брусков от бокового сноса с каждой стороны кия. Не помешают.

Начали конопатить, и для этого использовали тот льняной очёс и смолу, что я закупил в Новгороде. Просмолив кипящей смолой корпус снаружи, аккуратно спустили его на воду. Течи нигде не обнаружили – можно продолжать работу дальше. Внутри корпуса вдоль килевого бруса уложили свинец, привезённый из Бирки, что очень всех удивило. Все для этого используют камни. Сделали съёмные пайёлы, чтобы можно было вычерпывать воду. И для того, конечно, чтобы уберечь груз от сырости. Ниже пайолов корпус тоже изнутри обработали смолой.

На расстоянии одной трети от носа установили мачту в сделанное под неё гнездо, расклинили клиньями и натянули шкоты. Наверху заранее закрепили шкив. Сделали крепление для гика, привязали к нему пошитый парус. Проверили, как раскручивается гик при подъёме полотна. На корме сделали площадку для кормчего, и установили руль с румпелем.

Пока работали, обратил внимание на то, что вокруг нас постоянно крутится какой-то мужичок.

Через день, пообвыкнув и увидев, что его никто не собирается прогонять, мужичок начал нам понемногу помогать. То инструмент подаст вовремя, то гвоздей принесёт. А ещё через денёк подошёл ко мне на обеденном перерыве и попросился в команду, представившись кормчим с рыбацкой лодии. Отправил его к Горивой – если проверку пройдёт, будем разговаривать.

Горивой дал добро, и у нас появился свой кормчий, а то всё я, да я. Нового кормчего зовут Бивой, и он отлично знает всю акваторию псковско-

чудского водоёма. Дальше никуда не выбирался – рыбаку хватало озера. Когда пришли варяги, то в огне пожаров сгорели и суда рыбаков вместе с посадками. Так он и лишился и лодии, и дома. Хорошо ещё, что семью успел увести подальше. Теперь вот остались с нами в числе первых поселенцев, живут в первом ряду от стены.

Бивой мне понравился. Широкоплечий и кряжистый, ладони, как лопаты. Лицо обветренное и загорелое до черноты. Спокойные и выверенные движения, но при этом расторопный когда надо. Вон как споро инструмент подавал. Пусть пока с нами работает, привыкает к судну.

Установили скамейки для гребцов, только сделали их съёмными. Придумали пазы для установки небольших щитов с бойницами вдоль бортов. Нам много и не надо, лишь бы голову прикрывало, когда над бортом надо высунуться для выстрела. А ночью на них спать можно.

Пора и на воде испытать то, что у нас получилось. Загрузились вдесятером, следом Гром прыгнул. Я рядом с Бивоем стою, контролирую процесс. Остальные на вёсла сели, подгребают потихоньку, чтобы управление не терять, течение-то слабое. Вышли в Великую, поставили парус. Хлопнуло, расправляясь, полотнище, принимая на себя силу ветра. Закрепили шкоты, повернули на устье – запенилась под форштевнем свинцовая вода, потянулась длинными пологими усами к берегу. Накренилась чуток ладья, пошла с небольшим креном. А хорошо идём – наполнилась грудь ощущением радости от удачно сделанной работы. Раздулось от ветра тугое пузо паруса, поскрипывают канаты. Чайки вокруг мачты летают. Долетели до Снятной горы за мгновение, прошли острова в устье и вот оно – Псковское море. Ударил тугая волна в скулу на выходе, полетели вверх холодные брызги. Дав команду идти прежним курсом, пробежал на нос проверить состояние обшивки и корпуса. Волны бьют не по-детски. Волна короткая и резкая, звонко шлёпает по скуле. Опёрся на планширь, посмотрел через борт. Брызги летят в стороны, но внутри сухо, не залетают, это радует, скорость на глазок порядка семи, восьми узлов. Ощущение полёта над волнами, эмоции захлёстывают. Пока проходили острова, прикинул скорость по засечным точкам на берегу. Посчитал в уме, вот и получилась приблизительно такая скорость. На лицах ребят – светлая радость. У меня, наверное, такое же выражение лица – детский незамутнённый восторг. Пробежал назад к Бивою, повернули круче к ветру. Увеличился крен, заскрипела мачта, в животе у меня потянуло холодком, Громчик залаял. А наша ладья полетела по волнам с гребня на гребень. Ещё круче повернули, стою рядом со шкотом на всякий случай, пошли почти вдоль волны, поднимаясь на набегающей и плавно с неё съезжая вниз, как с

горки.

Отлично ведёт себя посудина, и кормщик наш молодец, держит крепко румпель, хотя выражение лица обалделое. Под такими углами к ветру тут ещё не ходят – мы первые.

Пора поворачивать. Стою рядом с Бивоем, тоже в первый раз буду маневрировать. Разворачиваем плавно на ветер, и я постепенно ослабляю шкот, потом перехватываю его с другой стороны и жду, когда пройдем линию ветра. Заполоскал парус, значит, прошли линию и продолжаем уваливаться под него. Выбираю шкот, замер Бивой, смотрю, а у него на лице крупные капли пота. Ну да, ему такое вообще в диковинку. Но молодец, работает правильно, как говорили. Всё, поймали ветер, пошли в обратную сторону. Идём домой, для первого раза достаточно. Слышу, как дружно выдыхают гребцы. Они даже дыхание задержали. Ничего, скоро научимся ходить под парусом так, что ни одна посудина не обгонит и не догонит. Зашли в Пскову на вёслах, пока ещё опыта мало, нечего рисковать попусту. Ткнулись в берег у верфи носом, выпрыгнул на песок вслед за Громом. Носится собака кругами, радуется твёрдой земле, а мы стоим кружком, и все на меня смотрят. И у всех рубахи насквозь мокрые от пота – переживали, видимо.

– Ну что, понравилось? – Обвожу взглядом парней.

– Походить ещё надо, подучиться малёха. – За всех отвечает Бивой.

– Будет погода, будем ходить, а пока надо доделывать ладью.

А тут и вся строительная братия подошла вопросы задавать об испытаниях. Похвалил всех, выразил, так сказать, свою благодарность от чистого сердца. Теперь начинаем отделку судна.

Если будет позволять погода, каждый день надо выходить в озеро для тренировки. Так и пошло – пока доделывали наше судно, я занимался то с Дрёмой в новой лавке, помогая ему разбираться с новыми ценами, то пропадал на нашем монетном дворе, контролируя чеканку. Поняте сразу сказал, что присутствую тут не потому, что не доверяю ему и его работе, а потому, что мне самому интересно, как идёт процесс. Можно было, конечно, ничего не говорить, но время на дворе другое и люди сейчас тоже другие. Не буду обижать недоверием – нечего зло плодить, его и так хватает...

Поставили на площадки башен и испытали новые скорпионы, заодно совместив пристрелку и тренировку расчётов. В процессе стрельб дорабатывали да переделывали механизмы, и набирались опыта, распугивая всё местное население летящими стрелами длиной по два с лишним метра.

По возможности старался каждый день выбраться в Кром. Вместе с Громом наблюдали за тем, как продвигается строительство. Просто интересно нам.

Стена вдоль берега Великой уже почти готова, и начали возводить Плоскую башню в устье Псковы у рыбного торгоа. Угловая башня уже построена, как построена и стена между ними. В точности копировать не стали – ещё много веков впереди. Но, на месте Власьевской башни, построили почти такую же, только чуть поменьше по высоте, и по диаметру. Рядом с башней как раз проходит дорога к перевозу через Великую. Поставили и Смердю башню. На башни, теперь уже постоянно, поставили доделанные скорпионы, теперь Трувор своих дружинников гоняет, обучает стрелковому бою. Очень уж он впечатлился итогами наших сражений. И, особенно, почти полным отсутствием потерь. А ещё, когда я выложил ему расклад на обучение, кормление и экипировку каждого дружинника, и объяснил, что, негоже такие деньги просто так выбрасывать на ветер, глупо теряя обученных воинов, то князь так проникся выкладками, что теперь днём и ночью гоняет своих стрелков. Особое внимание уделяем правилу – не высовываться попусту. Выстрелил – спрятался. Нечего подставляться под вражеские стрелы.

Вспомнил, как читал о том, что только что построенные стены в пятнадцатом веке простояли всего четыре года, и рухнули из-за плохого фундамента. Поэтому решил подстраховаться – вдоль Псковы-реки прокопали огромную траншею под фундамент, и капитально забили её валунами, скрепив глиной и цементом. Вот такие вот дела...

Изяслав обязал всех дружинников в ночном карауле ходить с собаками. Щенки подросли, и Волчок разрешил их брать с собой. Пора начинать служить. Особо выделяется сынок Грома, которому дали прозвище Молния – очень уж он быстр.

Милена, с разрешения Любавы, привела в крепость новую ткачиху. Доброва, так её зовут, раньше имела лавку в Плесковском посаде. Теперь вот осталась ни с чем, муж рыбу ловит, доходов мало совсем стало, а детей кормить надо. Вот и пошла к нам в работницы наниматься. Тут её Милена и вычислила.

Самое главное – умеет хорошо шить. Вот мы на совете и решили поставить что-то вроде пошивочной мастерской. Мастериц Доброва сама себе подберёт столько, сколько нужно для того, чтобы обшить всех нас, и на продажу что-то оставалось. Окуня обязали поставить большую избу для ткацко-пошивочной мастерской, а Еленя печь сложит. Хотя, по большому счёту, пока нам выгоднее шить из покупного полотна, чем самим

выращивать лён и ткать. А если теребить коноплю, так это отдельная песня – проще застрелиться.

Вот так и крутился целыми днями. Забот хватало, но я был только рад.

Ещё раз пришли купцы, на драккарах от Синеуса, за товаром. Расплатились, как было договорено, и ушли довольными. У них тоже стройка в полном разгаре.

Пришёл на двух драккарах Гостята, купец новгородский. Привёз нам железо, канаты, да полотно. Провёл с ним экскурсию по крепости и городу, попарил в баньке. Понравились ему наши печи и особенно идея с баней. Отдельные мойка с парилкой, да ещё и просторная комната отдыха, вызвали неподдельную зависть. А уж чистые стены, к которым можно было свободно прикасаться без боязни испачкаться в саже, были чем-то уму непостижимым. Всё ходил и рукой по ним проводил. А потом долго ладони рассматривал, пытаюсь на них сажу найти. Спросил, что надо сделать для того, чтобы и у него такая же баня стояла?

– Что, что? – Пошутил я. – Денег побольше.

Хотя, в каждой шутке, как известно, есть доля истины.

Рассказал ему коротко основные сложности постройки, и обещал помочь с мастерами и с материалом, когда созреет. Только кирпич надо заранее заказать – у нас на него уже очередь образовалась. И, вообще, Стоян начал заговаривать об укрупнении производства. Наконец-то.

Набрал разного товара Гостята, и рассчитался сполна новгородским серебром. Обещал в следующий раз привезти для нас медный лист и специй, да соли побольше. Оставил заказ на кирпич и железо. Обговорил стоимость работы мастеров с их доставкой в Новгород, и обратно. Придётся Еленю, после завершения работ в княжеском тереме, отправляться в командировку – поднимать авторитет псковских мастеров.

Очень удивился купец нашей монете. Наменял гривну серебра и повёз с собой. Договорились, что будет у себя постепенно запускать в оборот наши монеты.

Наконец, моя ладья была готова. На корме и носу дополнительно нарастили борта. По высоте получилось чуть выше пояса. И выглядеть стало красиво, и защита лучше. Под настилом палубы на корме сделали с одной стороны галюн, с другой что-то вроде хозяйственного помещения, куда можно сложить запасное полотно для ремонта паруса, канаты, паклю и смолу. Небольшой запас коротких досок, на всякий случай. И гвозди с инструментом, как же без них. В носовой каютке оборудовали маленький камбуз, и кладовку для хранения запаса воды и продуктов. Вдоль бортов установили рундуки для одежды и оружия. Ну и спать на них тоже можно.

Всё делали с расчётом на длительный поход. Подумали об установке скорпиона на палубе, но пока решили подождать. Разберёмся с моими предчувствиями сначала.

Бивой подобрал себе помощников из своей старой ватаги рыбаков, и теперь у него экипаж состоит из трёх человек. Остальные – ждут, не дождутся, когда мы будем закладывать второе судно. Кормщик каждый день по многу часов пропадает в озере и тренирует свою команду управляться с ладьёй и парусами. До места стоянки, у нашей крепости, уже уверенно подходят на парусах. Нарисовал Милене рисунок с размерами, пусть сошьют стаксель. Будем ставить ещё один парус. И ход, и манёвренность увеличатся. Рассказал, что помнил, Бивою о том, как надо с ним обращаться, и для чего он служит – дальше пусть сами соображают и практикуются.

Вдвоём с Громом навестили Яромира и Заревита. Яромир развернулся по-полной. Вокруг храма поставил бревенчатые стены с мощными воротами. Набрал себе несколько детишек в ученики, и ходит до жути довольный. Да и к храму люди уже хорошую дорогу набили. В праздники – так вообще не протолкнуться. А Заревит – постоянно в трудах и заботах. Строительство идёт полным ходом, но народу у него мало – все работают на стенах в городе. А ему, пока, выделяют людей по остаточному принципу. Но волхв всё понимает, и всё равно доволен. Последнее время часто стал видеть наших жрецов среди народа на стройке. Значит, подействовали наши беседы с Верховным, когда рассказывал ему, как самоустранились волхвы в моём времени от борьбы за сердца и души своего народа, и проиграли и свои жизни, и людей, и веру изначальную.

Начали заниматься с десятком мальчишек-разведчиков. Последа и ещё нескольких ребят, обучил стрельбе из арбалета. Строго-настрога наказал с боевым оружием по городищу не шлаться, а брать его с собой только на выход. Ребята и так относились к своему делу со всей ответственностью, а тут прониклись до самых пяток. Подрастут немного, и будет у нас десяток умелых и сообразительных разведчиков. Уже начинаем их натаскивать на это дело. Горивой, по моей просьбе, рассказывает кое-какие свои хитрости, да Мстиша, в свободное от выходов на ладье время, обучает военным премудростям.

Опять пришёл со своим караваном новгородский купец Гостиата, набрал товара, и опять наменял наших новых монет. Рассказал мне, пока отдыхали с ним в баньке, о реакции новгородцев на нашу чеканку. Пока особых разговоров нет, дивятся только на нашу задумку – не сообразили пока, видимо. Ну а нам это на руку. Успеем укрепиться. Смеялся,

рассказывая, как попробовал давать сдачу нашими монетами. Люди и на зуб пробовали, и в лавку к менялам бегали, пока не привыкли к новым деньгам. Ажиотажа особого не было, да и не распространялся купец о том, откуда эти монеты, по нашей просьбе. Сами всё узнают, рано или поздно. Удивлялся Староладожской крепости, растущей как на дрожжах. Мимо проходишь – стоят стены по пояс, обратно возвращаешься – уже по грудь поднялись. Молодёц, Синеус – времени зря не теряет.

Предложил купцу забрать наш большой драккар с собой – на продажу в Новгород. Найдётся на него покупатель – пусть продаёт. Заодно, можно и его загрузить товаром.

Чуйка моя опять зашевелилась – намекнул Гостяте на возможные неприятности. Мол, гостей незваных ожидаем вскорости. Сообразил купец, и, быстро собрав команды, отчалил.

Предупредил Трувора и Горивоя, рассказал им о своих сомнениях. Лучше нам ладью в озеро отправить, пусть походит в дальнем дозоре. Заодно и новый парус опробуют, и навыки в судовождении закрепят.

Так и решили. Отправили Мстишу старшим команды. С ним – десяток стрелков. Строго-настрога запретили в бой ввязываться. Для нас самое главное – вовремя узнать о нападении, чтобы людей увести в крепость. Поэтому пусть отойдут подальше, в Чудское озеро, да караулят.

Ещё раз прошлись по строящимся стенам. Треугольник Крома почти закончен. Стены и башни, в некоторых местах, не достроены до конца, но это уже не так страшно. Скорпионы на башенных площадках стоят, все пристреляны, и запас стрел для них подготовлен. Двери в каждую башню закрываются надёжно, просто так их не выбить. Дверной проём изнутри можно при осаде валунами завалить, которых заготовлено для стройки достаточное количество. Вода в башнях есть, сухпай приготовлен, стрел и болтов достаточно. Можно осаду держать.

А про мою крепость и говорить не стоит. Нет таких сил, пока, в этом времени, чтобы смогли мои стены взять. Вот только до стен врагов допускать никак нельзя – он же все посадки опять пожжёт. Столько сил и денег в них вложено, да и людей жалко – только обживаться стали. Вот потому и надо хорошо думать, как не допустить варягов не то что до моей крепости, а дальше Крома городского пройти им не позволить. Эх, хотел же ещё одну башню начать строить на противоположном берегу Псковы. Чтобы можно было цепью перегородить реку так, как раньше в моей реальности делали. Что уж теперь. Используем то, что успели построить. В крайнем случае – притопим малый драккар поперёк реки. В Пскову тогда точно никто не пройдёт, а нам это и нужно. Через болото не полезут –

остерегутся. Храм Заревита с воды через лес не видно, да и далеко он от Крома. Значит, что сделать нужно? Первое – вырубить остатки леса в устье по правому берегу реки Псковы, и устроить там засеки. Обустроить несколько позиций для стрелков, так, на всякий случай. Вдруг остатки недобитых викингов удирать будут по правому берегу, вот тут и надо будет эти остатки помножить на ноль. Второе – пусть Последовы ребята проверяют запасы чеснока, может понадобится. Потом пройдем с ними по всем, узким для обороны, местам, да и нарисуем схему возможного минирования. И третье – всё основное у нас готово. Продолжаем строить и работать, живём – как жили, вплоть до первой команды. Дозоры во все стороны отправлены, остаётся ждать.

Однажды утром, выбегая на разминку, заметил, как Послед со своим десятком и с Волчком, усердно занимаются под командой самого Изяслава. Надо будет обязательно узнать, что задумал наш воевода. После завтрака расспросил сотника. Оказалось, впечатлённый моими рассказами о спецвойсках, решил Изяслав сделать из ребят что-то подобное. Ну, в его понимании, конечно.

Я их готовлю к разведке, а сотник из них спецназ решил сделать. Хотя, пусть делает – одно другому не мешает. Всё на пользу пойдёт.

Закончился гремющими грозами с пересверками молний август, и год потихоньку покатился в осень. Гостей пока не было, и мы пользовались подаренной нам отсрочкой в полной мере.

Псковский Кром превращался в неприступную твердыню на берегу реки Великой. Ватаги, под руководством Елени, заканчивали постройку княжьего терема и приступили к постройке казармы для княжеской дружины и конюшни. Гостиата подождёт.

Сухопутным обозом пришёл из Новгорода наш старый знакомый – купец, первым начавший торговать с нами, и заказавший у нас несколько наших фургонов. Вот и сейчас загрузил их полностью посудой, да скобяными изделиями наших мастерских. Походил, поохал, удивляясь произошедшим переменам, да и отбыл домой. Надо будет на рыбном торге в Пскове поставить большие склады под наши товары – нечего посторонних запускать внутрь наших стен. Вот разберёмся с нападением – и займёмся. Да и причалы поставить надо для погрузки-выгрузки. У себя мы вон какой причал соорудили – такая красота получилась. Ватага Тишилы опыта набралась, вот пусть и готовятся к постройке – перевозят необходимый материал. А следом и склады делают. С Трувором этот вопрос решим – я так думаю.

На верфи заложили почти плоскодонную баржу для плавания по

внутренним водам. Решил делать её длиной двадцать метров по днищу, и шириной пять метров по миделю, с высотой бортов полтора метра. Надо же нам перевозить кирпич и доски. А там и черепицу народ распробует. У нас-то сразу покрыли все крыши, да из-за стен их не видно. А вот в Кроме княжий терем из кирпича и под красной черепичной крышей, смотрелся просто здорово. Новгородские гости так и ходят, облизываясь – присматриваются. А из других мест гостей пока не было.

Я уже дёргаться начинаю – может, сходить ещё раз с товаром в Бирку, да и разведать обстановку заодно? Сдерживает только то, что если столкнёмся с варягами на Нарвских порогах, то не уйти нам от них, захватят нас. Да и на самой реке манёвра нет. Предчувствие вещует – вот вот незваные гости пожалуют.

Заказал Истоме сделать нам пяток больших фургонов для перевозки кварцевого песка. Планирую экспедицию по поиску залежей под Печорами – будем пробовать варить стекло. Место приблизительно помню, ездили туда на экскурсию с женой когда-то.

Начала срабатывать задумка с фермерами. Потянулись к нам телеги с продовольствием. Скупали мы всё, что привозили, и рассчитывались нашими монетами. Любава заполняла погреба и амбары. Выговорила мне за отсутствие мельницы – мол, устали муку молоть на ручных жерновах. Ну ладно я не сообразил, а мои помощники? Что – из всей огромной толпы никого не нашлось задать этот вопрос? Да делать нечего, сделаем. Зато на ней же и отыгрался – назначил старшей по поиску мельника и жерновов на будущую мельницу. Инициатива имеет инициатора...

Росло поголовье скота в нашем хозяйстве. Начали варить сыр, бить масло. Но, до собственной пряжи нам ещё было так далеко... Обсудили этот вопрос, и решили не замудряться. Поступим так же, как и с полотном – закупим. Будет и проще и легче. Придёт Гостята, и озадачим его.

Зашёл в лавку к Дрёме – у того торговля в полном разгаре. Наплыв покупателей. Придётся посылать его в Новгород за товаром – помощники пока сами справятся. Поставил ему задачу на скупку у охотников мягкой рухляди – будем налаживать торговлю пушниной. Думаю, слух о том, что мы начинаем скупать меха, быстро разлетится по округе, и за зиму мы хорошо затаримся. Нужно лабазы для хранения пушнины подготовить. А на следующий год повезём её на продажу в Данциг, или ещё куда-нибудь. Ну не нравится мне, что мало к нам торговцев приходит. Пара-тройка купцов из Новгорода, Староладожские купцы – и всё. Не дело это... Да и в Бирку надо бы сходить, себя показать, товар ещё раз засветить, может, кто опять позарится.

Вот и где варяги? Надо и туда, и сюда, ещё и обоз в Новгород посылать с охраной, а силы распылять нельзя. Где-то месяца полтора – и на севере навигация закончится, заморозки пойдут. Но деваться нам всё равно некуда – остаётся только ждать. Думаю – неделю, максимум – две.

Через день из дозора пришли наши моряки, пришвартовались к новому причалу, и ко мне пришёл с докладом Мстиша:

– Варягов не видно, но рыбацкие лодки из прибрежных поселений перестали выходить на промысел. Поговорить ни с кем не удалось, а силком хватать кого-либо для разговора нам было запрещено. Поэтому сделал вывод, что местные что-то прознали о приближающихся варягах и опасаются выходить в озеро. Вот и решил вернуться и предупредить, на всякий случай.

– Правильно сделал, отдохайте, вечером на совещании договорим.

Правильный вывод сделал десятник, не ошибся я в нём, когда назначил старшим на ладью.

Выйдя из дома, свистнул Грома и пошёл в Кром – надо передать новости Трувору. Обсуждать оборону нечего – всё основное уже столько раз обговорено. Теперь всё будет зависеть от непрошенных гостей – куда они будут высаживаться, какими силами обладать?

Переговорив с князем, вернулся домой – нечего вечера ждать, надо отправлять Мстишу назад. Пусть идёт к Псковскому архипелагу и оттуда наблюдает за горизонтом. Так хоть у нас фора в несколько часов будет.

Пошёл сразу к причалу, поговорил с Бивоем и командой, дождался, пока придёт команда Мстиши, и отправил их на разведку, ещё раз наказав не вступать в бой. Их задача – вовремя обнаружить врага и своевременно доложить мне об этом. Проводив взглядом уходящий по течению кораблик, поспешил к своей крепости. Надо народ оповещать. Пора вязать узлы, угонять скотину. Все желающие спрячутся у нас и в Кроме – теперь места хватит для всех. Запасов продовольствия и фуража для скотины тоже с избытком. Иду к воротам, ощущение – что чего-то не сделал, что-то упустил, хотя всё давно обговорено тысячу раз, отработаны все наши действия, люди знают, кому и куда идти и что делать. Но всё равно на душе тревожно.

Вот и зашевелился народ, нарастает шумом посад, мельтешат люди, как в разворошенном муравейнике. Вон и Дрёма лавку закрывает, а весь оставшийся непроданным товар по фургонам грузит – в казначейство на хранение так и отправит – в фургонах. А что – пусть стоят за забором. Строители наши спешно возводят ограду для скота из заготовленных жердей. Стадо будем загонять в самую последнюю очередь. Потянулись

первые телеги со скарбом. Кто-то сворачивает к нашим воротам, а кто-то направляется в Кром. Места много.

Надо послать десяток Последа по хуторам – пусть предупредят людей, пока время есть. А свою задачу они уже знают, схема постановки железных сюрпризов давно отработана. Да Волчку напомнить, чтобы всех собак собрал у себя. Грома туда же отправить, нечего ему по окрестностям носиться.

Стою в центре крепости, ощущение такое, как будто попал в центр зарождающегося тайфуна. Здесь пока тихо, спокойно, а вот чем дальше от центра, тем сильнее начинает закручиваться воздух. Так и тут, в крепости пока тихо, а вот за стенами уже хорошо слышен разноголосый шум собирающихся людей, в который вплетается ржание лошадей, тревожное мычание коров и хриплый, захлёбывающийся лай собак.

На площадке Изяслав в сотый, наверное, раз наставляет своих орлов. В крепости остаётся малый отряд стрелков, охотники, и два десятка пеших дружинников под командованием самого сотника. К ним добавится и десяток Последа. Ребят со счетов сбрасывать не стоит – опыт у них есть, не подведут в случае чего. Все остальные вместе со мной уходят в Кром, там будем действовать по обстановке.

Всего у нас с Трувором получится около двух сотен стрелков. Да ещё и пешая дружина князя, которую он успел кое-как подготовить за это время. Найдутся ещё и охотники, и просто боевитые мужики из пришедших в крепость людей. Отобьёмся.

Изяслав смотрит на меня, машу ему рукой – пусть отправляет дружину в крепость к Трувору. У нас там назначено место сбора, подождут меня там. С собой возьмут только котлы, всё остальное давно приготовлено на месте.

Прохожу в кузню к Головне, присаживаюсь на лавку. Мастер замечает меня и, бросив раскалённую заготовку в кадушку с водой, подошёл, снимая рукавицы:

– Опять варяги?

– Они...

– Скоро придут?

– Мстишу ждём, придёт – скажет.

А что ещё говорить – и так всё ясно и ему, и, тем более, мне.

– Вот примерь, новую бронь тебе сковали, получше старой будет. А то невместно тебе в той ходить, больно уж простая.

– От всего сердца благодарю. – Поблагодарил мастера. – Себе-то смастерил хоть что-то?

– Ты за меня не переживай, ты о себе лучше думай. Да не лезь там в

каждую дырку – все собой не заткнёшь. Да помни – мы без тебя никто, и звать нас никак.

Кивнул головой мастеру, отвечать не стал, да и что тут ответить – без слов понятно.

Примерил обновку, получилось то, о чём мы с ним разговаривали ещё в Опочке, перед нашим переездом, да не стали замудряться из-за нехватки времени и сил. Почти пластинчатая броня, только пластинки тонкие. За основу взяли кольчугу, взятую с боя у Бирки. Тяжеловата, отвык я за это время в броне ходить. Жилетку, что мне в свое время Любава сшила, с кармашками внутренними под стальные пластинки, я ещё иногда ношу, а вот всё остальное железо я как-то забросил. Придётся привыкать заново. На голову шлем с личиной, наручи, наколенники – и не встать, ни сесть. Нее – так дело не пойдёт. Благодарю своего товарища, снимаю с себя всю защиту, укладываю в мешок – надену в крепости. Отвык от такой нагрузки, даже коленки дрожат, ослабел, бедолага. Пора перекусить – повариха наша, Весея, там, поди наготовила. Что ж добру-то пропадать.

Пока обедал, прибежал посыльный – ладья на подходе. Взял в узел приготовленные вещи, поблагодарил за обед, попрощался, да и пошёл на пристань.

Заскрипел борт ладьи, притираясь о брёвна причала. Надо бы озадачить Бивоя сплести из канатов подобие транцев – нечего борт обдирать. О чём ему и сообщаю. Открывший было рот для доклада, кормщик быстро его захлопывает с характерным звуком, кивает головой и вопросительно смотрит на меня. Перепрыгивает на причал Мстиша и торопится ко мне.

– Идут? – Одно слово, а сколько смысла оно в себя вмещает. Всю нашу подготовку, все надежды, ожидания и страхи.

Глава 13. Дома и стены помогают. Всё-таки меткая стрела, да в большом количестве, лучше, чем добрый меч

– Идут. – Кивает Мстиша. – Думаю, уже устье Великой проходят. Да сейчас ещё и наш конный дозор должен подойти. Проходили мимо Крома – князю о варягах сообщили.

– Бивой, ладью отгоняй под стены к колесу, как планировали. Мстиша, собираешь всех, и в крепость. Знаете куда. Выполняйте.

Быстрым шагом подошёл Изяслав:

– Дождались? Идут?

– Идут. Ты действуешь, как обговаривали. И не вылезай за стены, ещё раз напоминаю.

– Помню, не переживай.

Оглянувшись на ворота, заглатывающие телегу за телегой, на истончающийся хвост людей, торопящихся укрыться от наступающей беды. Глянул на небо, а хорошо-то как. Погода стоит, как по заказу – тепло, солнышко светит. Ветерок камышом шуршит, по реке утки крикают. Круги на воде – рыба играет. А я на рыбалке-то уже давно не был... Тысячелетия прошли... Надо выбраться как-нибудь – душу отвести.

– Всё, пошёл. Удачи тебе, Изяслав. – Посмотрел в глаза сотника. Спокойно в них, страха нет – хорошо. Только где-то глубоко, на самом доньшке, плещется усталость.

– Боги с нами. – Кивнул мне в ответ.

Постояли ещё секунду, развернулись одновременно, и разошлись в разные стороны. Я – в Псковский Кром, а сотник – в нашу крепость.

Непривычно было идти одному по дороге. Всегда тут оживлённо – люди туда-сюда снуют, а тут – пусто и тихо. Подошёл к воротам, думал, что уже закрыли их, но нет, оказывается – меня ждут. Лица у дружинников серьёзные, хмурые. Мои стрелки рядом стоят – дожидаются, не дают створки закрыть. Молодцы.

– Князь на Плоской башне. – Сразу же доложил Мстиша.

– Хорошо, пошли.

Проходя через весь, пока ещё такой невеликий город, смотрел по сторонам. Много у нас людей собралось. За моими стенами всё битком, и тут яблоку некуда упасть. А сколько ещё по лесам и хуторам попряталось...

А мы-то с князем считали, что места на всех хватит. Разрослись наши поселения... Лица у всех серьёзные и все молчат, даже скотина притихла. Тяжёлая какая-то тишина, нехорошая, тревожная. Надо бы сказать людям что-то, подбодрить.

Остановился. Огляделся. Народ вокруг – дети, матери с детьми у подола и с младенцами на руках, молодые парни, ещё не вошедшие в зрелый возраст и матёрые мужчины.

– Не волнуйтесь, отобьёмся. За жильё своё не переживайте, если что – поможем и отстроим. А варягов побьём – ещё и добра с них наживём. Вон они сколько с собой принесли – нам далеко и ходить не надо. У кого луки есть или кто стрелять умеет – подходите к угловой башне, там сбор. Подберём воинскую справу и вместе будем врага бить.

Улыбнулся детям и пошёл дальше, слушая, как пошла волна моих слов по плотной толпе людей, мгновенно окруживших меня. Загудел народ, но загудел с облегчением, на выдохе, чувствуя, как отпускает тягучая неизвестность, и появляется какая-то определённая и уверенность в завтрашнем дне.

Так и шёл, ловя взгляды людей, чистые и светлые, бесхитростные и простые. Но в каждом взгляде светила надежда – что не бросим, не забудем. Поможем выстоять и подняться.

То тут, то там поднимались одинокие фигуры и двигались по направлению к башне. И чем ближе подходили они к башне, тем плотнее и шире становился этот людской ручеек, превращаясь в полноводную реку.

– Мстиша, разберись с людьми, у кого луки есть – проверь стрелы и поставь в одну группу. Безоружных, но тех, кто стрелять умеет – в другую, дадим им луки. Если есть такие, кто вышел постоять за город, не умея стрелять, а такие обязательно будут – их в третью группу – вооружим мечами да щитами. Разберёшься?

– Разберусь, да и мои помогут. – Подобрался десятник.

Правильно, что подобрался. Доверие оказали высокое. Много людей собирается, как бы не сотня, а то и больше будет.

Поднялся наверх, ко мне повернулся Трувор:

– Слышал речь твою, правильно помыслил. Теперь смотри – вон, драккары показались. Дозор вернулся – доложил, что идут на нас более тридцати драккаров. Говорят, воды не было видно – так плотно шли.

– Вот в этот момент их бы и пожечь. Жаль, нечем. – Прищурился я.

Хмыкнул Горивой, удивлённо глянул князь, и вдруг захохотал:

– Пожечь? А как же тогда трофеи, о которых ты людям говорил? Нет уж, мы лучше их тут, на бережку упокоим.

Вот это другой разговор, а то – варяги идут, воды не видно... Теперь бы они ещё в Пскову не полезли. Князь на всякий случай приказал завалить фарватер деревьями, укрепив их вбитыми в дно кольями, но всё может быть.

– Княже, напомни ещё раз всем, чтобы не стрелял никто до команды. Пусть высадутся сначала...

– Сотники, десятники – все всё знают. А ты почему без брони стоишь? У тебя что – шкура железная?

Ах ты ж, совсем забыл про свой мешок. Сбросил его с плеч, и стал доставать свою броньку под снисходительными взглядами Горивоя и Трувора. Даже уши у меня от стыда загорелись. Советчик...

– Доспехи, доспехи – варяги ещё далеко, а броню надеть быстро. Успею. – Отговорился я. Надо же хоть что-то сказать.

Застегнул свою перевязь с ножами, расчехлил арбалет, поправил сумку для болтов, провёл пальцами по поясу, поправляя меч. Готов боец. Уфф, тяжко. Хмыкнул Горивой.

Сходу на приступ пойдут, или нет? Вот главный вопрос сегодняшнего дня. Хотя уже начинает смеркаться, атаковать в темноте и лезть на неизвестные стены вряд ли рискнут.

Так и вышло. Не решились варяги атаковать, сворачивают к левому берегу и высаживаются. С башен хорошо видно, как разбивают лагерь, огораживают рогатками, разжигают костры. Через реку доносится довольный гогот воинов, в свете пламени мелькают рогатые силуэты. Много викингов пришло на нашу землю. Пока они высаживались, посчитал тех, кого увидел. Вышло у меня около ста варягов на один драккар – а всего тридцать четыре драккара, больших и малых. Даже итог подбивать неохота – зачем раньше времени пугаться. Если на малых воинов и поменьше будет, всё равно много выходит. Получается расклад почти один к десяти. Триста спартанцев на новый лад.

Когда начнут переправляться через реку, надо будет из скорпионов стрелять только срезнями, да и потом вдоль стен тоже их же использовать. Срезни у нас широкие, серповидные, самое то. Народу много будет на драккарах, и есть шанс повыбивать у них, таким образом, больше воинов. Хотя, с близкой дистанции и бронебойные наконечники при удачном попадании могут шампурами поработать.

Ночь вступает в свои права, на руку захватчикам жёлтая луна скрывается в низких облаках. Надо ждать лазутчиков. У Трувора в городе собачек хватает, предупредят в случае чего. Караулы на стенах выставлены, двери в башнях закрыты. Костры будут гореть всю ночь. Пойду-ка я

вздремну до утра. А вот утречком надо бы мне пободрствовать на всякий случай. Обычно нападают в самую собачью вахту.

Пошёл к своим стрелкам, присел у костра. Передали мне миску с кашей и кус хлеба. Запил всё взваром, и лёг спать. Да и все вокруг укладываются – завтра будет тяжёлый день, надо отдохнуть.

Спал вполглаза. Да и весь лагерь, наверняка, спал так же.

Под утро пополз вязкий плотный туман, видимость упала метров на пятьдесят. Что там делается в варяжском лагере – не видно. Зато слышно хорошо. Воздух плотный, любой звук разносится далеко. Вот и будем слушать. Стены заполнились дружинниками, и повисла вокруг густая тягучая тишина. Только изредка гулко ударит рыба хвостом по воде – жерех вышел на утреннюю охоту – мелочь гоняет. Серый рассвет пробудился взбалмошным криканием уток на берегу, эхом пробежала в ответ рябь вздрогнувших людей на стенах.

– Идут, идут. Готовься. – Прошелестело под навесами, местами подтверждая услышанное бряцанием доспеха, или скрипом натягиваемой тетивы. В таком тумане надежды на скорпионы мало, толку при нулевой видимости от них нет, если только вдоль стен бить будут.

– Всем стоять по местам, по стенам не бегать. – Прошла команда Трувора от дружинника к дружиннику. Я с десятком Мстиши занял кусок стены прямо напротив лагеря варягов.

Туман плывет рваными волнами в сером рассветном мареве. На железе конденсируются капли воды. Тетивы у луков отсыреют при такой влажности. И природа против нас.

В полной тишине раздался звонкий голос Заревита, расколол предутреннюю тишину, подхватили песню помощники волхва, поддержали. Заходила кругами песня-наговор от стены к стене, заматалась вокруг башен, заплелась вокруг дружинников, рванула ввысь, разрывая плотный туман, разгоняя свинцовые облака. Укрепилась мощным голосом Яровита, потекла в стороны, оттесняя туман и очищая дорогу первым робким лучам встающего над лесом солнышка.

Прояснилась прибрежная гладь реки, и вынырнули из неё чёрные рогатые головы варяжских драккаров. Ударили с башен скорпионы, защёлкали тетивы, раздались первые вскрики пронзаемых стрелами людей. И, будто в ответ на песню, взревели викинги, вспенилась под вёслами вода, прыгнули на каменистый берег Крома чёрные просмолённые борта, посыпались воины в мгновенно вскипевшую воду, выхватывая длинные вёсла и неся их с собой.

Заработали на стенах стрелки, посыпались вниз стрелы, собирая

кровавую жатву, неся огромный урон наступающим рядам. Но и в ответ взметнулись вверх стрелы с драккаров – то у одной бойницы падал стрелок, то у другой. Всё-таки выучки мало у дружинников, неопытные совсем. Забылась скоротечная наука. Добрались варяги до стен и с помощью своих длинных вёсел стали забегать по стене. Взлетели в воздух четырёхрогие якоря, зацепились за зубцы, натянулись. Там, где успели сделать деревянные навесы, ничего у них не получилось. А вот там, где не успели, там мгновенно вскипела жаркая сеча – и посыпались защитники со стен. По сравнению с викингами наши – как малые дети. Не все, конечно, но основная масса псковских дружинников подготовлена слабо. А как за полгода можно полноценного мечника подготовить? Да и против топора и секиры – меч не очень. Уметь надо. Умелых же у нас мало.

Вовремя скорпионы развернули на башнях, и продольной стрельбой вдоль стены снесли волну атакующих. Очень эффективное оружие наши скорпионы со срезнями. Стрельба почти в упор косой выкашивает наступающих варягов.

Подключилась со двора резервная группа стрелков, очистили стены от разворачивающихся наступление викингов. Спрыгнувших на землю нашего города – задавили яростной толпой, используя подручное оружие. А какое оружие у пролетариата или крестьян? Правильно. Оглобля и кирпич. Вот и забили викингов в одно мгновение. Те даже и распрямиться после прыжка со стены не успели – народ-то наготове был.

Тут и со стороны деревянного тына бой закипел. Обойти попытались, да у нас там подходы к стене густо засыпаны острым чесноком – ребята Последа постарались. Вот и пригодилась их работа – не зря вчера ползали полночи под стенами. Захлебнулось окружение, завязло, прокалывая себе ноги. Падали, опираясь на руки и пробивая их. А сверху стреляли наши охотники, не жалея стрел. Хороший охотник белку в глаз бьёт, а уж тут-то можно не только в глаз. Да и расстояние для выстрела, как в лесу – те же двадцать-тридцать метров. Грех промахнуться. Жаль, что слабоваты луки, дальше никак.

А вот и в Пскову сунулись три драккара, и завязли в затопленных деревьях – расстреляли их с Плоской башни. Выплыло несколько десятков стойких нордических воинов на берег, но дальше засек никто не успел уйти. Всех положили арбалетчики и лучники.

Хорошо, что на стенах хватает запаса стрел и болтов, использовали наш прошлый опыт – разложили запасы в нишах. У меня так сумка уже пустая – всё расстрелял. Сделав несколько шагов до ближайшего запаса, набиваю сумку и спешу на своё место. Стрельба не прекращается, но и

викинги не уступают. На драккарах стрелки прячутся за установленными щитами, брызжут каменные и деревянные осколки от бьющих в камень стрел. Глянул в стороны – появились прорехи в плотном ряду защитников стен.

Перегруппировались быстро варяги – вот что значит выучка. Почувствовали слабину в нашей обороне, усилили натиск в месте первого прорыва, полезли через стену. Надо бы туда подкрепление перебросить. Не успел подумать, а уже увидел, как Горивой бежит понизу к месту прорыва с резервом. Оценил обстановку перед нашим участком стены – немного варягов осталось, так – поддерживают видимость атаки, закрываясь щитами, да и на драккарах – только стрелки за укрытиями. Основной массой на прорыв попёрли. Оставляю половину десятка во главе с Мстишей на месте, и бегу к месту прорыва. Занимаем пустые бойницы на стене и открываем стрельбу. Тут же, оказывается, выбили почти всех наших стрелков, поэтому так варягам и вольготно. Сейчас мы это исправим. Первыми надо выбить захвативших стену, а потом перенести стрельбу вниз. Так и делаем. Снизу стреляет резерв Горивоя, им даже на стену не подняться. Перед нами на помосте каша из дерущихся, выискиваем малейшую лазейку, чтобы запустить туда арбалетный болт. Позади меня ребята стреляют вниз, укрываясь от плотного вражеского обстрела, и выбивая прибывающих врагов. В городе народ попрятался под телеги, за щиты. Кто не смог найти себе укрытие – улепётывал к противоположной стене. Очень уж плотный обстрел устроили варяги на этом участке. Мало нас, нужно ещё подкрепление. Сомнут. Сейчас или мы – их, или они – нас.

Ударили сзади по плечу, требуя пропустить вперед. Оглядываюсь – Трувор в трофейных железных латах, секира в руках. Прижимаюсь к стене, пропускаю мимо себя подоспевшую группу. Ещё успеваю увидеть, как размашисто взлетает секира князя над головами, как начинают теснить викингов. Потом просто стреляю, и больше ничего не вижу, кроме прицела и целей внизу. Несколько раз получаю по шлему встречной стрелой, и один раз, слишком увлечьшись и высунувшись, еле отдышался от прилетевшей в грудь стрелы. Спасибо Головне за хороший доспех для меня, дурака. Затем вяжусь в перестрелку с лучниками на драккарах, и здесь арбалет одерживает победу. Постепенно затихает ответная стрельба, и я выбираю время пополнить свою сумку болтами и быстро оглянуться по сторонам.

Хотя викинги ещё продолжают лезть на стены, но, можно считать, что приступ мы отбили. Такого яростного напора уже нет, а вот и заревел рог внизу, и атака сдулась. Огромными длинными прыжками викинги несутся вниз по склону к драккарам, и отходят к противоположному берегу,

проводимые нашей стрельбой и торжествующими криками со стен. Только рёв у нас не такой уж и громкий – повыбило у нас многих. Ищу взглядом князя и не нахожу. На плечи наваливается свинцовая тяжесть. Суматошно сдираю мятый шлем и слышу рядом голос Трувора:

– Что, опять решил броню сбросить? Не рано ли?

Я его по сторонам ищу, а он, оказывается, рядом стоит. Чувствую, как распрямляется моя спина:

– Живой? Отбились.

– Отбились. Горивоя ранили, да и Мстишу твоего крепко приложили. Сегодня викинги больше не пойдут. Думаю – им сейчас лучше домой уйти, пока мы с силами не собрались. Вокруг они грабить никого не будут – побоятся. Под стенами стоять – им тоже не резон. Давай прикинем, сколько мы у них выбили – вон, драккары пустые стоят, да на Пскове – ещё три. В деревьях затопленных застряли. Получается, что где-то третьей части у них уже нет, так? Так! Да надо учесть, что в ушедших драккарах – команды не полные, значит, берём не треть, а половину. Думаю – не будут они дальше стоять под стенами – уйдут к вечеру.

– Посмотрим. Если будут уходить – я, княже, с твоего позволения, пойду им вслед на своей ладье, да и покусая их за пятки осторожно. В другой раз хорошо подумают – стоит ли к нам идти воевать.

– Хорошо придумал. Только осторожно кусай, чтобы зубы не завязли. А то, и зубы выбьют, и голова пропадёт... А пока... – Огляделся, зычно проревел. – Десятникам оставить караул на стенах, остальным отдыхать. Раненых к волхвам и травницам, убитых – к южной стене. Проверить запасы стрел и болтов на стенах, пополнить, где не хватает.

Так, отдавая распоряжения на ходу, мы спустились вниз. Там меня уже поджидали мои десятники Ждан и Вторуша. Пристроившись за нами хвостиком, быстро доложили результаты боя. Мстиша ранен тяжело – попал под варяжский топор, забрал его с собой князь, когда на подмогу по стене шёл. Но Яромир говорит, что обойдётся. Добронегу стрела попала в плечо между пластин брони. Острие погнулось об пластину, и рана получилась тяжёлая и рванная. Потерял много крови, но выживет, даже рука будет нормально работать. Из молодых дружинников потеряли полтора десятка стрелков на стене, и почти два десятка мечников при прорыве. Вот это потери у нас... И это на защищённой стене... Что бы было при прямом столкновении?

Пока Трувору докладывали результаты боя, меня потихоньку оттащили в сторону и быстро всучили здоровенную кружку кваса и огромный шмат мяса. Я сначала дико посмотрел на свои руки, занятые непонятно чем, но

организм сориентировался быстрее головы и я довольно заурчал, вгрызаясь в сочную мякоть. Чтобы протолкнуть первый кусок в засохшее горло, пришлось быстро ополовинить кружку. Мои ребята прикрывали меня от всех, пока я лопал. Но, похоже, некачественно прикрывали.

– Нет, вы только гляньте. Кому война, а кому мать родная. Мы тут воюем, а он втихаря брюхо себе набивает. – Оглушил меня на правое ухо зычный бас Трувора, и протянувшаяся сбоку рука князя забрала у меня полупустую кружку.

Мигом сориентировавшийся Ждан тут же плеснул князю добавки из кувшина, а Вторуша протянул такой же шмат мяса.

– Вот это молодцы! В бою не промах, и после боя не оплошали. – Похвалил Трувор десятников.

А я просто подмигнул. Смочив горло из другой кружки и быстро проглотив остатки мяса, я собрал своих оставшихся стрелков. Отобрав пять десятков наиболее опытных и метких, наказал быстро подкрепиться и тщательно подготовиться к возможному походу. Болтов с собой взять чем больше, тем лучше, серповидных срезней – из расчёта один к двум. Если варяги будут уходить, мы пойдём их преследовать. Старшим со мной, вместо Мстиши, пойдёт Ждан.

А сам поднялся на башню. Надо же посмотреть на результаты нашей стрельбы. Потом ещё обязательно нужно поклониться павшим, и проститься с ними. Неизвестно, на сколько времени может затянуться поход.

Выглянул через парапет – внизу сплошные тела в щетине стрел. Брр, даже смотреть тошно. Прошёл по стене к месту прорыва – всё в кровище. Женщины её смывают из кадушек, пока не застыла. Текут вниз красные ручьи. Сколько народу полегло – не сиделось им спокойно. Умоетесь ещё...

Постоял над ровной шеренгой лежавших рядом тел. Много полегло наших... Дружинники и простые люди, вызвавшиеся добровольцами и заткнувшие прорыв своими телами. Охотники, стоявшие на стенах в кожаных куртках под стальным ливнем вражеских стрел... Горожане, не успевшие спрятаться от навесного обстрела... Город – воин... Так и стоял, всматриваясь в лица, стараясь запомнить каждого, кого не уберёт, кому не хватило брони, кого недоучили...

Рядом встал Трувор, подошли мои ребята. Дружина князя и моя, встали за спиной молча, плечо к плечу. Перехватило горло спазмом и я, пересиливая себя, начал тихо говорить:

– Клянусь светлыми богами, что все свои силы положу на то, чтобы наш город стал самым защищённым городом под этим небом, чтобы

никогда не смог враг забраться на его стены. Кровью своей клянусь, что ни один воин не пойдёт в бой без доспеха и с простым оружием. Обещаю, что не забудем семьи погибших за нашу свободу, и за наш город. Всем жёнам и детям погибших будет назначена ежемесячная пожизненная выплата.

– Клянусь. – Подхватил Трувор.

А затем моя клятва пошла по рядам – и распрямлялись спины, светлели лица. А над нашими головами светило осеннее яркое солнце, плывя в безбрежном синем небе.

Князь оказался прав. Ближе к вечеру варяги снялись и ушли длинной вереницей вниз по реке, провожаемые со стен ликующими горожанами. Опять же, прав был Трувор – некоторые суда тащили за собой на канатах обезлюдевшие драккары.

– Пора собираться. – Глянул на князя.

– Зря голову не подставляй. По сторонам не забывай поглядывать. – Кивнул Трувор. – Сейчас pošлю людей застрявшие драккары убрать, да деревья растащить.

Спустился со стены – мои стрелки уже стоят, ждут.

– Что, братцы, пойдём, пощиплем хвосты варягам?

Быстрым шагом, насколько было возможно после такого боя, поспешили к Бивою. При виде меня приоткрылись ворота, и вышел Изяслав.

– Что, отбились?

Махнул своим рукой, посылая их вперёд, а сам притормозил. Сжато рассказал сотнику результаты боя, перечислил раненых и погибших. Почернело лицо у Изяслава, а ему ещё эту тяжкую весть в городище нести.

– Мы на ладье пойдём вслед за варягами. Постараемся им покоя не давать, и, по-возможности, будем хвосты рубить. Пусть надолго запомнят поход псковский. И ещё. Себя не вини – нет твоей вины в гибели людей. Времени мало было для подготовки. И не посылать их на стены нельзя было – очень уж силища пришла огромная, на тридцати четырёх драккарах. Назад около половины ушло... Вот и думай.

– Всё понимаю. Дайте им хорошего пинка пониже спины, чтоб бежали, не оглядываясь.

Постояли, помолчали секунду, и разошлись. Не о чем пока говорить, да и не до разговоров. Изяслав понёс тяжёлую весть в городище, а я поспешил на берег. Дружинники мои уже загрузились, и теперь разбирали вёсла, рассаживались по местам. На борта устанавливали щиты, выкладывали арбалеты и сумки с болтами.

– Бивой, готов к выходу? – Окликнул кормчего.

– Готовы, боярин. Только вот на такую прорву народа провизии у нас маловато. На день хватит и все.

– А нам больше и не надо. А если что – так и потерпим немного. Сейчас задерживаться не будем, отчаливаем.

Перепрыгнул на борт, не замечая тяжести доспеха. Когда мелькнула подо мной полоска чёрной воды, тогда только и вспомнил про всё то железо, что на мне надето.

– Бивой, броню накинь, да проследи, чтобы помощники твои тоже защиту вздели.

– Понял, боярин. Выйдем в реку – надену бронь.

– Слушай все сюда! Стрелять только по команде! И только по той цели, куда я укажу! В полный рост не вставать – сидеть за щитами и не высовываться! Вступим в бой – смотрите по сторонам, чтобы к нам варяги не подошли. Подходим, обстреливаем и уходим. Поэтому чем больше болтов успеете выпустить, тем лучше.

Встал рядом с кормчим, пошли потихоньку по течению Псковы. Дошли до устья, машут нам руками, показывая на ближний к стенам берег. Понятно – успели проход освободить только с одной стороны. Прошёл Бивой по чистой воде, прошуршали ветки по борту ладьи. Выскочили на простор Великой, оставляя за спиной напутственные крики дружины и горожан. Поставили паруса, и полетели вниз к озеру. Зазвенело железо – готовятся к бою стрелки, устраиваются, кому как удобнее. Тесновато, конечно, но мне сейчас очень нужна высокая плотность стрельбы. Мечами махать не собираюсь. Проверил, все ли брони надели. Ждан на носу наблюдателя выставил.

– Смотрим над камышами, ищем верхушки мачт. Варяги могут на ночёвку в протоках остановиться. Бивой, идём только на гроте. – Раздал команды.

Заполоскал убираемый стаксель, выпрямилась немного ладья, пошла тише. А вот и острова впереди. Устье. Осторожно надо – могут и засаду устроить.

Тихо идём большой протокой, ветер пропал – острова и деревья закрывают нас полностью. Тут не только мачты – Эйфелеву башню не увидишь. Листва вокруг зелёная, осень ещё не успела вступить в свои права. Красотища вокруг – неопишущая. Вспомнил, как уезжали сюда с ночёвкой, на выходные, в конце восьмидесятых. Варили уху – рыбы тут всегда было много и без улова никогда не оставались. Сидели полночи под бархатным небом, отгоняя злющих комаров, которых ничего не брало. Пили пиво и разговаривали. Под пиво и водочку хорошо разговоры водить.

Пиво было в дефиците, не то, что сейчас. А тогда многие вещи доставались только по знакомству, включая и пиво. Вон на том острове у нас был постоянный лагерь, где всегда под ивами лежали заготовленные дровишки, а вот тут ставили палатку. А потом кончилась спокойная жизнь, и наступили разгульные и лихие девяностые годы. И жизнь людей, да и всей страны понеслась под откос, гремя колёсами и подпрыгивая на ухабах развивающегося капитализма. Теряя по пути многих и многих своих граждан, выпавших за борт и не сумевших уцепиться за пролетающие мимо борта несущейся сумасшедшей махины. Так и закончились наши вылазки на эти благословенные острова. Потом мы просто выживали. Но нам было проще, чем многим другим. Нас кормило государство в лётных столовых, обмундировывало, и у нас была возможность заработать какие-то деньги в командировках, потому что денежное содержание выплачивали с большими задержками и мы, как и вся страна, крутились, как могли.

Развоспоминался....

Осторожно, на вёслах, прошли протоку и впереди, во всю ширь, распахнулся простор озера. Далеко, на пределе видимости, над водой торчали тонкие спички мачт. Ничего, сейчас выйдем из островов, и подхватим ветер – быстро догоним. Волна мелкая, ветер ровный – не уйдут варяги.

Захлопал, обретая форму, поникший грот, надулся поставленный стаксель, вспенилась вода за кормой, накренилась ладья, прыгая вперёд. Все взгляды устремлены на далёкие, пока, паруса. За кормой пряталось в однородной зелёной полосе уходящего назад берега устье реки. Надо будет там поставить какой-нибудь столб или вешку, а то как гости к нам приходять будут – заблудятся ещё.

Приблизительно через часа полтора, два проскочили острова архипелага, оставив их по правому борту. Заметили драккар, уткнувшийся носом в берег. Рядом копошились варяги, разбивая лагерь. Потом, на обратном пути ими займёмся.

Солнце начало клонить свою рыжую голову на тёмные широкие плечи далёкого берега, и зачернела озёрная водица. Скоро стемнеет.

А вот, наконец, и плетущийся в хвосте сильно растянувшихся судов, замыкающий драккар. По моей команде защёлкали арбалеты, выбивая варягов. Да тут их и было десятка два – быстро кончились. Довернул Бивой ладью, прошли мимо борта, успев выстрелить несколько раз по ещё шевелящимся телам, и дальше – вдогонку.

Следующую обстреляли метрах в пятистах. Ещё одна одиночка ковыляет. Не суждено ей доковылять до своего дома. После

результативного обстрела притираемся вплотную и высаживаем на драккар пару дружинников. Добьют раненых, спустят парус, подождут ранее обстрелянный и, коли получится, пришвартуются к нему. Если до темноты не придём, разожгут сигнальный огонь. А мы рванули дальше. Пока светло, надо догнать ещё кого-нибудь. Постарались и догнали очередную парочку, один из которых был пустым и просто тащился на буксире. Что самое интересное, никто даже не пробовал открыть ответную стрельбу по нам. Выбили всех лучников под стенами. Мы подходили и расстреливали драккары, высаживали досмотровую группу, и шли дальше. Бивой грамотно маневрировал, и я убедился в полном превосходстве косого паруса над прямым. Не конкуренты они нам.

Дальше продолжать погоню было бессмысленно – сумерки стёрли тонкую грань между видимым и невидимым. Растаяли в ночи впереди идущие суда. Ничего, завтра мы вас ещё пощиплем, а пока надо разворачиваться и искать наших товарищей. Переночуем, а с утра пораньше продолжим погоню, если погода позволит.

Сигнальные светильники видно издалека – мы берём на буксир трофейные драккары и медленно идём в сторону недалекого берега. На землю сходить не будем, переночуем на борту. Утром осмотримся, и будем принимать решение о дальнейших наших действиях. Закат был багровый, ветер может подняться. Ветер на озере налетает внезапно, резко поднимая высокую волну, а у нас четыре посудины на хвосте болтаются. Терять трофеи не хочется, но и в берегу стоять долго нельзя. Хватает тут, в лесах приозёрья, вольной чуди, которая запросто может из-за деревьев пустить острую стрелу и попробовать нас на свой зубок.

Доплелись до прибрежной стены камыша, бросили якоря, подтянули драккары, связали борт к борту все трофеи. Пока доставали перекусить, выслушал отчёты призовых команд. Убитых освободили от всего железа, тела отдали озёрному водяному. Только-только успели разобраться с убитыми – даже не успели посмотреть, что было в запасниках драккаров, как стемнело. Ничего, завтра рассветёт и, пока мы в догонялки играем, насмотритесь. Назначили караул на ночь и завалились спать, используя деревянные щиты как лежанки. Места теперь у нас много – на пяти-то судах.

Ночь прошла спокойно, только менялись караульные, да кричали ночные птицы в постоянно шуршащем камыше. Утром погода порадовала – не поменялась, ветер оставался постоянным, и, оттащив трофейные посудины в озеро, оставили их на якорях дожидаться нашего возвращения. А мы поставили паруса и пошли в погоню.

Пройдя Тёплое озеро, вошли в узкий пролив между Чудским и Псковским озёрами. Тут надо быть осторожнее – где-то же варяги должны были заночевать? Так, осматриваясь, и особо не торопясь, убрав стаксель, и идя на одном гроте, вышли на вольные просторы Чудского разлива. Тут и волна была побольше, да и берегов не видно – озеро почти в два раза больше Псковского будет. Пошли на север, может, увидим кого-нибудь. Понеслись, прорезая наискосок тяжёлые тёмные волны, зашлёпала чудская волна под правым бортом, закружились в кильватере бело-серые чайки. Горизонт пуст, но всё равно пойдём к устью Наровы. А вдруг догоним?

Часа через три, может, чуть больше, появилась тёмная полоска далёкого берега. А на фоне этой полоски светлыми заплатами медленно вырастают прямоугольные паруса варяжских драккаров. Как лихо удирают. Вряд ли догоним, но постараемся! Надо дать прощального попутного пинка напоследок. Идут драккары плотной группой, нет такого разброда как вчера – почуяли, что на них охота открыта, испугались.

Догнали варягов, когда до реки оставалось всего ничего – уже можно было различить отдельно стоящие деревья и исток Наровы. Довернули чуть круче к ветру, пошли, прикрываясь бортом вдоль драккаров, посылая залп за залпом в оскаленные бородатые лица. Застучали ответные стрелы по борту и поставленным щитам. Бивой чётко выполнил разворот – и понеслись обратно. Быстро пересев к противоположному борту, выровняв ладью, продолжили обстрел.

Разбился строй варягов, разбежались в разные стороны морские волки. Убрали паруса, заработали вёсла. Захотели нас наказать, и бросились вдогонку. А нам это на руку. Бивой здорово наловчился за прошедшее время управляться с судном, используя возможности наших парусов на всю катушку.

Один раз только подставил нас под выстрелы, разворачиваясь и открывая корму. Викинги и воспользовались этой промашкой. Три дружинника, сидевшие позади, были ранены, кто в руку, кто в бедро. Броню стрелы пробить не смогли, не пляшет дрянное нурманское железо против доброй стали, выкованной нашим Головнёй. Но синяков-то наставили ребятам. Главное, все живы, больше так подставляться Бивой не будет. Да и вины его, по большому счёту, нет. Варяги-то в разные стороны разошлись. Отовсюду стрелы летят.

Покрутились вокруг драккаров, послушали проклинаящих нас викингов. Ещё бы, мы ведь не полезли в такой честный, для варягов бой, а так и продолжали носиться вокруг, продолжая обстрел. В конце концов, сообразили викинги, погребли в сторону Наровы, торопясь обратиться

восвояси. Поставили паруса, а мы ударили срезнями. Обрезали шкоты и растяжки двум замыкающим драккарам, заскрипели мачты, закачались и рухнули набок под ветром, ломая борта. Удачно получилось. Эх, поздно мы сообразили – надо было сразу так сделать. А теперь только локти кусать – не догоним – уходят в Нарову драккары. Туда мы не полезем – нам там манёвра не будет. Добъём этих двух, и пойдём домой.

Называть это боем нельзя – это было просто избиение. Викинги ещё успели сбросить мачты за покалеченные борта, но наши болты не дали им времени организовать какую-то оборону, или уйти на вёслах. Скоро всё было закончено. Команда убрала паруса и наша ладья закачалась на волнах рядом с безжизненными драккарами. Тащить их за собой не будем, заберём всё ценное и сожжём. Пусть удирающие викинги посмотрят издали на чёрный дым горящих пенителей морей. И почему-то мне кажется, что больше мы не услышим о викингах, пришедших с разбоем в наши воды. Сбили мы спесь с хвалёных варяжских хирдов. Это хорошо, может, и Петру потом легче будет. А может, и не будет теперь никакой Полтавы... А мы ещё походим по варяжскому морю, походим... И окошко в Европу у нас уже есть, пусть маленькое, но ведь есть.

Ободрали разбитые драккары до последней медяхи. Даже выловили из воды полузатопленные паруса. Развернулись в сторону дома, оставляя за кормой разгорающееся пламя. Потянулся вверх чёрный столб дыма. Закончился бесславный поход варягов на Псков.

Вот только в Бирку теперь надо будет ходить с опаской. Ничего, мы ещё пару малых скорпионов сделаем, и поставим на палубе. Сейчас несколько недель до осенних штормов будут спокойными – варягам-то мы рога пообломали. В море они не сунутся, а если и сунутся – то от одного вида нашего паруса сбегут. Поэтому приходим домой, отдыхаем денёк, загружаемся товаром до отказа, и уходим на запад – надо открывать новые торговые пути и новые города.

На обратном пути пересадили дружинников на три трофейных драккара – получилось по шестнадцать человек. Бивой отдал своих помощников им в помощь, а мы, взяв на буксир четвертую посудину и подняв паруса, потихоньку двинулись в сторону дома. Вдвоём с кормчим и с ранеными на подхвате, дошли до Псковы и ткнулись в пристань. На берег сбежался весь город, тревожная тишина повисла над рекой. Недоумевая, смотрели люди на нас пятерых.

– Владимир, а где остальные дружинники? Вас же почти пять с половиной десятков было? – Подходя к нам через расступающуюся плотную толпу, задал вопрос Трувор.

Даже птицы замолчали, ожидая моего ответа. А мы так вымотались, что до нас даже не дошёл смысл вопроса, и мы не поняли, почему же народ не радуется нашему успеху.

Распрямился, растягивая натруженные мышцы, увидел нарастающее напряжение в обращённых ко мне лицах, и только сейчас до меня начало доходить – народ-то ничего не знает. Уходило нас много, а вернулось мало. Значит – что? Значит – побили всех, и выжили только пятеро.

– Всё хорошо! Дружина на трёх драккарах домой добирается. Можно было ещё одного на архипелаге прихватить, да они, как увидели, что мы возвращаемся, так и убежали вглубь острова. Ну, не было сил их вылавливать. Так и прошли мимо. После архипелага мы ушли вперёд, остальные идут за нами.

– Так вы что? Четыре драккара захватили?

– Четыре захватили и ещё два сожгли. Вот у нас трое раненых – остальные все целы. Оставшиеся варяги удрали в Нарову, мы их постреляли напоследок хорошо, но преследовать не стали. А у вас какие новости?

– Народ возвращается по домам – жизнь продолжается. Ждали вас – надо тризну справить. – Еле пробился голос князя через нарастающий гул толпы.

– А ты там долго сидеть собираешься? Может, уже на берег сойдёшь, да поговорим спокойно, без крика?

Расслабился я и растёкся – домой пришёл – одно оправдание. Перелез, по-другому и не скажешь, через борт, пошатнулся – причал качается. Подхватил меня под руку верный Головня, и потащил на берег. Вышел, стою перед князем, качается народ перед глазами. Посмотрел на меня такого Трувор, махнул рукой, мол, что с тебя взять, Подошёл и обнял. Закричали радостно люди, взлетели вверх шапки, сгоняя с верхушек деревьев примолкших ворон.

– Молодцы! – Отстранился князь. – Ступай, отдыхай, мы тут сами распорядимся.

Сделал несколько шагов по раскачивающейся земле, утвердился и пошёл, с каждым шагом всё увереннее и твёрже. Вспомнив, остановился, обернулся к Трувору. Между нами так и остался живой коридор среди толпы.

– Завтра мы отдыхаем, послезавтра грузимся и пойдём в Данциг. Надо новые города посмотреть и себя показать.

– Да иди уж, отдыхай. Вечером поговорим. – Засмеялся довольный князь уже с борта ладьи.

Трофеи, наверное, увидел. Ну, вечером, так вечером. Мимо меня бегом пронесли наших раненых. Как же – герои – невместно им своим ходом пройти. А ведь могут. Ну да ладно – пусть понежятся в лучах славы.

Глава 14. Данциг, Готланд и пираты. Дома лучше

На выходе из толпы меня поджидали все мои верные соратники. Стояли Еленя со Стояном и Жарко. Рядом с ними – Истома с Миленой и Любовой. Чуть впереди – Изяслав с Даниславом. Волчок еле сдерживает рвущегося вперёд Грома, с тревогой оглядывая меня. Чуть в стороне наш гончар Поревит со своей семьёй, и травница Ива, кузнец Зван, и купец Дрёма, Понята и Сивый, за ними ткачиха Доброва, и ещё много других людей, знакомых и незнакомых, вокруг которых тихонечко и непривычно стоят дети. Вон и Послед выглядывает из-за чьего-то бока, держа за руку Красавушку, дочку Головни. Яромир улыбается, а Заревит поспешает вслед за ранеными, оглядываясь на меня и одновременно что-то выговаривая им вслед. Хорошо-то как! Улыбаюсь я – и Волчок отпускает Грома. Молнией несётся лопаухая махина, чудом успеваю отпрыгнуть в сторону, чтобы тут же очутиться в радостной круговерти объятий, похлопываний и не требующих ответа вопросов. Скачет вокруг громко лающий Гром. Так, галдящей и бурлящей толпой, мы проходим через ворота до крылечка и вваливаемся в гостиную, где уже накрыт стол, и наша повариха Весея подносит мне большой жбан кваса.

Расселись, и я рассказал про наш поход, и про то, как догоняли и били варягов. Завидя блестящие глаза пацанов, рассказал, как не стал заходить в Нарову, преследуя удирающие драккары, заосторожничив, и побоявшись лишиться манёвра и глупо погибнуть. Пусть учатся правильно думать. А потом просто сидели и вспоминали, как приехали сюда год назад на трёх фургонах, и сколько всего успели сделать за это время. В конце концов, я попросил отпустить меня в баню – совесть-то надо иметь. Посмеявшись, дружно проводили до бани, и, наконец-то, оставили в одиночестве. Гром только на пороге остался охранять.

Забравшись на горячий полук, улёгся на спину и закрыл глаза. Закачался на волнах озера, зазвенел в ушах отзвук боя, постепенно уходя в небытие. Расслаблялись вслед за ним мышцы натруженного тела. Открыл глаза, вытер тыльной стороной ладони солёный, с горечью, пот, плеснул из ковша травяного настоя на раскалённые камни. Зашкворчал пар, ударил в потолок и пронёсся по всем углам, обжигая кожу. Полежал ещё немного. Можно и отдохнуть. Вторым заходом чуть-чуть веничком попаримся. Пока

остывал после второго раза, хлопнули входные двери, и зашёл Трувор, переступая через развалившегося сторожа, глянувшего на князя коричневым глазом и не сдвинувшегося ни на волос. Пожелал лёгкого пара и, раздевшись, шагнул в парилку. Все разговоры потом.

На совещании подвели итоги прошедших дней, сделали выводы по подготовке дружины, наметили ближайшие необходимые действия по укреплению стен и башен. Поговорили о моём походе, обговорили необходимое количество товаров, и напомнили – обязательно взять с собой наших начеканенных монет. Под конец совещания поставил задачу плотничьей ватаге срочно переделать кормовую надстройку. Не дело, когда ладья с кормы простреливается насквозь. Можно ещё поставить крышу от дождя на стойках. Всё нам лучше будет...

А потом была тризна по погибшим товарищам. Не стали делить их на дружинников и горожан – все погибли в бою, защищая город, значит – все воины.

Думал на следующий день отдохнуть, но ничего не получилось. С утра разбирались с пришедшими вчера драккарами, перетряхивали трофеи и распределяли их по мастерам для доделки и переделки. Пришлось контролировать работу плотников на ладье, показывая на месте, что я хочу получить в итоге.

Потом, после переделки надстройки, загружали товары и припасы. Головня с Истомой устанавливали скорпион на носу, поднимая для него площадку. Работы, как всегда, было много и, даже – очень много. Да, ещё подошёл Дрёма и напросился с нами – мол, ему надо набираться опыта. Всё верно – не возражаю. Громчик не отходил от меня ни на шаг, путаясь под ногами. Взять его с собой, что ли? А то совсем позабыл про бедного собакина. Да и возьму.

Подозвал Ждана, пусть укомплектует боевой отряд ладьи – пойдут три десятка стрелков, да на всякий случай напомнил проверить всё снаряжение и припасы – уйдём недели на две, а то и на три.

Вот так целый день и «проотдыхал». Проведал наших раненых. Мстиша начал шевелиться понемногу – пошёл на поправку. Ива за всеми присматривает, говорит, что всё будет хорошо.

Прошёлся по мастерским, зашёл к Еленю и посмотрел, как идёт работа у Стояна. Посмотрел, как продолжили постройку нашей речной баржи. Сегодня первый день после нападения, когда возобновилась работа на верфи.

Ближе к вечеру прошёл в город и походил по стенам. Везде, куда бы ни пошёл – люди здороваются и улыбаются. С одной стороны – приятно, а с

другой – напрягает быть постоянно в центре внимания. Поговорили с Еленей – скоро закончат постройку казармы для княжеской дружины и конюшни. А потом будем ставить кирпичные избы для всех наших ближников – план застройки у нас есть. Вот согласно ему и пусть работают – время до холодов ещё позволяет. Надо выполнять свои обещания.

Посмотрел на приступившую к постройке причала вдоль берега Псковы ватагу Тишилы. Споро работают – так, глядишь, ещё и мы тут причаливать будем, когда вернёмся из похода. Да и рыбакам будет удобнее разгружаться – торг-то рядом.

На обратном пути завернул в лавку – послушал, как Дрёма выдаёт последние инструкции остающемуся за него помощнику. Судя по виду помощника, эти инструкции он слышит уже не в первый раз.

Прошёл через ворота нашей крепости и зашёл к Головне. Вызвал мастера на улицу – теперь он начальник, сам молотом редко машет, только когда аврал. В основном, присматривает за работой. Присели на лавку, помолчали. Предложил ему подумать о перестройке его кузниц в одно большое помещение под единой крышей. И бегать не надо из двери в дверь, и все под приглядом будут. Очень понравилась моя идея Головне. Чуть не сорвался кузнец к Еленю – уговаривать того на срочную работу. Успел ухватить мастера за локоть, и напомнить ему про очерёдность работ в нашей крепости – сначала делаем хорошее жильё для всех, как и собирались. Потом – всё остальное. Просто надо включить перестройку кузни в общий график работ. Мастер уже привык, что из меня частенько иноземные непонятные слова выскакивают, поэтому не удивился, услышав новое слово, но попросил объяснить смысл. Пришлось объяснять, попутно высказав мысль и о перестройке столярных мастерских. Надо к Истоме зайти – предложить и ему подумать над такой идеей.

Попрощавшись с возбуждённым кузнецом, зашёл к Истоме, а потом к Любаве с Миленой. Обоих поймал у Добровы – кроили какие-то вещи. По затуманенным взглядам понял, что им пока не до меня. Вроде бы, как я и зашёл, а вроде бы, как и нет. В творчестве увязли – витают в облаках. Ну и ладно, пойдём мы с Громом потихоньку прочь – не будем мешать важному мыслительному процессу.

Ещё успел заскочить к нашему казначею, и попросил завтра, к отходу, доставить на ладью мешок с монетами. Золотых десятков, и серебряных – рублей пятьдесят. Ну и меди немного. Пригодятся.

Вроде все дела на сегодня сделал – пора отдохнуть. Ноги гудят, столько по дорожкам накрутил, натоптал.

Утром, распрощавшись и помахав рукой провожающим с борта

отходящей ладьи, вышли на простор реки Великой, и на всех парусах пошлёпали вперёд по волнам. Впереди новые встречи и земли. Жуть, как интересно. К обеду были в Чудском озере, и тут у нас обнаружился заяц. Из кладовки на корме вытащили Последа, который, устав тихонько сидеть, завозился, и был услышан Громом. Оповестив нас гулким лаем о своём открытии, собакин начал царапать когтями запертую дверку. Пришлось зайцу показываться на свет. Так наш экипаж пополнился ещё на одного человека. А чтобы этому человеку жизнь мёдом не казалась, возложили на него обязанности юнги до конца похода и мальчика на побегушках – до моего прощения. А моё прощение последует не скоро – очень уж я рассердился.

Заночевали недалеко от устья Наровы. В самом устье решили не останавливаться, потому как мало ли кого нанести может. Водные дороги самые опасные. Сил у нас хватает и отбиться мы, конечно, отобьёмся в случае внезапного нападения, но зачем попусту рисковать. Отошли чуть в сторонку и нас не видно с реки. Отдохнём нормально на берегу, а завтра, со свежими силами, пройдем реку и выйдем в море. Направимся вдоль берега на запад, и будем рисовать карту побережья. Так и пойдём, пока не упрёмся в какое-нибудь селение покрупнее. Узнаем дальнейший путь, порасспрашиваем местных жителей. Не дело нам наугад по морям ходить, будем составлять свои карты. Возвращаться же будем по северу Варяжского моря, и только от Бирки повернём на Нарову.

Пройдя реку, повернули на закат и пошли вдоль берега. Где-то тут в будущем Таллинн должен стоять. С погодой не повезло – дул встречно-боковой ветер со Скандинавии. Шли в лавировку, и как раз, когда в очередной раз меняли курс, на берегу показалось небольшое городище.

Решил пристать и пообщаться с местным населением. Осмотримся. Может, и заночуем здесь, если договоримся.

Встретили нас очень настороженно. Закрытые деревянные ворота, в деревянном же частоколе, не внушали никакого оптимизма – гостеприимством тут и не пахло. Время такое. Оставив всех на ладье, прыгнул на берег, и в сопровождении пары дружинников и Грома пошёл к городищу.

Хорошо, что стрелять сразу не стали, и мне удалось переговорить со старейшиной. В ходе переговоров узнал, что место это называется Иру. В само поселение нас не пустят, но продукты продать могут. После первой фразы старейшины я начал говорить с ним на его языке и этим растопил сухой лед недоверия. Рассчитавшись за продукты своими монетами, и отправив корзины на ладью, сам с Громом был приглашён в гости.

Результатом явилась нарисованная на моей карте береговая черта до Щецина, со всеми островами и их названиями. Правда, за это пришлось выложить серебряный рубль. Но оно того стоило.

Теперь нам не надо ползти вдоль берега, пытаясь разглядеть возможные поселения.

Переночевав в избе старейшины и рассчитавшись за гостеприимство медной монетой, отправились дальше. Прошли острова Даге и Эйскюла, позже их назовут островами Хийумаа и Сааремаа, но приставать там не стали, может, заглянем на обратном пути. Оставили их по левому борту. Ещё бы очень не хотелось повстречаться с пиратами. Как я понял из обмолвок старейшины городища Иру, мужское население побережья активно ловит рыбу, но не гнушается при случае промыслить разбоем. Причём промысляет довольно успешно, представляя из себя значительную силу. Все же остальные, по возрасту или здоровью не подходящие для этого, несомненно, благородного занятия – вынуждены только ловить рыбу.

Миновали Рижский залив, где-то в глубине которого – устье Двины. Но нам пока это знание тоже не нужно. Ветер подвернул, или, вернее всего, это мы поменяли курс под ветер, и скорость наша выросла. Стало веселее шлёпать по волнам, посматривая на уходящую за корму тёмно-зелёную ленту берега. Тяжело загруженная ладья пошла ровно, лишь немного переваливаясь на волнах с борта на борт. К вечеру подошли к Чёрному Рогу Клайпеды и заночевали, спрятавшись от ветра за песчаными дюнами.

Утром продолжили путь и, во второй половине дня, обогнув острый выступающий мыс, пошли вдоль песчанной косы, на которой в моём времени будет стоять город Балтийск. Тут и встали на ночёвку. Лучше прийти в нужное нам место до полудня, а не к вечеру. Заодно и посмотрим, как тут судоходство развито. Где-то тут когда-то будет стоять памятник Петру... А, может, уже и не будет... Следующим городом должен быть Данциг, к нему я и стремился. Зайдём, осмотримся, а там будет видно, что дальше делать. Не промахнуться бы только мимо устья Вислы, хотя тут поселений много. Подскажут, если что.

На подходе к городу набросили чехол на скорпион и убрали арбалеты, оставив на виду лишь несколько простых луков. Найдя свободное место у причала, втиснулись между судёнышками. Тут же нарисовался портовый чиновник, собирающий налоги и регистрирующий приходящие суда. После сбора налогов – за малую медяку рассказал, как мне лучше продать свой товар. Для нас вариант с торгом был неподходящим. При всей его финансовой выгоде он занимал много сил и времени. Опять же транспортный вопрос пришлось бы решать. А это лишние траты.

Расспросив, что я привёз – поскрёб в раздумье свою лысеющую голову, сдвинув на затылок засаленную шляпу, и посоветовал мне обратиться к купцу Даниэлю. Это наиболее влиятельный горожанин и один из самых значимых купцов города. Показал, как к нему пройти. Расспросив о порядках в порту, оставил команду отдыхать, а сам, с Дрёмой и двумя дружинниками, направился по указанному адресу. Пока шли, решили всё-таки сначала заглянуть на торг – надо же сориентироваться в ценах. Но торга здесь как такового не оказалось – в основном, вся торговля осуществлялась через лавки, с пристроенными к ним складами. Хорошо, что не стали связываться. А то искать лавку для аренды, опять платить пошлину и налоги? Некогда. А вот походить по лавкам и посмотреть на цены не помешает. Зашли в меховую и приценились к мехам. Это мы удачно зашли – цена на пушнину приятно удивила. А если ещё дальше на запад пройти? Посудная лавка поразила разнообразием – чего тут только не было – глаза разбежались. Оружейная – ничем особенным не удивила. У нас и своего оружия хватало, особенно после недавнего нападения. Да и качество местного железа оставляло желать лучшего. Попадались, правда, отличные клинки, стоимость которых превышала все мыслимые пределы. Ради интереса показал свой метательный нож снисходительно наблюдающему за заглянувшими варварами купцу. Как только в руки ему попало изделие Головни, интерес ко мне сразу же вырос до заоблачных высот, и мне с трудом удалось вернуть свой клинок назад. Так не хотел торговец возвращать ценный нож. А когда увидел, как я убираю его в перевязь к ещё таким же – мгновенно оценил в уме стоимость всего комплекта, и преисполнился глубокого уважения к нам. Ну и кто из нас варвар?

На местной верфи, под предлогом прицениться к местным судам, посмотрели качество досок, используемых для обшивки. Мдааа...

В конце концов, отправились по указанному адресу – торговать самим никакого резона нет. Нам надо налаживать постоянные связи и искать посредника. Открывать свою лавку – пока нет смысла. Может быть – через несколько лет. А пока надо осмотреться, понять местные расклады, вспомнить историю. Начнём потихоньку выбивать пыль и грязь из варварской Европы.

Дойдя до указанного портовым чиновником места, осмотрели огромное двухэтажное строение с лавкой во весь первый этаж. Больше ничего не было видно, так как слева и справа стоял высокий сплошной забор из сосновых брёвен. Ещё бы метра на два повыше, и получилась бы отличная крепость. Зашли в лавку, забрякал колоколец – ух ты, как здорово.

Уже в это время тут колокольчики к дверям прикрепляют для оповещения. Подскочил, не знаю, как и назвать – продавец не продавец, слуга не слуга. В общем – приближённый к торговле человек. Поздоровались, и я спросил, как можно увидеть уважаемого купца Даниэля. Человек попросил подождать немного и убежал через неприметную дверь за прилавком. Причём убежал в буквальном смысле, чуть ли не вприпрыжку. Сразу же, ему на смену, появился рослый охранник.

Отсутствовал торговец минут десять. Вернувшись, попросил подождать, так как уважаемый купец сейчас занят. Нам не трудно, мы можем и посидеть на лавочке.

Где-то через минут тридцать, двери тихо распахнулись, и в торговый зал вышло пятеро здоровяков. Быстро распределились по залу, грамотно взяв нас в коробочку. Вслед за ними выкатился пухлый шарик в коричневом камзоле и мягких сапожках. Подкатился к нам и, извинившись за задержку, представился.

– Что понадобилось от скромного купца приплывшим из дальних краев чужеземцам?

Это он уже успел узнать, откуда мы приплыли, и наверняка разузнал, что мы привезли.

Пришлось вставать, выказывая уважение:

– Открываем новые пути для себя, расширяем круг наших торговых интересов. Попутный ветер привёл нас, пока, в Данциг, а на пристани чиновник порекомендовал уважаемого купца, как самого знающего и надёжного.

– И что вы хотели бы узнать от знающего купца? – Сверкнула усмешка в прищуренных глазах под выгоревшими бровями.

– Есть у нас новый товар, которым пока ещё никто не торговал. Вот и хотелось бы посоветоваться, может, уважаемый купец порекомендует надёжного покупателя?

– Хорошо, оставьте своих людей в торговом зале, пусть осмотрятся, да приценятся. Может, что и глянется. А мы с вами поднимемся ко мне в кабинет и там, более предметно, поговорим. Вы не возражаете? – Уважительно приглашающе повёл рукой в сторону неприметной дверки.

– Нет, не возражаю. – Вежливо обозначаю поклон кивком головы.

– Тогда прошу последовать за мной.

И я прошёл в дверку за стойкой, пропуская перед собой хозяина. За дверкой была небольшая площадка, с которой наверх вела узкая лестница. Заканчивалась лестница такой же площадкой, упиравшейся в дубовую массивную дверь. Постучав условным стуком, купец прошёл вперёд и

пригласил меня войти следом. Открывшего двери человека неприметной наружности и одежды жестом попросил удалиться, что тот и проделал, раскланявшись в дверях и плотно затворив их за собой.

– Присаживайтесь. Может, обед?

– Благодарю вас, я сыт. Интересный у вас камин сложен. – Переключая разговор на другую тему, плавно подводя его к своим интересам.

– О-о, вы знакомы с каминами? А мне рассказывали, что у вас отапливают дома печами без труб, и дым в отверстия в потолке выходит.

– По-разному бывает, как, впрочем, и у вас. У меня в поселении поставили небольшую мастерскую и теперь мы сами делаем и кирпич, и черепицу на крыши. Да я даже образцы привёз – на всякий случай. В своём кабинете почти такой же камин сложили, только ещё и воздуховоды в комнаты вывели для лучшего обогрева.

А заинтересовался купец. Вон как глаза заблестели.

– Интересно, интересно. Надо будет при случае посмотреть. Так о чём вы хотели поговорить?

– Вот о чём. Пора нашему городу расширять внешнюю торговлю. Мы начали пилить ровные доски и брус – такого товара ещё ни у кого нигде нет. Делаем хорошую гончарную посуду и наладили ковку отличного железа. Если вам это интересно, то мы можем показать образцы своего товара. Плюс к этому пушнина. Самим же пока торговать не желательно – местных условий не знаем. Нам лучше договориться с надёжным купцом, и все дела вести через него. Конечно, к обоюдной выгоде. Поэтому и пришли к Вам. – Обозначаю вежливый наклон головы в сторону купца. Не помешает, и от меня не убудет, а человеку приятно. – Если это не интересно, может, порекомендуете, к кому можно обратиться с подобным предложением?

– Хмм... – Задумался Даниэль, сложив руки на животе и сцепив ладони. Закрутил карусель большими пальцами. – Давайте пройдем с вами на ваше судно и посмотрим, что за товар вы привезли. Всё-таки лучше для начала своими глазами увидеть то, что вы так расхваливаете.

Прошли по улочкам при почётном эскорте из охраны купца и моих дружинников. Шли не то чтобы и медленно, но и не торопились. Степенно шли, скажем так. Поднялись по переброшенным сходням на борт и устроили выставку-показ наших образцов. Начали с пушнины, но Даниэль бросил беглый и равнодушный взгляд на меха и прошёл, не задерживаясь, дальше. Остановился у штабеля, пощупал пальцами несколько досок, осмотрел брус и покивал головой каким-то своим мыслям. Осмотрел

внимательно нашу посуду, провёл по гладкому боку кувшина и, щёлкнув ногтем, послушал звон. Перешёл к изделиям из железа. Гвозди, скобы, буравчики и сельхозинструмент. Ножи и топоры из стали. Поначалу удивился обычному и неходововому товару, пришлось обратить внимание на качество железа. Опять покивал головой каким-то своим мыслям и, закончив осмотр кирпичом и черепицей, пригласил вернуться в свой кабинет. Обратный путь также прошёл в полной тишине. Раз купец размышляет, зачем ему мешать разговорами? Вот и мы с Дрёмой молчали. Лишь на вопросительный взгляд своего товарища ответил поднятием брови. Мол, посмотрим.

– Как часто вы сможете поставлять свои товары? – Задал свой первый вопрос купец после того, как мы опять разместились у камина в кабинете.

– Сами понимаете, что хотелось бы чем чаще, тем лучше, но... долгие морские переходы, возможность нападения пиратов – точных сроков никак не могу назвать.

– Да, да – понимаю, конечно же. – Покивал головой и задумался.

Встряхнулся и посмотрел мне в глаза неожиданно жёстким взглядом:

– Хорошо, я буду вашим торговым представителем. Хотелось бы обговорить устраивающие нас обоих цены на ваш, извините – наш товар. Если цены будут приемлемые – тогда я готов рассчитаться сразу полностью за всё.

Это хорошо, что готов сразу рассчитаться. А с ценами мы сейчас быстренько определимся. Быстренько растянулось почти на час. Торговались азартно, но, наконец, закончили к обоюдному согласию и удовольствию. Правда, пришлось опять возвращаться всей компанией к причалу, и перегонять ладью к личной пристани Даниэля. Приказчики купца скрупулёзно пересчитали каждую доску и каждый кирпич, перетряхнули каждую шкурку. Проверили всю посуду и всё железо. Пока Дрёма с приказчиками занимались приёмом и передачей товара, мы с Даниэлем обговаривали новые поставки и наши возможные потребности в каких-либо местных изделиях. По большому счёту, нам ничего и не было нужно – у нас пока всё своё на высоком уровне. Даже кирпич наш будет повыше качеством, чем местный. А черепица – вообще новый, для Европы, товар. Ещё пришлось показывать, как её правильно укладывать. Пригласил Даниэля к нам в гости с ответным визитом – надо же ему посмотреть на наши печи и камины, на наши кирпичные дома под керамической черепицей. Договорились, что придём с грузом следующей весной, и тогда следом за нами к нам в гости пойдёт первый корабль купца. Заодно и наберёт ещё товара. Отношения между нами сложились почти дружеские, и

купец признался, что наши изделия пойдут очень хорошо. А если бы мы ещё и оружие делали из нашего железа – вообще обогатились бы. Пришлось намекнуть ему, что оружие такое мы делаем только для себя. Но, если купец придёт к нам в гости, то мы решим этот вопрос к всеобщему удовольствию. Посуда наша – так же не уступит местной, хотя тут уже известен гончарный круг. Но её всё равно не хватает, спрос очень высок. Доски можно везти в большом количестве – их оторвут с руками практически по любой цене. В Данциге хватает своих верфей, а дальше на запад в каждом портовом городе их ещё больше. Сбыт будет обеспечен.

Воспользовался моментом и выторговал по сносной цене специи. Даниэль клялся, что отдал мне их по почти закупочной цене, но я его немного озадачил тем фактом, что хорошо разбираюсь в пряностях. Да ещё и посоветовал некоторые, пока ещё не известные тут, рассказав несколько рецептов применения специй. Мой авторитет в глазах купца мгновенно подскочил ещё выше. Ещё бы, в это время такие рецепты стоили дороже золота. Поэтому получил дополнительную скидку. Подумал, и набрал различных разноцветных тканей, прикупил украшений и подарков для своих друзей. Князю приобрёл в подарок великолепный кожаный колет – можно будет из него сделать броник. Никто и не заметит под кафтаном. Немного помялся, придавив своё земноводное, и прикупил ещё несколько – пригодится.

Дрёма ходил за мной хвостиком, вникал в каждую мелочь и, не стесняясь, спрашивал непонятные моменты. Ему бы языки знать, тогда цены такому кадру не было бы. О чём и сказал ему за ужином, заставив серьёзно задуматься. Внезапно сильно удивил Послед. Услышав наш с купцом разговор, мальчишка выразил горячее желание изучать чужие языки. То-то я смотрю – ходит по пятам, где возможно, и про себя шепчет постоянно. Оказывается, это он самостоятельно пытается смысл иноземных слов уловить. Надо будет его постоянно с собой брать – может, и выйдет из парнишки толк. В военном деле парень делает несомненные успехи, но и мозги надо развивать. Опять промелькнула мысль – сделать из ребят разведывательно-диверсионную группу. Как раз успеют обучиться необходимым навыкам и языкам, пока расти будут.

В общем – все были при деле, кроме Грома. Собаке пришлось почти всё время сидеть в ладье на охране, выскакивая наружу только при моём приходе.

После ужина Даниэль устроил мне экскурсию по городу. Прихватив с собой Дрёму и Последа для языковой практики, долго гуляли по улицам. Когда проходили мимо мастерских, задал купцу давно вертевшийся у меня

на языке вопрос:

– А нет ли в городе, или ещё где, свободных мастеров или подмастерьев, готовых переехать ко мне в город? Мастеров у меня мало, а развиваться надо. Лучше, если поедут со своим инструментом. Я даже готов купить для них тут этот инструмент. Можно даже с семьями ехать. Жильём обеспечим и заработком не обидим.

– Надо подумать, разузнать. В любом случае, так сразу ответить не могу. – Задумался Даниэль.

Договорились вернуться к этому разговору весной. Вот и ладно.

Что ещё очень поразило купца, так это то, что мы за весь покупаемый нами товар рассчитывались монетами, отчеканенными в Пскове. Да и не только купца – в любой лавке, куда мы заходили что-нибудь купить и расплачивались своими деньгами, сразу доставались весы, колбочки с реактивами, и начиналась недолгая проверка качества и соответствия веса номиналу. А деньги свои я решил потратить по максимуму, оставив немного на Готланд – пусть привыкают люди, и пусть наши монеты расходятся по свету.

Очень хотелось попасть на остров Рюген, но, видимо, не судьба. Весной попаду, а в этот раз, на обратном пути, зайду на остров Готланд. Есть у меня такое желание. Посмотрим, что там интересного. Да и чем наш город хуже Новгорода? Если уж в Новгороде есть резиденция готов, так почему бы ей не быть и в Пскове? По крайней мере, хотя бы задружиться с готами надо.

Дела в Данциге закончены, торговые отношения налажены и теперь всё зависит от нас – будут ли они развиваться дальше или завянут на корню. Судя по всему, нам необходимо заложить ещё одну морскую ладью. Пусть Бивой готовит на неё кормщика и помощников. Дружинников наберём, есть Мстиша и Ждан, получившие опыт плавания и сражений на воде. Вот и Дрёме надо обучить толкового человека купцом на вторую ладью. Как он сам развернулся в Данциге, скупая разные поделки, инструменты, ткани, обувь, украшения и остальную дребедень? Только тюки успевали подтаскивать. Но нам это на руку – расширяем торговлю. Как он ходил вокруг лавки Даниэля? Чувствую, по возвращении начнёт пить мою кровь, упрашивая перестроить нашу лавчонку. А я и не против, если честно. Только подожду, когда сам начнёт разговор. Пусть проявляет инициативу.

Распрощались с Даниэлем, довольные друг другом и заключённым торговым союзом, и пошли на север. К удивлению Бивоя и всех остальных, выходить в море решил вечером. Такого от нас точно никто не ждёт.

Выручка у нас богатая, и мало ли кто может на неё позариться. И товарами загрузились по самое не могу. Поэтому в сторону дома не пойдём. Если нас попытаются перехватить, то будут ожидать на восходе, а мы двинемся в другую сторону, ну нет у меня сейчас желания воевать, да и добычу некуда будет складывать. Вот так и объяснил свою позицию удивлённому сменой курса Ждану. Хоть нам и подкорректировали мою карту у Даниэля, но всё надо проверять самому. Вот и проверим. В сумерках вышли из устья Вислы, перевооружились, достав арбалеты и спрятав луки. А дальше – по Полярной звезде, благо погода поспособствовала, а в плохую погоду я бы и не рискнул выходить в ночь. До утра шли спокойно, море было тихим, ветерок умеренным, и мы без напряжения на разгруженной ладье шлёпали по волнам. Почему на разгруженной, если вроде бы вся ладья доверху забита товаром? Да потому что вес кирпича и черепицы, досок и бруса не сопоставим с весом мануфактуры. Если не поменяется ветер, то к вечеру должен появиться какой-нибудь берег.

И что я компас не сделал? Уж самый простенький мог бы соорудить, да и у Даниэля можно было бы поинтересоваться местными приборами для судовождения. Привык лаптями расстояние по карте мерить. Но заблудиться в Варяжском море невозможно – расстояния тут небольшие от суши до суши. Иди прямо, и куда-то, да упрёшься. А там язык поможет.

Утро было ясным и холодным. Ветер посвежел, долетающие солёные брызги бодрили. Вроде и солнышко светит, и небо голубое, а уже прохладно. Так весь день и шли, меняясь с Бивоем на руле. Ближе к берегу надо быть очень внимательным – в прибрежной полосе столько малюсеньких островов и камней, да ещё и головы нерп постоянно торчат из воды. Любопытные такие. Попутно переговорил с кормчим, рассказав о своих планах насчёт ещё одной ладьи и, соответственно, ещё одной ватаги. По уверениям Бивоя, забот тут никаких нет, голову попусту даже волновать не надо. У нас в городе найдётся не один, подходящий нам, кормчий. И любой из них с удовольствием поменяет весло рыбацкой лодки на престижное место боярского кормщика. Так и договорились, что по возвращении домой подыщет мне подходящего человека. На вопрос, какую ладью будем закладывать, ответил, что надо бы побольше – сам видит, что товару что сюда, что отсюда взяли мало, но больше никак не загрузить, хотя дома склады полные, а тут даже и деньги остались.

– Боярин, а меня переведёшь на большую ладью? – Задумавшись, спросил кормщик.

– А на этой чем не нравится?

– Нравится. Но хочется на большой походить. Возможности-то тоже

побольше будут.

Я и сам тебя на этой не оставляю, а заберу с собой, думаю про себя. Но говорить пока об этом не стоит, ещё загордится. Поэтому просто пообещал подумать – пусть старается, коли не глуп.

Во второй половине дня на горизонте показался берег, мы прошли вдоль береговой черты на запад до первой же удобной для стоянки бухты и высадились на землю. Как мне объяснил Даниэль, на южном берегу Готланда практически никто не живёт – обходить остров надо со стороны материка – только там основные поселения. Вот переночуем и завтра обойдём. С удовольствием разминали ноги, носился по берегу довольный Гром, играя с набегаящими волнами. Ночь прошла под ровный шелест шуршащего по гальке наката. Ночевали все на борту – посоветовавшись, решили костров на ночь не оставлять. Поужинав, выставили караул и, установив щиты на борта, заснули.

Ночь прошла спокойно, и с первыми лучами низкого солнца мы огибали южный мыс острова.

Прошли вдоль неровного берега, скорость была небольшой – невысокие сопки острова закрывали паруса от ветра. Наконец, наше терпение было вознаграждено и впереди показалось большое городище с солидными постройками. Много различных судов у причалов ершилось мачтами, как бы не больше, чем в Данциге. Бивой не оплошал, и точнёхонько притёрся к причалу, заслужив несколько одобрительных выкриков со стоящих рядом с нами посудин. Немного подождал, но так никого и не дождался. Никто не торопился брать с меня какой-либо налог. Перебросили сходни и, придерживав собаку, сошёл на пристань. Команда быстро привязала ладью к деревянным столбам. Подойдя к соседнему судёнышку, расспросил глазающих на нас моряков о местных порядках. Скучающие караульные с удовольствием рассказали все немногие местные законы и просветили о местных достопримечательностях, как нужных мне – вроде торгового местонахождения местного начальства, так и не очень нужных, вроде кабаков и весёлых домов. Понимаю, что для них наша беседа хоть какое-то развлечение, но всё равно поблагодарил серебряной монетой за сведения, обрушив на себя поток благодарностей. Оставив команду на борту отправился в поселение, прихватив Грома и, уже ставшую постоянной, мою охрану. Да и солидности охрана всё-таки добавляет. Погуляв по торгу и побеседовав с купцами, сделал вывод, что делать нам тут нечего – покупать мы ничего не будем, ну, если только деньги свои оставить, а торговать нам – нечем. А вот задружиться при этом с каким-нибудь купцом не помешает.

Зашли пообедать в харчевню и, пока ждали заказанного, прислушался к разговорам за соседними столами. Слухи о разгроме варягов под нашим городом уже докатились и сюда. Но докатились только слухи – никакой конкретики. Злости к нам никто не испытывал – наоборот, хвалили нашу удачливость и захваченную добычу у неумех. Такое вот отношение к проигравшим... Может, попробовать договориться о продаже захваченных нами драккаров? Вдруг получится, тогда весной можно будет пригнать их сюда, заодно и товара в них привезти. Вот и идея нарисовалась стоящая.

Пообедав и послушав разговоры, вышел на улицу с утвердившимся в голове решением – надо искать возможного покупателя. Значит, возвращаемся на торг, прицениваемся к какой-нибудь мелочёвке и в процессе торговли заводим нужный разговор и добываем информацию. Так и сделали. Заодно разузнали цены на пушнину – Дрёма довольно потирал ручки. Ох, бедное наше казначейство – выберет купец все наши запасы за эту зиму. Думал, что удастся перепродать что-то из товаров, купленных нами в Данциге, но цены были примерно одинаковы. Значит, что? Значит, можно Даниэля ещё вниз подвинуть, пусть думает – мы можем и других купцов найти. Придём домой, поеду в Новгород, буду с Гостятой разговаривать – надо организовывать в Пскове на основе нашей лавки торговый дом. Маршруты плавания есть, товары есть, суда построим, а вот купцов у меня – нет. Дрёма, да пара его помощников – это очень мало, это почти ничего. Если кормщиков обучим, то надо и купцов учить. Подбирать толковых и охочих людей на это дело. А Горивой пусть безопасность и лояльность торгашей обеспечивает.

Размышляя и прокатывая в голове формирующуюся идею, помогал Дрёме, по мере возможностей, в торговле и разговорах с купцами. Заодно и получали информацию. Продать драккары не проблема – проблема была в парусах. У каждого хирда – свой парус, свои цвета. Никто не захочет на пустом месте получить неприятности. Поэтому, чтобы продать без проблем судно – надо сшить ему новый парус. Или продавать без парусов. Да уж. Посмотрим, может, удастся через Гостяту продать. Если уж не получится – тогда загрузим товаром и пригоним сюда. Наши доски и льняное новгородское полотно здесь заберут в драку. А к доскам можно обязательной покупкой драккар пристегнуть. Думаю – этот вариант пройдёт. А вот железо мы сюда не повезём, хотя его тут тоже можно было бы продать втридорога. Может, нам с ними ещё воевать придётся, поэтому не будем усиливать вероятного противника. Вспомнив, захотел прикупить компас, но то, что продавали – стоило просто нереально.

Ночевать в городе не стали, отчалили и ушли вдоль острова на северо-

восток – заночуем на берегу. На носу выставлен постоянный наблюдатель – прибрежные воды изобилуют камнями и скалами.

Утром подождали, пока разойдётся туман, и пошли вдоль материка – надо продолжать рисовать карту. Людей-то надо будет учить.

Так и дошли до Бирки, но заходить не стали – повернули на восток, в сторону дома, и на траверзе острова Даге нарвались на пиратов. Наперерез лихо бросились два баркаса, набитые морскими бродягами. Вот и тренировка для Ждана – пусть опыта набирается, командует.

Рисковать не стали – установили щиты и зарядили арбалеты. Взять нас на абордаж у них не получится – они ещё не знают о наших возможностях. Бивой не даст им ни малейшего шанса приблизиться. А вот нам баркасики не помешают – пригодятся. Загнав Грома в канатную, поднялся на палубу к рулю – постою, посмотрю, как Ждан командовать будет.

Так и простоял весь бой, даже не выстрелил ни разу. По команде Ждана залпом выкосили разбойников на первом баркасе, развернулись и добили оставшихся, пока опомнившиеся пираты на втором разворачивались и пытались удрать. Догонять не стали – пусть уходят. В следующий раз увидят наши паруса и не полезут в драку, наученные горьким опытом. Высадили на судно трофейную команду, ободрали разбойников, выкинув тела за борт. Баркас взяли на буксир и пошли домой. Добивать раненых не стали – перенесли на ладью. Если доживут до дома – отдадим их Иве. Поправятся, будем думать, что с ними делать. Расспросил, почему напали. Оказалось, что приняли нас за припозднившихся купцов и не ожидали такого отпора. Купцы, обычно, пытаются удрать, да и на охране экономят. Поэтому и являются лёгкой и лакомой добычей. Это получается вон из какого далека корни растут – барон Унгерн родом отсюда же был. Гены авантюриста своё берут, что и подтверждает дальневосточная эпопея барона. Больше расспрашивать не хотелось, дома договорим.

Ночевали на берегу – заходить никуда не стали, да и с баркасом на буксире не стоило лишний раз дразнить местное население. Родственные связи никто не отменял, а у нас ещё и раненые эсты на борту. Мало ли...

Утром зарядил противный мелкий дождик, перешедший в нудную холодную морось. Свободная от вахты дружина попряталась под навесы, а я потеснил вольготно раскинувшегося в канатной Грома.

Дождик так и не прекращался всю дорогу до дома. На подходе к устью Великой ветер совсем затих, и пришлось взять в руки вёсла. Прошли мимо Плоской башни Крома, поздоровавшись с караулом. Узнали, что всё спокойно, князь в своих хоромах. А там и причалили к родной пристани под заунывный шелест дождя, напоминавшего о скором приходе зимы.

Пока швартовались, перепрыгнул на берег соскучившийся по дому пёс и унёсся в крепость, перепрыгивая лужи и оглашая всю округу радостным лаем о нашем прибытии. Ко мне уже спешил Изяслав, оповещённый караульными о нашем подходе в окружении друзей. Началась обычная радостная суматоха встречи, построившаяся команда подождала моих указаний и разошлась по домам. Холостая часть дружины потопала в воинскую избу, именуемую отныне новым словом – казарма. Баня натоплена – вечером праздничный стол с вручением подарков. Дал команду разгружать ладью и перенести все привезённые товары на склад Дрёмы. Потом ещё с тканями разберёмся. Надо наших женщин озадачить будет. После разгрузки пошли гомонящей толпой к крепости. Ещё успел напомнить Дрёме про подарки, которые надо отнести ко мне в кабинет. А потом меня просто утащили, рассказывая местные новости, одновременно требуя рассказывать про плавание. Баркас тоже вызвал оживлённые пересуды. Так и ввалились в гостиную, вогнав сначала в ступор, а затем в праведный гнев Милену, увидевшую натащенную в комнату грязь. Не помогло даже моё прибытие. Выгнав весь народ на улицу, за исключением меня, конечно, отчищать обувь от грязи, Милена встала грозным стражем у дверей, а сенные девки засуетились, отмывая затоптанный пол. До вечера всех отправила заниматься своими делами. А мне только в радость – хоть отдохну в тишине да отдышусь. Наказав Милене обязательно позвать Любаву с Добровой на вечернее совещание, пошёл в кабинет, где весело потрескивал горящими поленьями камин, распространяя вокруг живительное тепло. Присел в кресло перед камином – вытянул ноги поближе к огню и не заметил, как задремал.

Глава 15. Встреча с Верховным волхвом.

Ночной разговор. Вехи расставлены

Разбудил меня Трувор, стремительно распахнувший двери в кабинет и с порога заполнивший его своим гулким басом.

– Доложили мне, что твоя ладья пришла. Ждал тебя, да не дождался. Пришлось князю самолично к боярину идти.

– Прости, княже. Присел отдохнуть, да и не заметил, как задремал.

– Да ладно уж, рассказывай давай, как путешествовал, что видел, с кем говорил?

Вот засада. Это мне сейчас князю докладывать придётся, а потом ещё и за столом всё заново повторять. Да деваться некуда, и я начал рассказывать, постепенно просыпаясь и сбрасывая усталость, всё больше и больше втягиваясь в свой рассказ.

Потом обсудили привезённые нами новости и сделанные мною, в плавании, выводы. Все мои начинания Трувор одобрил и обещал поддержать. Закончив свой рассказ – перешёл к встречным вопросам, но, новостей особых, кроме житейских и строительных, не было. Откладывать дело в долгий ящик не стали и сходили к Дрёме, посмотрели на привезённые товары, где вручил князю приобретённый в Данциге подарок – кожаный колет. Оставшиеся – попросил Дрёму отправить с помощниками в кузницу. От купца прошли к Головне, песочившему в это время своих подмастерьев за какие-то огрехи. Обернувшись на скрип двери, кузнец взмахом руки отослал прочь провинившихся, а сам, поклонившись князю (ну и мне за компанию), спросил недоумённо:

– Что, уже вечер? На совещание пора?

– Так заработался, что и забыл обо всём? Не волнуйся, дело у нас к тебе. Не сказать, чтобы и срочное, но тянуть с ним не стоит. Привёз я вам в подарок по кожаному колету из Данцига. Надо бы изнутри пластины всем сделать по форме тела и прикрепить. Вот, возьми княжеский – его в первую очередь надо переделать. Старый уже в негодность пришёл, весь изорвался. Кстати. Пластины можно будет и оттуда снять. Да не мне тебя учить – сам лучше меня сообразишь.

– Надо тогда старый мне принести.

– Что его нести, сейчас и отдам. – С этими словами Трувор начал расстёгивать верхнюю одежду.

Молодец князь. Так и носит, не снимая, свой первый жилет, усиленный стальными пластинами. А теперь и все мы будем носить. До лета уж точно поносим – а там видно будет. Как раз, два года после приглашения Рюрика на Новгородское княжение пройдут.

Отдав Головне княжеский, потрёпанный и протёртый до дыр в местах крепления пластин жилет, мы вышли на улицу.

– Владимир, ты что, скорого нападения ожидаешь?

– Скорого – нет. А вот зимой или весной, точно, ожидаю – что-то будет. Или отравить попытаются, или с ножом подошлют человека надёжного. С дружиной под стены, думаю, уже не рискнут прийти, а вот втихаря – могут.

– Вот и волхвы то же говорят. – Понурился Трувор.

И что на это сказать? Да нечего сказать, беречься надо – вон, один и без охранников ко мне пришёл. А мало ли... Вот и сказал об этом князю, попенял на беспечность. Случись что плохое с ним – нам всем тоже пропадать.

– Если плохое случится, ты городу не дашь пропасть. – Серьёзно проговорил Трувор, глядя мне в глаза.

– Не дам, княже. Но и ты попусту не подставляйся. Как мальчонка по городу один бегаешь.

– Приходится бегать, коли бояре у меня зазнались, с докладом прийти не спешат. – Вернул упрёк, кинув камешек уже в мой огород.

– Как ещё повиниться-то? Ну, хочешь, я тебе свой малый арбалет подарю, Опочецкий ещё?

– Думаешь, откажусь? Зря так думаешь. Возьму. Пусть всё время рядом со мною будет.

– Договорились. Вот в кабинет вернёмся и подарю. Или ты на совещание не останешься? Может, и за праздничный стол не сядешь? – Подначил немножко Трувора. Так, самую малость подначил.

– Останусь. И за стол сяду. Надо же за вами, несмышлёнышами присмотреть. – Вернул мне подначку князь.

Рассмеявшись с удовольствием, зашли к ИстOME, поговорили о планируемом расширении мастерской. Предложил сделать её рядом с лесопилкой – можно будет подумать над приводом к малой пиле и фуганку. Объяснил, что это такое и какая от этого будет польза и выгода. Надо отдать должное нашему плотнику – идею уловил влёт. Начал, было, рассказывать ему о таком же предложении, сделанном Головне перед нашим походом, но ИстОма меня остановил. Они с кузнецом уже всё обсудили, и плотник собирался поднять вопрос о своём расширении на ближайшем совещании.

Так что совпали наши предложения. И это не может не радовать. Остаётся согласовать наши пожелания со строителями, и строить новые мастерские все одновременно. Сделаем одно производственное здание для кузнецов, и другое – для плотников. Построим с прицелом на расширение, чтобы можно было свободно пристраивать дополнительные помещения. Таким образом, у нас в крепости будут стоять три параллельных цеха – лесопилка, кузня и столярка. (Забегая вперёд, скажу. На совещании эту мою идею – раскритиковали. Мол, кузню надо отдельно ставить – самое пожароопасное производство. И ещё – решили столярку ставить параллельно лесопилке, а вот кузницы просто перекроем под общую крышу, а место менять не будем. И так очень удачно стоят).

Дошли до верфи, и я полюбовался на нашу новую баржу. Отделка завершается – осталось установить мачту и можно отправляться в плавание. Только мачту в этом году уже ставить не будем, поздно. Поставим готовый корпус под навес и подождём до весны. А после окончания работ на барже на освободившейся верфи будем сразу же закладывать новое судно.

Так и просуетились до самого вечера. Потом плавно сели за совещательный стол, из-за которого переместились за стол праздничный.

Последующие дни прошли в беготне между мастерскими, бесконечными разговорами, обсуждениями и спорами.

Жизнь в крепости и городе упорядочилась. Опять на ночь, в караул, стали выходить с собаками. Стены и башни подняли, как планировали, теперь заканчивают накрывать доской. Закончили и все воинские постройки в городе – Еленя начал возводить кирпичные дома у нас за стенами по новому плану застройки. Также поставили плотницкую мастерскую. Как и планировали – рядом с лесопилкой. Теперь мудрим над изготовлением привода к малой пиле и фуганку. Обороты на фуганке будем увеличивать с помощью шкивов понижающего диаметра. Вот только приводные ремни придётся делать из кожи, а как они будут служить – неизвестно. Сделаем – посмотрим.

Трувор расширяет дружину, как может – надо восполнить потери, да и вообще увеличить численность личного состава.

Горивой пошёл на поправку, Мстиша начал выходить на улицу, но пока ещё очень слаб и, в основном, сидит на лавочке у стены под слабым солнышком. Когда оно есть, конечно. Но погода осенняя и почти всё время моросит мелкий холодный дождик.

Пару раз выезжали на охоту. Князь устраивал большую облавную. Пострелял из арбалета, но большого удовольствия не получил – ну не

люблю я просто так зверей стрелять. Тем более, когда они ответить не могут. Поэтому на последующие предложения отказывался под любым благовидным предлогом. А вот рыбалкой увлёкся не на шутку. Брал Грома и уходил вверх по реке. Леска из плетённого конского волоса, крючки мне Головня сделал. Вязал мушки и нахлыстом ловил – без улова никогда не возвращался. Да и как было не ловить – рыбы было очень много, сама на крючок кидалась. Да ещё и осень – жор. Когда поймал первую форель в реке – чуть в ступор не впал, глазам не поверил, но потом вспомнил, что читал где-то о ловле лосося в псковских реках, пока не построили плотину на реке Нарве. Говорили старые рыбаки, что ловили и хариуса до постройки плотины. А потом рыба постепенно сошла на нет – рыбоход на плотине был сделан безголово, и рыба не могла по нему подняться. Короче – отводил душу, пока есть такая возможность. До постройки плотины ещё оставалось много времени и рыбы в реках хватало. А уж псковские щи да с псковскими же сметками – это вообще песня. А какие рыбные пироги печёт Весея у нас в крепости – пальчики оближешь. Просто праздник желудка. Я всю рыбу, что ловил, сразу отдавал на нашу кухню, за исключением той, что готовил на костре у реки. Вот так и отдыхали с Громом. Да, ещё забыл сказать, что проблем с красной икрой тоже не было – как раз с сентября шёл нерест в реках. Не так, как на Дальнем Востоке, конечно, но рыбы и икры хватало. По крайней мере, несколько бочек красной рыбы мы засолили, и накоптили тоже довольно-таки достаточно. И вообще, мне здесь очень нравится, сюда бы перетянуть всю семью и было бы мне полное счастье. Что-то я отвлёкся...

Баржу перетянули под навес – будет ждать весны, весной запустим в эксплуатацию – пойдёт в Новгород. Посмотрим, как поведёт себя в походе, как пойдёт по волне – интересно. Хотя, при полной загрузке эта волна и не почувствуется. Начали откладывать на просушку доски и брус для новой ладьи.

Повязали свадебным обрядом Изяслава. Наконец-то наш сотник сподобился найти себе вторую половинку. Нам с Трувором пришлось посаженными выступать. Сначала ездили сватать невесту. Трувор ещё сказал, что нам повезло – могли и несколько раз съездить на сватовство. Высватать невесту с первого раза неслыханная удача. Потом проводили мальчишник, где вручали подарки приглашённым. Я-то так, в основном, для кворума присутствовал. А вот Трувор разошёлся вовсю – гуляли целую седмицу. Как и обещал – подарили молодым новый дом. Так что Изяслав свою молодую жену вносил на руках уже в свою избу. Видя перед глазами заразительный пример, за ним потянулись старшие дружинники – так что у

нас наступила пора свадеб.

На эту зиму Дрёма возлагает большие надежды по закупу пушнины. Усиленно распускает слухи о том, что будет рассчитываться за каждую полную связку новыми монетами.

В общем – жизнь не стоит на месте, бьёт ключом. А я собираюсь съездить к верховному волхву Будимиру. Яромир и Заревит тоже хотели составить мне компанию в этой поездке, но я воспротивился – не дело оставлять город без волхвов. Решили, что поедет один Яромир. Так что, где-то через недельку и будем выезжать. Порывался поехать и Трувор, но его отговорили – нечего ему лишний раз перед Рюриком маячить. Целее будет. А я хочу в Новгороде заехать в гости к Гостяте и послушать городские сплетни. Может, что полезное и услышу. Да и полотно на паруса надо бы у Прокоша заказать.

Перед отъездом несколько дней просидел у Истома и Головни в мастерских – сначала сделал себе два удобных ложа под пистолетную рукоятку для маленьких арбалетов, а потом под них подгоняли механизмы и дуги. Свой-то арбалет пришлось подарить князю, как и обещал. Остался у меня из двух один, а его всё-таки мало для поездок, с двумя – поспокойнее будет. Наделали для них маленьких болтиков с бронебойными наконечниками.

Когда уже заканчивал сборы в дорогу, подошёл Дрёма с Последом и напросились со мной в поездку до Новгорода. За время нашего похода по варяжскому морю, Послед, в качестве мальчика на побегушках, всё время крутился рядом с купцом и крепко с ним сдружился. Свой мальчишеский десяток разведчиков оставил на своего помощника Обуха, и теперь усиленно набирается торгового опыта в лавке и на складах. А я и не против – мечом махать народу всегда хватает, а вот толкового хозяйственника ещё попробуй найти. Тем более, у Последа уже опыт есть – ему ещё несколько раз сходить с Дрёмой за товаром и можно одного попробовать отправить. Ну, не совсем одного, конечно, дружинники присмотрят. Но пусть дерзает, коли ему нравится это дело. Купцов у нас мало, вот и пусть растёт ещё один. А мальчишки, теперь уже под руководством Обуха, продолжают набираться сил в каждодневных упражнениях. Изяслав вышел с ходатайством на руководство крепости в моём лице, о зачислении всего десятка на полный казённый кошт. Посоветовавшись с Трувором – надо же и князя привлекать к повседневным делам, не всё ему по охотам бегать, вопрос этот решили положительно, и сейчас ребята щеголяют в новой казённой форме. Доброва всё-таки пошила всем дружинникам единую повседневную форму из привезённого сукна. В один из вечеров, выбрав

момент, поговорил с князем о дальнейшем специальном обучении ребят. В результате разговора, лично Изяславу было поручено обратить самое пристальное внимание на подготовку отроков. Той подготовки, что он проводит сейчас – мало. Надо готовить из них настоящих профессионалов. Да и десятка для задуманного будет мало – пусть подбирает охочих. Желающих у нас теперь хватает, будем учить и воспитывать подрастающее поколение. Довести общую численность пацанов хотя бы до сотни – на первое время.

На следующий год запланировали дружину и всех мастеровых взять на полное финансовое обеспечение. Начнём выплачивать жалование. А то мне уже неудобно становится – денег-то я им не плачу. Всё, что нужно – продукты и вещи в лавке получают по записи, но это всё не то. Вот и решили, что в следующем году отменим записные листы и перейдём на денежное обеспечение полностью. А то дружинникам стало служить невыгодно – приезжает хуторянин, сдаёт излишки урожая по договору, и ходит гоголем с монетами в кармане. Вот и решили поднять престиж госслужбы. А что – казначейство уже потянет, после подсчётов предварительных итогов года, мы в большом плюсе, невзирая на все строительные расходы. А вложенные в производство деньги себя уже окупили сторицей. Потихоньку расходятся слухи о нашем городе по округе – потянулись к нам люди. Приходиться выделять деньги на жилище и обустройство. А без людей никак. Не выживем. Поэтому будем давать людям жильё – всё отобьётся со временем.

Выдвинул идею обучения ребят грамоте – даже не пришлось никого убеждать, полностью одобрили моё предложение. В Кроме будем начинать постройку школы. Обучать детишек обязали волхвов, да они и сами были готовы заниматься с ребятами. Может, и я несколько занятий проведу. Хотя тут я передёргиваю. Обязали... Да никого не пришлось принуждать и обязывать, наоборот, только прослышав о наших начинаниях сами к нам пришли с нужными предложениями и нам оставалось их только утвердить. Как-то так...

Незаметно быстро за хлопотами подошло назначенное время отъезда, и мы отправились в путь. Смех смехом, но Дрёма с Последом загрузили товарами полный фургон. Сожалели, что не могут загрузить больше, а после моего вопроса – кто же им не даёт загрузить ещё один фургон, опешили, развели руками и побежали запрягать лошадей. Вот так и увеличился наш отряд на два тяжёлых фургона. Зато на обратном пути будет куда загрузить полотно. Думаете, это у меня было спонтанное предложение? Насчёт второго фургона? Ничего подобного – тонкий расчёт.

Правда, пришлось брать два десятка дружины из расчёта один оставить в Новгороде для охраны наших купцов. Шли не спеша, останавливаясь на ночёвку заблаговременно.

В Новгород въехали через шесть дней и сразу направились на двор Гостяты. На наше счастье, купец был дома и искренне обрадовался нашему приезду. Оказывается, переживал, как мы отбились от варягов. Очень хотел приехать к нам за товаром, но опасался. А вдруг нас викинги пожгли. Пришлось рассказывать всё подробно, но с условием, что расскажу только после бани и за накрытым столом. Хотя Гостята и порывался что-то выпросить в бане, но ничего у него не вышло – я твёрдо держал слово. За столом, значит – за столом. Вот и рассказывал истомившемуся от нетерпения купцу и о штурме Крома, и о погоне за удирающими драккарами. (Кстати, не нужны ли кому варяжские драккары? Можем уступить недорого... Купец обещал подумать). Расписал в красках и наш поход в Данциг, и на остров Готланд, вызвав у Гостяты острую зависть. Но зависть была добрая, сожалеющая, что не смог сходить с нами. Пришлось пообещать, что в следующий поход позволим присоединиться к Дрёме. Если, конечно, прибудет вовремя.

Исподволь расспросил про слухи, бродящие по городищу в отношении нас. Пока плохого ничего не было слышно, но появился слухок, что Рюрик затевает военный поход весной. Куда – неизвестно, но дружина готовится.

Поговорили вдоволь про торговлю, обещали не продавать свой товар, пока его не посмотрит Гостята. Да и ладно – нам же проще. Хотя тут решать Дрёме, о чём и сказал тут же. Дрёма приосанился и покивал головой. Да и отпросился до утра в город проведать свою родню. Пусть идёт, лишь бы утром не припозднился, не загулял. Обрадованный торговец выскользнул из-за стола и помчался в отведённую ему комнатку за подарками. Молодец, озаботился.

Но опасения мои оказались напрасными – едва рассвело, в ворота уже стучался наш гуляка. Воспользовавшись ранней побудкой, мы споро собрались и отправились дальше, оставив купцов разбираться с товаром.

И вот, спустя четыре дня, подходили к знакомым деревянным воротам, у которых нас уже встречали. Дружина разбила лагерь на той же полянке недалеко от ворот, а мы с Яромиром прошли по коридорам на встречу с Будимиром.

Поклонившись и пожелав друг другу благополучия, расселись вокруг стола и долго подробно рассказывали, дополняя друг друга, обо всех событиях, произошедших с нами за это время. Всё рано или поздно заканчивается, так закончилось и наше повествование. Верховный волхв

посидел задумчиво, поморщил лоб и предложил мне пойти отдохнуть до завтра. Выставил вон, короче, правда мягко и необидно. Пойду к своим на поляну, там уже и кашу сварили с мясом, наверное. Проголодался. Поднялся и пошёл в двери, Яромир же остался. Будут свои волховские дела решать. Ну, да это не моё дело.

В лагере посидел у костра, перекусив из поднесённой миски вкусной кашей с большим куском мяса. С ним проблем по дороге не было – даже специально не надо было охотиться. Дело шло к ночи, можно было устраиваться на ночлег. Пригодилась заранее подстеленная воинами попона, под голову, как и все, примостил седло. Сбоку привалился Гром, и я закрыл глаза. Затих и успокоился лагерь, потрескивали тихонько дрова в костре, тихо шуршал пожухлой травой караульный дружинник на краю поляны, спрятавшись в тени высоких деревьев. Через поляну несколько раз протянулись вальдшнепы, с хорканьем разрезая стылый ночной воздух острыми крыльями.

Сон не приходил, и я приоткрыл глаза – костёр почти прогорел, багровея углями и струясь вверх горячим воздухом, закручиваясь в дымные жгуты и переплетаясь редкими искрами. Над головой ярко светилось звёздное небо. Оранжевая низкая луна выкатилась круглым блином из-за чёрной пики вершин деревьев, осветив призрачным бледным светом нашу поляну. Затихли ночные лесные звуки, и в ушах тонким комариным писком зазвенела навалившаяся со всех сторон тишина. Недоумённо приподняв голову, толкнул плечом горячий собачий бок. Но собака моя даже не шелохнулась, продолжая мирно сопеть своим кожаным носом. Да и караульный что-то затих, даже шороха травы не слышно. Медленно поднявшись на ноги, поправил перевязь с ножами и пошёл в сторону поста дружинника, собираясь выговорить ему за почти погасший костёр. В свете луны было хорошо видно стоящего у дерева дружинника, облокотившегося на сулицу. Подойдя к нему вплотную, удивился, что никакой реакции на моё приближение не последовало – парень даже не обернулся. Осторожно тронул его за плечо – никакой реакции. Дружинник превратился в статую с открытыми глазами и опирающуюся руками на копьё. Даже плечо казалось твёрдым как камень. Ещё не осознав произошедшего умом, тело начало действовать само. Пригнувшись, метнулся к костру, по пути отвесив пинка Грому и паре подвернувшихся дружинников. Кинул на угли охапку сушняка и отпрыгнул в сторону, сжимая ножи в обеих руках. Громчик даже не пошевелился, да и дружинники продолжали мирно спать. От веток, брошенных на красные угли, не было никакого эффекта. Медленно прокрался в чуть приоткрытые ворота и протиснулся во внутрь храма.

Старался идти как можно тише, но скрипучие плахи выдавали меня с головой. Дошёл до комнаты Будимира и попытался его разбудить – ничего у меня не вышло. А снаружи послышалось осторожное покашливание. Медленно пошёл на звук, судорожно стискивая рукоятки ножей. Остановился у проёма ворот, выглянул осторожно. Горел костёр, бросая багровые отсветы на тёмные стены, а за костром, словно укрываясь за языками пламени, тёмная фигура, сидящая лицом ко мне. Лица, правда, совсем не видно – капюшон плаща надвинут низко-низко.

– Ты ножики-то свои оставь, не тормози их, да проходи ближе, не стесняйся. – Спокойно сказал незнакомец.

– Все спят. Твоя работа?

– Ничего им не будет. Поспят немного, пока я с тобой разговариваю.

Прохожу вперёд к огню, с усилием заставляя себя убрать ножи в перевязь. Незнакомец откидывает капюшон, открывая своё лицо. Присаживаюсь напротив и поднимаю взгляд, пытаюсь разглядеть больше. Чёрные с проседью волнистые волосы, красивое мужественное лицо, резко очерченные брови и ухоженная бородка с усами. В бороде просверкивает седая прядь. Плечи широкие, руки мощные – так и бугрятся мышцами. Острый взгляд незнакомца пронизывает насквозь, но стараюсь держать спину прямо, а голову ровно, хотя чужой взгляд так и ломит её к земле. Некоторое время выдерживаю это давление, по позвоночнику струится горячий пот, от напряжения начинает подрагивать шея. И вдруг всё резко пропадает, даже мышцы шеи не успевают расслабиться, и моя голова закидывается назад. Незнакомец одобрительно хмыкнул:

– Не гнёшься – молодец! Силёнок только маловато. Неужели так мало от меня взял? Или это я так ослаб? Хотя – духом крепок. Посмотрим, посмотрим.

Сижу молча, а что тут говорить, отдышусь пока. Да и не требуется от меня пока никакого ответа.

– Решил сам на тебя посмотреть, интересно мне стало. Ты первый, кто добился каких-то успехов. Делаешь всё правильно, землю развиваешь, богов не забываешь, волхвов наших привечаешь, веру исконно русскую сохраняешь. Так и иди дальше по этому пути. Только вот слабоват ты что-то, надо бы тебе собой заняться. На следующий год приду к тебе снова – обрадуешь меня.

С этими словами незнакомец начал медленно таять. Я опомнился и быстро крикнул:

– погоди, а на вопросы ответить? – Терять-то мне нечего.

Кто меня посетил, я примерно сообразил. Для чего меня сюда

закинули – тоже сделал быстрые предварительные выводы из произнесённых фраз. Ну и поскольку я оказался пока единственным успешным засланцем – то можно, немножко, так, самую малость, понаглеть. Всё равно мне за это ничего не будет.

Незнакомец вернулся в телесный образ и опять одобрительно хмыкнул:

– Вдвойне молодец! Соображаешь быстро – и не растерялся. Не оробел, голоса не потерял и язык не проглотил. О чём спросить хотел?

– Домой вернусь?

– А тут тебе чем плохо? Боярином стал, по морям ходишь, воюешь справно. Люди тебе верят и за тобой идут. Что не так?

– Жена у меня там осталась и сын. Сын взрослый, он и без меня обойдётся. Только кто помогать ему будет, случись что? Родня вся далеко. Жена как без меня там...

– Жена, сын. – Усмехнулся, поддразнивая. – Ты воин, для тебя превыше всего должна быть Земля русская и твоя Родина, да Вера отцов наших нерушимая. Не разочаровывай меня.

Вот тут я разозлился до потемнения в глазах.

– Нет Веры и Родины без крепкой и любящей семьи за спиной! Если тебе некого любить, то некого и защищать! Разве Вера учит нас забывать жён да детей, родителей и родичей? Никогда! Воин без крепкого тыла за спиной подобен мусору, гонимому ветром в разные стороны. И только семья, подобно якорю, удерживает его на пути служения Родине и Вере прадедов наших.

– Понимаю теперь, почему ты один из многих сумел тут выжить и подняться. Прав ты. Только из семьи и родичей, да могил предков на своей Земле, слагается Родина. Проверял я тебя. Иди вперёд – делай, что должно. А за семью свою не беспокойся. Это ты тут год прожил, а там и мига не прошло. Живи, учись, набирайся опыта. Посмотри вверх, видишь звёздный мост? На собаку свою посмотри. Думай и учись. Учись – у волхвов. Теперь прощай. Встретимся через год, посмотрю на твои успехи.

В этот раз не стал мой собеседник медленно таять в воздухе, а предпочёл мгновенно исчезнуть. Без всяких спецэффектов просто взял и исчез. А я почувствовал, как от костра в стороны побежала тёплая волна, пробуждающая замершую природу и возвращая звуки ночи. Зашелестел, закрипел стволами и ветками ночной лес. Заухал филин. Переступил с ноги на ногу караульный, недоумённо таращась на, неизвестно как оказавшегося у костра, меня. Захрапели кони в ночи, перебирая копытами и взлаял, просыпаясь Гром, почёсывая лапой бок в том месте, куда попала

моя нога. Подскочили оба дружинника, ошалело осматриваясь по сторонам и вытягивая со зловещим свистом стали мечи из ножен – видать, неслабо я их будил. Полыхнули, разгораясь брошенные на угли ветки, и весело затрещали, разгораясь и разгоняя ночную темень. Поднял голову Ждан, осмотрелся и завидев меня, вопросительно поднял брови.

– Всё спокойно, спите. – Успокоил всполошившихся дружинников.

Махнул караульному, мол, всё в порядке. Хотя, чувствую, пойдут завтра разговоры о незаметно перемещающемся боярине из постели к костру. Да и ладно. В голове, на удивление, было ясно и спокойно, и я вернулся на своё ложе. Завтра утром много вопросов надо будет задать Будимиру.

Разбудили меня звуки просыпающегося лагеря – зазвякала ложка по стенкам котла, затрещал ломаемый хворост у костра. Открыв глаза, уткнулся взглядом в коричневые глаза лежащего напротив Грома.

– Привет, собака, расскажи про звёздный мост. – Прошептал ему.

Мотнулся туда-сюда длинный хвост, моргнули глаза, и – ничего не ответил. А жаль. Придётся вставать.

В храме меня встретил задумчивый Верховный. Развернулся, не говоря ни слова, кивнул, повёл за собой. Сели друг против друга, помолчали. Прерывать молчание первому было неудобно, да и невежливо, всё-таки Будимир гораздо старше меня. Посидел, перебирая воспоминания о ночном разговоре.

– Ночью удивительное событие произошло. С тобой ничего не случилось? – Задумчиво начал волхв, поднимая голову.

– А что за событие? – Вопросом на вопрос ответил.

– Потом расскажу. Так что – спал ночью и ничего не слышал?

– Долго заснуть не мог, дремать уже начал. Очнулся от внезапной тишины, или как толкнул кто. Тихо вокруг стало, ни шороха. Собака спит рядом и не добудиться её. Караульный стоит, как каменный. Тебя вот пытался пробудить. Хворосту в костёр бросил, так не загорелся он. А у костра незнакомец сидит...

Так всё и рассказал. А как не рассказать, если ночной гость прямо сказал, что необходимые мне знания можно получить только у волхва.

Закончив рассказ, помолчал немного, поглядывая на задумавшегося Будимира. Наконец, верховный очнулся.

– Вот и ко мне он тоже приходил, тебя обучить наказал. А чему учить-то? Ты вон из какого далека пришёл, знаешь больше меня – как я тебя учить буду и чему...

– Про Звёздный мост говорил, про Веру, про Родину. К чему тут мост?

Правда, читал я где-то, что по Звёздному мосту люди умели путешествовать по мирам и временам разным...

– Рано тебе про это думать, подучись сперва... Хмм, подучись... Может, и впрямь этому надо учить? Ладно, ступай пока, своими делами займись, нам подумать надо.

Поднялся и пошёл на поляну к своей дружине. Через год ещё одна встреча будет с ..., я ж не уточнил, кто ко мне приходил? Свои мысли есть, а вдруг ошибаюсь? Надо будет в следующий раз обязательно Будимира спросить об этом. А пока надо со Жданом поговорить. Потянет ли он, если поставить его на ладью старшим команды?

Так и провёл время до обеда в разговорах. Поговорили по душам с Жданом, начали со службы и, постепенно разговорившись, переговорили обо всём, о чём только было можно. Теперь у меня есть ещё один старший команды – на вторую ладью. Обговорили потребное количество дружинников, которых ещё нужно будет тщательно отобрать. Объяснил, что надо требовать от команды, и на что нужно будет обращать внимание в первую очередь. Новый старшина проникся моментом, и сходу начал строить свой десяток, упирая основное внимание на стрельбу. Да и я всё время после обеда посвятил метанию ножей, да стрельбе из своих малышей. Малыши-то малыши, а бой у них солидный.

К ужину у меня начало заканчиваться терпение. Столько дел впереди, а Будимир всё тянет. Сколько советоваться-то можно. Снег скоро пойдёт.

Поужинали, и к нам, в кружок, подсел вышедший из ворот Яромир.

– Закончилось совещание? – Спрашиваю.

– Закончилось. Завтра домой уезжаем. Дай команду, пусть готовятся к отъезду.

– А с Верховным мне говорить больше не надо?

– Вот чего не знаю, того не знаю. Мне наказ дали, а про тебя – не знаю.

Не успели переброситься фразами, как из ворот вышел сам Будимир, подошёл к нам и присел рядом на попону.

– Езжай домой. Дел у тебя впереди много, нечего время тратить попусту. За зиму Яромир тебе расскажет всё, что знает. А весной, как масленицу отгуляете, приедешь сюда. Не спорь, я сам зиму думать буду, знания старые поднимать. Не просто всё это. Может, и не выйдет у нас ничего. Приедешь – посмотрим. Ещё одно. При школе твоей будет волхв постоянно находиться. Дело нужное задумали – молодцы! Вот и будет волхв детишек учить уму разуму. Завтра поутру соберётся Данислав, поедет с тобой. Коня ему дашь. Дашь, дашь – не жадничай. Ну, нет у нас коней, не видишь что ли, а пешком идти – задерживать вас станет.

На этом и завершилась моя неспешная поездка к Верховному. Обратный путь, как всегда, показался гораздо короче. В Новгороде к нам присоединился Дрёма с Последом, и наш обоз медленно потянулся в сторону дома. Фургоны загрузили под завязку, да ещё и забрали у Прокоша всё полотно, что было в лавке. Договорились на будущее – будет пересылать нам полотно через Гостяту. Кстати, обрадованный купец срочно снаряжал свои драккары за товаром, торопясь не упустить и своей выгоды, и установившейся осенней погоды. Предложил и мне местечко на своей посудине, но мы своим ходом быстрее доскачем. А если бы не фургоны, так денька через три были бы дома.

В пути ничего серьёзного не произошло, единственное, так это местный люд выходил к дороге и расспрашивал нас о нападении на город. Интересовались – правда ли, что варяги убрались не солоно хлебавши? Дрёма и тут не опростоволосился – рассказывая о нападении и последующей погоне за убегающими драккарами, всех желающих приглашал к нам в гости, обещая покупать любые меха по хорошим ценам, или менять на любые товары из нашего ассортимента. Ушлый купец умудрялся за время привала успевать рассказывать и о нашем походе в Данциг, расхваливая привезённые вещи. Особо недоверчивым сразу кивал на Ждана как на непосредственного участника всех событий, отчего тот терял по первости от стеснения голос и в основном глубокомысленно кивал головой, вызывая неподдельное уважение и восхищение у людей. Ехавший с нами Данислав первый раз слушал рассказ Дрёмы с большим удовольствием, периодически, на привалах, уточняя некоторые моменты у сидевших рядом с ним дружинников. После третьего раза даже невозмутимый волхв начал отсаживаться в сторонку, дабы не слушать всё время одно и то же. А мне, так наоборот, было очень даже интересно узнать новое о наших приключениях, потому что с каждым разом они становились всё запутаннее, врагов было всё больше, а мы совершали просто эпические подвиги, побивая несметную вражескую рать. А может, Данислав просто стеснялся, потому что факту разгона тумана волхвами Дрёма уделял очень много внимания, восхваляя их со всем прилежанием.

Вот так мы и добрались до дома, сопровождаемые непрерывным скрипом огромных фургонных колёс, да шумными и весёлыми рассказами нашего купца.

На следующий день отдохнувшего от дороги Данислава отвёл в город, где представил князю. Подхватившийся идти с нами Трувор показал волхву строящуюся школу. Походив по свежим сосновым стружкам, выбрали место под комнатушку для волхва. Назад возвращались вдвоём – волхв

остался присматривать за стройкой. Всё ему было интересно, а нам только хорошо – строители сразу подтянулись, даже топоры застучали звонче и чаще.

Пока шли к моей усадьбе, князь похвастался обновой – Головня справил ему отличный броник, сидевший на теле, как влитой. А со стороны и не заметно совсем, что у князя под кафтаном бронежилетка.

Новостей особых не было – всё идет своим чередом, всё развивается по плану.

На верфи осмотрели заготовленный материал – завтра будем разбираться с чертежами и закладывать новую ладью. Крутившийся тут же Бивой, пообещал утром привести возможного кандидата на должность второго кормщика. Постарался заодно выпросить у меня, какого размера будем закладывать судно. Еле отбил от него обещанием обо всём поговорить завтра – нет у меня сегодня никакого желания кому-то что-то объяснять. Видимо, поездка к волхвам отобрала все моральные силы. Пока был в дороге – было всё хорошо, а приехал домой и расслабился – сразу накатила свинцовая усталость. Даже рук было не поднять. Ничего – пройдёт.

Повседневные хлопоты завертели, закрутили в суеде дней – не заметил, как наступила зима. Так и крутился бы, как белка в колесе, если бы в начале декабря не прискакал посыльный от князя с приказом – срочно прибыть в Кром. Отдав наказ караульному – оповестить Изяслава и поднять дружину, отправился верхом. Доскакав до княжьего терема, прошёл в горницу, набитую служивым людом. Оказалось, прискакал гонец из Изборска от посадника тамошнего – ожидается нападение леттов и эстов на крепость. Просит помочь людьми. Порасспрашивали гонца о том, откуда поступила эта информация. Оказалось – слухи пошли. Вот посадник с воеводой и испугались – дружина в Изборске маленькая, запасов тоже не хватает – осталось только просить о помощи. Переглянулись с Трувором – появился шанс использовать ситуацию к нашей пользе – взять крепость под себя. Вот только рано ещё – маловато у нас сил, и распылять их нельзя. Подождём, будет ещё шанс подобрать Изборск, и не один. Укрепляться нам надо – дружину усиливать и увеличивать – вот задача номер один.

А помочь – конечно, поможем. Вот только как помочь и чем? На этом и остановились – пусть гонец отвезёт наше согласие на помощь, а мы будем ждать конкретных просьб и указаний. Попусту сидеть в Изборской крепости нет нам резона. Решили ещё отправить с гонцом в крепость десяток дружинников, пусть поговорят с людьми, послушают слухи, присмотрятся к обстановке и сообщат обо всём нам. Распустив народ,

остались втроём. Горивой уже начал навёрстывать упущенное за время ранения, и сейчас вовсю вникал в обстановку. Покрутили ситуацию и так и этак, и решили отправить пару охотников вслед за десятком – пусть приглядят со стороны.

Трувор обязал Горивоя постоянно носить такой же броник, как и у него. Дружина и так в броне постоянно, а вот ближники все – в кафтанах да рубахах ходят. А это – не дело. Под рубаху лучше пододеть какую-нибудь защиту. На следующий год Новгород должен зашевелиться, а каким это шевеление будет и во что оно выльется – никто не знает.

Обговорив всё вышесказанное и приняв общее решение, уехал домой – у меня там дружина поднята по боевой тревоге, надо отбой дать. Перед въездом на поле опять поставили караульную будку и дорогу перегородили шлагбаумом – весной отсюда будем ставить деревянный тын вокруг всего посада. В перспективе будет постепенное слияние наших посадов с городскими – тогда и продолжим стену дальше. Да и болото надо постепенно осушать, отводить воду и ручей в сторону – а то, даже в храм на горке не пройти посуху, приходится через болото пробираться. Вон, как я далеко измыслил, а где столько народу взять? Вот, вроде бы, только заткнём все дыры, вздохнём свободно, так тут же возникают новые задачи, на которые требуется ещё больше людей. А приток пока маловат, тянется тонкая струйка переселенцев. Надеемся на весну – пройдёт слух о неприступной твердыне города и потянется вольный люд под защиту крепких каменных стен.

За всеми этими мыслями не заметил как доехал до крыльца, где меня уже поджидали Изяслав с десятниками, да мои мастера – группа получилась внушительная, мастера даже с жёнами пришли – волнуются, беды опасаются. Детишки вокруг выются, до них общее напряжение тоже докатилось – переживают.

Спрыгнул с коня, его сразу подхватили под уздцы и повели в сторону конюшни, скомандовал отбой Изяславу и успокоил собравшихся, коротко рассказав о причине сборов. Основной разговор продолжили уже в нашей гостиной – подробно всё обсудив и обдумав различные варианты исхода возможных событий. Единогласно сошлись на том, что надо посылать разведку к эстам – пусть аккуратно посмотрят да послушают, может, что и заметят. По возможности, пройти тихо, не привлекая к себе внимания. Лучше всего – отправить охотников. Дружинников на такое дело нельзя посылать. Уже иногда падает снег, и следы лошадей выдадут разведчиков, а охотники пройдут тихонько и никто их не заметит, если только случай не вмешается. На том и остановились, поручив Изяславу подобрать нужных

кандидатов.

После ужина завалился спать, почему-то опять навалилась усталость – глаза закрывались сами. Утром проснулся – голова свежая и все мысли чётко разложились по полочкам. Почему-то во сне появилась твёрдая уверенность, что до весны нас никто не потревожит – можно спокойно заниматься своими делами, наращивая военный и производственный потенциалы. Как-то до сегодняшнего утра, произошедшее со мной памятное мне событие той осенней ночью у волхвов, казалось чем-то вроде сказки. И только сейчас я начал осознавать, что же со мной там, на той поляне, произошло на самом деле. Кто обратил на меня своё пристальное внимание, и под чьим покровительством я нахожусь. Пора, ой, пора мне поговорить с Яромиром. Пусть объяснит мне смысл этой встречи, что от меня хотят боги и к чему нам стремиться. Год разъяснений ждать – я не выдержу. Всё, что было сказано на той поляне, я помню дословно – вот и пусть мне ещё раз волхв всё растолкует. А то, вдруг я не так что-то понял.

Глава 16. Живём, не тужим, сами себе служим...

А с утра завертела круговерть дел, началось всё с верфи – прибежал Бивой с жалобами на наших корабелов – мол, умных советов опытного кормщика, никто не желает слушать, всё испортят.

Не успел выйти на улицу, как был перехвачен Изяславом – команда разведчиков подобрана. Не желаю ли я сказать им что-нибудь перед выходом? Детский сад. Пришлось послать сотника... руководить вверенными ему силами.

– Людей подобрал? Подобрал. Готовы выходить? Готовы. Ну и что ещё надо? Отправляй. Ты командир или где?

Смущённый сотник быстрым шагом поспешил прочь с моих глаз, а я направился вместе с нетерпеливо перетаптывающимся кормщиком дальше. Вылетевший из-за угла Гром чуть не сбил с ног, в последний момент поменяв направление и легонько задев меня по бедру так, что я отскочил в сторону на пару шагов, и понёсся дальше, прижав уши и нарезая вокруг меня большие круги. Радуетса собака. Через входные двери верфи протискивались с собакой на пару – кто кого опередит и пересилит. Победила дружба. Бивой только хихикал за спиной и благоразумно заходил последним. Внутри вкусно пахло свежей сосновой смолой, и собака немедленно завалилась на гору пахучей и хрустящей стружки в углу.

Кормщик повёл меня вокруг скелета строящейся ладьи, рассказывая и показывая на некоторые недоработки, которые никак не хотят доделывать эти ленивые корабелы. Тут же подскочил Тишила, и вокруг меня закипела свара переругивающихся кормщика и плотника. Кстати, Тишила так и прижился на нашей верфи и теперь тут рулит своей прежней ватагой, которой присвоили гордое название корабелов с моей лёгкой руки.

Послушав громкую ругань спорящих, и уяснив для себя, в чём дело, развёл их руками в стороны. А то уже намеревались друг другу в бороды вцепиться. А виной моя недоработка – не указал размеры кают и места установки скорпионов. Один-то точно ставим на юте, а вот ещё один надо бы поставить на баке. Поднимаем борта сразу так, как надо для лучшего плавания в море, делаем палубы и навесы – получаютса кормовая и носовая надстройки. На корме будут каюты для капитана, то есть для меня, любимого, и для руководящего состава экипажа. Вспомнив, как мы

прятались от дождя, решили сделать на носу общую каюту для дружины. А спать будут в гамаках, припомнил я читанные книги. Ну, и камбуз с гальюном, куда же без них. Еще и два нуля нарисую лично, когда будет всё готово. Традиции – это наше всё! Ладья вырисовывалась солидная, но это только в сравнении с такими же ладьями. А вот в Данцигеона будет смотреться скромно. Тут же предлагаю Бивой подобрать несколько человек в команду с расчётом присмотреться к парусным многомачтовым судам на море, набраться опыта, поговорить с опытными моряками в кабаках в порту и, по-возможности, договориться о нескольких уроках работы с такелажем. Будем в Данциге, можно будет поговорить с Даниэлем об отдельной плате за такое обучение. А то и оставить их у купца на практику. Есть же у него свои суда.

Бивой сообразил сразу, глаза загорелись, рука потянулась к затылку:

– Боярин, а, может, мне самому лучше остаться там – опыта набраться? Смену я себе подготовлю, оставите нас с ребятами, потом заберёте в следующий приход. Разрешить ли?

– Это тебе ещё одного кормчего подыскать нужно, и команду добрую, да поднатаскать их хорошо, чтобы не заблудились на обратном пути.

– Это понятно, есть у меня на примете такой кормчий. Я же говорил тебе, боярин, почти все ватажки готовы к тебе перейти – позови только.

– Давай так решим. Приходи вечером на общее совещание – там и обсудим твоё предложение. А пока предварительно подумай вот о чём. Нам нужна добрая ватага на баржу – будут ходить до Новгорода и дальше, да ещё одна – на подмену твоей, если решим тебя оставить в Данциге, на практику. Подумай о том, какой парусник нам лучше заказать там, или построить тут самим... Хотя, об этом тебе лучше подумать в Данциге, когда появится какой-либо опыт. Так вот – на вечернее собрание ты должен прийти уже с готовыми предложениями. Думай.

Оставив озадаченного кормщика у строящейся ладьи, подозвал Тишилу и уточнил у него, всё ли он понял из сегодняшних уточнений. Мастер немного замялся – очень ему не хотелось признаваться в своей некомпетентности. Поэтому отозвал его к стеночке и угольком нарисовал эскизы желаемых построек, с привязкой к конкретным местам по месту. Уточнил ещё, что скорпионы надо установить так, чтобы они не ёрзали по палубе в качку или шторм, но и их можно было бы в случае нужды передвинуть на другое место. Короче – пусть думают над креплением к палубе. Если надо – можно подключить кузнецов.

Свистнув Грома, вышел на свежий воздух – пора и пообедать – время-то как несётся. Да и к Изяславу после обеда зайти не помешает, проверить

службу, да и озадачить подборкой дружины на баржу – надо загодя готовить людей. К Иве надо заглянуть – как там Мстиша? А то я его только издали вижу и времени поговорить всё никак не могу найти. То дела закручивают, а то просто забываю, а это плохо.

В гостиной за столом шумно – народ собрался на обед. Присоединяюсь к честной компании, напоминая о сегодняшнем совещании. Весея подаёт миску со щами, и я пропадаю для всех на пять минут. Пока меняют миски, успеваю переговорить с Любовью и выспросить, возможно ли нам пошить для наших моряков единую форму. Пусть обсудят этот вопрос с Добровой и вечером поднимут его на совещании. Приносят второе и узвар – быстро добиваю кашу и, запивая, выхожу на крыльцо, не забыв поблагодарить нашу повариху за вкусный обед.

Пора провести больничку, в которую превратилась усилиями нашей травницы бывшая изба. По настоянию Ивы пришлось её немного расширить, пристроив пару небольших комнат, из которых получились превосходные палаты для больных и раненых. Так избышка превратилась в лечебницу.

С персоналом проблем нет – перед нападением варягов, воспользовавшись моим разрешением, Ива переселила к себе двух своих родственниц из городища, которые так и прижились у нас. Обе с семьями, поэтому потом построили им дома в посаде. Женщины так и остались работать с Ивой, а мужья нанялись в ватаги. Один в гончарную, а другой в плотницкую. Всех детишек забрала к себе в помощники Милена – у неё они и за скотом помогают ухаживать по мере сил, и помогают на огородах и заготовках грибов-ягод. Сейчас палаты пустые, только Мстиша один не даёт заскучать персоналу. Вот они и отрываются, пробуя на нём новые лечебные отвары. Заглянув в палату, завидел лежащего десятника и девушку, сидящую рядышком. Да они ещё и за руки держатся-скоро будем свадьбу играть. Услышав, как открывается дверь, девчушка что-то пискнула растерянно и прошмыгнула мимо меня, пряча покрасневшее лицо.

– Привет, болезный. Вижу, что дело идёт на поправку, коли девушки приходят проводить? Да ты лежи-лежи. – Останавливаю пытающегося приподняться Мстишу.

– Будь здоров, боярин. Вот, познакомились, буду сватов засылать. А лежать мне уже и не охота – поправился почти. Так, отдаёт немного в плечо, но это нужно больше времени, чтобы прошло.

– Прости – не мог раньше зайти проводить, то дела, то ещё дела.

– Да нешто я не понимаю, боярин, сколько у тебя дел, за сколькими

людьми тебе приглядеть надо. А товарищи мои приходят, новости рассказывают, про поход в Данциг тоже рассказали и про Новгород. Жаль, что меня с вами не было...

– Ты, главное, поправляйся. Дел впереди ещё много. Вон, новую большую ладью заложили, место твоё никому не отдадим, не переживай. Вся команда с дружиной перейдут на неё, а старую отдадим под команду Ждану. Бивой уже и кормщика на неё нашёл. Весной грузимся товаром и пойдём в Данциг и на Готланд. Да и на Рюген зайти хотелось бы.

Поговорили ещё немного, да и отправился я искать Изяслава. К счастью, долго ходить не пришлось, и, услышав воспитательный рык из-за воинской избы, тихонько заглянул за угол. Процесс воспитания подрастающего поколения шёл полным ходом – на спортивном городке занимался разведдесяток Обуха. И сотник, личным примером, показывал некоторые упражнения с оружием, перемежая их наставлениями и разъяснениями. Дождавшись окончания очередного разъяснения, подошёл поближе и на мой вопросительный взгляд всё правильно понявший сотник ответил утвердительным кивком:

– Дружину надо доукомплектовывать, не хватает нам людей. Весной ладьи уйдут, и в крепости никого не останется. – Опередил меня Изяслав.

– Верно. – Показал своё удивление, якобы впервые услышанной мысли. Пусть сотник учится думать, заглядывает вперёд, планирует свои действия загодя. – А мне такая мысль и в голову не пришла, значит, набирай ещё людей и, вон, пацанов можно поднабрать, пусть учатся понемногу. Подумай хорошо, и вечером на совещании переговорим.

Кивнул всем головой, пожелал успехов в постижении воинских наук подросткам, а что им ещё пожелать, и пошёл дальше. Проходя мимо стрельбища, посмотрел издали на тренировку дружинников. Там как раз Ждан тренировал свою команду. Понравилась задумка старшего десятника – на круглый чурбачок укладывали доску, и дружинники пытались удержать на ней равновесие, одновременно с балансированием выцеливая мишень. Не выдержал и подошёл поближе.

– Это чья придумка? – Спросил повернувшегося ко мне Ждана.

– Да как-то само придумалось, все дружинники через это проходят. Как стали на ладье выходить, так и начали тренироваться.

– И как оно? Получается?

– Рано или поздно у всех получится. – Утвердительно ответил десятник.

– Вы ещё сделайте большое колесо и на него прикрепите мишени. Рядом выройте окопчик – посадите туда дружинника – пусть крутит колесо

не высовываясь. Вот вам и тренировка будет.

Оставив задумавшихся над моим предложением бойцов, пошёл дальше, обходя всю крепость по кругу. Давно я не заглядывал к Стояну – что у него новенького в мастерских? А в мастерских вовсю гнали продукцию – формовали кирпич и черепицу, начали делать коньковые элементы. Степенно подошёл Стоян, поздоровался. Обошли по кругу огромный цех, осмотрели готовые запасы керамоизделий, вышли на улицу. Под навесами заскладированы поддоны с кирпичом и черепицей, но места ещё много – постоянный огромный расход на стройки не даёт создать запасы. А с весны начнём отправлять баржу в Новгород и Ладогу, да в Данциг обязательно будем возить. Плюс своё строительство.

– Справитесь?

– Справимся. Глянь вокруг – дома строят из кирпича, уже развезли по площадкам необходимое количество. Печи и камины – народу понравилось, и теперь, через одного, просят выложить – опять же, уже отпустили кирпича, сколько заказывали. В город каждый день отвозим подводами. А вот тот, что под навесами – складируем на весну. Так что точно – справимся. Добычу глины увеличим и подвоз. И всё будет хорошо.

– Хорошо. И ещё что хотел сказать. Подумай, каково должно быть денежное содержание у твоих работяг. Хочу всем мастеровым начать выплачивать еженедельное жалование. Отработал неделю хорошо – получи заработанное сполна. Плохо работал – старшина обрежет. Старшинам и начальникам цехов, таким, как ты – плата будет соответствующая занимаемой должности. Честь большая, но и ответственность ещё больше. Поэтому на старшин подбирай людей толковых и уважаемых. Думай, вечером на совещании обговорим подробнее.

Зашёл к плотникам, но у них всё в процессе переезда в новый цех и я даже не стал никого отвлекать разговорами – позже поговорим.

Дальше, на очереди, был гончарный цех. Заглянул в двери – крутятся круги. Стойки с готовой посудой вокруг. Места мало становится. Может, им отдать освобождающееся помещение плотников?

Прошёл до скотного двора, того, что у стены. Заглянул в двери – хорошо, чисто и пахнет свежим сеном и молоком. Кстати, а куда они выгребают навоз? Отлавливаю проходящую мимо девчущку и спрашиваю. Выслушиваю бойко оттараторенный ответ – всё вывозят в большую яму около огородов, а потом удобряют землю. Успеваю ещё спросить, пока девчущечка не убежала:

– Молока-то много надаивают? И что с ним делают? А то я что-то этот вопрос совсем из виду упустил.

Пожав плечиками, девчоночка сослалась на незнание и убежала, испросив разрешения работать дальше. А я направился во двор, в дверях столкнувшись, нос к носу, с Миленой.

– А я спешу. Мне девчонки уже успели доложить, что боярин ходит по скотнику суровый такой и про порядок спрашивает.

– Давай на улицу выйдем. – Отойдя не несколько шагов, прислонился к жердинам загородки для выгула. – Ты со второго скотника пришла?

– Оттуда. Торопилась девчонок своих защитить. – Улыбнулась светло.

– Пойдём, посмотрим, как там у вас дела обстоят. Здесь-то мне понравилось – чисто и тепло. А пока, расскажи мне, всё ли в порядке, кормов запасли ли вдоволь, а то, может, что и не успели? Крыши не текут?

– Кормов запасли вдоволь, коров только маловато. К весне, правда, будет больше – телята народятся. Да не переживай ты так – было бы что не в порядке, давно бы тревогу забила. И овечки приплод дадут, и свиное поголовье вырастет – на следующий год будет совсем хорошо. Народу пока хватает, да и детишки помогают, как могут.

– А молоко, сметана да масло?

– А вот с этим пока плохо – мало совсем. Молочко детишкам отдаём, да больным, кому Ива назначает. Так же и масло со сметаной. Совсем немного сыра варим из остатков – к весне как раз и созреет. В погреб спустись и посмотри, полюбуйся.

– Хорошо, понял я всё. Вот ещё что хотел сказать. Буду всех мастеров переводить на оплату труда. Как поработал – столько и получил. Ты подумай, сколько платить нужно людям за работу на фермах и в поле, а вечером, на совещании, обговорим. Все будут обсуждать этот вопрос.

Оставив ошеломлённую Милену осмысливать услышанное, осмотрел двор, и прошёл к огородам. Тут меня опять догнала опомнившаяся Милена.

– Да как я такое размыслить могу – никогда не было такого. Работали и работали, и никто об оплате не думал. Для себя же работаем?

– Для себя. Но труд всё равно должен быть оплачен. Вдруг кто поедет куда, а денег-то и нет. И что делать? Не везде живут так, как живём мы. Это у нас тут натуральный обмен, а возьми Новгород, или другие поселения – везде оплату потребуют. А где ты деньги возьмёшь? Вот и решил я – надо платить работному люду. Подумай, а вечером все будем советоваться и решать – кому и сколько. На огородах-то у тебя всё в порядке?

– Всё в порядке. – На автомате ответила Милена, обдумывающая мои слова.

– Вот и отлично, я пошёл дальше по крепости, а ты подумай хорошенько.

Заглянул к Головне, от него дошёл до Жарко. Без задних ног доковылял до своего крыльца, попросил Весею приготовить перекусить чего-нибудь и попить, а сам завалился на свою кровать, с блаженством вытянув натруженные ноги. Принесли мой перекус. Скрипя натруженными суставами поднялся и присел к столу.

Совсем другой разговор. Теперь можно и до ужина дотерпеть. Дел-то ещё... Надо зайти в лавку к Дрёме – посмотреть, как они разобрались с товаром.

Вечером после ужина на совещании бурно обсуждали мои предложения. Правда, поначалу народ мялся – дело новое да неизвестное, но постепенно втянулись в разговор и пошло обсуждение. Просидели почти до утра. Решали и военный вопрос, и обсудили все наши торговые дела и интересы. С великими спорами выработали дневную ставку по заработной плате, утвердив добавочные надбавки за тяжёлую и опасную работу. Постановили выплату пособий и пенсий. Так что моя клятва, данная в Кроме после боя, начинает потихоньку претворяться в жизнь.

Сивый только хватался за голову, выслушивая наши утверждённые постановления. Бедному казначею придётся теперь набирать толковых и, что самое важное, грамотных помощников – одному со всем не справиться. Монетный двор работает почти без перерывов, увеличивая запас монет. По моим подсчётам, до лета нам металла хватит, да и часть денег всё-таки будет возвращаться через лавку. Лавку, кстати, решили расширить до размеров торгового дома, как в Данциге. Всё произведённое в мастерских теперь будет сдаваться на склады, а оттуда уже будет распределяться на нужные торговые направления. Дрёму обязали наладить строгий учёт поступающего и продаваемого товара.хлопотно, непонятно, непривычно, но отладим систему, и будет всё нормально.

Несколько последующих недель занимался вместе с волхвами, пропадающими в построенной школе. Начал что-то понимать в религии, которую называть языческой не поворачивался язык.

На удивление, детей в новую школу приходило много, и волхвы сбивались с ног, пытаясь организовать и наладить учёбу. Это ещё хорошо, что ребятишки тут не избалованные и покон чтут свято.

Снега всё не было, и я, взяв десяток Ждана и пару мастеров Стояна, отправился на сделанных Истомой новых фургонах за первым кварцевым песком. Поплутав несколько дней, в густых лесах нашли искомое место и наполнили все фургоны до того предела, пока их могли тянуть лошади. Посидел на берегу большого и красивого озера, у которого в будущем будет выбирать этот песок местное население, вспомнил, как мы гуляли тут

когда-то давно с супругой. Погрезив некоторое время, поднялся, бросив прощальный взгляд на памятные сердцу места. В следующий раз мастера сами сюда поедут.

До дома добрались без приключений, хотя дружинники постоянно были настороже, опасались нападения. Места, вначале, шли чужие, далёкие. А когда миновали Изборск, вздохнули с облегчением и немного расслабились. По пути повстречали наших, возвращавшихся домой из дальней разведки, охотников. Это ж сколько дней они по лесам шарились? Пока скрипели колёсами до дома, выслушал эпопею долгих странствий от уместившихся рядом со мной на облучке разведчиков. По любому выходило, что прошли они по большому кругу вдоль всего побережья Варяжского моря от реки Наровы вплоть до устья Даугавы. И, со слов охотников, некому было сейчас готовить нападение на Изборскую крепость. Народ на побережье был занят ловлей рыбы перед суровой зимой, и почти всё время пропадал в море. Конечно, все поселения им не удалось обойти просто физически – времени и сил на это ушло бы не в пример больше, но и из увиденного уже выходило, что до весны у нас будет спокойно. Если и нападёт кто, то небольшими силами или совсем с другой стороны.

Точно к такому же выводу пришёл и Трувор, а Горивой, переглянувшись с Изяславом, подвёл в разговоре черту:

– Позовут – пошлём дружину, небольшую. А заранее посылать никого не будем, самим не хватает людей.

– Будет так! – Рубанул воздух ладонью Трувор.

Начали пробовать варить стекло из привезённого песка. Технологии точной не помню, температуру подбирали на глазок, да и некоторых, так необходимых для его производства, веществ не хватало. Надо было исходить из того, что имелось на данный момент. Всё равно нужно пробовать. Головня сделал нам специальный стол с плоской поверхностью, на котором мы и начали прокатывать расплавленную массу. Первые результаты были неутешительными – стекло получалось непрозрачное, мутное и, к тому же, разной толщины. Да и стол, как выяснилось, был не идеально ровный. Но, в конечном итоге, после многих проб и ошибок, нам удалось добиться более или менее устойчивого результата. У нас появилось наше оконное стекло. Пусть неровное, плохонькое, но своё и первое в этом месте. Рассказав мастерам, осваивающим это дело, о возможных изделиях из расплавленной массы методом выдувания через длинную трубку, оставил их набираться опыта. Теперь придётся ещё и отдельно стекольную мастерскую ставить.

Зима вступила в свои законные права, и округа постепенно покрывалась белым снегом. Крепчали морозы, выстуживая землю, ледяной и промозглый ветер крутил позёмок по ровному льду реки, полируя и без того ровный снежный наст. Потянулись охотники в лавку к Дрёме, оживилась пушная торговля, пошло движение товара на продажу.

По моей просьбе Истома сделал мне лыжи, и я в свободное время забирал Грома и уходил в лес. Охота меня не интересовала, просто набирал физическую форму, понемногу наращивая нагрузку, проходя и пробегая каждый раз всё большее и большее расстояние. Дождавшись морозов и убедившись в появлении крепкого льда на реке, начал выходить на подлёдную рыбалку. С удовольствием наблюдал, как ставят сети местные рыбаки, прорубая во льду узкую канавку от берега до берега и опуская в полученную прорубь длинную верёвку, к которой привязывались крепкие сети. В дальнейшем прорубь замерзала. Свободными ото льда оставались только два окошка по краям, закрываемые утеплёнными соломой щитами из жердей. Рыбы добывалось много, поэтому я просто отдыхал на льду с удочкой, выдёргивая рыбёшку за рыбёшкой. Впрочем, это я прибедняюсь, называя мою выловленную рыбу рыбёшкой. Выуживая отдельные зачётные экземпляры, попавшиеся на кованый крючок, приходилось всерьёз опасаться за целостность снасти. И это я ещё на живца не ловил. Боюсь даже и думать, что мне тогда может попасться. Так вот. А по приходу домой я выслушивал тихое бурчание Весеи – мол и так рыбу девать некуда, а тут ещё мелочь всякую боярин приносит. Вот же блажь в голову ударила, нет, чтобы на охоту сходить.

Что интересно, рыбалка считалась занятием для простых людей, холопов. А вот охота – это удел благородных бояр да воевод. Недаром же везде только и слышно про боярскую или княжескую охоту, и абсолютно нигде не слышно про княжескую рыбалку...

Так что, по мнению всего моего окружения, я занимался пустым делом, не подобающим боярскому званию. Да и ладно – не чужие мнения создают нас, а мы будем создавать чужое мнение. Запустил слух о том, что у меня, на далёкой Родине, рыбалку могут себе позволить только очень знатные и сильные духом люди. Ещё и имеющие определённый достаток. Потому как на эту рыбалку нужно выходить в море и вылавливать такую огромную рыбу, с которой приходится бороться часами, чтобы вытащить. Никакая охота с этим и близко не сравнится. Через некоторое время появился нужный результат – на лёд, рядом со мной, начал выбираться и Трувор с неразлучным Горивоем. Правда, на берегу перед этим разбивался лагерь, где горел жаркий костёр и готовилась горячая пища, да и шатёр от

ветра всегда устанавливали. Вот из какого далека ноги растут...

Но и мне, чтобы не выглядеть совсем уж белой вороной, пришлось несколько раз всё-таки выбраться на охоту с князем. В основном, всё время держался чуть позади, но, дабы не сочли неумехой (о трусости разговора и быть не могло), пришлось и мне пострелять из своего арбалета, добыв хорошие рога на стену над камином, да большую шкуру под ноги. Когда ко мне в кабинет зашёл Трувор и увидел, как я сижу у камина, а под ногами лежит шкура добытого мною сохатого, то сначала он ничего не понял и сильно удивился. Пришлось рассказывать ему об охотничьих традициях и об украшении трофеями не только стен, но и полов.

Так и прошла эта зима со всеми её праздниками и заботами. Когда надо было – гуляли, погуляли и на свадьбах Мстиши и Елени. С Мстишей-то всё было понятно, а вот наш скромный мастер печного и каменного строительства присмотрел втихаря себе достойную пару, воспользовавшись многочисленными заказами в городе и посадах. Так сказать, воспользовался служебным положением и совместил личное с общественным. Да и правильно сделал, а я просто так вот шутил. У Стояна в личном плане тоже вроде что-то намечается. Только Жарко из своей лесопилки никуда не выходит, а если и выйдет, то весь обсыпанный опилками с ног до головы. Без слёз не глянешь. Хотя, думаю, и его скоро окрутят – жених он завидный. Дрёма обмолвился как-то, что жену себе он привезёт из Старой Ладogi – родители ему там кого-то давно подыскали. Весной пройдёт ледоход, и поедет с товаром в Новгород, а по пути и оженят его. Но, от свадьбы здесь всё равно не отвертится, о чём ему и было сказано.

Надо было ехать и мне – меня ждал Будимир, Верховный волхв. И мне было очень интересно, что же он мне хотел рассказать.

Но, несмотря ни на что, первый поход в этом году мы сделаем на запад – пойдём в Данциг. Надо выполнять заключённые договорённости, посмотреть, что нового может предложить Даниэль. Вдруг он нашёл нам мастеров, согласных на переезд? Да и хорошо бы было договориться об обучении команды Бивоя на больших парусных судах. Опять же товар надо продать – склады забиты пиломатериалом и кирпичом. Посуды и дельного железа наделано много. Попробуем показать наше стекло – а вдруг найдётся и на него свой покупатель. Пушнины за зиму скуплено много. Да не просто много, а очень много – развернулся Дрёма. Просит в этом году поставить ему новый торговый дом с большими складами. А я, как и обещал, согласен. Да и восполнить запасы серебра необходимо. Золотые монеты мы с князем решили не тратить, создаём запас. Трувор рвётся со

мной в плавание, может, и пойдём вдвоём. Вскроется озеро, если вокруг будет всё спокойно – так и сделаем. Город оставим на Горивоя и Изяслава. Горивой, конечно, упирается, да некуда ему деваться. Правда, он на мне отыгрался, прогрызя мне огромную плешь своими постоянными наставлениями о том, как обезопасить наше путешествие, и, в частности, уберечь нашего князя от всевозможных опасностей. А я и терплю – а куда денешься? Иначе, оставят меня в городе и сами уйдут. А оно мне надо?

Вскрылись реки, скоро вскрыется озеро. Весна наступает. Льдины чуть не снесли наши гидросооружения. Если бы не каменное основание, об которое крошился лёд, унесло бы наше колесо к чёрту на кулички. Но, обошлось. Теперь на берегу дотаивают под робким пока ещё солнышком огромные серые льдины. Уровень поднявшейся воды можно до сих пор увидеть по клочьям прошлогодней травы, запутавшейся грязными клоками в ветвях прибрежных кустарников. А пока мы спустили на воду новую ладью и занялись оснасткой. Бивой натаскивает новую команду, которая пойдёт ему на подмену. Приведённый им кормщик Первуша (из рыбаков) оказался широкоплечим мужиком громадного роста, на спор переворачивающим рыбацкий баркас. И вся команда у него была примерно таких же статей – рослые и крепкие. Рыбацкий промысел больших доходов не приносил – потому как рыбы было много, и ловили эту рыбу все кому не лень. Вот и упали мужики в ноги Бивою, когда прошёл по городу слух, что он ищет подходящего боярину кормчего с опытной ватагой. Да и жили они по соседству, через несколько домов. Так и вышло, что подошёл ко мне как-то рано утром Бивой, и представил нового кандидата в кормщики. Хорошо, что на верфи в это время находился с контрольной проверкой Трувор с Горивоем. Вот я на них и сбросил нового кандидата – пусть поговорят. А я потом в конце поговорю, сказал князю. Вспыхнувший было поначалу князь – как же так, его слово должно быть последним, успокоился, когда объяснил ему особенности предстоящего разговора. Князь с безопасником проверяют кандидата, и, если он подойдёт нам, как человек, то я буду проверять его на профессиональные навыки.

После ладьи спустили на воду баржу и доделали её. Для пробы начали загружать кирпичом, черепицей и пиломатериалом. При загрузке шести тысяч штук кирпича и около сорока кубометров досок, у баржи получилась осадка не более полуметра, да ещё метр над водой – пойдёт при плавании в прибрежных водах и по рекам. Можно при необходимости нагрузить и гораздо больше, но сюда ещё прибавится черепица и железные изделия, плюс посуда и столярка. Стекло пока всё пойдёт для наших нужд. Немного отвезём Даниэлю для пробы, дабы изучить спрос и всё.

Загруженную баржу осторожно, на вёслах, вывели на просторы реки Великой, поставили паруса и посмотрели, как она себя ведёт при движении под парусами. Река, набравшая силу после таяния снегов, быстро несла свои воды в озеро, но всё равно можно было тихонько идти на парусах против течения. Вернулись к причалу – и команда продолжила свои тренировки, упросив не разгружать баржу под предлогом проверить корпус на герметичность. А то я не понимаю, что они только и ждут когда вскроется озеро и по первой команде готовы сорваться в плавание. Соскучились.

Так же Бивой вывел на испытания и новую ладью с новым экипажем. Но тут всё было заранее известно – схема-то уже была отработана, и никаких сюрпризов мы не ждали. Так что ходовые свелись к проверке корпуса на герметичность и тренировкам новой команды под управлением Первуши. В конце концов, команды сработались, привыкли к новому судну и новым парусам, и теперь все с нетерпением ждали вскрытия озера. Посмотрев на успешные тренировки команд, вместе с Трувором решили отправить обе ладьи на Данциг. На старую ладью старшим команды назначили Мстишу, который к этому времени усиленно восстанавливал свою физическую форму, постоянно пропадая на стрельбище и спортивной площадке. Боевые дружины каждый день продолжали тренировки, используя придумки Ждана и мои подсказки для стрельбы по движущимся мишеням.

Доброва в своей пошивочной мастерской, наконец-то, закончила шить новую форму для экипажей и боевых команд судов, и моряки произвели фурор, щеголяя новой одеждой. Мудрствовать не стал, и морскую форму скопировал с российской. Для каждого судна пошили флаги с двумя перекрещенными голубыми полосами на белом фоне и с леопардом на задних лапах по центру. Вот и появились у нас морские силы. В новых экипажах каждому члену команды подогнали броню и оружие.

Дождавшись вскрытия озера, проводили в плавание к Старой Ладоге команду баржи и начали сами собираться в путь. На Ладугу в свой первый самостоятельный коммерческий поход ушёл Послед, а с нами, тщательно загружая товары и проверяя укладку грузов, готовился отправиться Дрёма.

Лавку оставили на помощников, благо теперь их у купца хватало. Может, недоставало им немного торгового опыта, но Горивой обещал не спускать с них глаз, и я им заранее сочувствовал.

Перед отплытием весь вечер разговаривали с Трувором у него в палатах. После долгих размышлений и горячих споров князя уговорили остаться в городе. Будут ещё походы... Весело потрескивали дрова в

камине, всполохами пламени высвечивая и тут же пряча темные тени по углам. Решили, что в этот раз всё-таки заглянем на Рюген, чтобы разведать путь и обстановку на острове, да сразу же уйдём дальше. А основательно остановимся там уже в следующем плавании, когда пойдём вместе с князем...

Утром, двумя ладьями, отчалили от пристани и пошли потихоньку вниз по течению, наказав вперёдсмотрящим глядеть в оба. Я был, в общем-то, спокоен, так как команды достаточно натренировались, а всего в жизни предусмотреть невозможно. Поэтому зачем лишний раз нервничать, лениво думал я, наблюдая, как уверенно режет воду позади нас ладья под управлением Первуши. Первую остановку сделали на старом месте недалеко от Наровы, по правому берегу озера. Даже костры разводили на тех же, сохранившихся с прошлого раза, чёрных выжженных пятнах земли.

На следующий день благополучно прошли реку – воды было ещё много. Течение несло ладьи быстро, и на порогах нам пришлось здорово попотеть, в основном от страха налететь на камни, которых почти не было видно. Но всё обошлось, и вскоре мы выскочили в море, дошли до знакомого местечка и заночевали на берегу. Опять, точно так же, как и в прошлый раз, переговорил со старейшиной, подарив ему хороший боевой нож. Закупили копчёной рыбы в поселении, чему местные жители были рады, так как рассчитывались мы по-честному, да ещё и платили звонкой монетой. В этот раз, население уже не так сильно нас опасалось, и, в отличие от прошлого, даже приглашали в гости. Показав старейшине нашу карту, которую мы когда-то рисовали с ним вдвоём, расспросил его про проход между островами. Немного помявшись, как бы сомневаясь и борясь с самим собой, старейшина всё-таки предупредил нас об опасностях этого пути из-за засилья пиратов. Даже бедным рыбакам в тамошних проливах не давали спуска, отбирая понравившуюся часть улова. Вот и пригодился подаренный нож, оправдал себя полностью.

Можно, конечно, пройти вокруг островов по старому пути, но надо ведь узнавать и новые маршруты – а ну как и пригодится когда-нибудь. Так что, обойдём остров Даге слева и пройдем через пролив.

Собрав кормчих и Мстишу со Жданом, предупредил о возможном столкновении. Нарисовав на песке вероятные схемы нападения на нас, прикинули, как будем действовать при атаке пиратов. Просидели у костра до поздней ночи и, обговорив различные вероятности развития событий, разошлись спать. Всё равно всё предусмотреть невозможно, и лучше выспаться, чтобы завтра голова была свежей. Да и как всегда, по закону подлости, обязательно вылезет непросчитанный нами вариант.

Оставив остров Даге по правому борту, пошли проливами. Когда-то тут будет ходить паром из Рохукюлла в Хелтермаа, а прибывающих на остров туристов будет встречать сидящая на камнях в бухте русалка. Но это, может быть, будет когда-то. Хотя, неизвестно ещё, будет ли. А пока мы режем тёмные воды пролива, оставляя позади большой остров, и, плавно поворачивая к югу, следуя изгибам берега, выходим на траверз другого огромного острова Эйскюла, как мне его обозначил старейшина поселения Иру.

Нападение произошло, когда мы уже проходили мимо небольшого острова Муху. От берега отошли полтора десятка баркасов и, подняв паруса, понеслись в нашу сторону. Нам готовиться не надо – только осталось поднять щиты в боевое положение и зарядить арбалеты и скорпионы. Вся команда была в броне – плавание в местных водах по уверению старейшины не даёт расслабляться. По уговору, командовать начали оба десятника, а я внимательно наблюдал со стороны, не вмешиваясь. К счастью, такую ситуацию мы вчера обсуждали, и, подождав, пока пираты подойдут на дистанцию выстрела, довернули на ветер, дав пристрелочный первый залп. На фоне тёмного, поросшего лесом острова, баркасы были прекрасно видны, а солнце подсвечивало нам с правого боку и чуть сзади, сбивая прицел вражеским лучникам. Тем не менее, по поднятым щитам защёлкали ответные стрелы, и мы, так же в ответ, дали ещё один залп, но уже срезнями. У нас потерь, к счастью, пока не было, оценить же потери пиратов тоже не было никакой возможности, но на переднем баркасе удалось перебить шкоты и широкий парус заполоскал на ветру, сбивая прицел команде и внося неразбериху в общий манёвр нападающих. Наши ладьи всё подворачивали и подворачивали круче к ветру, и несколько баркасов сбились в одну большую кучу, пытаясь повернуть вслед за нами. Наиболее опытные или умные, отвернули в сторону от сгрудившихся судёнышек и, спустив паруса, взяли за вёсла, разворачиваясь и устремляясь вслед за нами. Выпустив в получившуюся мешанину по несколько бронебойных болтов, обошли баркасы с кормы, продолжая плотный обстрел. Наконец, в дело вступили наши скорпионы, получив возможность ведения огня. Плохо, что я не продумал при строительстве момент стрельбы через борт. Надо было сделать что-то вроде открывающихся пушечных портов, как на парусниках.

Выстрел большого скорпиона – страшная штука для маленького баркаса. Удачным выстрелом мачту срезало напрочь, и она завалилась на борт, накрывая полотнищем паруса палубу. Само собой, об атаке на этом баркасе уже никто не думал. Или же, проходя огромной безжалостной

косой над бортом, срезень собирал обильную кровавую жатву. Запомнят наши флаги в местных водах, и, мне кажется, дальше тут можно будет ходить безбоязненно.

Ответная стрельба никакого ущерба не наносила, жалко только было пробитых парусов, которые теперь придётся штопать на первой же стоянке. Вскоре ответная стрельба совсем прекратилась, и можно было заняться удирающими баркасами. Уходящие в сторону своего берега пираты даже не стали отстреливаться, когда наши ладьи начали их уверенно догонять. Ещё бы, заряженные скорпионы, да нацеленные прямо в лицо, никак не способствовали бодрости духа и продолжению баталии. Догнав и зажав баркасы с двух сторон, взяли на прицел сидящих на вёслах и потерявших прежний боевой задор пиратов и предложили им сдаться. Получив вынужденное согласие(а куда им деваться), приказал старшим подняться на борт. Да и как им было не согласиться, когда у казавшейся такой лёгкой и сооблазнительной добычи оказались крепкие смертоносные зубы. Глядя на кряжистые фигуры с коричневыми от загара и ветра лицами думал, что им сказать. Дождавшись, пока старшины с баркасов поднимутся ко мне на борт, посмотрел в глаза:

– Шли себе спокойно мимо, никого не трогали. И зачем было на нас нападать? Вот и думаю теперь, что же с вами делать? Пострелять всех или повязать, да продать? Что скажете?

Помолчав, сделал было шаг вперёд стоящий сбоку немолодой колоритный персонаж в хорошей кожаной броне с металлическими бляхами. Да только мои дружинники резко осадили его и вынудили остаться на месте. Так сказать, во избежание... Колоритный персонаж. Густые рыжие волосы на голове были перехвачены повязкой, чтобы не мешали в бою. Переступил с ноги на ногу:

– Хотел бы пострелять, так пострелял бы сразу. И повязал бы нас – тоже сразу. А коли начал разговоры разговаривать – значит, есть к нам какое-то предложение.

– Правильно думаешь. Есть предложение к вам. Собирайте выкуп за всех. И за ваши баркасы, и за поселение на берегу и привезите сюда, не вынуждая меня терять время и силы на то, чтобы уничтожить всех вас в море, а потом ещё высаживаться на берег и зачищать всё ваше пиратское гнездо. Добычи я получу, конечно, гораздо больше, но и хлопот будет тоже немало. Да и наверняка будут потери среди моих людей, а мне бы этого очень не хотелось. Опять же времени уйдёт много. Поэтому предлагаю вам побережь моё такое драгоценное время, сохранить ваши жизни тут, и жизни ваших людей там, на берегу, и решить вопрос с выкупом положительно.

Решайте сразу. Вариантов ответа – два. Или – да. Или – нет.

– Посовещаться можно?

– Конечно. Только недолго.

Собравшись в круг, пираты молча смотрели друг на друга, кивая или покачивая отрицательно головой. Интересно они тут совещаются – нам бы так уметь. Наконец, придя к какому-то общему решению, пират повернулся ко мне.

– Мы согласны. Требуется обсудить размер выкупа. Только...

– Только не будем ссылаться на бедность, на малых деток и плохую погоду. А то я не знаю, как вы тут проходящие суда грабите и рыбаков обираете. Да ещё и дань с окрестных поселений собираете. Поэтому – ближе к делу.

– Размеры надо обсудить. Чем брать будешь?

– Монеты, слитки, украшения, мягкая рухлядь, солнечный камень. Договориться всегда можно.

– Сколько с баркаса и с воина?

– Твои предложения?

Пират оглядел ладью, остановился взглядом на штабелях кирпича и черепицы, на уложенных ровно досках, осмотрел дружину, оцетинившуюся во все стороны арбалетами.

– Хорошая была бы добыча, если бы не кусалась. – Прокомментировал я его осмотр. – Богатая. По дешёвке не купишь. Не продешевлю.

– Десять гривен серебра за всё. – Выдохнул морской бродяга.

– И вот что я сегодня такой добрый? Почти согласен на эту цену, только вот маловато. Добавил бы немного. – Посмотрел в глаза пирату.

– Ещё пять. Больше не дадим. Можешь делать с нами, что хочешь.

– По рукам. Дуй на свой баркас и гребь к берегу. Ждём тебя тут.

Баркас с пиратом ушёл к острову, а мы приготовились ждать. Может, я и продешевил, кто знает?

После не так уж и долгого ожидания, показался возвращающийся баркас. Смягчив толчок руками, старшина пиратов перепрыгнул на борт и, зыркнув глазами по сторонам, выложил мне кучку рубленного и ломанного серебра.

– В расчёте?

– В расчёте. – Подтвердил, не став пересчитывать и перевешивать. На глазок где-то так получается.

– Мы можем уйти?

– Можете. На несколько вопросов ответишь?

Пират дал отмашку рукой, и баркасы начали уходить в сторону берега.

Пара понеслась к месту прошедшего боя – это правильно, надо подобрать своих товарищей. Потом обернулся ко мне, настороженный:

– Отвечу. Если не во вред нам.

– Не волнуйся. Сразу скажу. Видишь, флаг на мачте? Вот на такие суда прошу не нападать. Во-первых, можно огрести не слабо, как сегодня. А, во-вторых, можем прийти и отомстить. За нами не постоит. Понял?

– Понял. Не будем нападать. За другие места не скажу, а ваши отныне проливами могут ходить спокойно.

– Теперь вопрос. Почему у вас только баркасы? Других судов нет, что ли? Вы же нападаете на любые суда, судя по тому, как на нас кинулись.

– На баркасах удобнее всего. Суда есть, да с ними команды большие нужны. Нам бы драккары – вот это дело. Да где их взять? В море их не возьмёшь, скорее, они тебя возьмут.

– А что у вас за суда? Почему спрашиваю? У меня есть несколько драккаров, которые я мог бы или продать вам, или поменять на подходящее мне судно.

– Если не боишься, пошли с нами на берег и сам своими глазами посмотришь. Только твои ладьи пусть тут останутся.

– Договорились. – Кивнул утвердительно головой и уже добавил своим:

– Ждан, я на берег, с пиратами. Остаёшься старшим. Если не вернусь к вечеру – рассчитаетесь за меня.

Не слушая возражений, посыпавшихся со всех сторон, я перепрыгнул на палубу баркаса. Со второй ладьи закричал Мстиша, прося взять его с собой. Глянул на пирата, тот пожал плечами, повернул чуть свою посудину и десятник прыгнул ко мне.

– Куда ты без меня? Не пущу одного. – Наклонился ко мне красный от гнева товарищ.

– Не переживай, всё будет хорошо. Мы с ними ещё союзниками будем.

Стоящий рядом старшина пиратов удивлённо на меня посмотрел, и скомандовал навалиться на вёсла.

Когда подошли ближе, я смог осмотреть частично вытасщенные из воды корабли. М-да, добра тут не было. Сохли несколько пузатеньких и коротких лодий, что-то похожее на одномачтовый неф и баркасы разных размеров. Заодно бросил быстрый оценивающий взгляд на поселение на берегу. Среди деревьев виднелись неказистые деревянные домишки и белые пятна лиц. Много разглядеть не удалось, так как остальные постройки прятались вдали от берега.

– Теперь понимаю, почему вы на баркасах по морю бегаєте. Говоришь,

драккары тебе нужны? Хороший драккар стоит как три таких поселения, да ещё и вместе со всеми жителями.

– Пойдём за мной.

Баркас зашелестел днищем по песку и замер, уткнувшись носом в берег. Вслед за пиратом перепрыгнул на золотистый песок пляжа, дождался последовавшего моему примеру Мстишу и поспешил за морским бродягой.

Пройдя через всё поселение, подошли к самому большому дому, обнесённому красивой изгородью. Ну, как большому? Относительно остальных домишек, конечно, большому. А так почти такой же, ничем не примечательный. В дверном проёме нас встречала высокая, средних лет, крепкая женщина со светлыми волосами, убранными под головной убор. Своего мужа, а на кого ещё может с такой любовью так смотреть женщина, жена встречала с понятной тревогой в глазах и радостью видеть его целым и невредимым. Ну а нас, понятное дело, встречал уже совсем противоположный взгляд.

Шедший немного впереди пират задержался в дверях, обменявшись взглядом с хозяйкой, и шагнул через порог. Идти за ним? Так приглашения не было. Да и лезть напролом через эти пышные бастионы в юбке, которыми перегороден дверной проём, не хотелось. Поэтому постоим, подождём.

Позади за изгородью, в полной тишине, начала накапливаться толпа, состоящая в основном из женщин и детей. Повеяло нарастающей напряжённостью. Не любят нас тут, а ведь я такой белый и пушистый. А что у них мужей и отцов побили, так я не виноват. Не я первый начал, зато первый закончил. Умнее будут. Глядя в глаза стоящей передо мною хозяйки, медленно поправил перевязь с ножами и демонстративно опустил левую руку на рукоять меча, краем глаза заметив точно такое же движение, стоящего рядом Мстиши. Игнорировать глупо, такие вещи нужно сразу пресекать, иначе на голову сядут. Успел ещё заметить, как плеснуло болью в глазах женщины, и опустил тяжёлый взгляд, перестал испепелять меня слепящей ненавистью. С такими союзниками пистолет всегда под подушкой держать надо. Или кинжал. Посмотрим. Взять нас тут – не возьмут, не рискнут. Да и хозяин поселения вроде бы слово дал. Хотя, женщин и детей недооценивать не стоит, мало ли какая вожжа под хвост попадёт – им и хозяин не указ, у них свои тараканы в головах. Наконец, спустя несколько тягучих мгновений, вернулся хозяин, рыкнул на столпившихся поселян и пошёл вперед через расступающуюся толпу, на этот раз позвав нас за собой. И пошли мы обратно к баркасу. И что это было? Зачем надо было вести нас через весь посёлок, дать постоять перед

народом, и сразу же вернуть назад. На слабо проверил, или что-то другое? Не буду голову ломать, дойдём до баркаса – узнаем. Так и идём, сопровождаемые молчаливой толпой позади.

Вышли на берег – вот оно в чём дело. К берегу подошли все недобитки – выгружают раненых и убитых. Специально время тянул, чтобы нас толпой взять? Да нет, глупости. Наши ладьи подошли ближе и недалеко маячат, одна и рядом вторая. Дружина наготове, острия арбалетов нацелены как раз на выгружающихся пиратов. Шансов у них немного, но всё равно страшно. Да и Мстиша сзади задышал нервно, слышу, как тонко зазвенел, запел медленно вытягиваемый из ножен меч.

Да и я крепко сжал метательный нож в руке, найдя взглядом уязвимое место выше брони переговорщика. Представил, как нож разрежет шейные хрящи и брызнет алая горячая кровь на золотистый песок солнечного пляжа.

Видать, почувствовал что-то такое в воздухе пират, обернулся, мгновенно оценив нашу реакцию на окружение. Приподнял обе руки чуть вверх, выставив их перед грудью:

– Я слово дал. Не будет ничего. Никто не нападёт. Пошли.

Пройдя через медленно расступающихся перед нами пиратов, подошли к баркасу и, повинувшись приглашающему жесту, первыми перелезли через борт. Тут же нас практически на руках вынесли за линию прибоя и сильно толкнули вперёд. Команда ударила вёслами, удерживая его на одном месте и дождалась, когда через борт перелезет старшина. Подошли к нашей ладье и мы перебрались к себе, незаметно выдохнув с облегчением.

– Смотри, что у меня есть за драккар. – Вывернул на доски палубы содержимое своего мешка пират.

Засверкало, пуская блестящие лучики золото на украшениях, заискрились самоцветные камни.

– Да тут у тебя золота не на один драккар. – Медленно проговорил я, смотря на пирата.

– Мне надо три или даже четыре. Золота тут много. Хотел бы ещё купить таких же самострелов, как у твоих воинов и наконечников для стрел. Железо у тебя очень хорошее – наши доспехи для них не помеха. Посмотри, какие драгоценности. Хватит на всё.

Задумался я, осмотрелся вокруг. Понравилось мне, что дружина внимательно посматривает по сторонам, бдительности никто не потерял. Золото, это, конечно, хорошо. Но продавать оружие в руки потенциального, пока, противника... Как-то не хочется. Ещё немного подумая.

– Золото у тебя хорошее. Можно и продать тебе три драккара, только зачем тебе столько? Людей-то у тебя на один еле-еле наберётся?

– Людей набрать можно быстро. Было бы куда набирать.

– Ну да, может, и наберёшь ты людей. А куда ты их поселишь? Остров-то у тебя маленький. Понимаю, если бы ты на большом острове жил – там можно развернуться. А тут?

Задумался пират, посмотрел оценивающе, дернул уголком рта:

– Тут так, только летом живём. А всё остальное – на том острове. Поэтому и нужны нам драккары и оружие.

– Уговор такой. Я могу продать тебе три драккара. Но мне нужны твои гарантии, что ни один пират не нападёт на суда под нашим флагом. Ты можешь дать мне своё слово?

– Я могу дать тебе слово за всех островных старшин. Если у меня будут эти драккары и твоё оружие – я стану старшим над всеми ватагами на островах и моё слово будет твёрдо.

– Хорошо. Ещё, если у тебя будет много людей, то тебе постоянно нужно будет и новое оружие и новая броня для них. Я предлагаю заключить между нами торговый союз. Сейчас я иду по своим делам, а на обратном пути можем встретиться и забрать тебя в наш город. Посмотришь, где мы живём и какие у нас есть товары. Там и договорим обо всём. А сейчас забирай своё золото и жди нас через две недели. Я подойду сюда же. И подумай хорошо, посоветуйся, если есть с кем.

Распроставшись с пиратами, продолжили своё плавание и через две ночёвки уже швартовались на причале Даниэля.

Вскоре подошёл и сам купец, оглаживая довольным взглядом наши загруженные ладьи. Не откладывая дела в дальний сундук, сразу же начали разгрузку большой ладьи. Юлой крутились вокруг помощники Даниэля, проверяя качество и подсчитывая количество выгружаемого товара.

Якобы невзначай показал наше стекло. Сразу же Даниэля заинтересовала цена, потому что венецианское стекло было очень дорогим, и только самые зажиточные горожане могли себе позволить такое удовольствие. Немного поторговались и, согласовав желания и хотения, с превеликой осторожностью выгрузили хрупкую продукцию. Разместив на постой команду в таверне у пристани, оставив караульных, пошли с купцом на уже ставший обязательным, ужин. Только Первуша со своими помощниками решил остаться на ладье. Ну и хорошо – всё присмотра больше будет. Подтянули малую ладью вплотную к борту и пришвартовали. Пусть рядом стоят, благо, места много.

Закрыв свою лавку, купец посвятил остаток дня подсчёту товара и

расчёту с нами. Деньги, пока, договорились оставить у Даниэля, заберём завтра. Во время ужина предварительно условились насчёт обучения парусному делу Бивоя с командой. Вот, в следующий раз, и останутся тут – будет кому-то длительная командировка. Посмотреть на суда я отказался, так как они меня не устраивали по причине довольно скромного хода и большой осадки. А размещать заказ по своему проекту пока не хотелось – зачем отдавать новые знания в руки потенциальных конкурентов и врагов. Пусть потихоньку Бивой опыта набирается, а там постепенно и построим такой парусник, какой мне будет нужен.

Как бы невзначай выпросил купец и о грузе второй ладьи. Почему не стали разгружать сразу, или ещё куда-то пойдём торговать? Скрывать было нечего, и я рассказал о своих планах посетить Рюген и Готланд. Расстроился Даниэль, да делать было нечего. В разговоре договорились назавтра пройти по оружейным и бронным мастерским, посмотреть готовые изделия.

Утром проснулся поздно. Внизу уже никого не было – все разошлись по делам, и завтракать или скорее обедать мне пришлось в гордом одиночестве. Дождавшись радостного и довольного сделкой купца, отправились в город. К сожалению, ничего стоящего моего внимания я не нашёл. Всё, что было выставлено на продажу, мы у себя в мастерских делали гораздо лучшего качества. Даже самострел, привезённый, якобы, из Испании, превышал наши изделия по весу и габаритам почти в два раза. Да и по внешнему виду их даже рядом нельзя было ставить. Это примерно то же самое, как выставить на сравнение крутой лимузин и простую телегу. И то и другое может ехать, но гораздо комфортнее всё-таки ехать на лимузине. В бронной мастерской повторилась та же история – наша кольчуга, с пластинчатой бронёй, была и прочнее, и легче почти такого же местного аналога. Но, всё равно купил десяток простых кольчуг – дома доделаем. Хоть сэкономим время и силы на плетении. Взял бы и больше, но у мастера не было, поэтому тут же договорились с Даниэлем и заказали ещё три десятка точно таких же. Оставил задаток и мастер принял заказ. Деньги уходят, как вода.

Вернувшись к пристани, распрощался с купцом, договорившись о встрече вечером у него дома.

Зашёл ещё в трактир – надо же было проконтролировать, как разместились дружина. Десятники своё дело знали твёрдо, нареканий не было, порядок держали крепкими руками.

До ужина просидели с Дрёмой в моей каютке – подсчитывали доходы и расходы. Хитрюга не стал продавать всю пушнину сразу, а располовинил

её, и теперь с нетерпением ждал прихода на Готланд. Время пролетело незаметно, и подошла пора выдвигаться в сторону дома Даниэля. Да и желудок уже предательски урчал в предчувствии вкусного ужина.

Идти было недалеко, сумерки только опускались на город, отбрасывая длинные тени, и я решил пойти один, без охраны. Дом-то вон он – рукой подать. Вот на этом рукой подать я и погорел. Хорошо, что свой броник я никогда не снимаю. И даже не слышал, как ко мне кто-то подкрался. Только ощутив резкий тупой удар сзади с правого бока, и, расслышав скрежет железа о добрую сталь броника, очнулся от размышлений. К счастью, включился в работу тот мозг, который не привык раздумывать, а сразу предпочёл действовать. Это тот самый, который находится пониже шеи и повыше места, на котором сидят. Который действует на инстинктах. Спинной. Правая рука выхватила нож уже в развороте и, с одновременным размахом, описав полукруг, я развернулся назад, удачно чиркнув по шее первого напавшего и выхватывая взглядом сразу же захрипевшего татя. Зазвенел о камни выроненный нож, схватился за горло напавший на меня разбойник, а я уже плавно и медленно уходил в сторону, выбирая позицию для удачного броска. Вынырнувших из-за угла здания троих подельников встретил броском с двух рук, как только увидел блеск стали у них в руках. Третьего пришлось убивать уже в спину – мгновенно среагировав на смерть своих товарищей, тать пригнулся, и, полуприсев, метнулся назад. Уже скрываясь за углом здания, получил мой подарок в подмышку и загремел на землю, оставив подёргивающиеся ноги у меня на виду.

Всё произошло за мгновение – я только сейчас выдохнул. Постоял, прислушиваясь. Вокруг плескалась тишина, разбавленная приглушёнными звуками затихающих после трудового дня пристаней, и еле различимыми вдалеке пьяными криками гуляющих моряков в таверне. Никого. Вот и хорошо. Быстро проверил тела, живых нет – добивать никого не надо. Собрал свои ножи, попутно срезал кошель, у кого они были. Охлопал карманы – ничего стоящего, даже заморачиваться не буду. Нырнув в тень, осторожно пошёл дальше. Через пару шагов, наконец-то, проснулся основной мозг и не нашёл ничего лучше, как впрыснуть мне в кровь хорошую порцию адреналина. Вот спасибо, только этого мне и не хватало. Тут бы послушать, да пройти осторожно, а вместо этого в ушах шум, да заполошный стук сердца. Пришлось прислониться к стене и постоять, подождать, пока отойду. Да-а, ещё ни разу за всё прошедшее время я не чувствовал так близко чужую сталь у своего, такого драгоценного для меня, тела. Но вот шум в ушах наконец-то начал стихать и я решил потихоньку двигаться вперёд – надо же лишний адреналин сжигать. Так, всё сильнее

ускоряясь, почти добежал до дома купца и, постучав в ворота, проскользнул через открывшуюся калитку. Хотя и недалеко, но чуточку вспотел. Зато полегчало. Сначала никто ничего не понял, пока не увидели порезанный кафтан у меня на спине. Ужин намечался семейный, поэтому вокруг сразу же встревоженно загалдели, засуетились домочадцы купца, окружив меня плотным кольцом. Детишек быстро прогнали прочь, а меня заставили быстро скинуть одежду и жилет, потому что никому не верилось, что всё для меня обошлось без последствий. За исключением, конечно, испорченных вещей.

С удивлением домашние рассматривали спасший мне жизнь броник, и, судя по задумчивым взглядам, бросаемым мадам Даниэль на своего супруга, вскоре и он никуда не будет выходить без такого важного, как оказалось, элемента одежды. И это правильно – хороших людей мало, и их надо беречь, высказался я в этом духе, заработав себе огромный плюс в женских глазах.

– Давно никто не нападал на моих гостей. – Проговорил купец.

– Потому что магистрат лишний талер не потратит на то, чтобы патруль стражи хоть раз обошёл улицы. Только налоги с нас берут, а порядка, как не было, так и нет. Сидят в своих караулах, дармоеды. – Вместо меня ответила супруга купца.

А я и промолчу, потому что мне сейчас лучше послушать, что об этом происшествии скажут местные жители, которые не из последних в этом городе. Потому как слабо верится, что вот так вот взяли и напали на первого встречного, да ещё и сразу наповал валить стали, даже не поговорив перед этим, как полагается. Необычно как-то.

– Думаю, подсмотрели, как ты у бронника заказ делал, да задаток оставлял. Вот и решили подкараулить. Деньги-то не маленькие.

– Кстати, я с них кошельки посрезал. Надо бы глянуть, что там.

Подошёл к своему кафтану и вытащил из карманов два кошель и кучку монет россыпью. Всё содержимое вытряхнули на стол и супруги склонились над раскатившимися монетами.

– Что-то монет уж больно много для портовых грабителей? А тут и золото имеется. Неслыханные дела.

– Значит, кто-то из наших недоброжелателей попросил прервать наше компанейство. Кому-то оно покоя не даёт. Даниэль, кто тут тебе завидует так, что готов пойти на такое грязное дело?

Задумался купец. Замолчала и его супруга, комкая в руках тонкий платочек. Переживает за мужа... Ну и за доходы, конечно. Потрескивает в наступившей тишине фитиль масляной лампы. Протопала стража за

оградой. А говорят, их совсем не видно. Топают же.

– Не думаю, что у кого-то хватит сил или наглости пойти против меня. – Очнулся от раздумий купец. – Скорее всего, это случайное нападение на тебя. Похоже, и впрямь кто-то увидел, как ты доставал деньги и рассчитывался в мастерской, народу-то вокруг хватало.

Народу-то и впрямь было не мало. Да вот только посторонних там никого не было – только мастера и подмастерья, ну и мы с Даниэлем. Но говорить я об этом не буду – может быть, потом наедине и задам вопрос купцу. Да и не думаю, чтобы у портовых татей золото, просто так, в карманах водилось.

Оделся в свои вещи, правда, пришлось порезанный кафтан оставить купцу – обещали к утру заштопать. После ужина, по настоятельной просьбе Даниэля, остался ночевать. Бережённого бог бережёт – к двери поставил стул с кувшином, а с окном было проще – закрыл ставни и всё. Да свои ножи под подушку положил и завалился спать.

Ночь прошла спокойно, кошмары не мучили и ночные тати привидениями по мою душу не являлись. Проснулся от тихих голосов за дверью. Полежал, прислушиваясь, пока не понял, что это мои хозяева размышляют – будить меня или нет. Пришлось громко просыпаться, открывать двери, на всякий случай сунув сзади за пояс один из ножей. Может и паранойя, но зато я цел и здоров. Так что – здравствуй, паранойя!

Приведя себя в порядок, спустился в гостиную, где меня уже ожидало всё семейство за накрытым столом. Извинившись за опоздание, сел на своё место и начал вспоминать правила этикета, когда-либо мною читанные. Конечно, сомневаюсь, чтобы этот самый этикет тут существовал в такой развитой форме, как у нас, но ведь что-то же должно уже быть. Так что надо не ударить в грязь лицом и показать, кто из нас живёт в отсталой и варварской Европе, а кто – приехал из цивилизованной Азии.

Думаю, что я немного переборщил со своими манерами, потому как всё время ловил на себе удивлённые взгляды всего семейства, вкуче со слабыми попытками копировать моё поведение и обращение с вилкой и ножом. Да ещё когда я закрутил головой в тщетной попытке найти какое-нибудь полотенце или салфетку, чтобы вытереть пальцы. Тут пока обходились общим тазом с тёплой водой.

После завтрака пришлось вытерпеть очередную экзекуцию – супруги пригласили лучшего портного и заказали мне новый кафтан вместо испорченного. Как раз к следующему моему приходу и будет готов. Коли так, воспользовался моментом и заодно заказал несколько тонких рубашек – пусть будут. За свой счёт, само собой. Мужественно пережив встречу с

портным, отправился на пристань, где начали готовиться к отходу. Распрощались со всеми и взяли курс на север, благо, карта уже какая-никакая была, и она постоянно нами уточнялась и пополнялась – прорисовывались берега и острова. Обошли длинную узкую кишку мыса, и повернули на запад, держась недалеко от берега, нанося новые штрихи на карту.

Глава 17. Пожить бы во Пскове, поесть бы соли пястками(поговорка)

Вечером следующего дня подошли к северной оконечности острова. Белые меловые скалы с тёмно-зелёными шапками леса постепенно вырастали из-за горизонта. Судоходство в этом районе было оживлённым, и нам, как всегда, пришлось держаться настороже. Руги ещё те ребята – палец откусят и не заметят, что следом ещё и голова с ногами проскочила. Как советовал Даниэль – подошли к берегу, выбрали местечко для стоянки, и затерялись среди множества кораблей. Кого тут только не было. Ощущение такое же, как будто попал в час пик в московское метро – к стоянке реально пришлось протискиваться, придерживая соседние борта руками. Так и ткнулись в берег. Можно было бы и причалить где-нибудь в сторонке, да нельзя нам. Всё-таки княжеские посланцы. Со всеми было обговорено неоднократно, кто и куда отправляется на острове. Поэтому мои купцы отправились по своим делам, ну а я с парой своих, уже привычных мне бойцов, начал открывать для себя дорогу к храму.

Подходя к высоким насыпным валам с деревянным тыном поверху, поневоле сравнивал их с Псковскими укреплениями. Сравнение получалось в нашу пользу. Да и выглядят наши дружинники всё-таки покрупнее местных, и покрепче будут (не зря их Изяслав гоняет), да и броня с оружием у нас попримечнее. Так, за размышлениями, не заметил, как добрался в общей толпе народа до храма. Большой холм, окружённый волхвами, белый плоский огромный жертвенный камень, на котором лежит туша большого животного. Проходим мимо – мне другое нужно. А, вот и главный храм. Прохожу под своды мимо стоящего караула, провожаемый тяжёлыми давящими взглядами. Впереди – впечатляющая статуя. Четыре искусно вырезанных суровых лица глядят на четыре стороны света. Мощные деревянные руки сжимают лук и меч, и ещё что-то, невидимое с моего места. Пробую подойти ближе, и, внезапно, статуя поворачивается ко мне, все лица собираются в одно, пронзительный взгляд из-под нахмуренных бровей обретает живую силу и в голове моей взрывается калейдоскоп образов. Чувствую, как меня подхватывают под руки мои дружинники – голова плывёт, а стены храма – выплывают хоромовод вокруг меня. Наконец, всё успокаивается, и я слышу знакомый голос:

– Радует меня, что ты смог сюда добраться. Вижу – сил у тебя

прибавилось, и успехи твои, в деле укрепления веры нашей – заметны, но, ещё недостаточны. Перестали волхвы в храме слышать меня – льют жертвенную кровь нам на радость, а для чего льют – не понимают. Забыли. Давит их вера чужая со всех сторон – недолго стоять Арконе осталось. Только на востоке ещё берегут исконные заветы, да тоже – времени совсем мало осталось. С юга напасть идёт на русскую землю. Укреплять людей надо – пропадём иначе, в забытии сгинем. Помни предназначение своё – храни древний покон и веру исконную. Так лучше будет для всех. Колеблется чаша бытия – выровнял ты пока весы. Так и дальше живи.

Опять закружился хоровод стен, хлопнуло изображение, распадаясь на четыре разных фигуры. Шагнула вперёд одна из них, поднесла к моим губам полный рог – наклонила, заставляя выпить. Пронёсся огонь по горлу, упал в желудок.

Очнулся я на траве возле храма. Над головой весело плещется в голубом океане безоблачного неба жаворонок. Вокруг меня, в нескольких шагах, народ толпится. Попытался встать и не получилось – лежу в какой-то яме. Выкарабкался всё-таки – обматерив своих дружинников и дождавшись, наконец-то, от них помощи, в виде протянутой руки. Напрягала мёртвая тишина вокруг, нарушаемая только что произнесенными мною ругательными словами, да пением жаворонка в вышине.

Столпившийся народ смотрит то на меня, то на канаву, из которой меня выдернули. Оглянулся и я посмотреть, куда это я свалился. Чёткий контур моего тела глубиной сантиметров в сорок. Ничего я провалился.

– Кто меня сюда прикопал? – Спрашиваю у дружинников.

– Боярин, вынесли тебя из храма – сомлел ты там. Положили на травку на солнышко, а ты начал в землю уходить. Таять под тобой землячка начала-то ... А потом и очнулся ты... Вон волхвы бегут, скажут сейчас что-нибудь умное.

Чувствую себя отлично – сил прибавилось, зрение такое, что у жаворонка, парящего в вышине, каждое перо вижу. Воздух все запахи мне приносит и обо всех рассказывает. Вот и поговорили...

Тут и волхвы набежали, забыв о своём достоинстве и солидности. Подхватили меня под руки и понесли, в буквальном смысле, назад в храм, где и устроили форменный допрос с пристрастием. Будучи в ошеломлении от приключившегося со мной, не стал что-то скрывать и рассказал обо всём, произошедшем со мною в храме, без утайки – пусть сами разбираются. Правда, кое-что добавил из своих знаний о будущем – лишним не будет, а нужное впечатление произведёт и усилит. Свои выводы о произошедшем со мной – пусть при мне так и останутся. И говорить, кто

я и откуда – не стоит. Будимир знает и этого достаточно.

Посидев на каменной скамейке и придя в себя, отмахнулся от дальнейших расспросов и вышел на улицу. Прошёл в полной тишине через расступившуюся толпу, и направился в сторону гавани – сейчас мне лучше побыть среди своих. Да и Дрёма уже, наверное, какие-то результаты с торга принёс. Дошёл до пристани, народ не отставал – так и следовал в отдалении, негромко переговариваясь между собой. Увидев такую толпу, на некоторых судах забили тревогу. Пока шёл – меня не покидало ощущение того, что вот захоти я – и сразу могу переместиться к ладьям. Этакое состояние всемогущества. Хорошо ещё, что не вседозволенности. Это так бывает, когда подходишь к краю пропасти, и появляется уверенность, что ты можешь летать как птица. Конечно, если сильно поверишь в это, то обязательно полетишь.... до дна-то точно. Особенно, со вседозволенностью.

Успокоив дружину, подошёл к Мстише.

– Что случилось? Почему все в полном боевом?

– Ты посмотри, боярин, какая толпа народу за вами идёт, и волхвы с ними. Случилось что?

– Случилось. Поговорил с богом в храме, вот народ и не может успокоиться. Видать, давно тут такого не было.

– Как это? – Отшатнулся десятник. Глаза распахнул на пол лица.

– Да шучу я, шучу. Что ты как все – дурака-то включаешь. Скажи-ка лучше, Дрёма пришёл? – Переключаюсь на другую тему.

– Приходил, да опять убежал. Тебя ищет. Да вон он бежит, неугомонный. А что за слово такое – включаешь?

– Это с моей родины поговорка такая. Когда явные глупости делаешь.

– А-а, понятно.

Обернулся. Мимо толпившегося народа трусцой протрясся наш большой торговый человек, добежал до ладьи и, отдуваясь, проговорил:

– Боярин, на острове можно продать наш товар гораздо выгоднее, чем в Данциге. Я уже и с купцами договорился.

– Что тут выгоднее, это и так ясно. Чем дальше от Пскова – тем наш товар дороже. Чем расплачиваться-то будут? Как договорился?

– Серебром рассчитаются. Нам же так лучше?

– Конечно. Молодец!

– Готовы всё забрать. Только, если мы распродадимся, что тогда в Готланд повезём?

– Если всё продадим, тогда и в Готланд не пойдём. Лучше ещё ходку сделать, чем впустую по морю ладьи гонять. Дрёма, тут овец много – надо

бы нам шерстяной ткани прикупить. На зиму одежду пошьём. И – нам свинец нужен. На две новых ладьи. Ищи и договаривайся. Только поспеши. Как все вопросы решишь, так сразу и отчалим.

Дрёма развернулся и заторопился назад, а я забрался в каюту. Надо мне спокойно подумать, случившееся со мной проанализировать. Напрягло меня очень то, что я в землю, почти по самые уши ушёл, и вот это меня сильно озадачивало. Придём домой, и, если не свяжемся с продажей драккаров пиратам – срочно к Верховному. Пусть растолковывает. Да и Перун обещал со мной там поговорить.

Улёгся на койку, прикрыл глаза – и завертелось, закружилось перед глазами воспоминание о сегодняшнем посещении храма. Нет, надо уходить отсюда, а то волхвы покоя не дадут.

На палубе загомонили. Радостно-возбуждённым голосом прорезался через шум Дрёма, протопал ногами и, спросив разрешение, просунул голову в дверь:

– Боярин, покупатели готовы забирать товар. Не передумал? Будем всё продавать, или оставим половину для Готланда?

– Неверно ты, Дрёма, приоритеты расставляешь. Что значит – покупатели готовы забрать товар? Это в корне неправильно. Правильно будет сказать, что покупатели готовы сначала полностью с тобой рассчитаться! А потом уже могут забирать товар.

– А-а, ну так-то, да. Точно! Покупатели готовы рассчитаться за весь товар! Будем всё продавать?

– Дело купеческое. Вот ты и решай, как нам будет удобнее и выгоднее.

– Боярин, тогда я всё продаю. Что мы будем почти впустую, да ещё и на двух ладьях, моря бороздить? Лучше быстрее домой вернёмся, загрузимся и ещё ходку сделаем.

– Уговорил, купец языкастый. Продавай. Да передай всем. Как расторгнемся, так сразу домой пойдём. Пусть готовятся к отходу. Да про задание моё не забудь. Как всё исполнишь, так и выходите в море.

Вот теперь правильно мыслит. Мои думки быстро перенял. Да и ладно, лишь бы польза была.

Дрёму как ветром сдуло, на палубе закопошилась дружина, послышались невнятные звуки скорых сборов. Надо бы выйти наверх и проконтролировать выгрузку. Как только появился на палубе – над толпой народа, так и не ушедшей с берега, раздался радостно-восторженный выдох. Не-е, надо быстрее тикать отсюда. А то ведь могут в храм утащить и идола из меня сделать.

– Мстиша, передай Ждану. Как только купец все торговые дела

закончит, пусть сразу выходят в море. Мы их будем у восточного мыса на берегу ждать. Там и заночуем.

– Сделаю, боярин. – С этими словами дружинник перепрыгнул на борт стоящей рядом с нами ладьи, и исчез в водовороте разгружаемого товара и суесящихся грузчиков.

Вскоре десятник вернулся назад, утвердительно кивнув на мой невысказанный вопрос. Как только Мстиша оказался на борту, оттолкнулись от берега и осторожно выгребли на чистую воду, развернулись и пошли, набирая ход, на восток. Вскоре остались позади белые меловые скалы и, пройдя мимо большой бухты, подошли к песчаному пляжу мыса. Народа нет, можно спокойно переночевать. Выставили дозоры – лихих людей тут хватает. Уже почти в самых сумерках показалась вторая ладья, и Первуша плавно подошёл к берегу рядом с нами.

После ужина мои десятники попытались выпросить меня о произошедших на острове событиях. Пришлось отговориться непонятками, и необходимостью посетить Будимира для того, чтобы хоть что-то объяснилось.

Дрёма отчитался за проданный и купленный товар, но все точные подсчеты мы произведём дома, а пока просто подбили некоторые итоги и наметили приблизительный план дальнейшей торговли. Потом ещё немного посидели у догорающего костра, наблюдая, как выставляются дозорные и ставятся рогатки. Пока дружина готовилась ко сну, вместе с десятниками прикинули план ночной обороны. Так, на всякий случай. Доведя его до каждого бойца, наконец, все отбились, кроме дежурной смены. А я прошёлся по берегу, подышал морским воздухом, пошуршал подсохшими на солнце водорослями. Полюбовался на восходящую луну в серебре плывущих по небу редких облаков.

Оглянулся на засыпающий лагерь. Всё было видно как днём. Каждая складка местности, каждый камешек прекрасно просматривался, как и одинокий парус в море у далёкого горизонта. Что же я выпил из кубка? Это навсегда или скоро пройдёт? Вопросы множатся, а ответов нет. Надо домой, к верховному.

Дальнейшее плавание прошло спокойно. На траверзе острова Муху спустили паруса и подошли поближе к острову. Вскоре на баркасе прибыл старшина пиратов и перебрался к нам на борт. Весь обратный путь ветер благоволил и дул в корму, светило весеннее солнце. Пороги на Нарове мы прошли не задерживаясь, сходу. А ещё через день швартовались к родному причалу, рядом с недавно возвратившейся баржей. Поручив пиратского

вожака Мстише, принял короткий доклад от сторожей. Всё в порядке дома и это радует.

Памятуя о прошлогоднем своем ляпе, когда я не доложил вовремя князю о походе, сразу же после швартовки поспешил в Кром. И уже в воротах столкнулся с Трувором, выезжающем мне навстречу.

– Я уж думал, ты опять на доклад не поторопишься. Вот решил навстречу сам выехать. – Рассмеялся довольный князь, завидев меня.

– Работаю над ошибками, княже. – Заулыбался я в ответ. Как славно – князь живой и здоровый.

– Возвращаемся! – Отдал команду своему сопровождению Трувор, разворачивая коня.

Спешил у крыльца, обернулся ко мне и облапил радостно. Тут же и Горивой по спине поздоровался со всего маху. А сбоку, в плечо, прилетело ещё одно «здравствуй». Повернулся – Синеус!

– Князь, какими судьбами? – Опешил я. – Случилось что?

– Всё хорошо, пошли в терем. Там поговорим обо всём.

В терем, так в терем – поспешил следом. Подождали, пока накроют на стол, расселись. Утолив жажду и первый голод, рассказал про наш поход, ничего не скрывая, и особо выделив событие, произошедшее со мной на Рюгене. Чем немало озадачил присутствующих. Выслушал и местные новости, в которых не было почти никаких изменений. Всё по-старому. Идёт постоянная стройка. Синеус рассказал, что весь привезённый баржей товар с выгодой перепродал тут же в Новгороде, и, вместе с командой решил выбраться к нам – посмотреть на новшества и обсудить дела. Из нового – в Новгороде открыли мелкую лавку на торге. Решили разворачивать нашу разведывательную сеть.

Подкрепившись основательно, поразмыслив над новостями, выработали совместное решение – мне надо обязательно и, чем скорее тем лучше, отправляться к Верховному волхву в храм у Старой Ладogi. Поэтому, завтра, загружаем баржу стройматериалами, и я отправляюсь на ней к Будимиру. Трувор с Синеусом, на двух ладьях, пойдут в Данциг и на Рюген. Завтра знакомлю князей с пиратским вожаком, и мы заключаем с ним ряд о ненападении на наши суда, и о возможном торговом союзе. Будем скупать всё награбленное у пиратов, и начнём продавать им свои товары. После недолгого спора (Синеус хотел для себя отжать суда) решили, что продаём им три драккара и, за отдельную плату, буксируем к пиратским островам. Впрочем, пусть этим князья занимаются. Принципиальные вопросы мы обсудили, а в мелочах они и сами, лучше меня, разберутся.

Договорившись встретиться утром, поспешил к себе. Когда шёл мимо заснувших у причала судов, подумал о срочной необходимости дополнительного набора кормчих с командами. Пройдя в ворота и поприветствовав караульных, с радостью увидел ожидавшую меня живописную группу встречающих меня друзей. Пожалуй, хлопки по спине и по плечам от них мне были всё-таки более радостны и приятны. Ввалившись весёлой и гомонящей толпой в сени, встретились со строгой Миленой, скинули уличную обувь и обулись в комнатные тапки. Перед походом я случайно, в разговоре как-то обмолвился об этой полезной вещи, и Милена уже воплотила её в жизнь. Ну и отлично. Опять пришлось рассказывать о плавании, одновременно раздавая привезённые каждому подарки. Вот только о происшествии в храме пока ничего говорить не буду. А потом ужин перешёл в совещание с нарезанием очередных задач и пожеланий. Нам надо увеличивать и увеличивать срочно дружину и команды лодий. Укрупнять производства, пока наш товар пользуется бешеным спросом. Надо заложить ещё пару лодий на верфи и построить новую баржу – судов катастрофически не хватает. Как не хватает и купцов. Послед в этом плавании показал себя грамотно. А кроме Последа и нет у нас никого. В лавке обучаются люди, но сколько еще они будут обучаться. Может стоит нашим купцам в каждое плавание брать с собой по несколько помощников? Для практики? А потом выбирать из них наиболее толковых? Благо, сейчас народу для торговли у нас хватает.

Наконец, совещание закончили, и я отправился в свою любимую баньку, где и отвёл душу по полной программе. Компанию мне, как всегда, составил мой верный Головня, а Любава по установившейся уже традиции всунула в руки мужу большой кувшин холодного кваса с ледника. Ещё успел по дороге посвистеть Грому и тот быстро примчался, радуясь. Так и проводил меня до бани, а потом улёгся перед порогом, охраняя. Ну а мы всласть напарились. Товарищ мой вскоре попрощался и ушёл к себе, а я остался ночевать. Ну не было у меня никаких сил и желания топать домой. Мне и тут неплохо. Думал, засну сразу же, как только займу горизонтальное положение, ан, нет. Полночи прокрутился, перебирая в уме события прошедших дней. Известно, что ночью и думается легче, и решения находятся быстрее. Вот только почему-то с подъёмом все они забываются, или кажутся полной ерундой. Хорошо ещё, что осталось у меня твёрдое убеждение в том, что я, наконец-то, получил чёткий ответ, для чего я тут нахожусь. И уверенность в том, что иду по правильному пути. Так и пойдём. Но немножко своей дорогой. Да и по пути посчитаемся кое с кем. На этой мысли, наконец-то заснул.

С утра показывал наши товары Яну, пиратскому вожаку. Но сначала осмотрели драккары, которые решили продать. После этого проводил нашего гостя, впечатлённого до самой печёнки и свалившимся на него счастьем в виде просмоленных посуды, и нашими каменными стенами, и разнообразными товарами в Кром, где и представил его обоим князьям. Как ни пытался казаться невозмутимым Ян, но, узнав, кому он будет представлен – заметно струхнул. Ещё бы! В Северном и Варяжском морях имена Трувора и Синеуса были на слуху ещё до приглашения Рюрика на Стол княжеский в Новгороде.

Получив разрешение князей на продажу драккаров и оружия, Ян воспрянул духом, и попытался было сразу рассчитаться, но был остановлен мною. Ещё не хватало трясти золотом в присутствии князей – до того ли им? Может, они о высоком мыслят? Поэтому, быстро проводил его к нашему казначею, где и были совершены оценка и подсчёт предлагаемого к оплате золота. Рассчитавшись за драккары, Ян выразил желание прикупить изделия наших кузнецов на все оставшиеся деньги. Оставив договорённую сумму на буксировку, остальные деньги пошли в уплату за брони и луки со стрелами. Арбалеты, хорошо подумав, не решились пока продавать. Вот когда их начнут все вокруг использовать, тогда и мы впишемся в продажи. А пока – погодим.

Загрузили баржу, я отправился отдыхать, оставив все дальнейшие заботы князьям. Проще говоря, решил сачкануть от дел – устал что-то. Видать, просто так беседы с богами не проходят.

Утром позавтракал и, в сопровождении Грома, которого решил взять с собой, а также и Молнии, дошёл до причала, перебрался, еле поднимая ноги, через борт баржи, залез под меховую накидку и опять уснул. Проспал целый день. Ни волна в озере, гулко бившая в плоские борта баржи, ни разговоры команды на борту – ничего не могло меня разбудить. Расслабился. К вечеру мой измученный организм пришёл в порядок, и я проснулся. Но лишь для того, чтобы облегчить измучившееся нутро, да закинуть в желудок по-быстрому порцайку вкусной каши. После этого опять провалился в сон и проспал до утра. Ничего не слышал – ни как приставали и отчаливали от берега, ни как сновала туда-сюда команда. Да и снов-то никаких не помню – полное ощущение выключенного рубильника. Как вчера выключили – так и включили только утром.

А вот утро принесло мне новые сюрпризы. Всё, произошедшее со мной в храме на Рюгене, мгновенно разложилось по своим полочкам в голове, и я понял, что же я получил в подарок от Святовиды. А ещё говорят, что утро добрым не бывает. Бывает, и ещё как.

Теперь я могу видеть одинаково и днём и ночью, причём расстояние не играет никакой роли. Только надо хорошо настроиться на объект, который хочу увидеть. Точно так же и со слухом – можно слышать очень далеко, только необходимо навести свои пеленгаторы на нужный предмет. Эти способности можно, как бы, отключать – чтобы не мешали, и включать, пользоваться ими в нужный момент.

После завтрака подозвал Последа и потребовал у него подробного рассказа о прошедшем плавании, со всеми выводами. Очень меня интересовало, как справляется новый кормчий с командой, как себя ведёт дружина под командованием Данислава. Несмотря на свой возраст, молодой купец уже не раз доказывал правильность своего назначения на эту должность. Да и опыта в ребячьей разведке приобретено было много, вкупе с природной наблюдательностью. Так что выводам и анализу, сделанному Последом, можно было полностью доверять. Вот походит по маршруту Псков – Новгород, наберётся опыта, и можно будет его куда-нибудь подальше отпускать. Так и проговорили с ним до обеда. После обеда вышли в море, и пошли к устью Невы. Опасался, что в море волна будет сильно бить в днище. Однако мои опасения не оправдались, и ничего страшного не было – баржа точно так же, как и в озере, тихонько плюхала по волне.

Высавив меня с собаками на пристань Старой Ладogi, Послед отправился в Новгород с наказом – осмотреться в городе внимательно и собрать все возможные слухи. Обязательно заглянуть в нашу лавку на торге и поговорить с тамошним лавочником. Впрочем, бывшего старшину ребячьей ватаги следопытов-разведчиков, учить не надо – он ещё и сам кого хочешь научит. По приходу в Новгород ему необходимо согласовать продаваемый товар с нашими купцами на торгу, а всё оставшееся или пусть сам продаёт, или сбывает через Гостяту, которого мы почему-то давненько у себя не видели. Не случилось ли чего? Задач я нарезал Последу много, но должен справиться – опыта у него хватает. На обратном пути встречаемся в Ладогe. Если меня не будет – пусть ждут, дожидаются. Другой дороги у меня на этот раз нет.

Посмотрев вслед уходящей барже и пожелав ребятам мысленно всяческих успехов, обернулся к подошедшей страже. Баржу нашу тут уже знали, вспомнили и меня. Даже, наверное, не столько меня, а моего Грома. А меня уже вспомнили по собаке. Пока разбирались, на пристань пришёл и вызванный стражниками старший дружинник Родогор, с которым мы были хорошо знакомы ещё с прошлого года по совместному походу в Новгород и Псков. Дружинник, как и Изяслав, за прошедший год сделал хорошую

карьеру, и теперь так же носил звание сотника, впрочем, вполне им заслуженное.

Отказавшись от обеда и кратко объяснив цель своего приезда, распрощался с дружинниками и потихоньку, не спеша, направился в сторону лесного храма. Коня просить не стал – было большое желание пройтись спокойно по весеннему лесу, полюбоваться нежными коврами цветущих подснежников, послушать пение птиц, и просто подышать лесным воздухом. Собаки пропадали в лесной глуши, периодически выныривая из-под мохнатых еловых лап. Убедившись, что всё в порядке, опять неслышно исчезали. Остановился на отдых у большого ручья, или, можно сказать, у маленькой речушки – захотелось пообедать. Костерок разводить не стал – перекусил всухомятку. Набегавшиеся собаки сунули свои озабоченные морды ко мне и, получив по куску хлеба с мясом, улеглись рядом, вывалив розовые языки и капая на меня слюнями. За что и были немилосердно отпихнуты в сторону. Повалявшись полчасика, понаблюдав за белоснежными облаками в высоком голубом небе, продолжил свой маршрут и, особо не напрягаясь, к вечеру уже выходил на знакомую поляну.

И опять меня встречал в воротах Верховный Волхв. Отправив собак в сторону властным жестом, Будимир внимательно посмотрел мне в глаза.

– А не очень-то и спешил ты ко мне в гости.

– Дел много. Как только смог, так и пришёл.

– Мы тебя ещё две недели назад ждали. А тут весть пришла, что ты в поход ушёл. А потом и ещё одна следом – о событии большом, в храме Арконы. Тамошние волхвы до сих пор в себя прийти не могут. Они уже совсем было от правы отходить стали, а тут ты явился, да встряхнул весь Рюген за шкварник. Шуму там теперь... Да ты проходи, что в воротах-то стоять.

– Здравствуй, Верховный. Попить бы мне для начала – в горле совсем пересохло.

– Почему же не попить? Пойдём, налью тебе водички.

Пройдя в знакомое помещение, смочил иссохшееся горло, попутно взяв паузу на размышление. А быстро долетели вести до спрятанного в глуши, храма. Интересно, каким образом? А Будимир сидит, довольный – опять ему удалось меня удивить. Ладно, захочет – скажет. Я же начал рассказывать о произошедшем со мной в Арконе во всех подробностях. Смысла что-то скрывать от Верховного нет – я от него ничего, кроме добра, не видел. Рассказал и о новых, приобретённых мною способностях. Закончив, посидел немного, ожидая, пока волхв осмыслит мой рассказ.

Очнувшись от раздумий, Будимир задал несколько уточняющих вопросов, расспросил подробно, что было в роге, из которого меня поил Святовид, что, дословно и с каким выражением, тот сказал, и что я чувствовал, когда лежал на земле у храма, погружаясь вглубь.

– Ступай, отдохни. Мне твои слова обдумать надо, да братьям рассказать. Потом совет держать будем.

Поднявшись, я пошёл в свою прежнюю комнатёнку, где жил раньше. Вскоре меня позвали на ужин, после которого я завалился спать. Пеший переход всё-таки вымотал. Несколько следующих дней прошли в отдыхе – меня никто не тревожил. Помня об обещанном разговоре с Перуном, я несколько раз подходил то к алтарю, то к священному дубу, но контакта не было. Придётся подождать.

Очередное утро началось с уже ставшей обязательной разминки, за которой последовал, как и всегда, завтрак. А вот после завтрака меня позвали.

Вокруг священного дерева широким кругом стояли волхвы. Я даже наших, городских увидел – все трое сюда добрались. В центре круга, совсем рядом со стволом, стоял Верховный. Тишина, царившая вокруг, напряжённая ожиданием общая атмосфера, и стоящие без малейшего движения фигуры, вызывали невольную нервную дрожь.

– Подойди ко мне. Все знают, какое великое событие произошло в храме Святовиды в Арконе. Укрепляется пошатнувшаяся вера на острове Буяне. Ярким светом воссияет исконная вера в наших сердцах и на нашей земле. Знаю, был обещан тебе разговор с Перуном. Чтобы последние искры сомнения исчезли из душ колеблющихся, собрали мы большой круг посвященных. Пусть все увидят это.

Вот так попал. И как ему сказать, что не получилось у меня поговорить с Перуном, как я ни старался.

– Подойди, стань ближе к дереву.

Вот же, Будимир! Как тебе объяснить-то? Да делать нечего, прохожу в круг, и иду к священному дубу. С каждым шагом всё сильнее чувствую, как нарастает напряжение вокруг меня. Ощущение такое, как будто попал в грозу – даже воздух начинает тихонечко потрескивать. Чем ближе к стволу – тем тяжелее идти. Прикладываю руку к коре дерева и чувствую горячее тепло.

– Обними двумя руками. – Слышу голос Верховного.

Делаю, как указано, и прижимаюсь щекой к шероховатой бороздчатой коре. Слышу весёлый смешок и знакомый голос в моей голове:

– Да тут я уже, можешь оторваться от моего дерева. Ишь, как прилип.

Поворачиваюсь и упираюсь взглядом в чёрные смеющиеся глаза стоящего в кругу волхвов Перуна. Пока я стоял, ошарив и ничего не понимая, сын Сварога и брат Святовид, бог сражений и воинской доблести Перун прошёл через круг и остановился в нескольких шагах передо мною.

– Пришёл в себя? Что ж ты обеспамятел-то? Или язык проглотил? Брату моему понравился – держался неплохо. Потом, правда, ослабел – пришлось тебя к матушке нашей относить для восполнения сил. По сторонам не смотри – пока я не разрешу, нас никто не увидит и не услышит.

– Ясно. – Собравшись с силами проскрипел в ответ.

– Хорошо, что ясно. Обещал я тебе, что встретимся весной – вот и встретились. Напомню тебе – твоё появление здесь – это наша воля. Век людской короток. Не помнят короткоживущие в твоём времени про нас – забыли совсем, и для нас, богов, это равносильно смерти. Мы верой людской живём. Пока вы в нас верите – мы живы. Сейчас чуть легче нам стало. Тебя выбрали, и ты, один из многих, смог что-то сделать не только для себя лично, но и для всех людей, кто был рядом с тобой, и уже немного, да поправил события. Уже совсем по-другому будет развиваться история – изменилось будущее. Таким путём и иди дальше – укрепляй веру исконную, живи по праву, и не забывай старый покон. Своей дорогой должна русская земля идти. Сильны новые боги, пришедшие к людям – хотят всю власть под себя подгрести. И все славянские народы при этом думают в рабов превратить. Не выстоять нам, старым богам, супротив молодых – очень уж яро напирают и поддержку хорошую имеют. Время нам нужно, чтобы не пропасть, а вратиться в новую реальность, и народы наши за собой потянуть, не дать им в бессловесный скот превратиться. Понимаешь ли, что от тебя требуется?

– Понимать-то я понимаю, да это же задача неподъёмная – надо чтобы все волхвы, все жрецы заодно стояли. А на Рюгене и Готланде вон как богов потеснили – ещё век пройдёт, и на Руси будут огнём и мечом народ крестить.

– Заглянул брат мой, Святовид, вперёд – уже по-другому будущее стало читаться. На Рюгене мы жрецам напомним, каково оно бывает – от праву отступить. Да, после твоего разговора с братом моим они за ум взялись, да ненадолго это. В Арконе ведь уже и христианские храмы вовсю начали появляться. В Перунов день лучше бы тебе держаться подальше от Рюгена.

– Понятно с этим. Вопрос у меня есть, да не один. А почему вы сами ничего не делаете – вы же боги?

– Не можем мы за людей решать. Им дана свобода выбора, свобода

веры... Напрямую вмешиваться нам нельзя – только через людей можно. Поэтому и вас стали на помощь звать. А боги с богами не дерутся – договариваются. Только со слабым никто не будет разговоры вести.

– Ну, это нам знакомо. Родным повеяло – мы тут, значит, за вас повоюем, а вы, там, сверху посмотрите на наши войнушки потешные, а потом и договоритесь меж собой так, как вам удобно.

– Ну да. Так всегда было и так будет. Для того все войны и затеваются. Одни свои головы кладут, и подвиги вершат, а другие в это время карманы набивают, и на Олимп пролезают. Или в Солнечный Вирий... Да много куда пролезают. Это раньше просто было – был Вирий и был Ящер. А сейчас, сколько народов – столько и Вириев, и у каждого своё подземное царство. Новые боги приходят и свои Рай и Ад приносят. Поэтому и нужно нам время – чтобы успеть договориться между собой. А то мы привыкли никуда не торопиться, а вы, люди, раз – и уже нет старой веры и старых богов. Старые храмы снесут – сразу приток сил пропадёт. Ослабеем мы, и уже никто из новых богов договариваться с нами не станет. Пропадём мы – и славяне пропадут. Ты сам пришёл из далёкого будущего. Где люди лучше – здесь или в твоём времени? Сам-то, как думаешь?

– Всё и так ясно. Понимаю, что уберёт Трувора и Синеуса от гибели, и не дал Рюрику братоубийством свою судьбу и судьбу земли русской в пучину огненную кинуть на веки вечные. Понимаю, что пошла история по другому пути. Всё это хорошо. Но я-то – простой человек, и у меня есть свои слабости и желания.

– Вот это – по-человечески. – Перебил меня Перун. – Давай теперь о награде говори за труды свои тяжкие.

– Да не о награде я. Ты же сам, осенью, у костра говорил, что можешь меня домой отослать в то же самое время или мою семью сюда перетащить? Ещё и про собаку мою что-то непонятное сказал. У волхвов, говорил, поучиться.

– Поучился?

– Поучился. Послали меня. Никто ничего не знает или не помнит об этом.

– Поговорю с отцом, посоветуемся. А сейчас, если больше вопросов нет, пора нам со жрецами поговорить.

С этими словами вырос Перун, раздался в плечах, схлопнулось ватное пространство вокруг и ворвались звуки в мою распухшую от новых знаний голову. Хотя, почему – от новых? Что-то такое я и предполагал. Нетрудно было сообразить с прошлой осени, что от меня требуется. Нельзя допустить, чтобы повторилась та же история, чтобы крестили народ

русский мечом и кровью, заливая ей улицы, чтобы горели избы и храмы, капища и идолы. Не хочу, чтобы жгли на кострах волхвов, и с кровью и мясом вырывалась из сердец народа русского вера исконная. Если уж суждено прийти христианству на Русь, так пусть приходит мирно и постепенно, в растаяв в жизнь и сознание народа. Пусть народ сам сделает свой выбор, и в выборе этом будет свободным. Все свои силы положу на это... Да, а что там такое Перун говорил про Рюген? Надо бы в это время покрутиться где-нибудь неподалеку.

Пока я стоял, задумавшись, бог войны нагнал жути на волхвов, рассердившись, якобы, на пустяшный, по его мнению, призыв. В конце концов, перестав метать громы и молнии, заговорил на нормальном языке, наказав твёрдо держаться старого покона и веры истинной, жить по прави. Посулил беды всякие на головы отступникам. Боги сверху видят всё – ты так и знай! На этой доброй и исторической фразе Перун ещё раз громыхнул, сверкнул молнией рядом со мной, вбив её в землю у моих ног, протянул руку ко мне и исчез. Что я пропустил?

Пока волхвы стояли, замерев, явно потрясённые явлением бога (а не балует, видать, своим вниманием последователей пантеон славянских богов), я тихо-тихо прокрался мимо круга, и удрал на поляну. Оглянувшись и убедившись, что никого рядом нет, шмыгнул за храм – надо мне прогуляться подальше в кусты. Что-то расслабили меня эти спецэффекты. Вернувшись назад, издалека услышал многоголосый шум в храме и решил подойти поближе, дабы послушать – о чём идёт спор.

Но моя затея провалилась с треском – не успел я подойти, как был перехвачен на подступах Яромиром и препровождён в общую залу. И только по пути мне в голову пришла запоздалая мысль – я же ведь могу теперь и издалека всё прекрасно расслышать, благодаря новому своему умению. Надо было только настроиться. Вот что значит – навыков нет.

Трувор

Тем временем, в Пскове, князя снарядили в поход обе ладьи и, подцепив на буксир три, уже проданных пиратам драккара, дали команду отчаливать. Остался позади на причале поникший Горивой – оставили его присматривать за хозяйством. Да и некому больше было.

Стояли братья на носу ладьи – радовались души закалённых в боях воинов привычному для уха плеску волн за бортом, крикам чаек и пьянящему ветру широких водных просторов. Спокойно и не спеша дошли до островов, где с нетерпением ожидали прибытия своего старшины пиратские ватаги. Распрощавшись с Яном и пожелав ему всяческих успехов в его тяжёлом ратном деле, выразив надежду вскоре увидеть привезённые в

Псков новые партии перехваченных товаров, отцепили драккары и взяли курс на Данциг. Бивой обучал ещё одну мореходную команду, которая, может быть, останется ему на подмену, пока он будет изучать парусное дело на судах Даниэля. Первуша тоже шёл двойной командой – надо было расширять торговый флот. Поэтому Трувор распорядился – при подготовке к отплытию подобрать достойных кандидатов в будущие моряки. Дрёма также шёл в это плавание не один, а с помощниками. Ведь нам, в идеале, на каждую ладью в ордере нужен был свой купец. Это хорошо, если все суда будут идти вместе одним караваном, как связанные. Тогда можно и одному справиться. А если случится что? Если разобьют караван? Пираты, нурманы или шторм – и как тогда оставаться без купца, что с товаром-то делать? Вот так и увеличился состав команд. Самые толковые и будут продолжать это дело.

Ночевали на новых местах, в целях безопасности переноса стоянки на половину перехода – от дурного нападения следовало побережться.

Отгрузив в Данциге половину товара, познакомившись с Даниэлем, и подтвердив все ранее достигнутые договорённости, напомнив о заинтересованности города в хороших мастерах, отчалили и взяли курс на Рюген.

С берега псковские флаги заметили ещё на подходе, и причалившие ладьи встречала набежавшая отовсюду толпа народа. Ещё не улеглись слухи о происшествии в храме, и поэтому многие хотели посмотреть на избранных божьих, а, может, и прикоснуться к ним.

Память об удачливых братьях была свежа, и поэтому многие в толпе узнали издалека Трувора и Синеуса. А если брать во внимание ещё и то, что братья уселись на княжеские столы в городах Гардарики, то отбоя от желающих напомнить братьям о совместных походах, не было.

Поднялись князья в плотном окружении восхищённой толпы на крутой берег и остановились – стояли плотной стеной жрецы в белых одеяниях, полностью перекрыв дорогу в городище. Так почему-то вышло, что оказались князья в одиночестве впереди толпы. Подошла к ним тройка старших волхвов, и пригласили на разговор в храм. Раз вежливо просят, то почему бы и не побеседовать? Тем более бояться было нечего – ощущали за спиной князья силу воинскую немалую. Зайдя в храм Святовиды, уловил Трувор разочарование жрецов, которое ему тут же и объяснили.

– Ожидали мы, что опять Святовид будет разговаривать с князьями Псковскими, да вот не вышло ничего из наших ожиданий. – Огорчённо промолвил старший жрец.

– Так это вам не от нас ожидать бесед с богом надо было. Для такого

общения у нас боярин Владимир есть – дюже его боги любят. Вот и сейчас поехал боярин в Старую Ладугу с Перуном разговаривать. – Объяснил Трувор жрецам их заблуждение.

– Звали и нас в Старую Ладугу на большой круг, да далеко нам добираться, не поехали мы. Видимо, зря не поехали. – Задумался жрец.

– Я не жрец, но знаю, что великие испытания ждут в скором времени народ славянский. – Негромко, но веско проговорил Трувор. – Всем волхвам и жрецам сплотиться надо перед испытанием великим. Потому как в одиночку пропадём мы, не выстоим.

Махнул рукой разочарованно жрец, повернулся и пошёл вглубь храма, оставив собеседников в недоумении. Много о себе понимать стали жрецы Арконы – вежество позабыли. Да делать ничего князя не стали – пусть сами разбираются со своими проблемами.

Развернулись братья, и вышли на вольный простор к ожидающим товарищам. До вечера разговаривали разные разговоры – рассказывали побратимам про жизнь в дальних городах, роняли в души желание обязательно повидать своими глазами жизнь такую интересную. Заманивали оружием и доспехами дорогими и прочными в дружину княжескую, расписывая добычу великую, в сражениях доблестных захваченную. Так что можно было ожидать, что пополнится скоро в Пскове и Ладоге дружина опытными воинами.

Тем временем Дрёма тоже не спал, и с большим прибытком реализовал все привезённые товары. Для Рюгена эти товары были каплей в море, а интерес к отличным изделиям из далёкого города Пскова, только рос. Так что ушлый купец довольно потирал руки, договариваясь о новых поставках в ближайшее время.

Разговоры княжеские плавно переросли в ночную пирушку, где славно погуляли побратимы, и утром, с тяжёлого похмелья тронулись в обратный путь. Таким образом и прошла вся эта поездка. Явными плюсами похода можно было считать удачную торговлю и агитацию опытных воинов в Псковскую дружину. Заодно и отдохнули князя, расслабились немного от напряжения постоянного. Можно по-новому впрягаться в ношу тяжкую.

Главный храм волхвов под Старой Ладогой

Тем временем строгий круг волхвов в храме распался на мелкие и не очень группы, где каждый пытался рассказать и истолковать друг другу увиденное и услышанное. Молчаливо стоящий Будимир пока ничего не говорил, явно дожидаясь моего прихода. Увидев, как мы с Яромиром показались в дверях, властным жестом призвал всех присутствующих к тишине и, дождавшись оной, начал говорить:

– Все вы слышали и видели, что Перун сказал и от чего он нас предостерёг. Боярину Владимиру, на которого бог указал, видение от него было. Беда великая идёт на мир славянский. С Царьграда вера наступает новая, насаждать которую будут мечами острыми и огнём палящим. Будут жечь и храмы наши со всеми святынями, и нас самих в костры бросят. На Буяне-острове уже начали христианские храмы ставить, и священники нового бога всю вытесняют веру исконную. На Готланде христиане развернулись, в Бирке уже половину городища себе отгородили. Скоро и к нам придут.

Многие начали оборачиваться ко мне. Во взглядах, обращённых ко мне, явственно читался вопрос, не ответить на который я не мог. Дождавшись паузы, вступил в разговор:

– Вы уже знаете, что новая вера идёт на нас, христианская вера. И если с запада она идёт не спеша, постепенно и размеренно продвигаясь к нашим рубежам, то с юга она придёт наскоком. Увидев раздор в землях наших, воспользуется этим Царьград, переманит посулами сладкими да золотом червонным князей да бояр многих, да и уговорит крестить земли наши. И погонят мечами и пиками народы славянские в воды озёрные да речные на крещение насильное, страдая заревами домов зажжённых. В жарких пожарах сгинут храмы и святыни наши, как сказал Будимир. Волхвов же со жрецами будут вылавливать, как собак бешенных, и умерщвлять повсеместно.

– А на Буяне что будет? – Раздался чей-то голос в звенящей тишине.

– Не знаю, не сказал ничего Святовид. Подсказал только – держаться от острова подальше. Огорчён он очень, что забыли жрецы в Арконе, для чего и кому они служат.

Заметив, как тихо повёл рукой Верховный в сторону выхода, я поспешил выбраться из залы. Пусть дальше сами разбираются. А я пойду-ка подальше, да потренируюсь издали в новоприобретённых способностях.

Ничего нового для себя я не услышал. К большому моему сожалению, можно было настраиваться на прослушку только одного человека, а всё, что говорилось вокруг него, слышалось с большими помехами, словно через вату. Тем не менее, я понял, что Будимир вызвал Яромира чтобы услышать подробный рассказ о наших нововведениях. И потом долго раскладывал по полочкам получившиеся успехи. Так же обсуждали возможные плюсы от появления наших школ. Вроде бы как ещё решили не отсиживаться больше в удалённых храмах и в лесной глубинке, а выйти к людям. Так сказать, нести свет солнечного завтра тёмным массам трудящихся... Услышав, как

Будимир объявляет перерыв до утра, поспешил вернуться обратно. Надо возвращаться домой.

После ужина долго разговаривали с Верховным. Ещё раз вспоминал всё, что помнил о произошедших событиях этого времени. Когда уже воспоминания пошли на третий круг, я взвыл благим голосом и слёзно попросил Будимира перестать меня мучить, и предупредил, что завтра с утра возвращаюсь домой. Абсолютно не ожидая этого, получил рассеянное добро на отъезд и прозрачный намёк на возможную скорую встречу. А когда попробовал уточнить, что же это будет за встреча и где она произойдёт, то получил уклончивый ответ – мол, позже узнаю. У всех секреты, один я как на ладонке. Распрощавшись с Верховным, вышел на поляну и, посмотрев на сереющий небосвод, плюнул, свистнул своих собак и двинул в обратный путь. Благо, что всё своё ношу с собой. Да носить-то и нечего. Пошёл-то я налегке.

В Старой Ладогe пришлось задержаться на пару дней, пока не вернулась баржа. Времени зря не терял – постоянно общаясь с Родогором, перезнакомился со многими боярами и дружинниками Синеуса. Связи надо расширять. Осмотрели местные мастерские, полазили по стенам и башням. Поделился кое-какими знаниями и советами. Примут или нет к сведению – не знаю, но выслушали со вниманием и почтением. Кстати, убежавший от варягов народ начал постепенно возвращаться в Старую Ладогу – дома отстроили заново, всю работу мастерские. Начали возводить стену вокруг посадов, расширяя город.

Рассказал о наших скорпионах и эффекте от их применения в бою. Задумавшихся бояр и старших дружинников пригласил к нам в гости на, так сказать, обмен боевым опытом. Лучше один раз всё увидеть своими глазами, чем потом сто раз локти кусать. Моя идея пришлась по вкусу и, чувствую, скоро нам принимать гостей.

Дождлся прихода баржи и через несколько дней уже находился дома среди своих друзей. А вскоре на реке показались бело-голубые флаги на мачтах наших лодий. Устроив грандиозный праздник по поводу нашего общего возвращения в город, гуляли целый день. А уже следующий – посвятили подведению итогов плавания князей и выработке дальнейших планов нашего развития. Золотой запас рос, объём монет в обороте постоянно увеличивался, наши товары прочно завоевали рынки сбыта как в Новгороде, так в Данциге и на острове Рюген. Чтобы развиваться дальше, нужно было создавать торговый флот, и поэтому было принято решение заложить на верфи ещё три больших ладьи. Для чего нужны были новые площади и мастера. Опять строительный аврал.

Производства наши также не простаивали, и вскоре в первое самостоятельное плавание отправились наши новые купцы. А баржа и так почти не простаивала, непрерывно находясь в постоянном движении, перевозя то пиломатериалы, то керамо-черепичные изделия. Для стекольного производства регулярно стали возить кварцевый песок из-под Печор. Теперь все окна в нашем городе весело блестели на солнце, удивляя приезжих гостей своей прозрачностью. К нашей радости, у нас начали появляться заморские суда. Появились купцы с островов Готланд и Рюген, начали приходить суда из Бирки. Между Старой Ладогой и Псковом скоро можно будет делать летнее регулярное расписание движения судов. Напрягали несколько пороги на реке Нарове, но вода пока стоит высокая, и реки, пока ещё, гораздо полноводнее, чем в моём времени. Новгород так и оставался основным потребителем наших товаров на востоке, и потихоньку точил на нас свои острые зубы. А мы, тем временем, укреплялись, налаживая торговые и военные связи. Первый поход князей на Рюген прошёл удачно, и результатом стал большой приток опытных воинов в нашу дружину.

Пару раз появлялся и Ян на своём новом драккаре. Пиратский старшина привозил добытые пиратским промыслом товары, но всё больше и больше начинал склоняться к честной торговле. Уж очень ощутимым получался у него доход от продажи наших товаров на своих островах и близлежащем побережье.

Отзвенел весёлыми хороводами Купайло, проплыли по рекам и ручьям девичьи веночки, сплетённые из цветов и трав. Заколосились поля – лето набирало свои обороты и входило в полную силу. Второй раз встречаю Купалу в этом мире, и второй раз удивляюсь, насколько чистые и светлые праздники ходили на Руси. А мы всё утеряли.

Всё чаще и чаще до нас стали доходить слухи о растущем недовольстве Новгорода. Очень уж не нравилось наше усиление Великому боярскому Новгороду. Сближение двух братьев – Синеуса и Трувора, укрепление союза между двумя нашими городами, не давало покоя Рюрику и его близникам.

Плывущие в Псков торговые корабли, усиливающееся влияние нашего флага в Варяжском море, растущее благосостояние людей Пскова и недовольство жителей Новгорода, разжигали зависть к нашим успехам. Наша разведка с начала лета докладывала об усилении Новгородской дружины – подготовка к нападению велась полным ходом. Призывались со всех сторон сподвижники и союзники и просто любители позвенеть мечами, и пограбить чужое добро. Прошёл клич о найме варяжских дружин

Рюриком, но особой поддержки не нашёл, так как варяги уже неоднократно убеждались в несостоятельности своих попыток взять наши укрепления.

Глава 18. Покой нам только снится

В конце июля я вышел в поход на Рюген. Загрузился под завязку товаром, дабы не гонять ладью порожняком, и отчалил. В Данциге повидался с Даниэлем, отгрузив ему весь, уже ставший обязательным, наш товар. Выловил на пристанях Бивоя, больше месяца обучавшегося морской науке, и расспросил про успехи, заодно и уточнил время возвращения домой. Сколько можно обучаться за казённый счёт? А в ночь на Перунов день мы стояли в море, на траверзе Арконы, и я, пользуясь приобретёнными способностями, наблюдал за праздником издали. Подходить ближе не стали, и так было страшновато. Стоял полный штиль, ладья тихо покачивалась на пологих волнах. На чёрном бархате ночи россыпью драгоценных камней лежали звёзды, мерцая и сверкая в своей непостижимой бесконечности.

Всю ночь горели разожжённые костры вокруг святилища, в свете которых была видна огромная туша быка на жертвенном белом камне. Вокруг веселился пьяный народ, сновали туда-сюда жрецы в белых одеждах. Ярким огнём пылали факелы в руках воинов. Мы всё-таки решили подойти чуть-чуть ближе, чтобы лучше видеть происходящее на берегу.

Среди белых одежд жрецов храма чёрными пятнами выделялись христианские служители. И, словно в ответ на усилившееся песнопение жрецов, разошлись облака над храмом – в разрыве появился светлый и строгий лик Световита. Покачал головой бог, сказал что-то жрецам и народу, и исчез. Всё произошло так быстро, что я даже не успел среагировать и подслушать. Сверкнула ветвистая плеть ослепительно сияющей молнии, стегнула по плоскому камню, опаляя жертвенную тушу быка. Раздался нарастающий грохот, и затряслась земля острова.

Поднялись волны на море, засверкали частые молнии. Закачались деревья, поднялось заполошно кричащее воронье над храмом, и сползло городище в море, поглотила вода и храм, и жрецов. Остановился жертвенный камень у самой кромки берега, и слизнула обугленного жертвенного быка набежавшая кипучая пенная волна. Поглотив жертву, пошла прочь от берега, вырастая и набирая силу. С острова доносились крики испуганных людей, хаотично металось орущее воронье над лесом, подсвечиваемое снизу разгорающимися пожарами. А от Арконы осталась малая часть городища с жертвенным камнем на песке.

Развернув ладью носом к набегающему валу, успели убрать вёсла и вцепиться в борта и лавки. Врос в палубу ногами кормчий, удерживая корабль на курсе. Подошла волна, закрыла собой всё небо, нависла тёмной кручей тугой воды. В полной тишине я смотрел, как широко открыл рот в неслышном крике кормчий, как медленно задирается нос нашей ладьи и взбирается вверх по вертикальной зеркальной стене водяного вала. Повисли в воздухе незакреплённые вещи, медленно поплыли к корме мимо меня.

Взобралась ладья на самый верх и замерла на мгновение в шатком равновесии на пенистом бурлящем гребне. Пропало наваждение – ворвался в уши бешеный рёв воды вокруг и яростный крик нашего кормчего, призывающего хвататься за всё, что можно. Хлопнулись на настил палубы обретшие нормальную скорость и вес незакреплённые вещи.

Далеко внизу впереди метались языки пожаров, шелестела звенящая гладь яростного потока воды вокруг. Наклонился нос ладьи, проваливаясь в бездну, и – заскользил вниз, как с горы на санках, набирая и набирая ход.

Ушла, унеслась волна за горизонт, постепенно упала скорость судна. И закачались мы на взволнованно дышащей, но уже постепенно успокаивающейся груди моря, окружённые клоками бело-серой пены, мусором, принесённым от далёкого берега, и панически заполошными криками мятущихся вокруг чаек.

Постояли, успокоились, осмотрелись. Вычерпали набранную воду, и пошли домой – делать нам тут абсолютно нечего. На остров высаживаться никак нельзя – можно и живым не вернуться. Руги сейчас разъярённые, назначить нас крайними могут запросто. А уж, если, уцелели где-то проповедники христианства, то противопоставить им я ничего не смогу. Наоборот, вот он я – готовый козёл отпущения. Пусть сами разгребают свои... гм... грехи. Лучше домой...

Дома, на первом же совещании, рассказал обо всём увиденном на Рюгене нашим волхвам – пусть объяснят людям, да и сами в вере укрепятся. Хоть наших горожан укреплять вроде бы и не надо, но в таком деле лучше, как говорится, перебдеть. Слухи-то уже расползлись по городу, ведь никто команде не запрещал рассказывать обо всём увиденном там, на острове.

Трувор поведал о последних новостях, доставленных в моё отсутствие из Новгорода. По данным нашей разведки, вражеское войско будет идти двумя путями. Одна половина пойдёт морем, а другая – своим ходом, по земле. Пока войско будет в пути, есть смысл пощипать их и на воде, и на суше. Для этого надо будет отрядить отряды стрелков и отправить на

перехват. В прямое столкновение ни в коем случае не вступать, использовать тактику наскока и мгновенного отхода. Посоветовавшись с сотниками, вызвали Мстишу и Ждана, и поставили им задачу встретить новгородцев на выходе из устья Невы, и потрепать, насколько это будет возможно, пользуясь нашим преимуществом. Не давать спуска и на порогах Наровы-реки, оставив там засаду из стрелков. После нескольких залпов, по обстановке, засада должна отойти, постараться обогнать новгородцев и вернуться в крепость.

А я решил пойти с наземной группой стрелков и встретить врагов на дальних подступах к городу. И, постепенно изматывая их короткими нападениями, понизить боевой дух в войске. Ну и, само собой, его численность. Для чего Трувор выделил мне сотню стрелков, и я ещё дополнительно попросил полсотни мужиков с топорами и пилами – будем делать засады, засеки и ловушки на пути врага.

Как только прискакал вестник с донесением о выходе войска из Новгорода – в поход вышли наши ладьи и отправились навстречу неприятелю. Распрощались и мы с нашим городом, поклонились людям, ведь впереди – неизвестность. Надо, на всякий случай, со всеми проститься и попросить прощения.

Как будет идти неприятельское войско, мы знали. Маршрут если и мог измениться, то совсем незначительно – тракт-то был один. Как говорил один известный таксист в одной, не менее известной, комедии: – «А тут одна дорога». Вот на этой дороге, в удобных для нас местах, мы и начали обустраивать места для засад и обстрела, подготавливая удобные пути отхода, обустраивая их разнообразными ловушками и засеками, предназначенными для отсекания преследующего нас неприятеля. До каждого дружинника ещё раз было доведено – ни в коем случае не вступать в прямое столкновение.

Пока мы готовились встретить приближающегося неприятеля, в крепости полным ходом велись подготовительные работы – обновлялись запасы воды и припасов. Проверялись закладки стрел и болтов на стенах. В тех местах, где ещё оставались деревянные крыши, всё срочно проливалось водой, и рядом обязательно устанавливались какие-нибудь дополнительные ёмкости. Сколачивались деревянные щиты и заколачивали окна и двери в домах и мастерских. Постепенно пустели посадки, люди, без паники и спешки, собирали свои вещи и перебирались под защиту каменных стен. Кто-то уходил в Кром, а кто-то – прятался за нашими спинами. В нашей крепости командовал Изяслав, а возглавлял общую оборону князь Трувор. К огромному сожалению, мы не успели до конца прокопать подземный ход.

Под жёстким присмотром Горивоя и его людей всё делали в великой тайне, вот потому и работа шла очень медленно. Начали копать его поздней зимой, и должен был он соединить две башни – нашу Привратную и Рыбницкую в Кроме. Но прокопали за всё это время только метров триста, потому что ход сразу же укрепляли бутовым камнем на растворе, и оставалось нам прокладывать ещё столько же, если не больше. А без кладки было невозможно копать – песок всё-таки, опасно. По задумкам, ещё проведём отводок от основного хода к храму на горке, и, на всякий случай, один запасной в сторону от реки – пусть будет.

Пока в городе формировали дружины из добровольцев, которых вроде бы хватало, и прикидывали схемы обороны стен, мы потихоньку сближались с войском противника, постоянно высылая ближние и дальние дозоры во все стороны. Предупреждали жителей окрестных поселений, распускали волны слухов о вероломном нападении новгородцев. А вскоре мы столкнулись с первыми беженцами, удирающими от славных новгородских воинов. По их рассказам впереди войска шли наёмники, которые разоряли и грабили все поселения в округе, собирая продовольствие на нужды войска. Ну и не только продовольствие, оставляя после себя безжизненные руины. Пошёл стон по земле Псковской.

Так мы и сближались с противником. Первое столкновение произошло на подступах к очередному поселению, которое должны были навестить наемники. Жители заблаговременно покинули родные дома, напуганные слухами, и справедливо опасались за свои жизни, поэтому мы могли действовать свободно. Дождавшись, пока из леса покажется хвост колонны, а варяги держались кучно – никто не хотел оказаться последним в захвате возможных живых и материальных ценностей, – дали залп и, пока привыкшие к безответным нападениям варяги опомнились, успели выпустить ещё по одному болту. Быстренько отступили на противоположную окраину и, под прикрытием, ушли через поле под защиту леса. Вскочившие за нами в яростном порыве преследования варяги быстро охладели, получив навстречу секущий залп. Не став ввязываться в затяжную перестрелку мы тихо отступили, оставив несколько заранее подготовленных ловушек. Проверять, попался ли кто-то в них – не стали, а поспешили обходным путём подобраться к мерно продвигающейся основной колонне. Заняв загодя оборудованные места, приготовились к стрельбе. Выбранное место представляло привлекательную, но заболоченную поляну, через которую пешему, и тем более конному, пройти можно было с превеликим трудом. Завязнут. Вот мы и засели на краю этой поляны, через которую плавный изгиб дороги был

виден как на ладони. В голове рати находилась наиболее хорошо вооружённая и защищённая тяжёлая конница. Вот по ней и пришёлся наш удар. Хлопнули тетивы, прошуршали уходящие болты, а моя сотня уже быстро перезаряжалась. Второй и последующие выстрелы по готовности. А на дороге, тем временем, воцарился хаос. Падение тел и лошадей, дикое конское ржание и крики убиваемых и попавших под копыта людей – всё смешалось в кучу под беспрестанное хлопанье тетив. Паника – страшная вещь. Вот и сейчас она сыграла нам на руку и на беду идущим, как всегда позади, ратникам. Оставшиеся в седле конники попробовали сходу перестроиться и атаковать опушку леса, откуда велась стрельба, но яростный порыв всадников захлебнулся в вязкой жиже. А наши стрелки получили прекрасные малоподвижные цели. Но мы не спешили переносить огонь на завязших в трясине всадников – пока можно было пострелять по колонне. И сработала наша задумка – испуганные кони, потеряв своих хозяев, рванули по единственно свободной дороге, по которой можно было уйти от этих больно жалящих стрел. Они рванули назад... А там торопилась на подмогу услышавшая звуки боя колонна пеших ратников. На дороге началась новая каша. Скоренько достреляв завязших в болоте, мы отошли вглубь леса и быстрым маршем направились к месту следующей засады. По нашим расчётам враг теперь будет очень осторожен, и так же выпустит в стороны разведку и охранение. Поэтому нечего сейчас лезть на рожон – подождём до темноты и атакуем спящий лагерь. Должны же новгородцы встать лагерем, а место, прекрасно для этого подходящее, мы уже за них присмотрели, и не сомневаемся, что наши предположения окажутся верными. Можно пока отдохнуть и перекусить – голодное брюхо вчерашнего добра не помнит. Пока кашеварили и отдыхали, посчитали приблизительное количество потерь у врага. По нашему выходило, что за сегодня мы проредили вражеское войско минимум на полторы сотни подготовленных воинов. А хорошая оплеуха вышла. Да ещё прибавить к этому падение морального духа у противника. Хотя, надо отдать должное, народ тут закалённый, и дух этот у него – стоек. Но всё равно приятно... Думаю, ночью обстреляем лагерь новгородцев и, хотя особенных успехов вряд ли достигнем, дозоры не дадут подойти близко, но нервы потрепем, и дальше они будут держаться всё время настороже, выматываясь от постоянного напряжения. Впрочем, и мы тоже вымотаемся неплохо. Они-то идут хоть по плохой, но всё-таки дороге. А мы кружим по лесу, нарезая заячьи петли. Хорошо ещё, что подготовив и оборудовав места возможных засад, я отпустил назад всех мужиков. А то бы ползали мы сейчас еле-еле. Выставив охранение, свободные от дежурства дружинники отдыхали –

впереди тяжёлая, для нас и врага, ночь.

Финский залив, устье Невы.

Мстиша с Жданом успели опередить своих противников, и подошли к устью Невы раньше сборного флота новгородцев на один день. Выбрав для себя наилучшую позицию по ветру, спрятались среди многочисленных, заросших высоким камышом, островков. Мудрствовать особо не стали – всё будет зависеть от завтрашнего ветра и от того, на кого благосклоннее поглядывают сверху боги. А уж тут дружинники были спокойны – в сторону их боярина боги не только просто поглядывали, а даже и снисходили до простого общения. Поэтому ждали завтрашнего дня, занимаясь повседневными делами. А какие повседневные дела могут быть у воина на ладье? Проверка брони и оружия и полноценный отдых. Чем команда и занималась, строго следя за тем, чтобы мирную тишину невских плавней не нарушил никакой необычный звук. Погода стояла тихая, слабый ветерок еле шелестел камышами, жарко светило солнце, бросая отражающиеся от воды слепящие зайчики в глаза бодрствующей смене караульных. За бортом плескала хищная рыба, лениво гоняя мелочь в тёплой воде. Изредка мелькали рыбацкие челны вдалеке, опасаящиеся приближаться к главной речной дороге. Уже прошёл слух о надвигающемся войске, поэтому и торопились самые запоздавшие убратся от греха подальше. Умные-то рыбаки уже давно сидели в своих небольших домишках на узлах и в полной готовности к бегству. Суровая жизнь приучила по первому сигналу тревоги бежать в спасительные и непролазные, для чужих, топкие приневские леса.

Ночь прошла спокойно, и забравшиеся ловкими белками на самые верхушки мачт караульные уверяли, что видели по темноте за островами отсветы далёких костров в ночи. Значит, надо утром готовиться к бою и определиться с правильной позицией. Сегодняшней ночью Стрибог мог быть доволен – очень уж молили его псковские дружинники о благоприятном ветре. И не подвёл своих детей божественный предок – утро встретило их хорошим рассветом и дующим ровно и уверенно южным ветром. Полоскался на ветру бело-голубой флаг, прыгал по полотнищу вёрткий барс, выпустив острые когти. Поблагодарив предка за такую великую услугу, заняли удобную позицию и приготовились к долгому ожиданию. К полудню, когда солнышко стояло почти в зените, сначала послышался неясный шум со стороны фарватера, а потом и показались первые лодии.

– Велико войско новгородское, но ведь и варяги приходили не меньшим числом, а потом бежали без оглядки. – Так думалось Мстише,

когда он разглядывал проходящие вдалеке суда.

Дождавшись, когда на просторы залива выйдет вся разномастная флотилия и удалится от островов, дружинники подняли паруса, и, поймав ветер, понеслись к неровному строю.

Быстрой чайкой летели по пологим волнам псковские ладьи, шли правым пеленгом оба судна, готовясь сделать первые выстрелы из носовых скорпионов. Поднялась тревога на догоняемых судёнышках. Замельтешили новгородцы на замыкающих лодьях, засуетились, торопясь надеть брони и вооружиться. А не на экскурсию вышли – нечего ворон ловить.

С грозным гулом ушли широкие срезни к вражеским судам, закрипели, натягиваясь для повторного выстрела тугие плечи скорпионов. Ещё выстрел и, пока взводились машины, дружинники, подошедшие на дистанцию уверенного поражения из арбалетов, дали первый залп. Застучали в ответ по бортовой защите редкие пока вражеские стрелы. В едином согласованном заранее манёвре повернули обе псковские ладьи вдоль рассыпающегося вражеского строя, и пошли, пока ещё вдоль него, посылая оперённые смертоносные подарки каждому увиденному вражескому воину. Опять ударили передние скорпионы, выцелив самые лакомые цели. А с кормы по разбегающимся в разные стороны лодьям начали стрельбу кормовые. Хотя, можно было бы уже и не стрелять. Очень уж обильную жатву собрали первые два залпа по почти беззащитным судам. Ну, да, хлеб маслом не испортишь, лучший враг – мёртвый враг, и тут, самое главное, вовремя успеть перезарядиться.

Новгородцы предсказуемо уваливались под ветер, стремясь быстрее набрать скорость и выйти из-под обстрела. Полностью сработал придуманный вчера план. Вот поэтому Мстиша и решил пройти вдоль разбегающегося строя, продолжая обстрел всего, что попадётся в прицелы. Воздух сразу же загустел ответными залпами, со всех сторон в небо поднялись тёмные рои, неся смерть на своих острых жалах. Редкий поначалу стук от попаданий стрел по щитам вскоре превратился в непрерывную барабанную дробь. Крепкие дубовые щиты начали поддаваться – полетели выбитые щепки, треснуло сначала одно деревянное полотно, затем второе. Раздались редкие вскрики – удачливые и пронырливые стрелы всё-таки находили лазейку среди защитных щитов, пронзая дружинников. Потрескивало вверху вспарываемое острыми наконечниками тугое полотно парусов, принимая на себя летящие навесом стрелы. Так и прошли две псковские ладьи вдоль всего строя новгородцев, обрастая густой щетиной торчащих во все стороны стрел. Но и сами непрерывно стреляли из всего бортового оружия, прореживая вражеские

команды, обрезая паруса и срубая мачты при особо удачных попаданиях. Прошли вдоль строя, и пошли дальше – возвращаться было бы слишком нагло и самоубийственно. Если, вначале, и растерялись было новгородцы, и отвернули в разные стороны, торопясь уйти от внезапного нападения, то теперь, опомнившись и убедившись в малочисленности нападающих, устыдились своего первого испуга и, выворачивая на прежний курс, стремились догнать обидчиков. Однако, несколько залпов из кормовых скорпионов быстро остудили горячие головы, и оставшиеся в живых предпочли прекратить погоню, отвернуть в сторону и уйти из-под выстрелов.

Уходили на закат быстрые ладьи псковичей, оцетинившись по правому борту густой порослью впившихся в доски стрел. Кинулись опомнившиеся новгородцы вдогонку, да пока разворачивались и набирали ход, уже не было никакого смысла пробовать догнать уходящие вдаль ладьи. Да и страшно было догонять, что уж говорить – очень сильно били вражеские скорпионы. Только и осталось – выкрикнуть несколько угроз напоследок. Впрочем, на эти, еле доносившиеся крики, никто из уходящих не обращал особого внимания – у них хватало своих забот. Надо было перевязать раненых, которых хватало, которых не смогла уберечь даже первоклассная броня. Пробитые кисти рук, ноги – это были лёгкие ранения, но на палубу сносили и убитых товарищей. Кого-то стрела ударила в открытую шею, кого-то ужалила в лицо.

Первушу стрела клюнула в бедро сзади, но кормщик продержался у руля весь бой, и только оторвавшись от врага на безопасную дистанцию, попросил подмену, улегшись на перевязку. На второй ладье потерь также избежать не удалось, и там тоже переносили убитых под навес и перевязывали раненых. Всех павших надо отвезти домой – так было решено.

Шли без остановок, и через двое суток, так и утыканые с одного борта стрелами ладьи подошли к пристани Пскова. Собравшиеся на берегу жители молча перенесли на берег тела павших защитников. Перепрыгнул на причал Мстиша, шагнул к встречающему воинов Трувору, поклонился и, выпрямляясь, громко, во весь свой голос, доложил:

– Побили мы новгородцев изрядно. Но и сами не все убереглись. Уж очень их много было.

– Сколько их идёт на нас?

– Много, княже. Лодий я насчитал – одиннадцать и драккаров – пятнадцать. Да малых посудин разных ещё с десятков.

– Далеко они?

– После боя мы два дня и две ночи шли без остановок, а им надо было и повреждения устранить, и с ранеными разобраться. Дня на четыре отстают, так думаю.

– Значит, через два дня ожидать нужно...

– Так, княже.

– Отдыхайте, а завтра ко мне.

– Слушаюсь, княже. – Поклонился Мстиша, отступая назад.

– Вечером тризна по павшим. – Громко, во весь голос, обратился к людям Трувор.

Недалеко от Порхова.

Отступив после боя у болота, мы решили отойти подальше и передохнуть. Нам тоже следовало восстановить силы перед ночной атакой на лагерь. Через несколько часов наша разведка доложила – неприятель далеко от места боя не ушёл. Разбили лагерь на поле и, выставив охранение, зализывают раны. Это хорошо – пусть зализывают, а мы эти раны ещё постараемся растревожить. Вечером начали осторожно выдвигаться на присмотренные загодя позиции. Наглость – второе счастье. И, поэтому, мы не стали пробираться по кустам, а осторожненько, на мягких лапках, прошли вдоль дороги к месту стоянки новгородского войска. Ничему жизнь новгородцев не научила – как ни смотрели, а караула не заметили. Нет, в лагере-то народ бодрствовал и честно сидел у костров, поглядывая по сторонам в меру своих сил. Но что можно увидеть после того, как посмотрел на огонь? Да ничего. Можно только услышать, да и то – если повезёт. А вот новгородцам – не повезло. Нас они не слышали и не увидели. Дождавшись, пока лагерь утомонится, подобрались ещё ближе и открыли стрельбу, выпустив по несколько болтов. Увлёкаться не стали. Нам нужнее не дать покоя противнику. А после такой ночи, я не думаю, что кто-то у них в лагере заснёт.

Отходили мы, как и положено добрым людям – по той же дороге. Сначала я опасался, что за нами будет организована какая-нибудь погоня, но опасения мои оказались напрасными. Новгородцам было не до того. Отойдя к месту нашей стоянки, подождали рассвета и двинулись домой. Теперь такой удачи нам не дожидаться. Ну не верится мне, что противник не сделает должных выводов из наших нападений. А ввязываться в пустые схватки, терять людей – я не хотел. Поэтому, поразмыслив, решил уходить домой. Показали зубы новгородцам, и хватит. Отдохнуть перед основным сражением тоже нужно.

Возвратившись домой, встретились с нашими мореходами и узнали о произошедшем сражении на море. Прибыл я как раз на совещание у

Трувора и, испросив дозволения присутствовать, прошёл на свое место за княжеским столом. Князь прервался, решив расспросить меня о нашем походе. Вот и пришлось мне в течение получаса подробно рассказывать обо всех наших манёврах и расписывать схватки, отвечая на задаваемые вопросы о неприятеле. После этого вернулись к обсуждению обороны города. Хотя, обсуждать тут особо было нечего. Всё было обговорено неоднократно, но напомнить, конечно, не помешает. Припасов у нас хватало с избытком, стены были крепки и высоки, и вряд ли нас кто-либо мог взять приступом. А осады мы не боялись. Не столько много сил у Рюрика, чтобы окружить наши стены плотным кольцом. Вот так и шло совещание, в основном обговаривая наши действия по оказанию помощи друг другу в различных ситуациях. Да ещё Горивой напомнил всем нам – не забывать о подсылах новгородских!

К исходу второго дня после возвращения Мстиши показался потрёпанный флот неприятеля. Лагерь новгородцы разбили там же, где его в прошлый раз разбивали варяги. Пока ещё не подошли сухопутные силы противника, я поднялся на стены и внимательно присмотрелся к воинам. Полученная в море трёпка выбила из них спесь, а вид наших каменных стен вызывал оторопь. Не видели ещё такого храбрые новгородские мужи. Вот и хмурились лица воинов, поглядывая на неприступные стены Псковского Крома. Всматриваясь в лагерь, увидел и княжеский шатёр. Тихо было в шатре, ни одного звука не доносилось оттуда. Уже перенося свой взгляд дальше, осматривая дружинников и наёмников, заодно и прикидывая приблизительную численность, краем глаза заметил неясное движение у шатра. Присмотрелся – вон оно что, это полог откинулся, и в проёме показался новгородский князь. Шагнул вперёд, остановился, упёрся взглядом в наш Кром. Успел ещё заметить, как пошла вверх к затылку рука князя, но подскочили ближники, и закрыли своими телами князя, засуетились вокруг. Ничего не разобрать... Но и замеченного мне хватило – ошарашен князь, не ожидал увидеть такого. А нет, видать, нормальной разведки у новгородцев.

Пока наблюдал и присматривался, ко мне поднялись Трувор с Горивоем. Пересказал увиденное. Послушать вот только разговоры не успел, к сожалению.

– Дожили, брат на брата руку поднял. Жили мы дружно, стояли друг за друга – и тем сильны были, а теперь... – Махнул Трувор рукой, сожалеючи. – Для чего согласились мы на призыв новгородский? Может, удастся нам с братом мирно разойтись?

– Может и удастся...

– Синеус подойти должен. Жду его сегодня ночью. Пошли вниз, стол накрыт. – Развернулся князь и пошёл к лестнице.

– Вот так вот. – Бросил хмурый взгляд на новгородцев Горивой, разворачиваясь за князем.

Ну, и я за ними. В обороне главное – харч.

Ночью в крепость пришло подкрепление из Ладоги. Высадились в затоне у Снятной горы, прошли в темноте вдоль берега до города и, опознавшись, были перевезены через Пскову и пропущены за стены. Сотню стрелков привел с собой Синеус и полсотни мечников. Большое подкрепление по меркам нынешнего времени. Да и оголять Ладогу было нельзя. Хотя и не напали пока на них, но после нас они – первые на очереди. Это, если мы не отобьёмся. А мы отобьёмся...

Весь следующий день было тихо. Стоящее на том берегу войско сидело в лагере, и никаких действий не предпринимало. Ждали подхода пешцев. Утром следующего дня снялся Рюрик и, переплыв Великую выше города, разбил новый лагерь уже на нашем берегу, в прямой видимости со стен, дождавшись, наконец, своего пешего войска. Забурлил новый лагерь, застучали топоры, валя сосновый лес по берегу. Вырос редкий частокол вокруг шатров и костров, закрывая от наших взглядов внутреннюю суету врага.

Прошли в напряжённом ожидании несколько дней, и, как-то рано утром, меня срочно вызвали к Трувору.

– От Рюрика грамота. – Протянул мне свиток князь. – Вызывает к себе на переговоры. Пойдём?

Прочитав составленный в духе этого времени свиток, поморщился:

– А оно нам надо, куда-то идти? Рюрику нужно, вот он пусть сам к нам и приходит. Пусть на наши стены поближе посмотрит, и поймёт, что зря этот поход затеял – ничего ему тут не светит. Может, так и одумается? Предложим ему торговлю на льготных условиях – новгородцы люди торговые, а все торговые – хорошо считать умеют. И убытки им не нравятся. А пока у них – только убытки. Вот и покажем им, что прибытков тут, в случае нападения, не будет. Пока посадки наши не пожгли ещё – есть шанс решить дело миром. Рюрик должен понять, что уйти целым отсюда ему не удастся. А дорога назад у него длинная, что по воде, что по земле. И он уже знает, что мы ему можем устроить на этом пути.

– Это ты правильно говоришь... Но не пойдёт к нам Рюрик – неместно ему будет. Надо для начала встретиться в стороннем месте.

– Посередине между нашим Кромом и его лагерем?

– Так будет лучше всего...

– Надо на всякий случай наготове конную дружину у ворот держать, да опытных стрелков на стены поставить. Новгородцы люди хитрые и ушлые. Как бы чего не удумали...

– Поставим и стрелков, и дружину приготовим. Я сам пойду на встречу. Ты с братом останешься. Синеус тут никто – на тебя вся надежда будет, ежели что.

– Хорошо, Княже. А, может, всё-таки мне на встречу пойти? Или вдвоём?

– Один пойду... Брат всё-таки родной... Горивоя только возьму. Да и если без него пойду, сразу подозрительно будет.

Отправили ответную грамоту с дожидавшимся новгородцем, и пошли завтракать. Пока ответ получим, много времени может пройти.

Через пару часов принесли ответное послание. Согласились на наше предложение полностью – встреча произойдёт на наших условиях, что несколько насторожило. Сколько не отговаривал Трувора от личного присутствия на этих переговорах – ничего не вышло. Никак не убедить было нашего князя – верил пока своему брату, несмотря на все его происки против него. Что же, чему быть – того не миновать.

Перед началом переговоров, я ещё раз вызвал всех сотников, и строго-настрого наказал быть полностью наготове. Ведь эти переговоры могут быть затеяны с целью отвлечь наше внимание от обороны. Штурманут нас втихую сзади и ага...

В моей же крепости я был уверен – Изяслав никому не даст слабину и всё там под полным контролем. Вчера обо всем на совещании обговорили, да и народ у нас в основном уже был опытный – в своих силах все были уверены.

Открылись ворота, и Трувор в сопровождении Горивоя и двух дружинников, выехал на встречу. Со стороны лагеря тоже отделилась группа воинов. Как ни напрягал я своё зрение и слух, ничего опасного или плохого не заметил. Пока всё шло по-честному. Перед закрывшимися воротами собрался отряд прикрытия – на всякий случай. Дружинники сидели в сёдлах – полностью готовые вылететь за ворота по первому тревожному сигналу.

Князя-братья сблизились и спешили. Сопровождающие их воины остановились ещё раньше, шагов за десять. Послушаем, о чём будет идти разговор. Постарался полностью отрешиться от посторонних звуков и сосредоточиться на происходящем. Вначале братья вроде бы мирно поздоровались, а вот потом, буквально с первой же фразы разговор начал обостряться.

– Зачем напал на нас? – Прямо в лоб спросил Трувор, не став разводить дипломатию.

– Забыл ты, для чего меня совет племён призвал? Земли объединить, и разор прекратить! Я, вас, братьев своих, в помощь себе взял, думал – поможете мне в этом деле трудном. А что оказалось? Что ты, что Синеус – свои городища, куда я вас посадил, укрепляете и народ у меня сманиваете. Синеус из Белозёрска ушёл – не по нраву ему там, уговорил меня ему Ладогу дать. Ладно – дал. Думал – всё. Так нет, и ты не захотел в Изборске сидеть, Плесков тебе по нраву. Подати не платите. Говорите, что нечем платить, а стены – вон, какие подняли, и торговля у тебя уже в разные земли идёт. Хоромы себе построили каменные. У меня таких нет. Посады стоят богатые, все стенами обнесены. Синеус на твоих товарах себе городище отстроил, а в Новгород ты жалкие остатки присылаешь, да и цены на товар задираешь...

– погоди, брат. Давай дальше не будем продолжать. Потому как вижу я, что большая обида твоими устами говорит. Мог бы я тебе ответить, что прошлым годом Старая Ладога дотла была сожжена, а варяги на Новгород не пошли. Помог ли ты чем-нибудь Синеусу? Нет... Да и мы приступ тогда же отбили – сколько людей у нас полегло... Думаешь, не знаем мы с братом, откуда у этого нападения уши торчат? Знаем. Как знаем и о том, о чём тебе бояре в эти уши поют. Да только не об этом сейчас хочу сказать. Постарайся меня услышать. Дружину, что ты собрал и под мои стены привел, я не боюсь. Если на приступ пойдёте – мало кто домой уйти сможет. Опять же, Новгород ты оставил без защиты. Это я тебе не угрожаю, а предупреждаю – сил его взять сейчас много не надо. Об этом ты подумал? Тебя сюда позвали, как ты мне сказал, мир принести на эти земли? Так что ж ты сюда с войском своим пришёл? Пока не поздно – давай лучше миром жить и торговать. Приглашаю тебя к себе в город – посмотришь, что мы успели сделать. Может, и сам захочешь подобное устроить у себя в городище?

– Вон ты как заговорил... Забыл, кому всем обязан?

– Не хочешь ты слышать меня... В последний раз говорю. Или решаем дело миром, и идём ко мне в город в гости, или все останетесь лежать навечно под этими стенами. И я не шучу. Будешь у меня в гостях – сам убедишься в этом.

Вижу, как нахмурился Рюрик на эти слова, как сжались в тонкую прямую линию губы князя. А ты что думал – в сказку попал?

– Подумать мне надо, с боярами посоветоваться.

– Подумай. Только бояр особо не слушай – добра это тебе не принесёт.

– А если Синеус ко мне на помощь подойдёт?

– Эх, брат, брат. Совсем тебе твои советчики голову задурили. Ничего-то ты не знаешь, что вокруг на самом деле происходит. Синеус уже у меня в городе. Я с тобой говорю и от его имени тоже.

Вскинул голову Рюрик, бросил взгляд на стены.

– Сговорились за моей спиной... – Скрипнул зубами.

– Я тебе всё сказал, что хотел, а ты думай. И думай хорошо. И ещё одно... напоследок. Не мы тебя, а ты нас извести хочешь. Для чего? Думаешь, мы не знаем? Знаем. Думай, брат, хорошо думай. Прощай.

Не подставляя спины, попятился Трувор к своим людям, вскочил на коня и, пришпорив его, рванулся к крепостным стенам. Пока не открылись ворота навстречу, и не пропустили князя внутрь, так и стоял князь новгородский на месте, провожая тяжёлым взглядом своего брата. Потом развернулся, взял коня под уздцы, и медленным шагом пошёл в лагерь.

Дальше я не стал смотреть, пора было спускаться вниз. Синеус уже был рядом с братом, терпеливо ожидая, пока тот спешится. Братья молча переглянулись между собой, обернулись ко мне.

– Пошли в терем, там и поговорим. – Позвал нас за собой Трувор.

Молча прошли до крыльца. Я шёл позади князей, отступив на несколько шагов. Интересно, какие выводы сделал князь из этого разговора?

Прошли в кабинет, притворили двери и расселись за столом.

– Что? – Не вытерпел Синеус.

– Всё так, как мы и думали. Жадность одолела. Ничего видеть и слышать больше не хочет. Пригласил его к нам в гости, как и говорили, но не знаю, не знаю... Воевать, как мне показалось, уже и не очень хочет. Не ожидал Рюрик таких стен увидеть, да и потрепали его по пути сюда знатно. Но, похоже, бояре ему здорово голову замутили. Так что нам остаётся только ждать.

Коротко пересказав весь разговор, Трувор замолчал, давая нам время осмыслить рассказ. Спустя несколько долгих минут тишину нарушил Ладожский князь.

– Выходит, что есть два пути. Или новгородцы продолжают воевать, или будут договариваться о мире?

– Выходит, что так. А ты что молчишь? – Придавил взглядом Трувор.

– А нечего мне сказать. Уточнить только могу. Сейчас расклад такой. Новгородцы войско собрали, обули, одели, вооружили, да ещё наёмников наняли. Припасы на дорогу, да плюс к этому – сама дорога. Всё это больших денег стоит. Прибавьте к этому уже понесённые потери. Каково

будет Рюрику, если он вернётся ни с чем домой? Не знаю... Ваш брат, вам виднее.

– Если пойдёт на приступ – потеряет всё. И Новгород, в том числе. Не пойдёт – дружину сохранит и городище. Вот только усидит ли после этого на столе новгородском? Поймут ли его бояре? – Поддержал меня Горивой.

– Гадать не будем. Подождём. Как примут новгородцы решение, так сразу и узнаем. – Подытожил разговор Трувор.

Обедали в напряжённом ожидании – воевать не хотелось никому. А уж тем более князьям с родным-то братом. После обеда я поднялся на стену и попытался послушать разговоры во вражеском лагере. Но ничего не узнал полезного. Разговоры воинов были неинтересны, а князь с боярами находился в своём шатре, и мне ничего не было слышно. Приходилось ждать.

До темноты новостей никаких не было, а вот поздно ночью в лагере новгородцев замечались судорожно факела, долетели до нас тревожные крики, перемежаемые звоном железа. Всю ночь наша дружина простояла в напряжённом ожидании на стенах, вслушиваясь в темноту. А утром, только начало светать, к воротам подскочил Рюрик и вызвал братьев. Пропустив князя в город, дружинники окружили Новгородского князя. Побитая броня, перевязанная правая рука, кровь на щеке. Выглядел Рюрик плохо. А уж если к этому прибавить красные воспалённые глаза и ввалившиеся щёки...

Бросив поводья дружинникам, спрыгнув с коня, поспешил навстречу братьям.

– Половина бояр взбунтовалась, попыталась наёмников на свою сторону переманить, рубили друг друга знатно. Верная мне дружина и бояре стоят в поле под стенами. Варяги домой собираются, но куда пойдут на самом деле – неизвестно. Может, на Ладогу – к тебе, брат. Вчера-то на сборе сказал я, что ты тут. Вот они и знают теперь, что Ладога стоит без князя и без дружины. С ними – остатки переметнувшихся бунтарей. Рубиться дальше с изменниками не стали – надо было остатки своей дружины сохранить. Воевать с вами не хочу. Простите меня, братья. – Склонил голову Рюрик.

– Много их? – Отозвался Синеус.

– Варягов осталось около пяти сотен, да изменников ещё столько же. Это вместе с ранеными. Уходить собираются морем.

– С тобой сколько воинов осталось? – Это уже Трувор.

– Дружины шесть сотен, да ополчение новгородское.

– Как только варяги отойдут, тебе надо домой поспешать изо всех сил. Ополчение доберётся само. Предупреди только, чтобы поселения наши не

разоряли по пути назад. Иначе – не дойдут, побьём всех. Наша дружина малая в хвосте идти будет и приглядывать за ними. Порядок у себя дома наведёшь, тогда и поговорим. Если не удастся тебе в Новгороде удержаться – вернёшься сюда. Договорились?

– Договорились, пойду я. – Оглянулся на ворота Рюрик. – Говорил мне Вольг – не лезь к Пскову. Да не послушал я... На бояр смотрел. Прощайте. Не знаю, свидимся ли ещё?

– Свидимся, брат. – Обнялись на прощание князя.

И, уже обращаясь ко мне, Трувор спросил:

– Что делать будем?

– Дай команду скорпионам – вести обстрел варягов, когда будут мимо башен проходить. Стрелки пусть со стен бьют по воинам. Синеус же быстро собирает своих людей, и грузится на мои ладьи. Добросим его до затона – пусть тоже идёт следом за нами. А мы пойдём вдогонку. Будем бить врага всю дорогу. Думаю – отобьём у них охоту воевать надолго. Если живой кто-то останется...

– Вы что, можете всю реку простреливать? – Удивился не успевший отойти, Рюрик.

– Можем. – Покосился на него Трувор.

– А почему же вы по нам не били?

– Не хотели лишнюю кровь лить. Надеялись, что одумаешься ты.

Опять потупился Рюрик, но ненадолго. Выпрямил голову, сверкнул глазами, посмотрел на наши стены.

– Вразумили боги не нападать. Да вот теперь и не знаю, чем всё закончится. – Задумался на миг. – Жена у меня на сносях. Надо спешить. Прощайте. Вольг там один в Новгороде остался, боюсь – сомнут его бояре.

Развернулся и пошёл назад.

Продолжение следует...